

sci_history
nonfiction

Феликс
Соломонович
Кандель

Очерки времён и событий из истории российских евреев [том 4] (1939 – 1945 гг.)

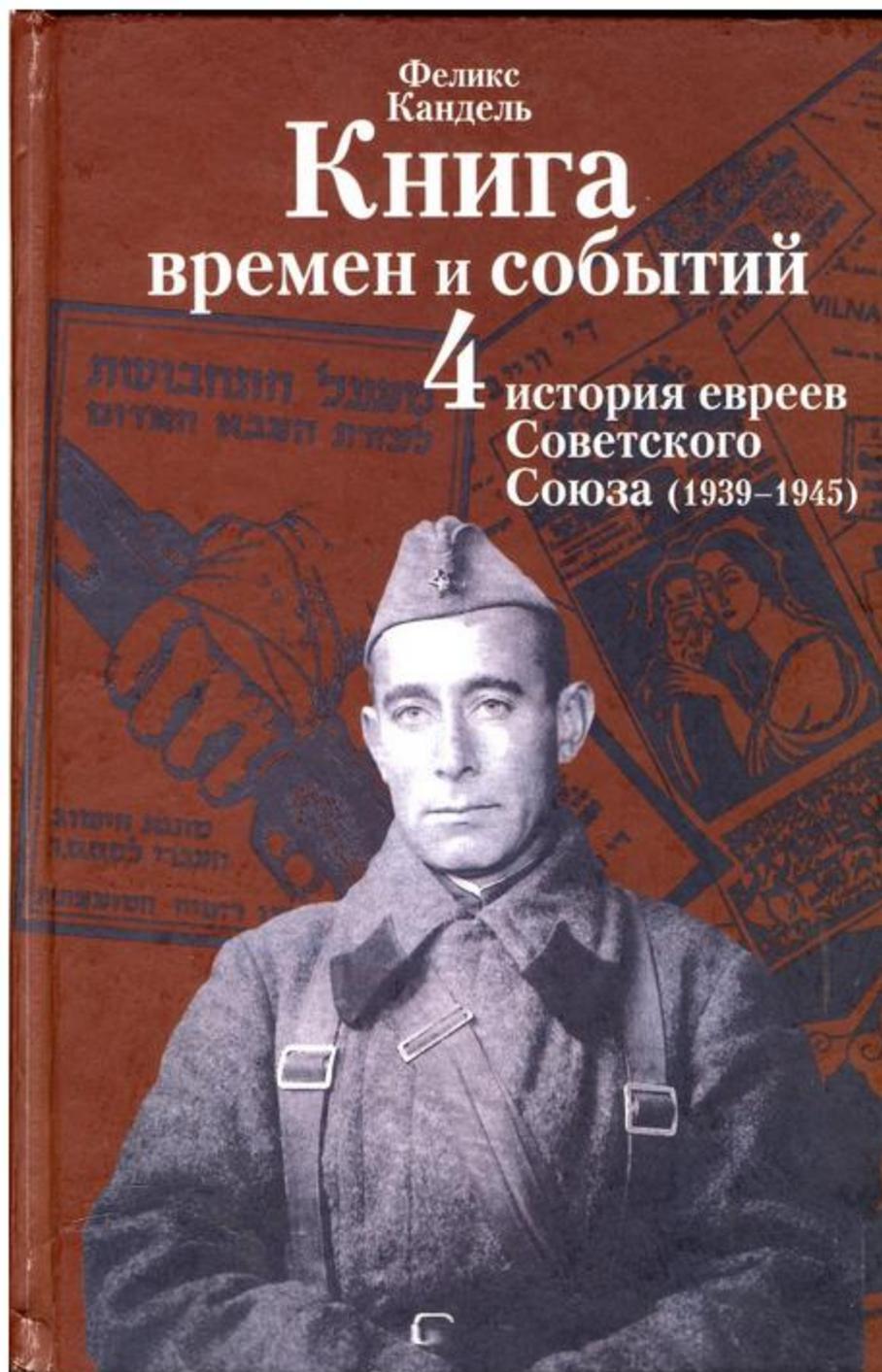
ru
ru

alexgor1

FictionBook Editor Release 2.6
07 April 2013
4726656A-B325-47D1-90B9-37008249B4BC
1.0

Очерки времён и событий из истории российских евреев [том 4] (1939 – 1945 гг.)
«Гешарим – Мосты культуры»
Иерусалим – Москва
2004
5-93273-158-3

КНИГА ВРЕМЕН И СОБЫТИЙ
ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

История евреев Советского Союза
1939 – 1945 гг.

Научный редактор Марк Кипнис

Эта книга – популярный рассказ об истории евреев Советского Союза – является дальнейшим продолжением работ того же автора. Эта книга о жизни евреев на территории СССР с 1939 по 1945 год – предвоенное время, Великая Отечественная война, жертвы и трагедии, которые пришлось на долю граждан страны Советов, героизм и самопожертвование, которые они выказали. И снова повторим, как это было уже во вступлениях к предыдущим книгам: автор не претендует на полное описание событий тяжелейшего периода в жизни страны. Невозможно назвать всех. Невозможно рассказать обо всех. В этой книге приводятся лишь еврейские имена – из великого множества имен бойцов и командиров разных национальностей, знаменитых и неизвестных, выживших или погибших на фронтах той войны, из великого множества имен людей разных национальностей, работавших в тылу для фронта, – вечный им почет и наша признательность. Да и еврейские имена невозможно перечислить, не упустив никого, – для этого недостаточны размеры одной книги, для этого недостаточны размеры многих книг. (Катастрофа европейского еврейства, уничтожение евреев нацистами на территории Советского Союза – это тема следующей "Книги времен и событий".)

События того времени по-разному отразились в документах противоборствующих сторон, в работах исследователей и в воспоминаниях очевидцев, – особенно это касается людских и материальных потерь в той войне; порой было трудно в этом разобраться, а потому возможны ошибки, которые автор постарается выявить и исправить в будущих изданиях "Книги времен и событий". И наконец, автор приносит благодарность составителям многих книг, указанных в библиографии, без которых эта работа была бы невозможна; особая благодарность тем, кто в годы строжайшей цензуры терпеливо и неприметно, без надежды на публикацию, собирал материалы о евреях в тылу и на фронтах Второй мировой войны.

Иерусалим, 2004 год

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Предвоенные годы

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Приход А. Гитлера к власти. Подготовка Германии к войне. Захват Австрии и Чехословакии

Приход А. Гитлера к власти оказал огромное влияние на судьбы народов всего мира, а потому прервем хронологическое повествование о жизни евреев Советского Союза и коротко расскажем о событиях в Европе в 1920–1930-х годах.

Германия потерпела поражение в Первой мировой войне, был свергнут кайзер Вильгельм II, и в стране установилось демократическое правление. На основании Версальского договора, подписанного по окончании той войны, побежденная Германия имела право содержать лишь небольшую армию, до ста тысяч солдат и офицеров – без авиации, подводного флота, крупных кораблей и тяжелой артиллерии; на немецких заводах запрещалось производить танки и броневики, самолеты, дирижабли и химическое оружие.

В апреле 1922 года в итальянском городе Рапалло советская Россия заключила договор с Германской республикой, и были установлены дипломатические отношения между двумя странами, которые отказались от взаимных экономических претензий. В 1926 году Советский Союз подписал с Германией двусторонний договор о ненападении; отношения между государствами были нормальными, существовало даже секретное соглашение о военном сотрудничестве, а потому на советских полигонах – в нарушение Версальского договора – тайно отработывали новые образцы вооружения германской армии, обучали немецких летчиков и танкистов.

К 1926 году изготовили в СССР и поставили Германии сотни тысяч снарядов для полевых орудий. В Липецке создали секретное авиационное училище, замаскированное под обычную эскадрилью Красной армии. Училище существовало около десяти лет на немецкие деньги, руководил им немецкий офицер, на немецких самолетах обучали летчиков из Германии, которые носили гражданскую одежду и не имели права рассказывать, где они были и чем занимались. Из училища в Липецке вышло не менее 120 прекрасно подготовленных пилотов истребительной авиации, прославившихся впоследствии в воздушных боях, а также 750 специалистов наземного технического персонала.

В 1926 году немцы тайно создали на свои средства танковую школу в Казани, которой командовал немецкий генерал. В классах и на полигоне обучались на немецких танках будущие командиры германской армии, среди них был и знаменитый полководец времен Второй мировой войны, командующий танковой армией на советско-германском фронте генерал-полковник Г. Гудериан. С 1926 года действовал на Волге, неподалеку от города Вольска, секретный научно-исследовательский центр, в котором специалисты из Германии отработывали способы применения отравляющих веществ с помощью артиллерии и авиации.

В 1930-х годах немецкие офицеры – будущие полководцы Браухич, Кейтель, Майнштейн – изучали в Советском Союзе теории стратегических операций, присутствовали на маневрах Красной армии и использовали затем эти знания во Второй мировой войне. Советские командиры – Тухачевский, Якир, Егоров, Федько, Примаков и другие – слушали лекции в Высшей военной академии Германии, присутствовали на полевых учениях немецкой армии, изучали образцы новейшей военной техники. Впоследствии большинство командиров Красной армии, обучавшихся в Берлине, обвинили в шпионаже и уничтожили в годы "большого террора" – их опыт пропал даром и не пригодился во время войны с Германией.

После окончания Первой мировой войны страны-победительницы основали Лигу Наций – всемирную организацию, которая по замыслу ее создателей должна была способствовать укреплению мира между народами, стать посредником и примирителем в международных конфликтах, предотвращать будущие вооруженные столкновения, защищать интересы малых стран и национальных меньшинств.

В основу работы Лиги Наций был положен принцип "коллективной безопасности", и страны, входившие в нее, договорились ни при каких обстоятельствах не заключать между собой сепаратные соглашения. Намерения были прекрасными, однако Лига Наций мало что изменила: если какая-либо страна желала действовать вопреки решениям этой организации, она выходила из нее. Одной из первых это сделала Япония; в 1931 году японцы покинули Лигу Наций и

приступили к поэтапному завоеванию "великого восточноазиатского пространства": сначала оккупировали Маньчжурию, а затем начали захватывать обширные китайские территории. В январе 1933 года главой правительства Германии стал А. Гитлер, который заявил в начале своей политической карьеры: "Немецкий народ должен обеспечить себе территорию и страну, которых он достоин", – другими словами, это был призыв к войне, к расширению жизненного пространства за счет других государств.

В 1933 году Германия отказалась участвовать в международной конференции по разоружению и тоже покинула Лигу Наций – после того, как эта организация осудила политику нацистов. В 1935 году восстановили в Германии обязательную воинскую повинность – несмотря на запрет, записанный в Версальском договоре, и численность немецкой армии приблизилась к миллиону солдат и офицеров. "Мы снова хотим оружия, – говорил Гитлер. – Поэтому всё, начиная от букваря ребенка и до последней газеты, каждый театр и каждое кино, каждый столб для плакатов и каждая доска для объявлений должны быть поставлены на службу этой единственной большой цели... Мы никогда не сдадимся, нет, никогда! Нас могут уничтожить, но, уничтоженные, мы увлечем за собой в пламени весь мир".

Гитлер шел к войне последовательно и устремленно и одновременно с этим постоянно утверждал, что он стремится к миру. Германия заключила с Польшей пакт о ненападении, подписала соглашение с Англией, пообещав не усиливать свой флот и не нападать на чужие колонии; эти пакты и эти соглашения ничего не стоили – не случайно фюрер заявил однажды: "Я готов гарантировать любые границы и соглашаться на договоры о ненападении и взаимопомощи с кем угодно... Еще не было такого пакта, чтобы одна из сторон рано или поздно не нарушила бы своих клятвенных обещаний. Вечных пактов не существует". Так говорил Гитлер, и так он поступал.

Дальновидные люди заранее предсказывали возможное развитие событий, и Д. Бен-Гурион, первый глава государства Израиль, предостерегал в то время: "Бедствие, выпавшее на долю немецкого еврейства, не ограничится одной Германией. Режим Гитлера грозит смертельной опасностью всему еврейскому народу, и не только еврейскому народу... Сегодня Германия не начнет войну, ибо она не готова. Но она готовится к завтрашнему дню... Кто знает, сколько времени отделяет нас от этого ужасного дня – может быть, четыре или пять лет".

3

В Германии шла интенсивная подготовка к войне, стремительно наращивалось производство танков, самолетов, артиллерии, подводных лодок; моторизованные пехотные части оснащались новейшим вооружением – автоматами, пулеметами, противотанковыми ружьями. Особое внимание уделяли подготовке будущих солдат, и Гитлер провозглашал: "Моя педагогика сурова. Вся слабость должна быть выбита. Мы вырастим молодежь, перед которой мир содрогнется в страхе. Мне нужна агрессивная, непоколебимая, жестокая молодежь... В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее глазах блеск хищного зверя. Таким образом я ликвидирую результаты тысячелетнего приручения человеческой расы".

По всей стране устраивали факельные шествия молодежи под трубы и барабаны военных маршей, со знаменами, подсвеченными прожекторами, и гигантскими транспарантами: "Сегодня нам принадлежит Германия, завтра будет принадлежать весь мир!" Разыгрывали на площадях многолюдные театральные представления о непобедимости немецкого народа и его оружия. Насаждали культ силы, "праведный фанатизм", жестокость и безжалостность к врагу, растворение личности в едином государственном объединении, абсолютное подчинение фюреру преданных исполнителей. Некий интеллигент, зачарованный выступлениями фюрера, рассказывал в газетной статье: "За последние годы, когда бы я ни слышал этот голос, я переживал одно и то же. Мне всегда казалось, что он обращен лично ко мне. Ко мне, безымянному среди миллионов слушателей, обращался этот голос. Чтобы обратить меня к лучшему, чтобы осветить мой путь, чтобы сделать меня Немцем. Этот голос проник непостижимо в глубины моей души, сорвал затворы, за которыми таилась моя вера, распахнул сокровенные двери, расплавил своим пламенем все мои сомнения, подавил во мне трусливого пса и пробудил героя, готового к подвигу".

Немецкая пропаганда прославляла арийского "сверхчеловека", внедряла ритуалы и символы нацистской идеологии – форму, свастику, присягу, песни, марши, лозунги: "Долой трусливый

пацифизм!", "Один народ, одна империя, один фюрер!", "Германия, пробудись!". В сборнике "Ауфштанд" ("Восстание") молодые националисты разъясняли читателям: "Германия – это центр мира, без Германии мир не может существовать..." – "Германия должна восстановить империю... заполнить пространство... включить в германскую зону те восточные и южные части Европы, народы которых неспособны стать нацией..." – "Только германцы призваны править миром..." Будущие солдаты маршировали под звуки маршей, пели в колоннах: "Мы пройдем по руинам чужих городов...", с воодушевлением выполняли приказы командиров; наблюдатели-иностранцы отмечали: "Для молодежи, не побывавшей в бою, не слышавшей взрывов, война опять стала романтической... Германия принялась маршировать..." – "Русского надо запихивать в строй, немец спешит в него по доброй воле. Гитлер предоставил немцам замечательную возможность сколь угодно заниматься этим извращением".

Миллионы немцев с восторгом приветствовали новый режим, который – по их понятиям – восстановил национальную гордость страны, погранную поражением в Первой мировой войне. Со слезами счастья на глазах они поднимали руку для приветствия: "Хайль Гитлер!", и очевидец свидетельствовал: "Это был массовый психоз. Видя патологический экстаз, охвативший народ, славившийся своей работоспособностью, огромными техническими и организационными талантами, я с тревогой думал о будущем Европы".

Й. Геббельс, из дневника: "Фюрер видит совершенно ясно: Соединенные государства Европы под немецким руководством... Тогда мы запасаемся землей на сто лет вперед..." – "Мы не хотим вскармливать эти народы, чехов и прочий сброд, наоборот, мы их однажды изгоним. Нам не нужны эти народы, нам нужны их земли".

Л. Троцкий: "Двадцатый век является наиболее беспокойным веком в истории человечества. Современники, жаждущие мира и комфорта, выбрали неудачное время для своего рождения".

4

Лидер фашистской партии Италии Б. Муссолини говорил: "Нам необходимо проложить путь через насилие, через жертвы, через кровь, чтобы установить порядок и дисциплину, столь желаемые массами".

Муссолини объявил о возрождении Римской империи, и в октябре 1935 года Италия начала боевые действия против Эфиопии, государства на северо-востоке африканского континента. Итальянская армия применяла отравляющие газы – запрещенные виды оружия, от которых погибли десятки тысяч человек; Лига Наций признала Италию агрессором и применила против нее экономические санкции; Великобритания также осудила нападение на Эфиопию, однако англичане не закрыли Суэцкий канал для прохода итальянских кораблей. Закрытие канала привело бы к военному конфликту между Италией и Великобританией, но англичане не хотели начинать войну, а потому Италия доставляла кратчайшим путем в Эфиопию подкрепление и боеприпасы при молчаливом согласии британского правительства.

Европейские страны желали избежать войны любыми способами, и Гитлер этим воспользовался. В 1935 году фюрер провел голосование жителей Саарской области, обладавшей особым статусом после Первой мировой войны, и присоединил ее к Германии; в марте 1936 года немецкие войска вошли в демилитаризованную Рейнскую область на границе с Францией – вопреки Версальскому договору.

В мае того же года итальянские войска заняли столицу Эфиопии Аддис-Абебу, и Муссолини провозгласил итальянского короля императором Эфиопии. Арабский мир оценил это не только как победу над отсталыми африканскими племенами, но и над великой, "непобедимой" Великобританией, "защитницей евреев". Заговорили о том, что "рука неверных, подавляющая мусульман", уже не всесильна, и в арабской газете написали: "Все арабы без исключения страстно молятся о скорейшем начале войны, которая освободит нас от ярма западных держав".

Х. Вейцман, первый президент государства Израиль (из книги воспоминаний): "Слабость, проявленная Францией при захвате Гитлером Рейнской области, нерешительность Англии, когда Муссолини направил свои военные корабли через Суэцкий канал, – всё это создавало у арабов впечатление, что у демократических держав можно вырвать уступки только силой. В 1936 году в Палестине вспыхнуло арабское восстание..."

В 1936 году Гитлер и Муссолини подписали соглашение о военном и политическом сотрудничестве: так образовалась "Ось Берлин–Рим" – "для сплочения всех европейских стран

ради сотрудничества и мира". Затем Германия и Япония создали Антикоминтерновский пакт для борьбы с Коммунистическим Интернационалом; к пакту присоединились Италия, Испания, Венгрия, Румыния и другие страны Европы. В 1936 году началась гражданская война в Испании, которая продолжалась три года; Германия и Италия поставляли генералу Франко пушки, самолеты, танки, стрелковое оружие, а в республиканской армии воевали советские летчики, танкисты и пехотинцы, из СССР присылали вооружение и политических советников. Яков Смушкевич руководил противовоздушной обороной Мадрида, сбивал самолеты противника и заслужил звание Героя Советского Союза. Младший лейтенант Абрам Абрамович, командир танкового взвода Интернациональной бригады, был награжден орденом Красного Знамени за бои под Гвадалахарой; в боях под Мадридом он возглавил наступление и погиб – звание Героя Советского Союза ему присвоили посмертно "за боевые успехи, мужество и героизм". А. Абрамовича и экипаж его танка – водителя Ф. Коврова и стрелка А. Никонова – похоронили в братской могиле вместе с испанскими бойцами-республиканцами.

В конце 1937 года Гитлер созвал на совещание руководителей нацистской партии, высших чинов армии и ознакомил со своей программой на будущее: германский народ велик, территории его недостаточны, а потому следует захватить Австрию, затем Чехословакию, Польшу и открыть путь на восток. Так это началось: в марте 1938 года немецкие войска вошли в Австрию, и Гитлер провозгласил "аншлюс" – воссоединение этой страны с Германией. "Моя неизменная воля, – говорил он, – уничтожить Чехословакию силой оружия в ближайшем будущем", но воевать для этого не пришлось.

Премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен проводил политику "умиротворения", и в сентябре 1938 года главы правительств Великобритании, Франции, Германии, Италии встретились в Мюнхене и подписали соглашение. Вернувшись в Лондон, Чемберлен гордо провозгласил: "Я привез вам мир!" Вскоре после этого – на основании Мюнхенского соглашения – Германия забрала у Чехословакии Судетскую область, населенную в основном немцами. В марте 1939 года Словакия вышла из состава Чехословакии, провозгласила себя независимой республикой и подписала договор с Германией, попав под полный ее контроль. На другой день немецкие войска оккупировали Богемию и Моравию, объявив их протекторатом Германии, – с этого момента Чехословакия перестала существовать.

Х. Вейцман: "Ни евреи, ни чехи никогда не забудут слова, произнесенные Чемберленом по поводу оккупации Гитлером чешской столицы. Почему Англия должна рисковать ради спасения "далекой страны, о которой мы почти ничего не знаем и язык которой не понимаем?" Эти слова были покорно проглочены понятливым парламентом, многие депутаты которого отлично знали, что Чехословацкая республика являлась бастионом свободы и демократии в Европе и сохранение ее имело огромное значение для западных держав. Не говоря уже о прочем, слова Чемберлена были оскорбительны для всего чешского народа, и, помнится мне, я тогда подумал: если уж так говорят о чехах, то чего ждать евреям!.."

После оккупации Чехословакии немцы получили предприятия "Шкода" – один из крупнейших центров производства вооружения в Европе. К лету 1939 года сухопутные силы Германии превысили три с половиной миллиона человек; в немецкой армии было 3000 танков, 4000 самолетов, 25 000 орудий, и Гитлер заявил на совещании высших чинов государства: "Наши враги – это люди посредственные, не люди действия, не повелители. Они просто червяки... Нельзя терять времени. Война должна быть, пока я жив".

***

А. Гитлер провозгласил в 1922 году: "Мы заканчиваем вечное движение германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на востоке... И когда мы сегодня говорим о новой земле в Европе, то мы можем думать только о России и подвластных ей окраинах. Сама судьба как бы указала этот путь... для приобретения необходимой территории германскому народу". На вновь завоеванных землях нацисты предполагали установить "новый порядок" и заранее разрабатывали его принципы. Из "секретного документа государственной важности" "Некоторые мысли об отношении к чужим народам на Востоке": "Для местного населения на Востоке не следует создавать иного образования, кроме четырехклассной начальной школы.

Такая школа должна обучить простому арифметическому счету максимум до 500 и умению написать свое имя. А главное, она должна внушить детям, что подчинение немцам, честность, прилежание и послушание – это священный закон. Умение читать считаем необязательным". М. Борман, глава нацистской партии: "Славяне должны работать на нас. Если они нам более не понадобятся – пусть умирают... Размножение славян нежелательно. Обучение их – опасно. Достаточно, если они будут считать до ста... Религию мы им оставим как отвлекающий фактор. Что же касается продовольствия, то они получают лишь крайне необходимое. Мы – господа, и всё в первую очередь должно поступать к нам". На эту же тему неоднократно говорил и Гитлер: "Никаких прививок и профилактических мероприятий для туземцев!.. Нет необходимости обучать их чему-нибудь большему, чем, скажем, дорожные знаки. Сведения по географии можно свести к единственной фразе: "Столица Рейха – Берлин, город, который каждый должен посетить хотя бы раз в жизни".

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Советско-германский пакт. Раздел Польши. Евреи-беженцы. "Фашистов перестали называть фашистами..."

1

После прихода Гитлера к власти отношения между Германией и Советским Союзом резко обострились и прекратилось военное сотрудничество. Германия начала усиленно вооружаться, объясняя эти действия защитой от "большевистской угрозы"; Гитлер произносил воинственные речи: "Я ставлю себе срок в шесть-восемь лет, чтобы совершенно уничтожить марксизм"; советский посол сообщал из Берлина, что в поступках фюрера просматриваются "три пункта помешательства: вражда к СССР, еврейский вопрос и аншлюс". В ответ на это советские газеты клеймили "нацистское мракобесие и агрессивную природу гитлеризма", но несмотря на официальную пропаганду, контакты между двумя странами сохранялись, и немецкий дипломат отметил: "Мы замечали у многих советских лидеров глубокую и неизменную ностальгию о былых днях германо-советского сотрудничества". И. Сталин, по всей видимости, заранее планировал соглашение с Германией, и не случайно он заявил с трибуны партийного съезда: "Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной". Вождь в Кремле был тверд, спокоен и непоколебим. Он знал, что следует делать, и никогда не ошибался. Его славословили рабочие и колхозники, инженеры и академики, писатели и поэты: "Власть гения – это прекрасная власть..." Ему посылали приветственные обращения с неисчислимых митингов-собраний-заседаний: "Родному отцу, учителю, великому продолжателю дела Ленина, гениальному вождю всех времен и народов!" Журналисты восторгались на страницах газет после очередной демонстрации: "Отцы, матери, дети плечом к плечу шагают в колоннах и поют песни о любимом Сталине... Счастьем светятся лица демонстрантов: "Спасибо тов. Сталину за счастливую и радостную жизнь!" Очевидцы захлебывались от радости при его появлении в президиуме: "Я аплодирую... Руки уже болят... Я продолжаю аплодировать... Сталин! И я – всего в двадцати метрах от него. Представляете себе, что это значит? Я не смотрю уже никуда больше. Все мое зрение сосредотачивается только на одном человеке – Сталине!"

Партийная идеология навязывала гражданам страны разрешенный и утвержденный образ жизни, карательная система НКВД ставила под контроль мысли и поступки каждого человека, выискивая и изолируя "скрытых" врагов народа. Уже были уничтожены многие большевики, которые знали Сталина с дореволюционных времен, – вождя окружали теперь верные соратники, обязанные ему своим высоким положением; никто не осмеливался обсуждать его решения, тем более, подвергать их сомнениям. Вождь в Кремле увенчал пирамиду партийной иерархии, которая не помышляла о том, чтобы иметь собственное мнение: это было уже не нужно и это было опасно. Д. Волкогонов, историк: "Добившись в конце концов безграничной власти... Сталин лишил себя путей, способов интеллектуального "питания". С ним не спорили. Мало предлагали. Соглашались. Поддакивали. Для Сталина это были просто высокопоставленные функционеры, исполнители его воли. Не больше".

Подобные отношения складывались у начальников с подчиненными на разных уровнях власти, и иностранный журналист отметил: "Эти осторожные, расчетливые, угодливые и нервные лицемеры в государственном аппарате, в партии, в профсоюзах и прочих организациях тщательно взвешивали свои шаги, боязливо оглядывались и громко заявляли о своей верности; с молитвенной монотонностью они повторяли слова официальной пропаганды и в возмещение за это изо всех сил старались получше поесть, выпить, потанцевать и вообще – пожить роскошно, насколько это позволяли улучшившиеся материальные условия".

Л. Троцкий: "Власть Сталина представляет собой современную форму цезаризма. Она является почти незамаскированной монархией, только без короны и пока без наследственности..." И. Солоневич, эмигрант (из книги "Россия в концлагере"): "Нельзя представлять себе дело так, что с одной стороны существуют беспощадные палачи, а с другой – безответные агнцы. Палачи – тоже рабы".

Партия и вождь были непогрешимы, а от остальных требовалось провозглашать лозунги, не вдумываясь в их смысл, и заменять их на новые по первому требованию. Сталин обладал неограниченной властью и потому мог себе позволить самые невообразимые повороты во внутренней и внешней политике государства, которые разъясняли затем искусственные пропагандисты и принимали – порой не без колебаний – граждане Советского Союза.

2

К началу 1939 года появились явные признаки сближения между Москвой и Берлином: шли закулисные переговоры и выяснения интересов, завершались годы подозрений и открытой вражды между двумя диктатурами. В мае того года сняли с поста наркома иностранных дел М. Литвинова – сторонника проанглийской ориентации, который выступал за организацию международного коллективного отпора нацистской агрессии. У. Черчилль: "Еврей Литвинов ушел, и было устранено главное предубеждение Гитлера. С этого момента германское правительство перестало называть свою политику антибольшевистской". Начали очищать от евреев Главное разведывательное управление Красной армии, наркоматы иностранных дел и внешней торговли; закрыли в Москве газету немецких антифашистов, а ее редактора арестовали; в Берлине, на встрече с советскими дипломатами, ответственный немецкий сотрудник похвалил положительные изменения "в русском большевизме за последние годы... особенно с тех пор, как Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию".

Летом 1939 года проходили в Москве безрезультатные переговоры с военными представителями Великобритании и Франции, которые хотели заручиться поддержкой Советского Союза в преддверии войны с Германией и не подозревали о том, что вскоре произойдет. 20 августа Гитлер послал Сталину телеграмму: "Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой... Еще раз предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее – в среду, 23 августа".

В тот день, 23 августа 1939 года, в обстановке строжайшей секретности прилетел в Москву министр иностранных дел Германии И. Риббентроп, – даже члены Политбюро не догадывались о цели его приезда. На аэродроме Риббентропа встречали советские официальные лица и сотрудники немецкого посольства в Москве. Вслед за ним вышла из самолета группа гестаповцев, которые пожимали руки работникам НКВД, и один из немецких дипломатов прошептал другому: "Посмотри, как они улыбаются друг другу. Это они радуются, что могут,

наконец, работать сообща. Ужасно даже подумать об этом. Только представь себе, что они начнут обмениваться своими досье!"

В тот же день начались переговоры – с советской стороны в них участвовали И. Сталин и председатель Совета народных комиссаров В. Молотов; Риббентроп передал им послание от Гитлера, в котором было сказано, что "отныне все проблемы Восточной Европы являются делом Германии и России". В ходе переговоров Сталин потребовал, чтобы Советскому Союзу предоставили военно-морские базы в Либапе и Вентспилсе, латвийских портах на Балтийском море; Риббентроп отправил Гитлеру телеграмму – "Срочно! Вне очереди!", чтобы получить на это разрешение; фюрер посмотрел на карту и сразу же сообщил: "Да, согласен".

Из воспоминаний сотрудника немецкого посольства в Москве: "Несколько раз я должен был запрашивать согласие Гитлера на изменения в тексте договора, в первую очередь – на небольшие перемещения границ. Удивляла стремительность, с какой Гитлер давал свое согласие, чтобы как можно скорее заручиться договором".

Переговоры шли успешно и не заняли много времени; в ночь на 24 августа Молотов и Риббентроп подписали Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом сроком на десять лет. В нем было сказано среди прочего, что договаривающиеся стороны "обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга" и не будут "участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны". Молотов и Риббентроп утвердили также дополнительный секретный протокол о границе "сфер интересов" в Восточной Европе: Польшу предполагали разделить между СССР и Германией "приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан"; Финляндия, Эстония, Латвия и Бессарабия входили в сферу советских интересов, Литва попадала в сферу интересов Германии. После подписания договора Сталин произнес тост в честь Гитлера: "Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье!"

Риббентроп был восхищен оказанным ему приемом: "Я чувствовал себя в Кремле как среди старых партийных товарищей". На другой день после подписания договора в берлинской газете с восторгом сообщили: "Восемьдесят миллионов немцев и сто восемьдесят миллионов русских! Их союз создаст блок, представляющий собой величайшую военную и индустриальную силу в мире, империю, раскинувшуюся на величайших жизненных пространствах Европы и Азии..." Многие деятели нацистской партии в Германии оказались застигнутыми врасплох и протестовали против "сговора с иудо-масонскими негодьями", однако Гитлер был чрезвычайно доволен результатами московских переговоров: теперь он не опасался войны на два фронта, и ничто не мешало Германии начать военные действия.

Советский посол сообщал из Лондона: появление Риббентропа в Москве вызвало "величайшее волнение в политических и правительственных кругах... Удивление, растерянность, раздражение, страх. Сегодня утром настроение было близко к панике".

3

Назавтра вся страна узнала из газет о подписании советско-германского договора. Западные корреспонденты телеграфировали из Москвы: "Русские были ошарашены и никак не могли привыкнуть к такому внезапному повороту событий..." – "Этот наитруднейший из национальных кризисов был оставлен в газетах почти без внимания, о нем сообщали вскользь. Передовая статья газеты "Правда" была посвящена овощам..."

Перед изумленными деятелями Коминтерна выступил в Москве ответственный докладчик и провозгласил тезисы новой советской политики: "Империалисты хотели повернуть немецкие войска на восток... Но предвидением нашего гениального кормчего товарища Сталина преступный маневр, затеянный империалистическими псами, провалился благодаря подписанию этого договора".

Эмигранты-антифашисты, находившиеся в СССР, вспоминали впоследствии: "Публикация фотографий, на которых большевики улыбались нацистам... повергла нас в состояние великого смятения..." – "Нужно было мобилизовать всё свое марксистское мышление... чтобы ускользнуть от глубоких угрызений совести..." – "Шок был настолько велик, что в первые часы мы не могли говорить об этом... Совершалось нечто постыдное, и через это постыдное нам

долго не удавалось перешагнуть..." – "Присутствовал ли Каганович при подписании договора? Чокался ли нацист с евреем?.."

То были годы "большого террора". Граждане страны Советов прекрасно помнили, как незадолго до этого обвинили в преступных связях с германской разведкой и расстреляли маршала М. Тухачевского, командармов первого ранга И. Уборевича и И. Якира, других прославленных командиров Красной армии. За шпионаж в пользу Германии и ее союзницы Японии уничтожили виднейших государственных, партийных, военных деятелей – и неожиданно, в один день фашистский режим Гитлера превратился в "друга и союзника" СССР. Советские граждане опасались высказывать вслух свои сомнения, замешательство и озабоченность; говорили лишь о том, что "сталинское руководство знает, как следует поступать... Сталин не совершает ошибок... Это политика, выбранная Сталиным, значит, так и должно быть".

Из воспоминаний современника: "Все эти годы казалось несомненным, что единственным врагом нацистов был Советский Союз... Подлость Гитлера почти так же свято принималась на веру в нашей стране, как и непогрешимость Сталина. Наши советские дети играли в фашистов и коммунистов... В тирах мишенями часто служили силуэты в коричневых рубашках со свастикой... Только когда мы увидели кинохронику и газетные фотографии, на которых Сталин и Риббентроп, улыбаясь, пожимали друг другу руки, мы начали верить в невероятное. Свастика, серп и молот развевались рядом друг с другом на знаменах в Москве".

31 августа 1939 года состоялась сессия Верховного Совета СССР, на которой В. Молотов заявил: "Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную нам политику... Сегодня, однако, обстановка изменилась и мы перестали быть врагами". Депутаты Верховного Совета единогласно проголосовали за ратификацию советско-германского договора. Через несколько часов после этого, ранним утром 1 сентября 1939 года немецкие войска вошли в Польшу и за три недели захватили всю страну: это был "блицкриг" – "молниеносная война", объединенные, согласованные действия авиации и бронетанковых войск. У Польши существовали договоры о взаимной помощи с Францией и Великобританией, а потому эти страны объявили войну Германии – так началась Вторая мировая война. 17 сентября 1939 года подразделения Красной армии пересекли польскую границу – несмотря на договор о ненападении между двумя странами. Советские войска вошли в Польшу на последнем этапе германо-польской войны, практически без боев, и сообщения в газетах следовали одно за другим: "Вчера части Красной армии заняли Гродно, Львов, Ковель..." – "За четыре дня взято в плен более шестидесяти тысяч польских солдат и офицеров..." – "Красная армия заняла города Холм, Рава-Русская, Самбор..." – "Население сел и городов с ликованием встретило своих освободителей..."

На другой день после вторжения в газете "Правда" появилось официальное разъяснение: "Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей... Советское правительство не может безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными". Нацистская газета откликнулась на это событие такими словами: "Мы безгранично приветствуем решение Москвы..."

Так произошел раздел Польши между Германией и СССР; территории Восточной Польши отошли к Советскому Союзу, и по окончании операции прошел в Бресте совместный военный парад, в котором участвовали подразделения Красной армии и немецкого вермахта.

Великобритания с Францией могли бы объявить войну и Советскому Союзу, но этого не произошло, и формально СССР соблюдал нейтралитет в борьбе "империалистических держав".

28 сентября 1939 года Риббентроп вновь приехал в Москву и подписал с Молотовым новый секретный Договор о дружбе и границе. Советский Союз возвратил Германии занятые территории Польши с преимущественным польским населением, а взамен Германия признала Литву сферой советских интересов; Сталин и Риббентроп поставили подписи на карте, утвердив измененные границы интересов двух стран. 31 октября того года Молотов сказал на сессии Верховного Совета СССР: "За последние несколько месяцев такие понятия, как "агрессия", "агрессор"... приобрели новый смысл... Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за "уничтожение гитлеризма", прикрываемую фальшивым

флагом борьбы за "демократию..." – "О восстановлении старой Польши, как каждому понятно, не может быть и речи".

В декабре 1939 года в Советском Союзе торжественно праздновали шестидесятилетие со дня рождения Сталина. Среди прочих юбиляра поздравили Гитлер и Риббентроп; в ответном послании Риббентропу было сказано: "Благодарю Вас, господин министр, за поздравление. Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной. И. Сталин".

4

На польских территориях, захваченных немцами в 1939 году, оказалось около двух миллионов евреев. Эти территории разделили на две части: западные земли присоединили к Германии, а восточные назвали Генерал-губернаторством, включили в его состав Варшаву, Краков, Люблин и прислали наместника из Берлина. Советский Союз и Германия договорились о взаимном обмене "граждан украинской, белорусской и румынской национальностей" на немецкое население занятых территорий, а евреям пришлось самостоятельно решать, в какой части Польши им оставаться. Одни из них не ожидали ничего хорошего от нацистского режима и уходили с запада на восток, другие опасались преследований советской власти и уехали с востока на запад.

Поток беженцев на восток значительно преобладал; в Берлине это приветствовали, требовали принять "все меры для ускорения эмиграции евреев", а потому нацисты всячески способствовали их уходу из Генерал-губернаторства. В декабре 1939 года военные власти докладывали в Берлин: "Выдворение евреев на русскую территорию проходило не так гладко, как, вероятно, ожидалось. К примеру: в тихом месте, в лесу, тысячу евреев выдворили на русскую сторону; в пятнадцати километрах от этого места их вернули к границе, и русский офицер пытался заставить немецкого офицера принять их обратно". Порой немцы – воспользовавшись соглашением об обмене населения – регистрировали евреев как украинцев или белорусов "иудейской веры", чтобы отослать на советскую сторону, но их там не принимали. Москва даже заявила официальный протест о "насильственной переброске через границу на советскую территорию значительных групп еврейского населения – до пяти тысяч человек и более. При попытке обратной переброски этих людей на германскую территорию немецкие пограничники открывают огонь, в результате чего десятки людей оказываются убитыми".

Из свидетельства беженцев (зима 1939–1940 года): "На двухкилометровой нейтральной полосе в течение декабря, января, февраля и марта – под голым небом, на ветру и морозе, под снегопадом – располагались обозом толпы беженцев, укрытых перинами и одеялами, жгущих по ночам костры либо стучащих в крестьянские хаты с просьбой о помощи... За переправу через Буг на советскую сторону платили одеждой, драгоценностями, долларами..." – "Был декабрьский мороз. В ту ночь скончалось четверо детей. И тогда мама решила спасти хотя бы меня. Мне было четыре года, но я помню это до сих пор. Меня одели тепло, мама положила в карман записку с именем и адресом отца, который уехал первым, и сказала: "Иди сам – вперед и вперед, пока не доберешься до первой деревни". Я перешел границу. Помню русского солдата: он меня не задержал, пропустил, только выругался. Я шел очень долго, а когда добрал до деревни, было уже темно. Я стоял на улице и плакал. Какая-то женщина завела меня в дом, накормила супом и положила спать. Наутро она поехала со мной в Белосток искать моего отца..."

Новые границы охранялись поначалу не очень тщательно, и один из беженцев вспоминал: "Я провел в Белостоке год и за это время трижды переходил из советской зоны в немецкую... желая успокоить маму, что я жив и здоров". Но вскоре положение изменилось. Органы НКВД проводили облавы в приграничных деревнях, вылавливали беженцев и возвращали их обратно в немецкую зону; отправляли через границу и "социально чуждые элементы", а также больных, престарелых, неспособных к труду. Беженцам предлагали завербоваться на тяжелые физические работы на севере СССР либо также попасть в принудительную высылку; многие требовали, чтобы их отправили в демократические страны либо в Палестину, но их возвращали в зону немецкого правления, или – как тогда отмечали на советских картах – в "область государственных интересов Германии". В конце 1939 года в СССР ужесточили закон о

нелегальном переходе границы и пойманных беженцев стали посылать также в лагеря заключения.

Все жители присоединенных польских земель автоматически получили советское гражданство; когда перед беженцами поставили обязательное условие – тоже стать советскими гражданами, это увеличило поток евреев из СССР. Одни опасались ареста за принадлежность к какой-либо политической партии, другие не желали расставаться со своими сбережениями; были и такие, что перешли на советскую территорию во время массового бегства и стремились теперь вернуться домой, к родным. Во Львове, возле немецкого пункта регистрации, стояли длинные очереди, и кое-кто даже предлагал взятки немецким офицерам, чтобы получить разрешение на въезд в Генерал-губернаторство, а затем уйти на Запад через румынскую границу.

Беженцы, получившие советское гражданство, продолжали оставаться под подозрением: в их паспортах существовала специальная пометка, за ними внимательно наблюдали органы НКВД, их обвиняли в "антисоветской клеветнической агитации", ограничивали свободу передвижения, не разрешали жить возле западной границы и в больших городах. Часть беженцев осела в присоединенных районах Западной Украины и Западной Белоруссии, но многих из них – особенно тех, кто не принял советское гражданство, – повезли на восток, на спецпоселение.

Из воспоминаний (город Витебск): "Помню, мы бегали в клуб, где они сидели на узлах, как на вокзале. У них был особый, не "наш" вид, их отличала элегантная европейская одежда... Эти люди вызывали одновременно и восхищение, и острую жалость. Многие из нас выражали свое сочувствие посильной помощью: приносили в клуб одеяла, подушки, посуду. Моя мама, вздыхая, горевала: "От какой жизни бежали и к чему, бедные, пришли!" – и отнесла в клуб мой любимый голубой плед. А Блюма ядовито и зло пресекала мамины сочувственные слова: "А что их жалеть? Буржуи! Буржуи и есть. Вы что, разве по ним не видите?.."

5

В 1930-е годы советская пропаганда осуждала расовую политику правителей Германии, их "каннибальский" антисемитизм и клеймила антиеврейские законы, принятые "фашистским рейхстагом" в Нюрнберге. Высказывания в газетах и книгах отражали политику того времени: "в фашистском аду", "беснующиеся варвары", "антисемитское бешенство коричневых дикарей", справлявших "кровавые оргии по всей стране". Объединили понятия "капитализм" и "фашизм" и провозглашали в лозунгах: "В странах капитализма, в странах фашизма миллионы рабочих и крестьян обречены на голод, нищету и безработицу. Долой фашизм! Долой капитализм! Да здравствует советская власть во всем мире!" В 1938 году в газете "Правда" высмеяли утверждение Гитлера, будто евреи захватили власть в СССР: "Советское государство, по Гитлеру, управляется "небольшой еврейской интеллигентной группой". Бедный фюрер со своим чувством преследования. Он уже истребил евреев вокруг себя, а теперь они ему мерещатся в других странах".

Затем началось сближение с Германией, и еврейская тема стала исчезать со страниц книг и газет. Изъяли из употребления граммофонную пластинку с речью В. Ленина "О погромной травле евреев". Из таблицы геометрических фигур учебника математики убрали пересекающиеся треугольники – "националистический сионистский знак". Не разрешили к опубликованию "Сказку" М. Горького, которая начиналась таким образом: "В некотором царстве, в некотором государстве жили-были евреи – обыкновенные евреи для погромов, для оклеветания и прочих государственных надобностей..."

После подписания советско-германского пакта с экранов кинотеатров и с театральных сцен убрали антифашистские фильмы и спектакли, в газетах и книгах исчезли упоминания о расистской идеологии нацизма и преследовании евреев в Германии; на лекциях и собраниях перестали обличать "фашизм" и "гитлеровский режим", а взамен этого заговорили об "англо-французских поджигателях империалистической войны", которые "делают всё для усиления войны, для распространения ее на другие страны". Современники свидетельствовали: "В один из воскресных дней прямо из Берлина транслируется выступление Гитлера. Прикованные к радиоприемникам москвичи в течение двух часов с недоумением слушают испуганные выкрики нашего "союзника"..." – "Многое представлялось необъяснимым, диким, противоестественным... Фашистов перестали называть фашистами – ни в печати, ни в мало-

мальски официальных докладах и речах найти это слово стало невозможно... Да, нелегко было понять, что к чему!"

Цензура запретила более четырех тысяч "антигерманских" произведений литературы и искусства; даже о знаменитом Ледовом побоище – победе Александра Невского над немецким рыцарским орденом – предпочитали не упоминать. Не допустили к постановке пьесу П. Маркиша "Клятва" в московском театре ГОСЕТ – о еврейской семье, которая бежала из Германии в Палестину. Не позволили кинорежиссеру С. Эйзенштейну снять фильм о деле М. Бейлиса, так как эта тематика "не представляет интереса". По указанию свыше, Эйзенштейн поставил в Большом театре оперу Р. Вагнера "Валькирия" – любимую оперу Гитлера; побывав на премьере, немецкие дипломаты назвали спектакль "еврейско-большевистским", и вскоре "Валькирию" сняли с репертуара.

Немецкий посол сообщал из Москвы: "Советское правительство делает всё возможное, чтобы изменить отношение населения к Германии. Прессу как подменили... Антинемецкая литература изымается из книжной продажи..." Из магазинов и библиотек изъяли книгу, в которой упоминалось о распространении в Германии "Протоколов сионских мудрецов", – по мнению цензора, "в условиях настоящего времени содержание книги не соответствует нашей внешней политике". Изымали книги советских авторов об антисемитизме в СССР. Не разрешили напечатать сборник статей руководителя немецких коммунистов Э. Тельмана, который сидел в берлинской тюрьме, – за "слишком резкие" нападки на нацистских лидеров. Рассыпали набор книги И. Эренбурга о гражданской войне в Испании, когда на стороне генерала Франко воевали немцы. "Однажды, – вспоминал Эренбург, – я услышал также такие слова (в то время диковинные): "Людям некоторой национальности не нравится наша внешняя политика. Это понятно. Но пусть они поберегут свои чувства для домашних..." Меня это поразило. Я еще не знал, что нам предстоит".

Из цензурных правок в рассказе А. Гайдара "Голубая чашка". Издание 1936 года: "Дура, жидовка! – орет Пашка. – Чтоб ты в свою Германию обратно провалилась!.." Издание 1940 года: "Дура, обманщица! Чтоб ты в свою за границу обратно провалилась!.." 1936 год: "Ну, погоди, приятель Санька, это тебе не Германия! С твоим-то фашизмом мы и сами справимся!.." 1940 год: "Ну, погоди, приятель Санька, с твоим-то буржуизмом мы и сами справимся!.."

В начале 1940 года около шестисот заключенных, немецких и австрийских эмигрантов-коммунистов, передали на границе немецким властям – среди них были и евреи. Сотрудники НКВД и гестаповцы сверяли списки заключенных, чтобы не вкралась ошибка, после чего немцы и австрийцы попали из советских тюрем в немецкие, а евреи – в лагеря уничтожения. В мае того года корреспондент журнала "Безбожник" сообщил из Германии, что главным достижением немецких лидеров было наступление на еврейскую религию, а потому советские атеисты обязаны помогать своим политическим союзникам в борьбе против мракобесия. Американский корреспондент передавал из Берлина: "В ответственных кругах Германии распространяется уверенность, что соглашение со Сталиным предусматривает применение нюрнбергских законов к русским евреям, и это осуществят в течение шести месяцев со дня подписания пакта... Постановление не станут проводить в законодательном порядке; Сталин сделает соответствующие распоряжения, и этого будет достаточно".

***

В 1941 году, после нападения Германии на Советский Союз, И. Сталин сказал в своей речи по радио: "Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора лет и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту". Н. Хрущев, из воспоминаний: "Сталин буквально ходил гоголем. Он ходил задравши нос и буквально говорил: "Надул Гитлера, надул Гитлера"... Сталин правильно понимал и оценивал тогда значение этого договора: здесь была игра – кто кого обманет, кто кого надует".

Г. Гафенку, румынский посол в Москве в предвоенные годы: подписание советско-германского пакта объясняется "не совпадением подлинных устремлений обеих народов, а сходством мышления правителей этих империй... Одинаковое отсутствие контроля, критики и какого-либо независимого общественного мнения... что обеспечивает диктаторам полную свободу действий... Одинаковое презрение к малым государствам, которые не могут защитить себя..."

Одинаковое пристрастие к простым географическим линиям, которые смело проводятся на карте и разрезают прилежащие государства. Одинаковый культ насилия..."
После подписания пакта Советский Союз начал поставлять в Германию сырье и продовольствие, и Л. Троцкий предсказывал: "Гитлер ведет военные действия, Сталин выступает в качестве интенданта... Осенью 1941 года Германия должна начать наступление против Советского Союза".

***

П. Маркиш написал пьесу о старом раввине "Летописец Арий", и рецензент отметил после прочтения: "Слишком акцентируется тема еврейства, как будто Красная армия пришла освобождать Западную Белоруссию из-за евреев и ради них... (Пьесу) следует отвергнуть как одностороннюю и поэтому неверно освещающую великое событие – освобождение народов Западной Белоруссии". Заключение Реперткома: "В репертуар не включать".

***

У Гитлера был личный фотограф Г. Гофман, который после войны написал воспоминания и в них поведал миру, как фюрер доверил ему очень важное поручение. Гитлер послал своего друга в Москву, лично к товарищу Сталину, чтобы передать поздравление с годовщиной Октябрьской революции. Но у Гофмана было еще одно поручение – тайное: фюрер приказал ему выяснить во время встречи со Сталиным, не является ли тот евреем. Для этого следовало обратить внимание на интонации речи Сталина, на то, как Сталин пожимает гостям руки, как отдает приказания и жестикулирует в разговоре, сколько раз во время их встречи засовывает руки в карманы. Гофман должен был обратить внимание и на форму ушей товарища Сталина, а по возвращении описать их с максимальной точностью, – возможно, это помогло бы выяснить, не является ли Сталин евреем. Когда Гофман вернулся в Берлин, он немедленно встретился с Гитлером, и после продолжительной их беседы фюрер окончательно убедился в том, что Сталин не был евреем.

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии. Положение евреев на территориях, занятых Советским Союзом, и в немецкой зоне оккупации Польши

1

По окончании Первой мировой войны образовалось в Европе независимое государство – республика Польша; треть ее населения составляли украинцы, белорусы, немцы, а также евреи, количество которых приближалось к трем миллионам. На мирной конференции в Париже Польша – совместно с другими странами – подписала договор о правах национальных меньшинств, а потому польская конституция 1921 года гарантировала евреям право на национальную школу, признавала субботу выходным днем для еврейского населения страны, запрещала любые формы дискриминации по расовым, религиозным и национальным признакам. Конституция провозгласила право каждого народа, живущего в Польше, следовать своим национальным традициям, однако на деле всё было иначе, представители польской власти ущемляли права национальных меньшинств, в том числе и еврейского населения.

Польские евреи жили в основном в городах и местечках – мелкие торговцы, ремесленники, владельцы и рабочие небольших предприятий швейной, пищевой, кожевенной, металлообрабатывающей промышленности; они занимались также сельским хозяйством, а в крупных городах были евреи-адвокаты, журналисты, врачи. Правительство национализировало многие отрасли промышленности, ввело государственную монополию на продажу табака, спичек, соли и спиртных напитков, поддерживало торговые и ремесленные кооперативы для поляков, предоставляя им кредиты и налоговые льготы, и оттого доля евреев в экономике страны резко сократилась, евреи-ремесленники, мелкие торговцы и предприниматели теряли заработки и уходили в большие города, где сталкивались с конкуренцией польских купцов и ремесленников. В 1929 году разразился всемирный экономический кризис, в результате которого количество безработных евреев оказалось почти в два раза больше, чем у представителей других национальностей.

Сионистское движение в Польше состояло из разных групп и направлений, одни из которых критически относились к коммунистическим идеям, а другие придерживались марксистской идеологии; более половины евреев-депутатов Сейма состояли членами сионистских партий. Еврейская социал-демократическая партия Бунд занималась профессиональной организацией еврейских рабочих; объединение "Агудат Исраэль" пользовалось поддержкой большинства ортодоксальных евреев; евреи участвовали в работе демократических партий страны, были они и среди коммунистов, существовали молодежные еврейские организации, а также Союз евреев – участников борьбы за независимость Польши. Ассимилированные евреи объединялись в Союз поляков иудейского вероисповедания, призывая "к слиянию с польским народом", а юдофобы заявляли в ответ, что считают для себя оскорбительным с ними "сливаться".

После прихода Гитлера к власти возросли в Польше антисемитские настроения, провозгласили лозунг "Польша для поляков!", представители радикальной партии требовали изгнания евреев из страны, а более умеренные предлагали создать для них такие условия, чтобы евреи ушли добровольно. Работал Комитет по содействию эмиграции евреев из Польши; пытались добиться согласия Великобритании на переселение в Палестину, послали даже комиссию на остров Мадагаскар у восточного побережья Африки, чтобы проверить, нельзя ли переселить туда миллион "лишних евреев".

В стране существовала негласно процентная норма для еврейского населения при поступлении в учебные заведения. Над студентами-евреями всячески издевались, в университетских аудиториях устанавливали особые "еврейские скамьи", чтобы христиане не сидели рядом с евреями, – окончивших университеты почти не принимали на государственную службу, ограничивали в школах прием учителей-евреев. Экономическое положение еврейского населения непрерывно ухудшалось, безработица и нищета возрастали; многим приходилось заниматься уличной торговлей, среди них – людям с высшим образованием, которым не нашлось работы по специальности. Дети приходили в классы голодными, а в зимние месяцы многие не посещали школы, потому что не было обуви.

В 1932 году избивали евреев на улицах Львова, в 1935 году – в Гродно; погромная волна усиливалась из года в год, власти запретили употреблять в газетах слово "погром", ввели взамен новое понятие – "происшествие", однако все прекрасно понимали, что это означает. В 1936 году лишь в Белостокском воеводстве насчитали 348 "происшествий"; кровавые погромы прошли в Бресте и Ченстохове; молодежь создавала группы самообороны, охраняя еврейские районы городов и местечек. Из заявления евреев-депутатов Сейма: "Мы находимся в разгаре беспрецедентной неравной борьбы. Нет безопасности для жизни, здоровья и имущества еврейского населения, нет для нас даже права на самозащиту. Экономический бойкот, осуществляемый грубейшим способом, доводит еврейское население до полного разорения..."

С первых лет существования независимой Польши евреи стремились уехать в другие страны и десятки тысяч польских евреев приехали в Эрец Исраэль в 1920-х годах. Затем англичане ввели ограничения на въезд; в другие страны тоже было невозможно попасть – в 1939 году, к началу Второй мировой войны, еврейское население Польши составило 3,3 миллиона человек.

В. Жаботинский (1938 год): "Я обращаюсь к вам, евреи Польши, украшение еврейства всего мира! Я продолжаю предупреждать вас, что надвигается несчастье... Слушайте меня в этот час, час двенадцатый! Именем Всевышнего – спасайтесь, пока не поздно, ибо времени осталось мало!"

Интерес к Советскому Союзу был огромен среди польского, украинского, белорусского и еврейского населения Польши – одни опасались восточного соседа, другие на него надеялись. Из воспоминаний о Польше предвоенных времен: "Бог знает, что представляли себе под коммунизмом несчастные мечтатели польского гетто... В день смерти Ленина, в январе, где-нибудь поперек улицы появлялся на телеграфных проводах красный флаг, и еврейские молодые люди били стекла в еврейских же магазинах на Пиотроковской. Радикальная интеллигенция зачитывалась стихами Броневского о "печах Магнитогорска". В варшавских театриках декламировали под гром аплодисментов "Гренаду" Светлова... Не было такого года и месяца, чтобы через границу не переходили нелегально перебежчики, люди, не желавшие оставаться в капиталистической Польше и стремившиеся в обетованную землю, "родину всех трудящихся", в поисках справедливости и свободы... Это были маленькие люди, анонимы, опилки, как магнитом притянутые мечтой о лучшем мире... Мы ничего не знаем о дальнейшей судьбе этих людей. Почему ни один из них не дал о себе знать?.."

В сентябре 1939 года Красная армия заняла восточные районы Польши – Западную Украину и Западную Белоруссию. Через месяц там прошли выборы в Народные собрания, которые приняла резолюции о национализации промышленных предприятий, банков, транспорта, помещичьих и монастырских земель и ходатайствовали о принятии в состав республик Советского Союза. Верховный Совет СССР удовлетворил просьбу: районы с преобладающим украинским населением вошли в Украинскую ССР, а населенные в основном белорусами – в Белорусскую ССР. На присоединенных территориях находилось более 11 миллионов украинцев, белорусов, поляков, представителей других народов, в том числе и 1,3 миллиона евреев, к которым добавилось не менее 200 000 евреев-беженцев, сумевших уйти из зоны немецкого правления.

Евреи присоединенных земель встретили установление советской власти со смешанными чувствами. Владельцы торговых и промышленных предприятий опасались за свою судьбу. Беднота надеялась на прекращение безработицы и улучшение условий жизни. Интеллигенция ожидала устранения социальной и национальной несправедливости и борьбы с антисемитизмом. Беженцы из Генерал-губернаторства рассказывали о бесчеловечном отношении нацистов к еврейскому населению; установившаяся советская власть провозглашала равенство и дружбу народов, ее первые шаги порождали иллюзии и вызывали симпатии у еврейского населения. Со страниц газет исчезли антисемитские статьи. Отпали ограничения при поступлении на работу и в институты, а потому возросло количество евреев-студентов и государственных служащих. Многолетние семьи – в том числе и еврейские – переселялись в реквизированные квартиры. Евреи получили равные со всеми политические права, однако на выборах в Верховный Совет СССР в марте 1940 года среди депутатов от Западной Украины и Западной Белоруссии не оказалось ни одного еврея.

Польские евреи – в отличие от советских – вели традиционный образ жизни, особенно в малых городах и местечках. Партийные и государственные работники, присланные из СССР, обнаружили там синагоги, переполненные молящимися, хедеры и иешивы со многими учениками, дворы цадиков, к которым съезжались многочисленные последователи. В еврейских общинах содержали на общественные средства больницы, дома сирот, инвалидов и престарелых; были объединения еврейских купцов и ремесленников, кассы взаимопомощи и беспроцентного кредита; в стране существовала автономная система еврейского образования, школы на идиш и иврите, детские сады, профессиональные училища; в Варшаве работал Институт еврейских исследований, во Львове – Еврейский педагогический институт и Еврейский народный университет. В Кракове, Варшаве, Вильно, Львове, Лодзи, Белостоке ставили спектакли в еврейских театрах, устраивали выставки художников, концерты еврейской музыки, снимали кинофильмы на еврейские темы, печатали книги, издавали десятки еврейских газет на идиш и на иврите, а также на польском и немецком языках. Пришельцы из Советского Союза столкнулись с сионистами и бундовцами, не скрывавшими своих взглядов, со сторонниками религиозных объединений, а также с "буржуями" разных национальностей – торговцами, предпринимателями, владельцами ремесленных мастерских, о которых в СССР уже забыли.

Представители советской власти обладали немалым опытом подавления национальной, культурной и общественной жизни, который они применили на практике на вновь присоединенных территориях. Закрыли газеты и журналы, распустили политические партии и общественные организации, запретили профессиональные объединения врачей, адвокатов, учителей, торговцев и ремесленников. Провели национализацию банков, торговых и промышленных предприятий, а также ремесленных мастерских и лавочек, хозяева которых оказались безо всяких средств к существованию. Закрыли хедеры и иешивы, арестовали многих "служителей культа", запретили продажу молитвенников, обязали евреев работать в субботные и праздничные дни. Ликвидировали прежнюю систему еврейского образования, иврит объявили "языком контрреволюции", школы с преподаванием на идиш перевели на советские учебные программы, отменив изучение еврейской истории и традиций народа; учеников обязали вступать в пионеры, повязывать красные галстуки, посещать занятия по субботам. Жизнь менялась стремительно, менялся облик городов и поселков: новые вывески на учреждениях, обилие плакатов и транспарантов с коммунистическими призывами, портреты Сталина и памятники Ленина, улицы Советская, Колхозная, Красноармейская. Взамен прежних "отцов города" появились кадровые работники, которые внедряли иной образ жизни партийной и административной номенклатуры, иной стиль руководства. Разросся управленческий аппарат в учреждениях. Снизилась производительность труда на фабриках и заводах. Ухудшилось качество выпускаемой продукции и появились обязательные стенгазеты с критикой и самокритикой. Непременной принадлежностью каждого города, поселка или местечка стали громкоговорители, установленные на столбах, которые – по описаниям очевидца – "не переставали изрыгать с утра до вечера (а иногда с утра до утра) речи, музыку, статьи, песни, новости, объявления, призывы... заверяя граждан, что они живут хорошо и счастливо". По радио звучали теперь незнакомые мелодии, в кинотеатрах показывали фильмы советского производства с положительными и отрицательными героями, на собраниях говорили непривычные речи с неременной здравицей в честь "великого вождя и учителя" – ко всему этому надо было привыкнуть, приспособиться, продолжить жизнь в иных условиях. Из "народных" песен на идиш:

3

После присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии сразу же начались аресты среди местного населения. Отправляли в Сибирь, на Урал, в Среднюю Азию бывших польских офицеров и государственных чиновников, депутатов Сейма, промышленников и банкиров, священников, монахов и монашек, сионистов, бундовцев, активистов религиозных партий "Агудат Исраэль" и "Мизрахи", членов организации "Бней Брит", "неблагонадежных" социалистов и коммунистов. В число репрессированных попали и активные еврей-ассимиляторы, так как любая общественная деятельность, не одобренная властями, считалась "контрреволюционной".

Польские исследователи утверждали, что "в 1940–1941 годах большевики депортировали из Восточной Польши более миллиона человек, направляя их частично в лагеря, а частично – на поселение... Около тридцати процентов из числа депортированных составляли евреи... которых считали классово чуждым элементом" (по советским официальным данным, к июню 1941 года депортировали из Польши в СССР полмиллиона человек).

Из воспоминаний заключенного: "Польские солдаты и офицеры стали нашими соседями по нарам. Их везли к нам в эшелонах – в военной форме и без формы. Непривычные к тяжелой работе и морозам, они умирали от истощения, не в силах заработать пайку. Среди них были замечательные люди. Недалеко от меня на нарах лежал знаменитый польский летчик..." В 1940 году примерно 15 000 польских военнослужащих – офицеров, военных врачей, армейских священников, полицейских – были расстреляны без суда возле Смоленска, Харькова и Калинина. Уничтожили, по-видимому, тех, кто в будущем мог возглавить борьбу за восстановление независимой Польши, – среди погибших оказалось около 700 евреев, в том числе главный военный раввин польской армии майор Б. Штайнберг.

В 1943 году немцы поведали миру, что германские оккупационные власти обнаружили в Катынском лесу неподалеку от Смоленска массовое захоронение казненных – более 4000 человек в польской военной форме; у убитых нашли письма и дневники, даты в которых заканчивались апрелем 1940 года. Советская пропаганда назвала это "гнусными измышлениями Геббельса"; после освобождения Смоленска специальная государственная комиссия из Москвы "установила", что польских офицеров уничтожили немцы; эту версию советские власти отстаивали до 1990 года, пока, наконец, не признались в совершенном преступлении.

В Катыни возле Смоленска и в Медном неподалеку от Калинина открыли мемориальные кладбища; польский католический архиепископ сказал в своей проповеди: "Нельзя обвинять российский народ в катынской трагедии. Этот народ так же, как и мы, был угнетен, так же, как и мы, страдал от системы насилия".

В июне 1941 года на присоединенных территориях прошли массовые аресты "антисоветских буржуазных элементов", а также беженцев из Генерал-губернаторства, не пожелавших принять советское гражданство; одних приговаривали к заключению в лагерях, других отправляли на спецпоселение в отдаленные районы страны под наблюдение работников НКВД. Высылаемым позволяли брать с собой лишь ручную кладь, их перевозили в товарных вагонах, условия в дороге и на местах были ужасными, первыми умирали старики и дети.

Летом 1941 года, к началу войны с Германией, в тюрьмах приграничных городов скопилось большое количество арестованных. Их не смогли эвакуировать из-за отсутствия транспорта, а потому перед приходом немецких войск расстреляли многих заключенных, среди которых были и евреи.

4

Действия, невозможные в мирное время, стали возможными во время войны, когда нацисты уже пренебрегали общественным мнением в других странах. Железнодорожные составы везли на восток немецких солдат, на вагонах красовалась надпись: "Мы едем в Польшу бить евреев!" После захвата польских земель начались расправы над беззащитным еврейским населением: разрушали синагоги, устраивали в них немецкие казармы и конюшни, жгли свитки Торы и книги Талмуда, издевались над верующими евреями – одним брили головы тупыми бритвами, другим обрезали бороды. Проводили облавы на улицах и отправляли евреев на принудительные работы на шахтах и заводах, использовали их при прокладке дорог и осушении болот, на строительстве приграничных укреплений, – голод, болезни, невыносимые условия труда приводили к повышенной смертности. Национализировали еврейские предприятия и мастерские, конфисковали деньги из касс благотворительных организаций и заставили общины выплатить огромную контрибуцию, распустили еврейские партии, общества и союзы, запретили открывать еврейские учебные заведения. Врачи-евреи не имели права лечить пациентов-христиан, резникам не позволяли умерщвлять животных по еврейским законам, лишив население кашерного мяса; польские евреи не могли теперь получать пенсию, менять место жительства, ездить на поездах и городском транспорте; им не позволяли посещать библиотеки, а их детям – польские школы, они не могли ходить по тротуарам и появляться на улицах с девяти часов вечера до пяти часов утра.

Затем в городах появились гетто, куда свозили евреев из разных мест и где их заставили носить отличительный знак на одежде – шестиконечную звезду. В гетто Лодзи собрали более 150 000 евреев, в гетто Варшавы – около полумиллиона, загнав людей в малое огороженное пространство. Голод, ужасающая теснота, антисанитарные условия вызывали эпидемии, и смертность была очень высокой.

Из записей узника варшавского гетто: "Квартал города был обнесен колючей проволокой, и за счет еврейской общины построили высокие стены... Дверь в жизнь захлопнулась за нами... Время от времени по гетто проезжают автобусы, из которых выглядывают лица любопытствующих. "Сила через радость" (туристско-спортивное нацистское общество) – для них это экскурсия в зоологический сад. Должно быть, Геббельс хочет показать, что означает власть и как нужно презирать людей чужой расы. Жалкие нищие уже едва напоминают человеческие существа... Однажды я спросил маленькую девочку: "Кем бы ты хотела быть?" Она ответила: "Собакой – ведь часовые их так любят"... "Раввин И. Ниссельбаум, погибший в варшавском гетто, говорил в те дни: "Когда враги покушались на наши души, евреи жертвовали

собой, чтобы не осквернить имя Всевышнего (Кидуш га-Шем). Сейчас враги требуют наши тела, и мы обязаны защищаться, чтобы сохранить святость жизни (Кидуш га-хаим)".

С. Боровой, советский историк (беседа с профессором-евреем): "Когда я поделился с ним своей тревогой и болью по случаю поражения стран – тогдашних врагов Гитлера, он с удивлением сказал: какая разница между ними? И те и другие империалисты! На мою реплику, что есть отличие хотя бы в том, что одни сажают евреев в гетто... мой собеседник с упреком и удивлением сказал: "Нельзя подходить с такой узкой позиции к такому вопросу".

Из свидетельства польского еврея (1939 год):

"Лодзь взяли немцы... Сожгли главную синагогу, гордость общины. Когда пожар еще бушевал, я случайно проходил по бульвару Костюшко. Пожарники и польская полиция разгоняли любопытных и следили за тем, чтобы пожар не тушили... Солдаты издевались на улице над стариками-евреями. Среди них был служка синагоги портных. Его заставили расстелить на мостовой свиток Торы, а другим евреям приказали мочиться на пергамент. Тех, кто отказывался, били по голове прикладами... Что ни день – новая беда. То евреи должны немедленно сдать радиоприемники – кто нарушит приказ, будет расстрелян. То распоряжение о сдаче мехов – за нарушение расстрел. Евреям запрещено посещать кинотеатры и ходить по тротуарам, "предназначенным для людей"...

Немцы заняли Александров. На следующий день сожгли синагогу и иешиву. Собрали свитки Торы и разложили на Базарной площади костер. Одному из жителей, который не успел спрятаться, офицер приказал порвать листы Торы перед тем, как бросить их в огонь. Жертвой оказался Мотель Гохман. Мотель затряс головой: "Не могу!" Офицер выхватил пистолет и велел ему стать к стене. Мотель увидел направленное на него дуло и закрыл глаза. "Шма, Израэль", – сказал он громко... Сильные руки бросили его плашмя, на спину обрушилась плеть... сознание его помутилось. Придя в себя и обнаружив, что он в еврейском доме, Мотель прежде всего спросил: "Это правда, что я не порвал листы Торы?" "..."

***

Жил в Кракове Мордехай Гебиртиг, плотник по профессии, который сочинял песни во время работы. Он не получил музыкального образования, не знал даже нот, но была у его песен одна особенность, которая делала их народными: не успевал он пропеть новую, только что сочиненную песню, как ее тут же подхватывали соседи, а уличные певцы уносили ее в другие города. Он был уже известным, Мордехай Гебиртиг, уже вышел сборник его песен, которые исполняли в театрах и концертных залах, но всё так же он работал в мастерской и пел свои песни.

В 1938 году случился жестокий погром в польском городке Пшитыке, горели еврейские дома, были убитые и раненые, а Гебиртиг сочинил об этом песню – предупреждение евреям Польши:

Горит, братья, горит!

Ой, бедный городок горит!

А вы стоите со сложенными руками,

А вы стоите и глядите,

Как наш городок горит...

Горит, братья, горит!..

В 1939 году немецкие войска вошли в Краков. Гебиртиг жил в гетто, писал песни надежды, тоски и отмищения; в 1942 году его отправили в лагерь смерти, и он исчез. Нет могилы. Нет камня надгробного. Остались лишь песни, которые поют по сей день. Осталось беспокойство народного певца и его предостережение будущим поколениям:

Горит, братья, горит!

Ой, бедный городок сгорит!..

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Присоединение к СССР Латвии, Литвы и Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины.
Положение евреев занятых территорий

1

В ноябре 1918 году Латвия стала независимой республикой и сразу же начались бои между большевиками и их противниками; в январе следующего года в Риге было создано советское правительство – оно просуществовало несколько месяцев, однако успело издать указ о создании концентрационных лагерей, в которых намеревались изолировать "вредные революционному движению элементы". За свободу независимой Латвийской республики сражались сотни евреев, наиболее отличившиеся из них получили высшие военные награды; на еврейском кладбище Риги установили памятник с именами погибших за освобождение страны, и на ежегодных траурных церемониях к нему возлагали венки.

Евреи составляли в Латвии около пяти процентов населения и по окончании Первой мировой войны приняли деятельное участие в восстановлении экономики страны. Еврейские банкиры привлекали капиталовложения из других стран; еврейские предприниматели способствовали развитию пищевой, текстильной, табачной, обувной и деревообрабатывающей промышленности, ввозили в Латвию нефть и каменный уголь, организовали экспорт леса, поступления с которого составляли значительную часть доходов латвийского экспорта.

Половина еврейского населения Латвии занималась мелкой торговлей; евреи работали на фабриках, заводах и на транспорте, были представители свободных профессий – журналисты, врачи, юристы, однако во вновь созданной армии Латвийской республики не оказалось ни одного офицера-еврея. В 1923 году в латвийских городах уже распространяли антисемитские листовки, опередив на десятилетие нацистов Германии: "Латыш может покупать только у латыша! Крестьянин, ничего не продавай еврею! Тот, кто переступает еврейский порог, является изменником своего народа!"

Все национальные меньшинства Латвии получили право на культурную автономию. В стране появилась сеть школ с преподаванием на иврите и на идиш, работали профессиональные школы, клубы, вечерние курсы для молодежи. В малых городах и местечках сохранялась

традиционная еврейская жизнь; по субботам магазины и мастерские были закрыты, синагоги и молитвенные дома переполнены; в городах и местечках собирали деньги на содержание иешив и в помощь евреям Эрец Исраэль. Во время бойкота немецких товаров в еврейских газетах печатали имена евреев-владельцев магазинов, которые "продали народ и свою честь, торгуя товарами гитлеровской Германии".

В Риге находилось около половины еврейского населения Латвии – не менее 40 000 человек. Выходили в свет газеты и журналы на идиш и иврите, работали школы с преподаванием на этих языках, Народный еврейский университет, театр, Народная консерватория. Благотворительные организации Риги содержали синагоги и молитвенные дома, собирали одежду для неимущих, лечили бесплатно их детей, снабжали дровами в зимние месяцы, посылали кашерную пищу для еврейских солдат и заключенных в тюрьме, выдавали замуж девушек из неимущих семей. На общественные средства содержали еврейскую больницу, родильный дом и дом для престарелых; погребальное братство следило за состоянием еврейских кладбищ в Риге и за общественный счет хоронило бедняков. Сторонники биробиджанского проекта создали в Латвии Общество содействия еврейской колонизации в СССР (ОСЕК), собирали средства для этой цели и выпускали газету "Най эрд" – "Новая земля".

Коммунистическая партия Латвии была запрещена и находилась в подполье; легально существовали партии сионистов, Бунд, "Мизрахи", "Агудат Исраэль", представители которых избирались в Сейм – парламент Латвийской республики. Сионистская молодежь обучалась на сельскохозяйственных фермах перед отъездом в Эрец Исраэль, на трехмачтовом паруснике "Теодор Герцль" готовили будущих моряков; состоятельные родители отправляли своих детей на учебу в Еврейский университет Иерусалима или в хайфский Технион.

Из воспоминаний: "Мы представляли собой палестинский уголок в еврейском населении Латвии... Мы не считали себя частью местного общества, целиком и полностью мы были израильянами... Всякое новое начинание в Палестине находило немедленный отклик и у нас. Мы об этом думали, этим жили..." – "Вечерами сидели у костра, пели песни, мечтали о том времени, когда у евреев будет своя страна, которую мы готовились строить и защищать. Все были молоды, полны сил и желаний. И живы... И никому тогда, даже в самом страшном сне, не могло присниться, что выпадет на их долю, что приготовила им история. Разве кто-то мог тогда подумать, как это прекрасно – просто жить".

В Риге была создана первая ячейка молодежного сионистского движения "Бейтар", распространившегося затем по всему миру ("Бейтар" – первые буквы названия на иврите "Брит Йосеф Трумпельдор", "Союз имени Иосифа Трумпельдора"; руководителем "Бейтара" был В. Жаботинский). Из воспоминаний бывшего бейтаровца: "Мы сняли помещение и разыскали старого русского полковника – он проводил с нами военные занятия с деревянными винтовками, которые мы выстрогали сами. Мы проходили также профессиональную подготовку в ремесленном училище: юноши обучались столярному и слесарному делу, девушки – женским специальностям".

Фашистские организации в Латвии набирали силу, возрастала антисемитская пропаганда и антиеврейские выступления; немецкое население Латвии создавало молодежные организации "Гитлерюгенд". После государственного переворота 1934 года начали проводить в Латвии антиеврейскую экономическую политику, ограничили культурную автономию, запретили почти все еврейские партии и общественные организации. Евреев перестали принимать на государственную службу, в Рижском университете ввели негласно процентную норму для студентов-евреев, в стране стал популярным лозунг "Латвия для латышей!"

В феврале 1918 года Литва провозгласила независимость – более пятисот евреев-добровольцев участвовали в боях за создание государства. В декабре того года большевики создали на территориях Литвы и Белоруссии Литовско-Белорусскую ССР, но советская власть в Литве продержалась недолго. После восстановления Литовской республики этнические меньшинства – поляки, немцы, русские и евреи – получили право на национальную автономию, а потому в первые годы независимости существовало министерство по еврейским делам и Еврейский

национальный совет, объединявший общественные организации. Общины городов и местечек облагали налогом своих жителей, организовывали религиозную жизнь, руководили образованием и социальным обеспечением, помогали беднякам, устраивали на работу беженцев, вернувшихся из России.

Евреи составляли в Литовской республике более восьми процентов населения – ремесленники, рабочие и торговцы, земледельцы, лица свободных профессий. Со временем еврей-подрядчики преуспели в строительстве жилых и промышленных зданий, еврей-транспортники развили в стране междугороднее автобусное сообщение; Центральный еврейский банк предоставлял кредиты предпринимателям и ремесленникам.

В 1920 году Польша захватила Вильно и прилегающие к нему районы; в Каунасе – временной столице Литвы – работали еврейские театры, выходили ежедневные газеты, действовали детские сады, школы и учительские семинарии с преподаванием на идиш и иврите. Литовские иешивы привлекали молодежь, особенно самые прославленные – в Слободке, Тельшае, Поневеже; в Тельшайской иешиве обучалось до пятисот человек, молодежь из многих стран, лучшие из которых становились раввинами в еврейских общинах мира.

Коммунистическая партия Литвы находилась в подполье. Сионисты, бундовцы, партии "Мизрахи" и "Агудат Исраэль" вели активную деятельность; депутаты-евреи заседали в Сейме и в первые годы существования независимой Литвы имели право произносить речи на идиш с парламентской трибуны. Но антисемитизм постепенно возрастал: били окна в еврейских домах, оскверняли еврейские кладбища, замазывали дегтем вывески на языке идиш, заставляли закрывать магазины по воскресеньям; в 1924 году упразднили министерство по еврейским делам, распустили Еврейский национальный совет, ликвидировали самоуправление еврейских общин. После государственного переворота 1926 года к власти пришло профашистское правительство. Провозгласили лозунги "Литва для литовцев!" и "Евреев – в Палестину!". Заговорили об очищении городов от "инородческих" элементов, начали вытеснять евреев из экономики страны; к 1940 году на государственной службе оставалось менее ста евреев. Антиеврейская атмосфера способствовала эмиграции, и за годы существования Литовской республики оттуда уехали десятки тысяч евреев – в США, Канаду, Южную Африку, Эрец Исраэль.

В марте 1939 года Германия захватила литовский порт Мемель (Клайпеду) на Балтийском море, после чего 6000 евреев ушли оттуда в Литву. В том же году, во время присоединения польских земель, советские войска заняли Вильно с прилегающими районами и передали Виленский край Литве, которую вынудили согласиться на создание советских военных баз на ее территории.

Вильно (Вильнюс) вновь стал столицей Литвы; в городе существовали школы с преподаванием на иврите и на идиш, дети из религиозных семей учились в хедерах и иешивах. В Вильнюсе выходили еврейские газеты и журналы, театральные труппы ставили спектакли на идиш, в Еврейской консерватории устраивали концерты; издательский дом семьи Ромм печатал Талмуд и книги религиозного содержания, главой еврейской общины города был раввин Х. Гродзенский, крупнейший религиозный авторитет того времени.

Эстония провозгласила независимость в феврале 1918 года. Евреи составляли в стране менее 0,5 процента населения; среди них не было владельцев крупных предприятий – преобладали мелкие торговцы и ремесленники, рабочие и представители свободных профессий. Сионисты пользовались большим влиянием среди еврейского населения, а Бунд и коммунисты практически не имели сторонников; за все годы существования Эстонской республики в ее парламенте не было ни одного еврея. В 1920 году съезд эстонских евреев – "осознавая ответственность перед своим народом и грядущими поколениями" – принял решение об обязательном сборе средств "для воссоздания свободной Родины в Палестине".

В 1925 году национальные меньшинства Эстонии – русские, шведы, немцы и евреи – получили национально-культурную автономию, существовавшую до 1940 года. Центральным органом еврейского самоуправления был Еврейский культурный совет, в ведении которого находилась система начального и среднего образования на иврите и на идиш. В Таллинне жили пятьдесят процентов еврейского населения Эстонии; в городе работала еврейская драматическая труппа, хор, была библиотека, школы, синагоги, хедеры, иешивы. В 1934 году при университете города Тарту появилась кафедра иудаики, единственная в прибалтийских странах, куда приезжали учиться из Латвии и Литвы.

Евреев Эстонии не принимали на государственную службу, старались не брать даже на самые незначительные должности в городских магистратах; в армии практически не было офицеров-евреев, и высший армейский чин провозглашал с удовлетворением: "Мы можем быть счастливы, что у нас мало евреев".

3

В 1939 году в Латвии, Литве и Эстонии были размещены советские военные гарнизоны, морские базы и аэродромы. Летом 1940 года из Москвы потребовали в ультимативном тоне, чтобы прибалтийские страны согласились на введение дополнительных подразделений Красной армии, и заговорили о присоединении к Советскому Союзу. В. Молотов, из воспоминаний: "Их буржуазные лидеры приехали в Москву для переговоров, но подписать присоединение к СССР отказывались... Министру иностранных дел Латвии... я сказал: "Обратно вы уж не вернетесь, пока не подпишете присоединение к нам..." Нашим чекистам я дал указание не выпускать его, пока не подпишет... Из Эстонии к нам приехал военный министр... мы ему то же сказали... А им деваться было некуда".

В июне 1940 года советские войска оккупировали Латвию, Литву и Эстонию, что было предусмотрено секретным соглашением между СССР и Германией. Руководители НКВД докладывали И. Сталину: "7 июля в Вильно состоялся большой митинг и демонстрация. Присутствовало до восьмидесяти тысяч человек. Основными лозунгами были: "Да здравствует тринадцатая Советская республика!", "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", "Да здравствует товарищ Сталин!"... Состоялся концерт самодеятельности литовской армии, на котором присутствовали президент, ряд членов правительства, представители генералитета".

В июле 1940 года прошли выборы в Народные Сеймы, в результате которых за кандидатов в депутаты проголосовало – по советскому образцу – подавляющее большинство избирателей (в Эстонии – 92,8%, в Латвии – 97%, в Литве – 99,2%). Сеймы направили в Москву делегации с одинаковой просьбой, и три прибалтийских государства – "в соответствии с пожеланиями трудящихся" – стали советскими социалистическими республиками в составе СССР. Еврейское население Литвы насчитывало тогда 250 000 человек, Латвии – 95 000, Эстонии – 4500.

Представитель советской власти созвал в Риге евреев и разъяснил популярно: "Лучше отдать свои магазины Сталину, чем головы – Гитлеру". В прибалтийских республиках национализировали все промышленные и торговые предприятия, банки, транспорт, крупные дома и земельные участки; из 986 фабрик и заводов, национализированных в Литве, 560 принадлежали евреям, из 1595 крупных торговых предприятий, ставших государственными, 1320 были еврейскими. Всех ремесленников объединили в производственные артели и установили жесткий контроль за продажей товаров; мелкие торговцы не выдерживали высоких налогов и закрывали свои лавочки.

Через месяц после захвата Эстонии Еврейский культурный совет под диктовку властей принял решение о самоликвидации: "В свободной Эстонской ССР нет национальной вражды и притеснений, а потому особое представительство еврейской буржуазии в виде культурного самоуправления бессмысленно и вредно".

Изъяли из библиотек книги на иврите, а произведения на идиш подвергли цензуре, изымая нежелательных писателей. В еврейских школах заменили иврит на идиш, исключили из программы уроки по еврейской истории; учителя этих школ прошли переподготовку, и не каждого из них допустили к работе. Распустили общественные организации, благотворительные общества, погребальные братства, хедеры и иешивы; воскресенье стало днем отдыха, а по субботам полагалось ходить на работу. Закрыли кафедру иудаики в университете города Тарту. Создали новые газеты и журналы на идиш, которые публиковали имена евреев-"стахановцев", призывали к борьбе за "новый справедливый" мир, против раввинов и сионистов. Детей в школах принимали в пионеры, юношей и девушек в комсомол, читали для них лекции "Кто такой комсомолец", "Жизнь и деятельность товарища Ленина". В учреждениях и на предприятиях изучали "Краткий курс истории ВКП(б)", выпускали невиданные прежде стенгазеты, агитировали вступать в МОПР – Международное общество помощи революционерам.

После захвата прибалтийских стран запретили все политические партии, закрыли периодические издания, начались аресты сионистов, бундовцев, религиозных лидеров – за "контакты с британскими империалистами и мировой буржуазией", за "симпатии к прошлому режиму и антисоветскую пропаганду". Сионисты ушли в подполье, слушали по радио "Голос Палестины", пытались печатать бюллетени на иврите; организация "Бейтар" выпустила в Риге последний приказ: "В создавшейся ситуации завершается наша деятельность... Всегда будем помнить прошлое. Хороший боец умеет ждать".

Из воспоминаний через много лет: "Большая карта Палестины. Портреты сионистских лидеров на стене. Открывающий собрание говорит: "Мы сегодня собрались в последний раз. Взглянем на карту и на те места, где трудятся наши товарищи..." Тишина. Сдавленный плач. Пропели гимн палестинского рабочего движения, но никто не расходится. Сидят и молчат. Знают, что уже не придется быть вместе в братской компании... Здоровый, атлетического сложения парень спрашивает: "Неужели я никогда не увижу Палестину?.."

Летом 1940 года арестовали офицеров армий прибалтийских стран и отправили в лагеря на принудительные работы, где многие из них погибли от недоедания и непосильного труда. Арестовывали бывших дворян, помещиков, купцов и банкиров, представителей иностранных фирм, даже филателистов и эсперантистов за связь с границей, а также русских эмигрантов, которые бежали из России после большевистского переворота.

Не избежали этой участи и беженцы из немецкой зоны Польши, у которых не было советского паспорта, – евреи составляли среди них подавляющее большинство. Молодых и физически здоровых отправили на лесозаготовки, и из Архангельской области сто пятьдесят человек прислали в Москву письмо: "Мы работаем босыми в болотах по колено в воде вместе с различными преступниками, зарабатывая от одного до трех рублей в день, при очень плохом отношении к нам... На обращение к начальникам с просьбой об улучшении нашего положения они отвечают: умирайте, здесь достаточно земли для того, чтобы вас похоронить".

4

По окончании Первой мировой войны к Румынии отошли Буковина и Трансильвания, принадлежавшие прежде Австро-Венгрии, а также территория Бессарабии, которая входила до этого в состав Российской империи. Парижская конференция стран-победительниц обязала Румынию предоставить "полные права всем евреям, живущим на ее старых и новых территориях", однако на практике это не соблюдалось. В стране процветал государственный антисемитизм, затрудняли доступ евреев на государственную службу, в офицерский корпус, судебные органы и на университетские кафедры; в университетах Бухареста, Ясс и Черновцов существовала процентная норма; участники военизированной фашистской организации "Железная гвардия" нападали на евреев, устраивали погромы, жгли синагоги.

В 1933 году главный раввин Кишинева И. Цирельсон обращался к евреям Бессарабии: "Тысячи наших братьев изнывают ныне от голода и холода... Остаться равнодушным к этому может лишь тот, у кого окаменелое сердце. Жертвуйте на столь благое дело, как спасение людей от преждевременной смерти!"

Через год после этого румынский парламент принял Закон о защите национального труда, который установил, что восемьдесят процентов работников каждого предприятия и учреждения должны быть румынами. Многих евреев уволили после этого с фабрик, из банков и контор; даже евреи-владельцы предприятий вынуждены были избавиться от работников-евреев, а за нарушение закона налагались огромные штрафы. Еврейские предприниматели разорялись, продавали фабрики и мастерские румынам, экономическое положение еврейского населения становилось катастрофическим. В марте 1939 года Румыния заключила договор с Германией; в новое правительство вошли представители "Железной гвардии", и оно лишило евреев румынского гражданства; в газетах требовали ввести расистское законодательство по немецкому образцу, чтобы заставить евреев покинуть страну.

В июне 1940 года Москва направила ноту правительству Германии с категорическим требованием: "Решение вопроса с Бессарабией не терпит отлагательства"; если Румыния не отдаст добровольно Бессарабию и Буковину, Советский Союз начнет военные действия. На

советско-румынской границе сосредоточили воинские части, артиллерию, танки и самолеты, которые с легкостью могли разгромить малочисленную румынскую армию и оккупировать Румынию. Немецкие войска в то время были заняты на западном фронте; с потерей Румынии Германия могла лишиться крупных поставок нефти и сельскохозяйственных продуктов, а потому из Берлина сообщили в ответ, что согласны на захват Бессарабии, "претензии в отношении Буковины – это нечто новое", однако Германия не желает военного столкновения между Румынией и Советским Союзом. В ходе переговоров Москва согласилась ограничиться частью Буковины; под давлением СССР и Германии Румыния вынуждена была отдать Бессарабию и Северную Буковину.

28 июня 1940 года части Красной армии перешли государственную границу и за три дня заняли всю Бессарабию. К ее территории присоединили Молдавскую автономную область и на объединенных землях создали новую республику в составе Советского Союза – Молдавскую ССР. Советские войска заняли также Северную Буковину на севере Румынии с главным городом Черновцы; вновь образованную Черновицкую область включили в Украинскую ССР. К еврейскому населению Советского Союза добавилось около 280 000 евреев Бессарабии и Северной Буковины. Десятки тысяч жителей присоединенных земель ушли в Румынию; по соглашению с Берлином, переселили в Германию 124 000 немцев, которые жили в тех краях с начала девятнадцатого века.

Политика советской власти в Бессарабии и Северной Буковине ничем не отличалась от действий на прочих присоединенных территориях. Ликвидировали общественные организации и политические партии, закрыли газеты, иешивы, школы на иврите, создали советские школы с преподаванием на языке идиш, изъяли из библиотек недозволенные книги. Многих отправили в лагеря – сионистов и бундовцев, владельцев предприятий, помещиков, служителей культа, коммунистов, обвиненных в "троцкизме", а также прочие "неблагонадежные элементы" с их семьями. (Поэту Э. Рувкину припомнили его стихотворение на идиш, обращенное к И. Сталину в годы "большого террора": "Кто ты – вождь или заводящий в тупик?.." Рувкина арестовали, и он погиб на Колыме.)

Последняя депортация из Молдавии и Черновицкой области произошла 12–14 июня 1941 года, за неделю до начала войны с Германией. Подготовили сотни вагонов для выселения представителей "пятой колонны"; в Сибирь и Среднюю Азию отправили более 20 000 жителей, большинство которых составляли женщины и дети.

5

В 1930-х годах две страны в Европе вызвали всеобщий интерес, надежды, опасения и страх – Германия и Советский Союз. Жители приграничных стран внимательно следили за происходившими там событиями, пытались в них разобраться и составить собственное отношение к фашизму и коммунизму. Из воспоминаний сиониста Латвии: "Мне кажется, никто толком не знал, что собой на самом деле представляет Советский Союз... Мы не сочувствовали обожествлению Сталина... Старались понять, почему коммунизм должен быть столь жестоким и бесщедрым... Но одновременно с этим мы искали какое-то разумное объяснение. Мы не хотели видеть корень зла. Возможно, и не могли. Люди, более искушенные в этом деле, и то не поняли".

Затем началась война, страны Центральной Европы были захвачены немецкими войсками, и независимые прибалтийские государства оказались между двумя могущественными державами – Германией и Советским Союзом. Дальновидные люди уже понимали, что оккупация неизбежна, и рассматривали оба варианта в той безвыходной ситуации; из двух зол приходилось выбирать меньшее, и даже непримиримые борцы с коммунизмом невольно задавали вопрос: "А не помогаем ли мы фашизму, выступая против Советского Союза?.." Евреи Прибалтики знали о преследованиях немецких евреев, опасались прихода нацистов, а потому многие с облегчением встретили Красную армию, которая несла на своих знаменах столь обнадеживающий лозунг – "равенство и дружба народов мира". Для латышей, литовцев и эстонцев потеря независимости, завоеванной за двадцать лет до этого, стала национальной

трагедией; это разожгло ненависть к тем, кто приветствовал советскую власть, это усилило ненависть к евреям.

Сразу же поползли слухи – "евреи пригласили" Красную армию, чтобы получить все права, и потому в первые дни, пока не установилась окончательно советская власть, на евреев напали на улицах городов, а в деревнях поговаривали о скором погроме и готовили мешки для похода в ближайшее местечко. На присоединенные земли прислали из СССР работников советских и партийных организаций, сотрудников НКВД, судей и прокуроров – среди них были и евреи. Жителям городов пришлось потесниться, их комнаты забирали для приехавших; жизнь с большевиком в одной квартире – а то и с большевиком-евреем – была невыносима для национально настроенных людей. Местные коммунисты вышли из подполья и с восторгом приветствовали Красную армию; они занимали должности на разных уровнях власти, принимали участие в советизации присоединенных территорий, проводили репрессивные меры против местного населения, провозглашали с воодушевлением, что прибалтийские страны приняты "в великую семью народов, строящих коммунизм", – и хотя это были в основном представители коренного населения, евреев выделяли среди них, евреи-чужаки вызывали наибольшее озлобление.

Советская власть нуждалась в специалистах на присоединенных территориях, и после многих лет ограничений перед евреями появились, наконец, возможности, которыми они воспользовались. В прежние времена многие из них не могли найти работу, и после увольнения "нежелательных элементов" евреи – среди прочих – занимали освободившиеся места.

Повторилось то, что происходило прежде в Советском Союзе, а незадолго до этого в Западной Украине и Западной Белоруссии: еврейские голоса слышали теперь по радио и на собраниях, их имена встречались в газетах, они появились в наркоматах, учреждениях и конторах, в институтах и редакциях газет, в судах, адвокатуре и милиции, куда доступ для них был прежде закрыт; евреи-врачи стали заведующими отделениями в больницах, евреи-учителя пошли в государственные школы, журналисты – в газеты, рабочие и инженеры – в цеха национализированных фабрик и заводов; евреи заняли и партийные должности, вплоть до секретарей райкомов и заведующих отделами в обкомах партии.

Еврейская молодежь устремилась в институты и техникумы. Офицерские училища открыли двери для еврейских юношей, которые прежде не могли мечтать о военной карьере; из этих училищ вышли командиры Красной армии, воевавшие затем против немцев. И кто-то уже провозглашал по радио на языке идиш: "Наступает самый счастливый период в нашей многострадальной истории..." На могиле коммунистки, покончившей с собой из-за несчастной любви перед приходом советских войск, появилась надпись: "Розалия Фридланд. На 28-м году жизни безвременно ушла от нас наша дорогая дочь, сестра, товарищ, не дождавшаяся 43 дня до светлого будущего".

Евреи оказались среди тех, кто выиграл от установления советской власти: исчезли прежние ограничения, которыми они подвергались, возникло и ощущение безопасности, так как новый режим не допускал погромов и антисемитской пропаганды, – за "разжигание национальной ненависти" привлекали к уголовной ответственности. Но евреи оказались и среди проигравших: от национализации пострадали промышленники, банкиры, домовладельцы, а также мелкие торговцы и ремесленники, которым пришлось закрыть свои лавочки и мастерские. Была прервана культурная и общественная связь с еврейскими общинами за рубежом. От советизации пострадала национальная и религиозная жизнь еврейских общин, прекративших свое существование; оказалась разрушенной и система социальной помощи, при которой каждый еврей в городе или местечке знал, что ему помогут в трудные моменты жизни.

А вскоре на присоединенных территориях начались массовые аресты; они нагнетали атмосферу страха, пугали одних и настораживали других, заставляя с беспокойством вглядываться в недалекое будущее.

Политика советской власти на присоединенных территориях вызывала озлобление местных жителей. Евреи получили все права наравне с другими – это, в сущности, и поставили им в

вину, заговорили о том, что "советская власть – это жидовская власть, теперь в каждом учреждении сидят евреи, что хотят, то и делают"; перебои в снабжении продуктами и товарами, незнакомые по прежним временам, объясняли тем, что евреи "наживаются" за счет населения; репрессивные меры НКВД, насильственная коллективизация, национализация промышленности – это месть евреям за прежние нанесенные им обиды.

Забывали при этом, что евреев практически не было в государственном аппарате перед приходом Красной армии, не было их среди министров и армейских чинов, а потому не они решали судьбу этих стран. Не обращали особого внимания на тысячи коренных жителей – инженеров, врачей, адвокатов, деятелей науки и культуры, которые работали в советских учреждениях и занимали там высокие посты. Не желали принимать в расчет, что еврейские предприятия были национализированы одновременно с прочими, синагоги закрывали вместе с костелами, а евреев арестовывали наравне со всеми. Не вспоминали про приветственные многотысячные демонстрации на улицах городов в день вторжения советских войск и про единоверцев-коммунистов, проводивших новую политику. Выпало из памяти и обращение двухсот тысяч безземельных и малоземельных литовских крестьян, попросивших советскую власть передать им земли, принадлежавшие более богатым соседям. Не помнили – или не хотели помнить – решения Народных Сеймов, которые приветствовали установление новой власти и позволили Москве утверждать, что Латвия, Литва и Эстония добровольно присоединились к Советскому Союзу. (В Народном Сейме Литвы, к примеру, было 67 депутатов-литовцев, семь представителей иных национальностей и четыре еврея, – этот Сейм ходатайствовал о включении Литвы в состав СССР.)

Присутствие евреев на руководящих постах раздражало местное население. Вновь заговорили о том, что они живут торговлей, продвигают друг друга на хлебные места, копят деньги, не любят работать, расталкивают локтями других, чтобы добраться до кормушки. Антисемитизм прежних веков, бытового антисемитизм подпитывался теперь новым содержанием; отчеты НКВД сохранили высказывания жителей прибалтийских республик: "В руководстве советской власти одни жида-начальники..." – "Придет немец – всех жидов передавит..." – "Вот Гитлер – единственный человек на белом свете, который всю заразу уничтожит..." – "Когда придут немцы, я первым пойду на большевиков..."

В антисемитизме нашло выражение недовольство советским режимом, что привело к страшным результатам в годы Катастрофы. Особенно запомнилась депортация населения за неделю до начала советско-германской войны, в ночь с 13 на 14 июня 1941 года, когда прошли массовые аресты "социально опасных элементов" по заранее составленным спискам, – это были купцы, промышленники и банкиры разных национальностей, активисты Бунда и сионистских партий, религиозные лидеры, "буржуазные националисты", беженцы из Польши. Один из высылаемых взывал к сотрудникам НКВД: "За что вы меня забираете? Я бедный еврей и всю жизнь страдал от голода. Отпустите меня домой!..", но его не желали слушать. В те дни в школах проходили экзамены, и мальчик из еврейской семьи сообщил при аресте, что ему нужно сдать еще три предмета. "Возьми с собой учебники, – посоветовали ему перед посадкой в вагон. – Подготовься там, куда тебя посылают, и вернешься в Каунас на экзамен".

Очевидец свидетельствовал: "Длинные эшелоны, битком набитые высылаемыми, – в одних вагонах женщины с детьми, в других мужчины, – двигались по прибалтийским железным дорогам или часами простаивали на узловых станциях. Вагоны были крест-накрест заколочены досками, из маленького четырехугольного отверстия, вырезанного в нижней части двери, стекали нечистоты. Стояло жаркое лето. Арестованные, набитые в душные вагоны, как скот, изнемогали от тесноты, от жажды, от голода, но солдаты НКВД, охранявшие эшелоны, не подпускали к ним тех, кто желал подать высылаемым хлеба, молока или воды. Картина была страшная..."

Исследователи полагают, что органы НКВД выслали из Литвы 30 000 жителей, среди которых оказалось около 7000 евреев; из Латвии отправили на восток 20 000 жителей, в том числе около 5000 евреев; депортировали и 10 000 человек из Эстонии, среди них 440 евреев. Евреи составляли в Литве примерно 10% населения, однако среди депортированных их оказалось более 20% (всего выслали около 1% жителей Литвы и 3% литовских евреев). В Латвии евреи насчитывали менее 9% населения, а среди высланных – 25%; 440 депортированных евреев Эстонии – это 10% еврейского населения республики.

Мужчин отправили в лагерь принудительного труда, где они встретились с польскими евреями, попавшими туда незадолго до этого; женщины и дети оказались в ссылке, на спецпоселении. Через многие годы матери и жены пытались выяснить судьбу исчезнувших в лагерях сыновей и мужей и получали, как правило, такое сообщение: "Разыскать могилу не представилось возможности, так как место захоронения от давности подверглось естественным изменениям, опознавательные знаки пришли в негодность".

***

Из воспоминаний В. Молотова: "Немцы неохотно пошли на то, что мы присоединим к себе Латвию, Литву, Эстонию и Бессарабию. Когда... я был в Берлине, Гитлер спросил меня: "Ну хорошо, украинцев, белорусов вы объединяете вместе; ладно, и молдаван – это еще можно объяснить, но как вы объясните всему миру Прибалтику?" Я ему сказал: "Объясним".

***

В 1925 году в Вильно был создан Еврейский научный институт (ИВО) для исследования еврейской литературы, истории, этнографии и культуры. Институт выпускал научные сборники, его аспирантура готовила будущих ученых; были собраны большой архив документов и библиотека с редкими рукописями. Перед началом Второй мировой войны часть архива успели отправить в США, а после установления советской власти уволили некоторых сотрудников ИВО, изъяли из архива часть документов, на здании института вывесили плакат "Работники культуры приветствуют героическую Красную армию и вождя рабочего класса всего мира товарища Сталина!"

Во время немецкой оккупации многие архивные материалы и десятки тысяч книг из библиотеки ИВО и других библиотек Вильнюса вывезли в Германию, в Институт исследований еврейских проблем, а остальное переработали на бумагу. Книги и архивные материалы, отправленные в Германию, попали в конце концов в США; институт ИВО в Нью-Йорке является одним из мировых центров хранения и изучения документов по еврейской культуре и истории.

***

В марте 1941 года наркомат внутренних дел Литвы направил в Москву документ под названием "Контрреволюционная деятельность еврейских националистических организаций", составленный по сообщениям секретных информаторов. В нем сказано, что в Вильнюсе и прилегающих районах обучалось в иешивах 350 человек; сообщалось также о тайных встречах раввинов Литвы, о выборах в подпольный Совет иешив, о решении раввинов "внушать еврейскому населению, что религия будет существовать постоянно, а советская власть недолговечна".

В документе НКВД особо выделен магид (проповедник) Жухович – "систематической антисоветской пропагандой среди молящихся". Во время праздника Симхат-Тора он сказал в синагоге: "Не обращайтесь внимания на то, что пишут в газетах. Не отчаивайтесь, соблюдайте наши законы. Наша религия выдержала многие испытания, она переживет и это трудное время". Жухович говорил в своих выступлениях: "Ни пушки, ни самолеты, ни танки не заставят нас отказаться от нашей веры – она сильна, и никто не в состоянии разрушить ее..." – "В Талмуде сказано, что придет время, когда два человека подтолкнут многие народы к мировой войне, и эти два человека станут причиной ужасных страданий еврейского народа... Эти два человека, о которых сказано в Талмуде, – .... и Гитлер" (сотрудники НКВД не рискнули вписать в донесение имя Сталина, а потому ограничились многоточием).

Этот документ отправили в Москву за три месяца до начала войны с Германией; Жуховича не успели арестовать, и он погиб в гетто Вильнюса.

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Начало Второй мировой войны. Советско-финская война. Положение евреев СССР к лету 1941 года

1

В марте 1939 года Германия захватила Чехословакию; Гитлер заявил после этого, что у него "нет больше территориальных требований в Европе", однако в августе того года он сообщил высшему командному составу: "Я найду пропагандистский предлог для начала войны, независимо от того, будет ли он внушать доверие или нет. В развязывании и ведении войны имеет значение не право, а победа... Полный разгром Польши является военной целью".

1 сентября 1939 года немецкие войска вступили в Польшу, за три недели захватили всю страну, после чего В. Молотов сказал немецкому послу в Москве: "Сильная Германия – это совершенно необходимый залог мира в Европе". В апреле 1940 года Германия оккупировала Данию, начала военные действия в Норвегии, и в газете "Правда" написали: "Мероприятия Германии в этом деле были необходимы... Издавать лицемерные вопли о правомерности или неправомерности немецких действий означает не что иное, как ставить себя в смешное положение".

В мае 1940 года немцы вошли в Бельгию, Голландию и Люксембург, обошли французскую линию Мажино – систему оборонительных сооружений на франко-германской границе и в июне заняли Париж. "Французы отступают, – записывал Й. Геббельс в дневнике. – От этого сообщения сердце дрожит от восторга. О прекрасный немецкий народ! Ты призван дать Европе новый порядок". После захвата европейских стран Германия получила огромное количество вооружения, военную промышленность и природные ресурсы завоеванных государств; немецкие солдаты и офицеры обладали боевым опытом и верой в своего фюрера, который вёл их от триумфа к триумфу; провозгласили лозунг: "Где Гитлер, там победа!", – казалось, ни одна страна не сможет противостоять такой силе, а потому вся Европа должна покориться Германии. В мае 1940 года Н. Чемберлен ушел в отставку с поста главы правительства Великобритании из-за провала "политики умиротворения" Германии. Его заменил У. Черчилль, который пообещал англичанам "кровь, тяжкий труд, слезы и пот" на пути к победе и заявил в парламенте: "Вы спрашиваете, какова будет цена нашей победы?.. Победа любой ценой, победа вопреки всем ужасам, победа – несмотря на то, что путь к ней будет долгим и трудным".

Правительство США в тот момент провозглашало нейтралитет в конфликте европейских стран; СССР стал союзником Гитлера, и Великобритания в одиночестве противостояла Германии. Геббельс, из дневника: "В мыслях фюрера Англия уже побеждена. Нам мешает только погода...", но несмотря на непрерывные бомбежки Лондона и других городов, немцам так и не удалось сломить дух англичан.

Д. Бен-Гурион, из письма (Лондон, сентябрь 1940 года): "Всю ночь напролет грохочут зенитки. Иногда их успокаивающий рык слышен и днем... Орудийная канонада оглушает... Вчера был рекордный день, потому что битва в облаках, над облаками и под облаками длилась почти до вечера и было сбито сто восемьдесят пять нацистских самолетов".

С. Боровой, историк: "Ректор моего института... с чувством особой радости говорил: "Слышали, как здорово немцы разбомбили Лондон?" На мой удивленный вопрос: чему же здесь радоваться? – он ответил: "Разве вы не понимаете, что символ и оплот капитализма – это Англия. Фашизм – во многом извращенная идеология, но это уже не капитализм".

В сентябре 1940 года Германия, Италия и Япония подписали пакт трех держав, в котором провозгласили, что "предпосылкой длительного мира является получение каждой нацией

необходимого ей пространства". Договаривающиеся стороны признали право Германии и Италии "в деле создания нового порядка в Европе", а право Японии – на создание "нового порядка в великом восточноазиатском пространстве". Расширение "жизненного пространства" успешно продолжалось: в апреле 1941 года Германия оккупировала Югославию и Грецию, армия генерала Э. Роммеля захватила территории Северной Африки и приближалась к Египту; Гитлер заявил в рейхстаге: "Для немецкого солдата нет ничего невозможного!"

Формально СССР соблюдал нейтралитет в той войне, однако по торговому соглашению поставлял в Германию нефть и продовольствие, приобретал для немцев стратегическое сырье в третьих странах, чтобы обойти британскую блокаду. Лишь за один месяц – в апреле 1941 года – Советский Союз поставил Германии 208 000 тонн зерна, 90 000 тонн нефти, более 8000 тонн хлопка, 6400 тонн меди, олова и никеля, 4000 тонн каучука; немецкие самолеты, бомбившие английские города, немецкие танки, готовившиеся вторгнуться на территорию СССР, были заправлены, возможно, советским горючим, немецкие солдаты ели за обедом советский хлеб. Черчилль говорил в то время: "Мы знаем, что война будет тяжелой, мы понимаем, что она будет затяжной... Мы еще не знаем, откуда придет избавление и когда оно наступит, но одно безусловно и неминуемо: каждый след шагов Гитлера, каждый отпечаток его зараженных, всё разъедающих пальцев будет выскоблен и вычищен, а если понадобится, то и стёрт с лица земли".

Впереди были годы Второй мировой войны, в которой участвовало шестьдесят одно государство, самой страшной из всех войн на огромных пространствах Европы, Азии и Африки, самой губительной из всех, которые испытало человечество.

2

Из свидетельства современника: "В Европе падает одно государство за другим. Немцы уже бомбят Лондон, а в Москве кажется, что это происходит на далекой планете... Никто не рассуждает, никто не высказывает ни тревоги, ни опасения. Есть только идущая сверху бодрая генеральная линия, убеждающая в волшебной силе "мудрого отца", единственного, кто думает и решает за всех нас и которому одному ведомо, как устранить любую опасность".

И. Сталин торжественно провозгласил с трибуны съезда: "Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому". Газеты и журналы размножили эти слова в миллионах экземпляров, танкисты-артисты запели с киноэкранов страны: "Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим..." Все средства пропаганды утверждали, что "наша граница на крепком замке, ее охраняют зоркие часовые", Красная армия "всегда в боевой готовности и готова сокрушить любого врага"; если империалисты спровоцируют СССР на военные действия, если враг "сунет рыло в наш советский огород", "если завтра война, если завтра в поход...", то воевать "будем малой кровью и на чужой территории", "на удар ответим тройным ударом", "враг будет разбит в его собственной берлоге". Когда это произойдет? Танкисты с экрана давали ответ и на такой вопрос: "Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведет..."

В 1939 году Советский Союз потребовал от правительства Финляндии обменять финскую территорию на Карельском перешейке на соответствующую советскую территорию, чтобы отодвинуть границу от Ленинграда, а также пожелал получить в аренду финский полуостров Ханко для создания там военной базы. Финны не согласились на эти требования; СССР разорвал советско-финский договор о ненападении и 30 ноября 1939 года начал военные действия.

Многие полагали, что эта война будет подобна "прогулке" в Польшу, – не могла же крохотная страна с четырехмиллионным населением противостоять государству, раскинувшемуся на шестой части суши земного шара. А потому заранее создали в Москве Народное правительство Финляндии, подписали с ним договор "о взаимопомощи и дружбе", приготовили даже знамя для воинской части, которая первой вступит в Хельсинки. Но финны – неожиданно для советского командования – оказали серьезное сопротивление; потребовались огромные усилия гигантской страны, чтобы прорвать оборону противника на линии Маннергейма, оборудованной новейшей системой противотанковой обороны, железобетонными сооружениями, минными заграждениями, гранитными надолбами, ямами и ловушками.

Н. Хрущев (из воспоминаний): "Мы начали войну против маленького противника из всех возможных противников... Наша армия оказалась плохо подготовленной, потому что она была в плохих руках, у людей, достойных политического доверия, но ничтожных по своему умению заниматься восстановлением и подготовкой армии".

В частях Красной армии не хватало минометов и автоматов, запаздывал подвоз горючего и продовольствия, не доставало теплой одежды во время суровой зимы, отчего оказалось много обмороженных. Война продолжалась три с половиной месяца; в марте 1940 года СССР заключил мирный договор с Финляндией и получил Карельский перешеек с городом Выборгом, откуда финны эвакуировали 400 000 жителей, – границу в районе Ленинграда отодвинули на несколько десятков километров. За агрессивные действия против Финляндии Советский Союз исключил из Лиги Наций. Москва заявила, что "это нелепое решение вызывает ироническую улыбку... Тем хуже для Лиги Наций и ее подорванного авторитета"; по всей стране прошли многолюдные митинги, на которых окончание войны рассматривалось как торжество миролюбивой политики коммунистической партии и лично товарища Сталина.

Оборонительную линию Маннергейма прорвали с большими потерями, а потому в Красной армии насчитали 127 000 погибших, умерших от ран, пропавших без вести и 260 000 раненых, больных и обмороженных. Потери финской армии по официальным данным – 48 000 человек убитыми, 43 000 ранеными. По окончании войны К. Ворошилов признал "несостоятельность своего руководства", и вместо него наркомом обороны назначили маршала С. Тимошенко. Во всем мире сложилось мнение о неподготовленности Красной армии, что повлияло, быть может, на решение Гитлера начать войну против Советского Союза.

В начале той войны возникли перебои в снабжении, и граждане СССР задавали вопрос: если во время столкновения с маленьким государством уже нет продуктов, что же произойдет, когда начнется война против большой и сильной страны? Появилась даже шутка, которую рассказывали шепотом: "Еще ничего нет, а уже ничего нет. Что же будет, когда что-нибудь будет?.."

В финских частях, участвовавших в боях, воевали и евреи Финляндии; в Красной армии тоже были евреи, бойцы и командиры, шестеро из которых заслужили высшую боевую награду – звание Героя Советского Союза. Командир стрелковой роты лейтенант Леонид Бубер был трижды ранен при форсировании реки и удержании плацдарма возле Выборга, но не ушел с поля боя и заслужил звание Героя. Командир стрелкового батальона капитан Хаим Краснокутский поднял бойцов в атаку в боях на Карельском перешейке и стал Героем Советского Союза "за героизм и мужество, проявленные при прорыве сильно укрепленной обороны противника". Летчик старший лейтенант Израиль Летучий получил звание Героя за мужество в воздушных боях и спасение экипажа подбитого самолета; командир танкового взвода лейтенант Иосиф Маковский – за прорыв обороны города Выборга; артиллерист старший лейтенант Давид Маргулис – за отражение вражеской атаки на батарею дальноточных орудий; командир разведывательного батальона капитан Максим Рапайко получил посмертно звание Героя за прорыв обороны противника и овладение населенным пунктом. Григорий Штерн командовал одной из армий на последнем этапе войны, за успешные боевые действия заслужил орден Ленина и звание генерал-полковника.

После подписания мирного договора Финляндия возвратила в Советский Союз более 5000 военнопленных. Их встречали в Ленинграде с оркестрами и цветами, а затем – "за нарушение присяги", "за сдачу в плен белофиннам" – 150 человек расстреляли, более 4000 приговорили к заключению на срок до восьми лет; среди них, по всей видимости, были и евреи.

3

К началу Второй мировой войны еврейское население во всем мире приближалось к 17 миллионам человек, более половины которых находилось в Европе. Перепись населения 1939 года насчитала в Советском Союзе 3 миллиона евреев – 1,8% населения страны. Евреи оказались по количеству на седьмом месте среди других народов СССР; 87% из них были городскими жителями, в Москве, Ленинграде, Киеве и Одессе еврейское население превышало 200 000 человек. В 1939–1940 годах Советский Союз присоединил Западную Украину и Западную Белоруссию, Бессарабию, Северную Буковину, Латвию, Литву, Эстонию, и население СССР возросло на 23 миллиона человек. Количество

евреев увеличилось примерно на 2 миллиона, к ним добавились беженцы-евреи из Польши и Румынии, а потому к лету 1941 года, к началу войны с Германией, еврейское население на территории СССР превысило 5 миллионов человек. По своему количеству евреи занимали теперь четвертое место после русских, украинцев и белорусов, потеснив узбеков, татар и казахов.

Жизнь шла своим чередом. Молодежь вступала в комсомол, сдавала нормы на значок ГТО – "Готов к труду и обороне", заучивала советские песни. Люди постарше берегли затертые пластинки с еврейскими мелодиями и ставили их на патефоны, обитые цветным дерматином. Одни пели песни и выходили на демонстрации. Другие им подпевали, чтобы не выделяться. Третьи молились, – но мало было таких, кто знал молитвы. А молодые поэты, выходцы из еврейских семей, прославляли по примеру маститых революционную романтику: "Но мы еще дойдем до Ганга, Но мы еще умрем в боях, Чтоб от Японии до Англии Сияла Родина моя!.." Уже не было показательных процессов "врагов народа" и многолюдных митингов с требованием их уничтожить; по всей стране, "от края до края", перекачивалась волна организованной радости по поводу "расширения братской семьи советских республик". Из рекомендованных "народных" песен на идиш:

В июне 1940 года в СССР ввели восьмичасовой рабочий день взамен семичасового, перешли с шестидневной недели на семидневную, запретили "самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений"; опоздание на работу на двадцать минут рассматривалось теперь как прогул и каралось "принудительно-воспитательным трудом" на срок до шести месяцев. В стране существовала паспортная система; в каждом паспорте указывали национальность его владельца, делали записи о поступлении на работу и об увольнении; паспорт регистрировали по постоянному месту жительства, и без прописки нельзя было поступить на работу. При переезде на другое место – даже в отпуск – следовало в течение трех дней зарегистрироваться в отделении милиции; за проживание без паспорта грозило наказание по статье "бродяжничество".

Жизнь была нелегкой. Недоставало товаров и продуктов питания. Москва снабжалась лучше других городов, а потому в столицу съезжались за покупками из самых отдаленных областей и республик; люди стояли часами в длиннейших очередях, спрашивая друг друга: "что дают?" и "сколько дают в одни руки?.." Ежегодно выпускали очередной государственный заем для "дальнейшего развития мирного строительства"; подписка на заем считалась добровольной, однако все подписывались на месячную зарплату и уклониться от этого было невозможно. В 1940 году прокуратура Еврейской автономной области докладывала, что евреи-переселенцы, "проживая временно в ненормальных бытовых условиях, пытаются использовать малейшую возможность для себя и своих детей, чтобы каким-то образом выжить". Курицкий Абрам Борисович из Биробиджана, комсомолец, слесарь – украл электролампу у станка и на допросе объяснил, что у него нет денег на приобретение лампы, да и купить ее негде. Шлейфман Исаак Моисеевич из Биробиджана, рабочий ресторана – украл килограмм мяса, так как у него четверо детей и кормить их нечем. Клейнер Абрам Мордкович, сторож пошивочной артели – украл несколько кусков материи, сшил из нее платье для дочери, арестован.

С. Дубнов, историк: "Наступило полное уравнение евреев в общем бесправии... но духовно они страдают гораздо больше, они вымирают как часть нации. В стране, где фабрикует человеческую душу и нивелируют мысли и нравы... растет духовно обезличенное поколение, оторванное от своих исторических корней... Еврейство советской России в настоящее время не творит свою историю".

После 1939 года на присоединенных территориях появились евреи из внутренних областей Советского Союза, которые более двадцати лет находились под влиянием большевистской пропаганды. Местные евреи с удивлением отметили у них "нееврейское выражение лица": "Они ничего не слышали о Палестине, не знали Библии, не имели понятия о национальной культуре и тех именах, которые дороги каждому еврею, – точно они были с другой планеты. Когда мы им рассказывали о Тель-Авиве, они слушали, как негры из Центральной Африки слушают рассказ белого человека о чудесах Европы – с удивлением, но без особого интереса, как о чем-то, что слишком далеко от них, чтобы быть реальным".

Несколько имен из великого множества...

Мендл Бейлин из Нежина – в семнадцатилетнем возрасте арестован за сионистскую деятельность, сослан на три года в Восточную Сибирь, жил в тяжелых условиях, голодал. После освобождения его вновь арестовали, приговорили к десяти годам заключения, продержали в лагерях весь срок. В 1949 году арестовали в очередной раз, отправили на вечное поселение, освободили после смерти Сталина – всего провел в заключении 19 лет (в 1990 году выехал в Израиль с женой, детьми и внуками; было ему 77 лет).

Биньямин Бромберг из Херсона – арестован в 1926 году за сионистскую деятельность, провел три года в тюремном политизоляторе. Затем его отправили в ссылку в Среднюю Азию; там родился у него сын и вскоре умер от недостатка питания и отсутствия медицинской помощи. В 1937 году Бромберга вновь арестовали по обвинению в заговоре ликвидировать членов правительства, приговорили к смертной казни, которую заменили на двадцать пять лет заключения на Колыме, расстреляли в 1942 году (сохранилось несколько его стихотворений; в одном из них, написанном в тюрьме, сказано: "Тяжелый год, уходи с Богом...").

Авраам Вигдерзон из Винницы – арестован в 1924 году и помещен во Владимирскую тюрьму за подпольную сионистскую деятельность. После освобождения женился, но вскоре супругов арестовали и продержали в заключении до 1928 года. Был вновь в лагерях с 1929 по 1933 год, с 1938 по 1946, с 1949 по 1954 год (супруги Вигдерзон приехали в Израиль в 1969 году, двое их детей умерли в Сибири).

Меер Каневский из Черкасс – в 1938 году приговорен к десяти годам заключения за сионистскую деятельность. Освобожден в 1948 году, был среди тех, кто встречался с Г. Меир, первым послом Израиля в СССР. Приговорен к высшей мере наказания, которую заменили на двадцать пять лет лагерей. Провел в заключении 17 лет (с 1968 года в Израиле).

Гершон Магерлашвили из Грузии – арестован в 1932 году за попытку уйти через Турцию в Эрец Исраэль, приговорен к десяти годам заключения и освобожден через год благодаря протестам из Америки. В 1941 году пытался еще раз уйти через границу, вновь оказался в заключении. После освобождения вел в Грузии подпольную сионистскую деятельность, составил грузино-ивритский словарь (в Израиле с 1969 года).

Цви Рам из Одессы – впервые был арестован в семнадцатилетнем возрасте: "С 1929 по 1954 год я почти непрерывно подвергался всевозможным репрессиям... Вся моя вина заключалась в том, что я хотел выехать в Палестину и интересовался жизнью этой страны..." – "Это были годы самого близкого знакомства с органами ВЧК-ОГПУ, со всеми метаморфозами их названий (НКВД, НКГБ, МВД, МГБ, КГБ)... – следственная тюрьма, городская тюрьма, пересыльная тюрьма, ДОПР, исправдом, политизолятор, ТОН (тюрьма особого назначения), пересыльный лагерь, исправтрудлагерь, спецлагерь, штрафная командировка, штрафной изолятор и так далее..." (Приехал в Израиль в 1970 году.)

Вера Школьник из Киева – в 1935 году осуждена вместе с мужем за подпольную сионистскую деятельность, провела в заключении два года. В 1937 году, во время "большого террора", ее приговорили к десяти годам лагерей, пятилетнего сына отправили в детский дом. Муж погиб в лагере, сын стал беспризорником; вернувшись из заключения, она разыскала его, помогла вернуться к учебе, но в 1948 году ее арестовали в третий раз, сослали пожизненно в Караганду (в Израиле с 1969 года; сын не хотел уезжать из СССР, приехал в 1990-х годах в пенсионном возрасте, не застал мать в живых).

Из воспоминаний Товы Перельштейн (1932 год – ссылка в Ташкент, с 1936 по 1946 год – заключение на Колыме, 1949 год – пожизненная ссылка в Сибирь; в Израиле с 1959 года): "Однажды под утро (после первого ареста), когда мы оба – мой следователь и я – очень устали после долгих часов допроса, он с раздражением сказал: "Ты очень упрямая и думаешь, по-видимому, что арест – это игра. Знай же, что это на всю жизнь: в первый раз ты получишь ссылку, во второй раз – одиночное заключение, потом исправительный лагерь, потом еще раз ссылку – и когда состаришься, ни один гражданин не пустит тебя в свой дом. Дети на улице будут бросать в тебя камни и кричать: "Вон идет старая сумасшедшая контрреволюционерка!" Так и умрешь под забором..."

"В 1943 году у меня родились на Колыме близнецы – недоношенные, на седьмом месяце беременности. Новорожденные были слабы; я тоже была больна и слаба и не могла кормить их грудью. В больнице не было не только инкубатора – даже молока для детей не было. Я лежала в холодной и грязной палате, а в соседней палате умирали от голода и холода мои младенцы. Они упорно не хотели умирать и плакали день и ночь. Один прожил три недели, а другой – месяц. Похоронили их в общей могиле..."

"Я. Пичкар, пробывший в заключении двенадцать лет, нашел в лагерной уборной кусочек газеты, уже "использованной по назначению". Газет заключенным не давали; жажда узнать, что происходит в мире, была велика, а потому он вытер загаженный клочок и прочитал на нем, что "израильские войска успешно продвигаются вперед". Эти слова в советской газете потрясли его... Он стал расспрашивать вольнонаемных, работавших в лагере, и когда они рассказали о Войне за независимость в Израиле, он упал в обморок..." (Яков Пичкар приехал в Израиль в 1973 году.)

5

В первые годы советской власти многие евреи – выходцы из местечек могли лишь говорить по-русски, но не умели читать и писать. Следовало изучить русский язык на курсах ликвидации неграмотности, поступить затем в дневные и вечерние школы, в техникумы и институты – несмотря на годы нищеты, голода и разрухи. Традиционная тяга к образованию способствовала тому, что дети из еврейских семей заканчивали школы и продолжали учебу, чтобы получить специальность; к середине 1930-х годов среди евреев Советского Союза появилось значительное количество ученых, конструкторов, технологов, квалифицированных рабочих, руководителей производства. Практически на всех уровнях управления промышленностью евреи наравне с другими занимали ведущие посты – наркомы, директора заводов, главные инженеры, главные металлурги и технологи, начальники цехов и мастера участков. Немало евреев учились без отрыва от работы в вечерних техникумах и институтах, а затем и они пополняли ряды ИТР – инженерно-технических работников или вливались в бесчисленные колонны заключенных.

Из выступления завотдела печати ЦК партии С. Гусева (Я. Дабкина) на партийном съезде: "Что это за задушевные мысли, которые являются конспиративными от партии, которые нужно скрывать... Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, то есть должен смотреть и доносить... Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доноительства, а от недоноительства".

Уголовные кодексы советских социалистических республик предусматривали жестокие наказания за "недонесение". В стране нагнеталась атмосфера недоверия, взаимной подозрительности; таинственные осведомители вызывали страх перед всевидящим оком карательных органов; процветали доносы "преданных", "законопослушных" людей, чтобы отомстить обидчику, получить комнату осужденного или его должность, а то и для того, чтобы выжить самому, спасти жизнь в условиях повальных арестов. Существовали даже стукачи-"ударники", которые писали доносы под копирку; на съезде партии говорили о человеке, который сочинил и отправил по назначению 142 ложных доноса. Ни у кого не было теперь родственников за границей, даже если они и существовали на самом деле. По улицам ездили "черные вороны" для перевозки заключенных; их маскировали под грузовики, доставлявшие товар в магазины, а потому на них было помечено крупно: "Хлеб" или "Мясо". Повсюду – даже в лагерях принудительного труда – красовался лозунг со словами И. Сталина: "Труд в СССР – дело чести, славы, доблести и геройства".

Оглядываясь назад, на ушедшие недавно годы, не досчитывались членов Политбюро и многих наркомов, крупнейших советских дипломатов, руководителей Коминтерна, военачальников Красной армии, руководителей союзных и автономных республик; пострадали и многие евреи на руководящих постах, которые они занимали в течение долгого или короткого времени. Были ликвидированы нарком машиностроения А. Брускин, нарком внутренней торговли И. Вейцер, нарком здравоохранения Г. Каминский, нарком внешней торговли А. Розенгольц, нарком оборонной промышленности М. Рухимович; покончил самоубийством нарком авиационной промышленности М. Каганович, арестовали наркома вооружения Б. Ванникова. На высоких

постах оставался член Политбюро Л. Каганович, а также Л. Мехлис – заместитель наркома обороны и начальник Главного политического управления Красной армии, с 1940 года нарком Госконтроля, один из жестоких инициаторов и исполнителей "чисток" в армии и в партийно-государственном аппарате страны.

Н. Мандельштам, из свидетельства современника: "После тридцать седьмого года люди перестали встречаться друг с другом... Мы жили среди людей, исчезавших на тот свет, в ссылки, в лагеря, в преисподнюю, и среди тех, кто отправлял в ссылки, в лагеря, на тот свет, в преисподнюю..." – "Карающие органы действовали точно, осмотрительно и уверенно... Людей снимали пластами по категориям... Церковники, мистики, ученые-идеалисты, остроумцы, ослушники, мыслители, болтуны, молчаливники, спорщики... да еще инженеры, техники и агрономы, потому что появилось понятие "вредитель", которым объясняли все неудачи и просчеты".

По радио исполняли пионерский марш композитора И. Дунаевского "Эх, хорошо в стране советской жить!..", а автор текста марша В. Лебедев-Шмидтгоф находился в заключении, признав под пытками, что он немецкий шпион. "Будь готов всегда, во всем! Будь готов ты и ночью, и днем! Чем смелее идем к нашей цели, Тем скорее к победе придем..."

В годы "большого террора", в атмосфере шпиономании и всеобщего недоверия, всё считалось вредительством – ошибки в конструкторских расчетах, невыполнение плана, несоответствие создаваемого изделия техническому заданию; бывало и так, что конструкторы писали доносы на конкурентов, чтобы внедрить свое изобретение. Это приводило к арестам, строгим приговорам или к уничтожению ученых, конструкторов, квалифицированных рабочих и руководителей производства. В атмосфере всеобщей подозрительности и шпиономании, когда по разнарядке сверху требовалось обнаружить "врагов", положение руководителя было очень опасным, если он не сумел обезвредить "вредителей", прокравшихся в его учреждение.

Требовалось много умения, хитрости, а то и подлости, чтобы удержаться на видном месте и не отправиться вслед за другими в лагеря заключения или в расстрельную камеру.

Из воспоминаний о Б. Слонимере, директоре научно-исследовательского института, где разрабатывали снаряды для ракетной установки "Катюша": "Писать на своих подчиненных доносы Слонимер не хотел, и положение его было очень сложное. Человек трезвый и объективный, Борис Михайлович, сколько ни искал, не находил во вверенном ему учреждении ни беспечности, ни самоуспокоенности, ни бахвальства, ни зазнайства и... приближался к тому опасному рубежу, когда ему начинало казаться, что никаких врагов, возможно, в институте нет".

В годы террора страна лишилась многих специалистов, которые были уничтожены или умерли от истощения и непосильной работы в лагерях. А впереди была война, эвакуация заводов на восток страны – промышленность, обескровленная победами врага и внутренними репрессиями, должна была в короткий срок восполнить потери, чтобы снабдить армию необходимым вооружением и боеприпасами.

6

Внешне всё выглядело прекрасно, особенно со слов официальной пропаганды. В Советском Союзе не было ограничительных антиеврейских законов по сравнению с нацистской Германией; "сталинская" конституция обеспечивала каждому народу равные гражданские права; стремительная ассимиляция евреев, казалось, не носила принудительного характера, существовала даже Еврейская автономная область в Биробиджане – как доказательство благополучного решения "еврейского вопроса" в СССР, где создана для евреев счастливая и полноценная жизнь.

Были тому и конкретные примеры. Выходили газеты на идиш – "Штерн" ("Звезда") в Киеве, "Октябрь" в Минске, "Биробиджанер штерн" в Еврейской автономной области; в Киеве печатали ежемесячник "Советише литератур", в Москве – альманах "Советиш", в Минске – ежемесячник "Штерн", в Биробиджане – литературный журнал "Форпост". Работали государственные еврейские театры на идиш в Москве, Киеве, Одессе, Харькове, Днепропетровске, Житомире, в Минске, Баку и Ташкенте, в Биробиджане и Симферополе. В 1939 году, к двадцатилетию московского еврейского театра ГОСЕТ, его главный режиссер С. Михоэлс получил звание народного артиста СССР и орден Ленина; артист ГОСЕТа В. Зускин и

заведующий музыкальной частью театра композитор Л. Пульвер стали народными артистами РСФСР, были награждены орденами Трудового Красного Знамени.

В стране существовали еврейские издательства, выходили в свет книги на идиш Шолом-Алейхема, Д. Бергельсона, С. Галкина, Л. Квитко, П. Маркиша и других еврейских поэтов и писателей. В январе 1939 года более ста семидесяти советских писателей и поэтов получили правительственные награды; среди награжденных орденом Ленина был поэт П. Маркиш, орден "Знак почета" получил поэт И. Фефер (а через год – орден Ленина), орденосцами стали С. Галкин, Д. Гофштейн, Л. Квитко; в заранее подготовленный список награжденных И. Сталин собственноручно вписал несколько имен, в том числе поэтессу М. Алигер и автора научно-популярных книг М. Ильина.

На территориях, присоединенных к СССР, работали школы на идиш и педагогические училища для подготовки преподавателей, появились секции еврейских писателей, художников, композиторов, в Вильнюсском университете открыли кафедру еврейского языка и литературы. Во Львове выпускали газету на идиш "Ройтер штерн" ("Красная звезда"), в Белостоке – "Белостокер штерн", в Кишиневе – "Бессарабер штерн"; в Риге выходила газета "Камф" ("Борьба") с приложением "Юнге кемфер" ("Молодой борец") и литературно-политический журнал "Уфбой" ("Стройка"); в Вильнюсе – "Вилнер эмес" ("Виленская правда"), в Каунасе – "Дер эмес" ("Правда"). Во Львове создали театр на идиш во главе с актрисой И. Каминской; работали еврейские театры в Риге, Вильнюсе, Каунасе, Белостоке и Кишиневе. Это вызывало надежды у оптимистов, которые заговорили о "бурном возрождении еврейской культуры" на присоединенных землях, откуда она непременно "перекинется" на евреев Советского Союза. В Черновцы приехали Д. Гофштейн и И. Фефер – читать лекции о социалистическом реализме, на основе которого следовало создавать произведения искусства; говорили о том, что перед местными писателями и поэтами открываются "широкие горизонты советской еврейской литературы".

К тому времени по всей стране уже закрыли еврейские школы, и лишь в Биробиджане оставалось несколько школ, в которых занималось около семисот учеников. Они учили в начальных классах язык идиш, но остальные предметы им преподавали на русском языке, так как не было необходимых учителей. В 1940 году в школах с преподаванием на идиш обучалось в Западной Украине 3,9% еврейских детей, в Западной Белоруссии – 2,7%; количество еврейских школ непрерывно сокращалось – их переводили на украинский и белорусский языки. В начале 1941 года закрыли в Вильнюсе газету "Вилнер эмес"; поэты З. Аксельрод и Э. Кахан протестовали против этого – их арестовали, и Аксельрода расстреляли в минской тюрьме перед отступлением Красной армии.

***

М. Джилас, югославский политический деятель, из воспоминаний 1946 года (обед у И. Сталина, разговор о советско-финской войне). А. Жданов: "Мы сделали ошибку, что их не оккупировали, – теперь бы всё было кончено, если бы мы это сделали". И. Сталин: "Да, это была ошибка – мы слишком оглядывались на американцев, а они и пальцем бы не пошевелили". В. Молотов: "Ах, Финляндия – это орешек!"

Во время финской войны в составе Красной армии воевали евреи – будущие Герои Советского Союза, заслужившие это звание в боях против Германии: артиллеристы Израиль Бескин, Евгений Бирбраер и Лазарь Каплан, танкисты Леонид Бердичевский, Соломон Горелик, Семен Кривошеин и Израиль Куперштейн, пехотинцы Семен Левин и Моисей Спивак, сапер Иосиф Серпер; будущий Герой Советского Союза летчик Михаил Плоткин был награжден в финскую войну орденом Ленина.

***

В годы "большого террора" были репрессированы многие евреи – заместители наркомов, начальники главков в наркоматах, директора заводов и их заместители. В Ленинграде – директор завода "Двигатель" В. Бродский и директор судостроительного завода Л. Мексин, в Нижнем Тагиле – директор Уралвагонстроя Л. Марьясин, в Мариуполе – директор комбината "Азовсталь" Я. Гугель, в Челябинске – директор крупнейшего на Урале станкостроительного

завода И. Каттель, в Свердловске на Уралмашзаводе – заместитель директора И. Островский, главный инженер М. Левенберг, главный металлург Е. Цетлин; репрессировали руководителей оборонных заводов в Иркутске, Перми, Воронеже и в других городах.

В 1937–1938 годах на Челябинском тракторном заводе арестовали 600 человек разных национальностей, среди них было немало евреев – инженеры, конструкторы, начальник отдела кадров, начальник цеха, бухгалтер, рабочие, редактор заводской газеты "Наш трактор". Из воспоминаний: "Аресты на заводе проводились плановыми волнами по профессиям. В один день арестовывали рабочих-станочников, в другой – строителей-монтажников; на следующей неделе – служащих цехов и заводоуправления, затем – начальников цехов, затем – высшее руководство завода... Производство лихорадило. План хронически не выполнялся. Всё тогда объясняли "вредительством".

***

Ю. Марголин (из наблюдений заключенного – польского еврея): "За годы пребывания в советской глуши я не встречал негодяев. Я имел дело с простодушными дикарями, наивными и темными людьми, опасными, как слепые, размахивающие головнями... Допрашивавшие меня следователи были безграмотными пареньками, выдрессированными режимом... Начальствующие лица в лагере выглядели карикатурно и жалко. Начальник лагпункта Абраменко висел в моем присутствии четверть часа на телефоне, умоляя кого-то раздобыть ему кило помидоров. Очевидна была их нужда, материальная и интеллектуальная. Все они казались мне жертвами чудовищного режима. Понятно, не в них был корень зла. Они бы не могли сами выдумать ни Ленина, ни Сталина, ни тех лагерей, к которым были приставлены... Негодяи находились в Советском Союзе так далеко и высоко, что я так и не увидел их".

***

Киевский адвокат А. Гольденвейзер отметил в первые годы советской власти: "Страшнее всего подумать, какую умственную дисциплину и культуру вынесет из этой эпохи подрастающее поколение. И утешением может служить лишь то, что если молодежь легко и быстро усваивает, то она не менее легко и быстро забывает. А затем усваивает новое. Об этом новом только и нужно позаботиться".

До иных времен и иных поколений оставались еще многие десятилетия, а пока что еврейскому населению предлагали так называемый "фольклор" – "народные" песни на идиш:

Мы теперь стахановцы,

Радость нам отмерена,
Мы читаем вечерами
Сочиненья Ленина...

У отца хорошая
Пара лошадей,
Пашет и в субботу
На земле своей...

Наша Конституция
Нам всего дороже,
Псов-фашистов навсегда
В битве уничтожим...

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Судьбы мирного времени

1

В начале 1940 года 500 евреев Вильнюса, в основном беженцы из Польши, получили "сертификаты" – разрешения британских властей на въезд в Эрец Исраэль. Двойнт предоставил необходимые средства, и они отправились на поезде в Ригу, отсюда в Стокгольм и Париж, а из Марселя приплыли в Эрец Исраэль. Летом 1940 года немецкие войска вошли в Бельгию, Голландию, Францию, и этот путь оказался закрытым.

Затем прибалтийские страны присоединили к Советскому Союзу, и беженцы уже опасались просить разрешения на выезд, чтобы не попасть на спецпоселение или в лагеря принудительного труда. Тем не менее наиболее решительные из них обратились к властям с такой просьбой, и неожиданно им ответили: каждый, у кого окажется виза на въезд в какое-либо государство, получит разрешение покинуть Советский Союз.

Это был август 1940 года, самая его середина. Иностранные консулы в Литве уезжали из Каунаса к концу месяца; времени оставалось мало, а потому начались лихорадочные попытки раздобыть визы. Британский консул был занят упаковкой вещей перед отъездом; он позволил двум-трем евреям заполнить бланки ограниченному количеству беженцев, а затем поставил на визы печать и свою подпись. Еврейские юноши "позаимствовали" в конторе консула дополнительные бланки, подделали печать с подписью, и хотя британский лев на печати больше походил на кошку, 1200 евреев с подлинными и поддельными визами получили возможность выехать из советской Литвы. Они проехали на поезде до Москвы, отсюда в Одессу и на кораблях приплыли в Турцию, заплатив за проезд валютой советскому обществу "Интурист". Британский консул в Стамбуле распознал поддельных львов на печатях, хотел вернуть беженцев в СССР, но его уговорили этого не делать; из Стамбула они проехали поездом через Сирию и Ливан – в Эрец Исраэль.

Беженцы из Польши, остававшиеся в Литве, случайно узнали, что Голландия – для привлечения поселенцев в принадлежавшие ей владения – разрешала въезжать без разрешения на остров Кюрасао в Карибском море. Обратились к голландскому консулу за визами, но он отказался их выдавать, так как этого не требовалось. Консул вообще не понимал, зачем евреям понадобилось отправляться на край света; ему объяснили, что это поможет выехать из СССР, и он подготовил для каждого просителя по такому документу: "Подателю сего разрешен въезд на остров Кюрасао без визы, в соответствии с голландским законодательством". Этот документ не имел никакого значения; он подтверждал лишь правила, существовавшие в голландских владениях в Карибском море, однако его можно было представить советским властям и уехать из СССР. Требовалось теперь только одно – транзитная виза для проезда на Кюрасао через какую-либо страну.

Японского консула в Каунасе звали Семпо Сугихара – его и попросили предоставить транзитные визы через Японию к далекому голландскому острову. Сугихара хорошо знал географию и понимал, что путь на Кюрасао не проходит через японские острова, – это была лишь уловка беженцев, чтобы покинуть Советский Союз. Он запросил Токио, но оттуда сообщили, чтобы ни в коем случае не выдавал разрешения на проезд через Японию. Семпо Сугихара, из воспоминаний: "Я не спал две ночи и думал, думал... Я не мог допустить, чтобы эти люди умерли. Они пришли в консульство за помощью, в их глазах я увидел страх смерти. Мне было безразлично, накажут ли меня за это. Важнее всего было действовать в согласии со своей совестью". Оставалась неделя до его отъезда из Каунаса, но Сугихара, несмотря на строгий запрет, с раннего утра до поздней ночи заполнял визы; когда закончились официальные бланки, он расчерчивал самодельные и выдал несколько тысяч транзитных виз жителям Литвы разных национальностей – среди них были евреи–беженцы из Польши,

учащиеся иешив и литовские евреи. Не менее 2000 евреев проехали через Сибирь во Владивосток, оттуда в Японию и спаслись от неминуемого уничтожения в годы немецкой оккупации.

После войны консула С. Сугихару уволили за "самоуправство" из министерства иностранных дел Японии, и он зарабатывал на жизнь случайными работами. Иерусалимский мемориальный комплекс памяти жертв нацизма и героев сопротивления "Яд ва-Шем" присвоил Сугихаре звание "праведника народов мира"; в Вильнюсе установили памятник этому человеку, о нем сняли фильм; в США спасенные им люди основали благотворительный фонд имени Сугихары под названием "Тысячи виз – пропусков в жизнь".

2

В начале девятнадцатого века ученый еврей реб Шмуэль Тиктинский основал на свои средства иешиву в белорусском городе Мир. Она благополучно просуществовала более ста двадцати лет – сначала в Российской империи, затем в Польше; в период наивысшего расцвета в ней занималось до пятисот учеников из разных стран Европы. В 1939 году иешива оказалась на территории, присоединенной к Советскому Союзу. Ученики продолжали занятия, но вскоре начались гонения на религию, появились слухи о том, что их сошлют в Сибирь, а потому преподаватели с учениками решили навсегда покинуть город, в котором иешива была создана. Им удалось уехать в Литву; Мирская иешива обосновалась неподалеку от Каунаса и продолжила занятия. В 1940 году Литва стала одной из республик Советского Союза; вновь поползли тревожные слухи, будущее, казалось, не сулило уже никаких надежд, но неожиданно им повезло.

Японский консул С. Сугихара снабдил учеников и преподавателей иешивы транзитными визами на далекий голландский остров, и после многих беспокойств они получили разрешение покинуть Советский Союз. Но прежде следовало заплатить в долларах огромную сумму – за проезд из Каунаса в Москву, за номера в московской гостинице, за билеты на поезде от Москвы до Владивостока, за номера во владивостокской гостинице и за пароходные билеты до Японии. Деньги прислали евреи из Америки, и вскоре вся иешива во главе с раввином Э. Финкелем приехала в Москву. Их поместили в гостинице "Метрополь", водили на экскурсии на Красную площадь, в Музей В. Ленина, а москвичи с изумлением оглядывали этих странных людей в традиционных одеждах религиозных евреев. Затем они проехали через всю Сибирь до Владивостока, сели на корабль и поплыли в сопровождении сторожевых кораблей. "Отплывая от берега, – вспоминал один из них, – мы всё еще не верили своим глазам. Сидели молча, боялись выдать свои чувства. Наконец мы достигли нейтральных вод; военные корабли повернули назад и стали удаляться. В ту же минуту мы запели; огромная радость на лицах – мы спасены!"

Они поселились в японском городе Кобе и продолжили занятия в арендованном доме; к празднику Песах американские евреи прислали в иешиву две с половиной тонны мацы и тысячи бутылочек вина для проведения праздничных дней. Ни одна страна не желала принять Мирскую иешиву; японцы с неохотой продлили транзитные визы, а их император потребовал разъяснений: кто они такие, эти евреи, оказавшиеся на его земле? Началось расследование, японцы задавали сложные вопросы, и один из них был таков: "Почему немцы так ненавидят евреев?" Преподаватель иешивы сказал: "Немцы ненавидят всех азиатов. А мы выходцы из Эрец Исраэль, которая расположена в Азии", – этот ответ произвел на японцев большое впечатление, и некоторое время их не беспокоили.

Осенью 1941 года Мирскую иешиву перевели в китайский город Шанхай, и учителя с учениками разместились в местной синагоге. Вскоре началась война Японии с США; американские евреи уже не могли открыто пересылать деньги, и приходилось изыскивать обходные пути. Это вызвало подозрение японской разведки, и раввина Х. Шмулевича пригласили на допрос в тайную полицию, о жестокости которой ходили жуткие рассказы по всему Китаю. "Я знал, чего они хотели от меня, – рассказывал он. – Они хотели узнать, на какие средства живут четыреста человек, ни один из которых не работает. У меня не было ответа. Страх смерти сковал меня. Молча я произнес молитву: если меня предназначили в

жертву, то я готов... Что произошло на допросе, описать не могу, но вы видите – вернулся живой".

Евреи открыли в Шанхае типографию и напечатали по заказу иешивы сотни экземпляров Танаха и Талмуда. Однажды нашли книгу, которая могла пригодиться при обучении, но в ней недоставало некоторых страниц. Раввин Х. Шмулевич восстановил их по памяти, слово в слово, и книгу напечатали заново.

А война продолжалась. Шанхай бомбили. От бомбардировок погибали городские жители, но руководитель иешивы не соглашался перевести ее в безопасное место. "Это прервет наши занятия, – говорил он. – Евреев убивают, Тору сжигают – если мы не создадим замену, всё пропало". Иешива оставалась на старом месте, занятия не прекращались ни днем, ни ночью, и за годы войны у них не пострадал от налетов авиации ни один человек. Китайцы решили, что Мирскую иешиву охраняют потусторонние силы, и во время бомбежек старались быть как можно ближе к ее зданию.

Однажды – было это уже в конце войны – заболел тифом один из учеников, началась агония, врачи сказали, что он скоро умрет. И тогда раввин Е. Левенштейн произнес над свитком Торы: "Сказано в Талмуде: один защитник может противостоять девятьсот девяноста девяти обвинителям. Творец мира! Разве у этого юноши, который оставил дом своих родителей и обитал с нами все эти годы, нет заслуг? Нет хотя бы одного защитника?!.." В тот же момент произошел перелом в болезни, и через несколько дней юноша выздоровел. Не случайно сказано в предании: основатель Мирской иешивы благословил ее после создания и пообещал, что ни один из ее учеников не умрет за годы учения.

Закончилась та война. После капитуляции Японии иешива переехала в США. Часть учеников осталась там и продолжила занятия в Мирской иешиве Нью-Йорка, а остальные – во главе с раввином Э. Финкелем – уехали в Израиль и основали Мирскую иешиву в Иерусалиме, где она существует по сей день.

3

Из инструкции с грифом "совершенно секретно": "Выселение антисоветского элемента из Прибалтийских республик представляет собой задачу большой политической важности... При этом надо исходить из того, чтобы операция прошла без шума и паники, не допустить никаких выступлений и других эксцессов..."

Операцию по выселению разработали в мельчайших деталях и задолго до ее начала подготовили списки тех, "кто может быть использован для антисоветских целей разведками иностранных государств". 13 июня 1941 года в больших и малых городах прибалтийских республик шли последние приготовления. На фабриках и в учреждениях мобилизовали автомобили с шоферами. В зданиях партийных комитетов собрали проверенных членов партии и активистов, а после полуночи к ним присоединились сотрудники НКВД, милиционеры и пограничники. Улицы были пустынные. Вдоль тротуаров стояли длинные ряды грузовиков. В ночь на 14 июня – с пятницы на субботу – группы по пять-шесть человек во главе с вооруженными бойцами и командирами разъехались по заранее подготовленным адресам, чтобы разбудить родителей, их детей, бабушек-дедушек. Проводили обыски в поисках оружия, недозволенной литературы, ценных вещей и иностранной валюты, составляли опись имущества, которое оставалось в домах, а затем выводили арестованных из квартир и везли на железнодорожные станции.

Заранее было решено, что мужчин отправят в лагеря принудительного труда, а их семьи на спецпоселение "в отдаленных областях", и потому инструкция требовала от исполнителей, чтобы "операцию по изъятию" проводили одновременно над всей семьей, "не объявляя им о предстоящем разделении". Среди тех, кто проводил аресты, были и евреи. Догадывались ли они, что часть высланных, пройдя через муки лагерей и ссылок, останется в живых, а они погибнут от рук нацистов или своих соседей? Догадывались ли они об этом за две недели до захвата Прибалтики немецкими войсками?..

Из воспоминаний рижского сиониста:

"Сильный стук в дверь разбудил меня. Я открыл глаза, увидел вооруженного солдата в синей фуражке и четверых мужчин в гражданской одежде. Сначала они проверили, тот ли я человек, который помечен в их списке; затем сказали, что выписан ордер на мой арест, и, как нежелательный элемент, я должен покинуть границы Латвийской Советской республики. Моя мать может ко мне присоединиться, если она пожелает. "У вас есть двадцать минут, чтобы собрать вещи, но не более ста килограммов". Я попросил разрешения позвонить моей невесте и сообщить об аресте, но они не позволили...

Около пяти часов утра грузовик остановился перед домом, мы с мамой взяли по чемодану и спустились по лестнице. На улице было оживленное движение. Туда и обратно двигались грузовики, пустые или наполненные людьми и вещами, и в каждом из них по два солдата с винтовками. Люди в кузовах были растеряны и напуганы. Переполненные грузовики направлялись на железнодорожную станцию, чтобы вернуться за очередным грузом... На станции, по обеим сторонам платформы стояли длинные ряды товарных вагонов; в верхнем углу каждого вагона было маленькое зарешеченное окошко. Внутри вагонов, с двух сторон от входа, располагались нары, а на полу около входа – отверстие для слива при удовлетворении естественных потребностей. В эти вагоны погрузили тысячи жителей Риги, среди них выделялись легко узнаваемые евреи... Меня втолкнули в вагон, в котором было уже много людей. Двери закрыли и заперли снаружи..."

Слухи об арестах распространились мгновенно, и возле железнодорожных станций собрались обеспокоенные родители, братья и сестры, которых не подпускали к вагонам и не разрешали передавать продукты и вещи. "Они стояли вдалеке и плакали... – вспоминала одна из арестованных. – На следующую ночь на одной из станций кто-то постучал в дверь вагона и позвал Нисана. Ему приказали выйти... и больше я его не видела. Мой муж умер в лагере в 1942 году".

В пути каждый из арестованных получал ежедневно порцию хлеба и горячей пищи. Временами им выдавали соленую рыбу; воду можно было получить лишь на остановках, а потому на долгих перегонах очень хотелось пить. Маленькие зарешеченные оконца пропускали мало света и еще меньше воздуха. В вагонах стояла нестерпимая жара, люди лежали обнаженными на нарах и на полу. Все страдали от тесноты и антисанитарных условий, но более других мучились дети, старики и больные. Для удовлетворения естественных потребностей использовали отверстие в полу – женщины стеснялись этого и ожидали очередной станции, когда позволяли оправляться под вагонами. В таких условиях их везли дни и недели в неизвестном направлении, и наконец главы семей попали в лагерь принудительного труда, а их жены и дети на спецпоселения.

Из воспоминаний заключенного (1941 год, пересылочный лагерь северо-восточнее Ленинграда):

"Вдруг на дороге началось оживление... Это была партия литовцев, прямо из Каунаса... Они еще имели достойный и перепуганный вид – процессия с того света. Шли патриции и сенаторы, равнины в меховых шапках, адвокаты и банкиры, величественные пузачи, евреи и неевреи, в неопикуемых пальто, шубах, шляпах, а за ними несли и везли смехотворные сундуки, щегольские кожаные чемоданы, как будто они выехали на курорт в Ривьеру... Мы смотрели на холеные бороды, на золотые пенсне, на гору багажа и представляли себе, что со всем этим будет завтра, когда их погонят в этап, пешком, за сотни километров... Позднее дошла до нас весть, что только немногие из этих людей выдержали лагерь. Голландские и бельгийские евреи, которых везли в газовые камеры Освенцима пассажирскими поездами, выглядели, вероятно, так же, как эти литовцы. В Освенциме кончалась их мука в первый же день приезда. Этим ждали годы в лагере. Чья смерть была легче – кто знает?.."

Юлий (Иегуда) Марголин – доктор философии, писатель и публицист – в 1939 году приехал из Тель-Авива в польский город Пинск, чтобы встретиться с родителями. В сентябре того года советские войска заняли Западную Белоруссию, Марголина арестовали, приговорили к пяти годам заключения за пребывание в СССР без советского паспорта и отправили на север. Он

выжил в лагерях, отбыл свой срок, в 1946 году вернулся к семье в Тель-Авив и вскоре закончил книгу "Путешествие в страну Зэ-ка", которую издали на многих языках. "Для меня нет иллюзий, – написано в предисловии к этой книге, – я видел подземную Россию. Я в и д е л. Те же, которые возлагают надежды на страну Советов, пусть примут во внимание и этот "материал" и согласуют его, как смогут, со своей совестью..."

В 1950 году Марголин выступал свидетелем на сессии Организации объединенных наций при обсуждении вопроса о лагерях ГУЛАГа. Услышав показания бывшего узника, советский представитель в ООН стукнул кулаком по столу и закричал: "Это грязная клевета!..."

Фрагменты из книги Ю. Марголина "Путешествие в страну Зэ-ка":

"Поезд шел медленно через лес... Глухая, заброшенная сторона. На поворотах наш маленький паровозик оглушительно свистел, и на деревянных щитах у полотна мы читали непонятную для нас надпись: "Закрой поддувало"... На одной остановке мы увидели старого узбека с белой бородой и монгольским высохшим лицом. Откуда взялся узбек в карело-финском лесу? "Дедушка! – начали ему кричать с нашей платформы. – Как этот город называется?" Узбек повернул лицо, смотрел потухшими глазами. "Какой тебе город? – сказал он в горестном изумлении. – Ты разве г о р о д приехал? Ты л а г е р ь приехал..."

Кого только здесь не было – узбеки, поляки, китайцы, украинцы и грузины, татары и немцы... Они смотрели с любопытством на поезд, везущий "новичков", а мы с немалым любопытством глядели на них. Мы были "иностранцы", которых сразу узнавали по желтым и зеленым чемоданам, по пиджакам и пальто, по верхним рубашкам всех цветов, по европейской обуви и разнообразию костюмов... Таких людей еще не было на лесоповале: западники, польские евреи, народ худосочный, одетый в изысканные костюмы, говорящий на иностранных языках, ничего не соображающий в том, что вокруг них делается. Женщины – жены польских офицеров, гордячки-аристократки... Триста пятьдесят галицийских евреев из Злочева были взяты наспех; их даже не успели допросить и отобрать ценные вещи, и они привезли с собой часы и золотые кольца, ходили в черных кафтанах и картузиках, и каждый выглядел как духовное лицо неизвестного иудейского вероисповедания...

Несколько лет тому назад на месте лагеря был лес. Заключенные выкорчевали его, но до сих пор весь лагерь полон выбоин, ям, пней, а выкорчеванные огромные корни валяются повсюду, как чудовищные осьминоги или мертвые пауки... придают лагерю вид судорожного и немного отчаяния и чем-то напоминают те живые существа, которые копошатся среди них... Те, кто пришли сюда первыми, положили здесь свои кости... Мы, поляки, прибыли уже на готовое, и люди кругом поздравляли нас с удачей: "Ваше счастье, что в 1940 году, а не в 37-м или 33-м..." Мы никогда не были в состоянии сделать то, что от нас требовалось, чтобы быть сытыми. Чем больше мы голодали, тем хуже мы работали. Чем хуже мы работали, тем больше мы голодали. Из этого порочного круга не было выхода... Советские зэ-ка, наблюдая непригодность западников, большинство которых впервые брало в руки топор и пилу, говорили:

"Привыкнешь! – а не привыкнешь, так подохнешь..." Эти люди не скрывали своего удовольствия и с садистическим наслаждением повторяли сто раз на день, что не видать нам Польши как своих ушей. В первое время нам казалось, что все они – ненормальны, что несчастье вытравило из них способность сочувствовать чужому горю и превратило в существа, полные сатанинской злобы и порочности. Прошли месяцы, пока мы научились распознавать среди них друзей и хороших людей. И еще больше времени, пока мы – или те из нас, кто задумывался над окружающим – поняли всю глубину их несчастья, беспримерного в мировой истории...

Глубокая лагерная нищета, как ночь, надвинулась на нас. Через несколько месяцев всё, что мы привезли с собой из европейских вещей и мелочей, было либо распродано, либо употреблено, либо раскрадено и отнято у нас... Последний кусок мыла. Последняя коробка спичек. Последняя рубашка... Последний носовой платок. Зэ-ка Марголин пробует еще некоторое время утирать нос рукавом, но это непрактично и рукава надолго не хватит. Надо учиться по-лагерному очищать нос, приставив палец к одной ноздре и сильно дунув в другую... Если первое время нам казалось невероятным сном то, что с нами сделали, то через короткое время, наоборот, сном стала казаться вся наша бывшая жизнь. Европейская культура, идеи, которым мы отдали свою жизнь, люди, которых мы любили и которые шли с нами вместе, весь этот мир, где мы были полноценными и гордыми людьми, – всё было сном, всё только привиделось нам... Кто

выдумал эту муку, кому понадобились рабы, конвоиры, карцеры, грязь, голод и пытка?.. За что?..

Будь я в руках нацистов, я знал бы – за то, что я еврей. Какое же право имела московская власть вырвать из моей жизни лучшие творческие годы, лишиться меня лица, растоптать, замучить, обратить в рабство, довести до нужды и отчаяния мою семью, положить конец моей писательской деятельности?.. Я задыхался от чудовищной неправдоподобности, от кошмарной несправедливости, от нечеловеческой подлости того, что происходило со мной и с миллионами таких, как я.. Засыпаешь в переполненном бараке, читая надпись на противоположной стене: "Кто не работает, тот не ест!" – а первое, что видишь, пробуждаясь, это лозунг: "Да здравствует братство народов СССР!" Лучшей иллюстрацией этого братства была наша нара, где, тесно прижавшись один к другому, спали впятером: Хасан Оглы Худай Берды, Юлиус Марголин, украинский рыбак Беловченко, финн-художник Котро и китаец Ван Чан-лу, который слово "рубашка" выговаривал не иначе как "лубашика"...

Голод иссушил мое тело, непосильная работа согнула спину, колени дрожали, лицо сморщилось и руки тряслись. Мой слух ослабел и глаза потухли... Тело мое распалось, и всё во мне было растоптано и расстроено. Ничего не осталось во мне, кроме животного ужаса перед леденящим холодом и физической болью. Я выходил с утра в поле, метель засыпала мое рубище, я прислонялся где-нибудь под деревом в снегу и стоял в оцепенении, как во сне, пока окружающие с руганью не заставляли меня взяться за колоду, что-то тащить, поднимать, помогать кому-то. Но я уже ничего не мог сделать... "Вот, – сказал доктор, – два одинаковых случая: вы и ваш сосед. Вам обоим осталось жить по три месяца. В этом положении, однако, еще возможно спасти вас обоих, если подкормить как следует. Но откуда взять?.. Как-нибудь на одного наскребём. На двоих нет у меня. Что же делать? Надо выбрать одного из вас. Сосед ваш – парень без роду-племени, никто по нем не заплачет. У вас семья за морем, кто-то ждет вас. Бог знает, кто из вас двоих больше заслуживает остаться при жизни. Я выбираю вас".

И так стало: мне – сверх казенного пайка – стали сносить остатки. Доктор отдавал свой хлеб, лекпом – часть своего хлеба: решили не отдавать меня смерти. Мне поручали работы, за которые полагалась добавка, – это называлось "поддержать". Сделали всё, чтобы я выиграл шахматную партию. Доктор обманул судьбу, подставил лишние фигуры на мою доску. Прошло три месяца, и я был жив, а сосед мой умер. Пришли взять его труп, и когда выносили носилки, я знал, что моя жизнь и его смерть – одно..."

5

Евреев с присоединенных территорий посылали на спецпоселения на Урал, в Сибирь и Казахстан. Они жили там без права выезда, под контролем сотрудников НКВД; молодежь отправляли в тайгу на лесоповал, люди постарше работали на предприятиях и в совхозах. Со временем они приспособивались к местным условиям, разводили кур, выращивали картошку на огородах – помогала и еврейская солидарность, но неожиданно их срывали с обжитого места и отправляли дальше за сотни, а то и тысячи километров, где следовало начинать всё сначала. Группу латвийских евреев, женщин с детьми, привезли в город Канск Красноярского края. Они обнаружили там местных евреев, потомков тех, кто поселился в Сибири еще в девятнадцатом веке. Евреи Канска говорили только по-русски, имели русские имена, ничего не знали о еврейских традициях, но они тепло встретили сосланных и многому у них научились. Местные евреи совместно с приезжими помогали нуждающимся, отмечали Песах, Рош га-Шана, Йом-Кипур, Хануку, сходились на миньян для молитв, читали кадиш по умершим в течение первого года траура.

В августе 1942 года около ста литовских евреев оказались на северо-востоке Сибири, в Якутии. Это место называли "тюрьмой без решеток" – крохотный поселок Быков Мыс в дельте реки Лены при впадении ее в Ледовитый океан. Семьдесят второй градус северной широты, тундра, полярная ночь, зона вечной мерзлоты, долгая суровая зима со снежной пургой и температурой ниже пятидесяти градусов по Цельсию. Переселенцы обнаружили там два барака – в одном из них располагалось предприятие для обработки рыбы, в другом местный клуб. В поселке было небольшое количество русских, а также якуты, которые жили в юртах; связь с "большой

землей" поддерживалась кораблями, заходившими в дельту реки пару раз за летнюю навигацию.

Лена была богата рыбой, и евреи занялись ее ловом, обработкой и солением; зимой пробивали проруби в двухметровом льду и принимались за подледный лов. Хлеб получали по карточкам, кормились в основном пойманной рыбой, хотя запрещалось ее использовать в личных целях. Шили бушлаты от зимних холодов для себя и своих детей, в летние месяцы вылавливали лес из реки для отопления жилищ; порой находили бивни мамонта, из которых – по примеру якутов – изготавливали орудия труда и непрехотливые украшения. Выстроили большие юрты на несколько семей каждая; юрты располагались одна возле другой, и это место получило у ссыльных название "Эрец Исраэль".

Тяжелые бытовые условия заставляли сплачиваться, и образ их жизни стал напоминать типичное еврейское местечко Литвы. В одной из юрт устроили синагогу, создали погребальное братство "Хевра кадиша" и общество помощи нуждающимся, поставили кружки для сбора пожертвований, которые раздавали старикам и одиноким женщинам с детьми, чьи мужья были отправлены в лагерь. В праздник Песах накрывали столы для проведения традиционного "седера", читали текст "агады", переписанный от руки, и умудрялись изготавливать мацу; на праздник Пурим читали рукописную Книгу Эстер; умерших омывали и хоронили по еврейскому обряду, на деревянных могильных памятниках вырезали текст на иврите. Жители юрт говорили в основном на идиш, детей обучали языку иврит по рукописному букварю, рассказывали им главы из Библии, проводили церемонии бар-мицвы, сирот обучали произносить по родителям кадиш – поминальную молитву.

В октябре 1943 года в поселке состоялась первая еврейская свадьба. Жених – Давид, сын Михаэля Якова Штахновича, невеста – Бейла, дочь раввина Арона Арье Магаршака. Отец невесты составил традиционную "ктубу" – брачное обязательство, которое подписали, как и положено, два свидетеля. На свадебной церемонии присутствовали все евреи поселка; молодые стояли под "хупой" – свадебным балдахином; на столы поставили угощения из рыбы, приготовленной разными способами, и пироги домашнего производства. Бадхен веселил гостей, все пели, танцевали, желали молодой паре "хорошей довоенной жизни", – возможно, не было в истории еврейского народа подобной традиционной свадьбы, которую когда-либо справляли на семьдесят втором градусе северной широты. Среди прочих подарков молодожены получили магендавид, вырезанный из бивня мамонта, и поздравления на листах бумаги, написанные на иврите; на одном из них был нарисован иерусалимский пейзаж и пожелание "построить дом на горе Сион в Иерусалиме". Первого ребенка назвали Хавива – воспитывали ее в еврейских традициях, на пределе возможностей столь отдаленного места.

У главного техника фабрики по обработке рыбы был радиоприемник, и он сообщил сосланным в 1948 году: "Для вас создали еврейское государство". Эта весть повергла всех в неописуемый восторг: пили пиво самодельного изготовления, пели песни на иврите, провозглашали здравицы в честь нового государства, о котором не знали пока что никаких подробностей, – русские и якуты принимали участие в общем веселии.

***

Из книги Ю. Марголина "Путешествие в страну Зэ-ка" (этап польских заключенных):

"В углу баржи пели. Вероятно, впервые звучали над Онегой такие песни, потому что вдруг встрепенулся советский лейтенант, "гражданин начальник" – точно его обожгло – и подошел, стал слушать. Молодой еврей замолчал.

– Пой! – сказал ему лейтенант.

– Не буду петь! – и отвернулся, словно вспомнил: "На реках вавилонских".

– Пой! – сказал лейтенант. – Ты еврей, и я еврей. Вот уже двадцать лет я не слышал этих песен. Детство мое отозвалось во мне, тянет за сердце, не могу слушать спокойно. Пойдем наверх, я дам тебе пить, сколько хочешь, только пей!

И за цену чистой воды молодой парень спел ему песню, которую на варшавских дворах распевали бродячие еврейские музыканты:

– Zu dir – liebe – ful ich... (К тебе любовью преисполнен...)

Над гладью Онеги плыла печальная мелодия и хватала за сердце:
– Такие коротенькие слова – запомни их навсегда...
Лейтенант помрачнел и ушел на другой конец баржи. Больше он к нам не подходил..."

***

Среди беженцев из Варшавы оказался в Вильнюсе М. Бегин, руководитель польской организации "Бейтар". В августе 1940 года умер в Нью-Йорке В. Жаботинский; в Прибалтике была уже советская власть, и тем не менее группа бейтаровцев собралась на еврейском кладбище Вильнюса, чтобы почтить память своего руководителя. М. Бегин, из книги "В белые ночи": "Мы тайно принесли наше знамя и собрались у могилы молодого бейтаровца, погибшего... при попытке добраться до Эрец Исраэль. Молились, пели песни "Бейтара"... "Мы еще удостоимся чести сражаться за Сион, – сказал я собравшимся. – Но если нас лишат этой возможности, мы будем страдать за Сион. В любом случае мы выполним наш обет".
Через две недели после этого Бегина арестовали. Особое совещание при НКВД постановило, что "Менахем Вольфович Бегин является социально опасным элементом"; его приговорили к восьми годам заключения и отправили на строительство железной дороги Печора-Воркута. Из книги "В белые ночи": "Отсюда не выходят", – сказал мне охранник на пути в Печорлаг. "День освобождения 20 сентября 1948 года", – записал заключенный в конторе перевалочного лагеря. Охранник сказал правду, и заключенный записал правду. Это была правда НКВД, полномочный представитель которого смеялся над "несуществующим государством" и уверенно заявил мне: "Нет, вы еврейского государства не увидите".
И всё же... Менахем Бегин – в будущем глава правительства, лауреат Нобелевской премии мира – встретил "день освобождения", 20 сентября 1948 года во вновь образованном государстве Израиль.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Великая Отечественная война

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

22 июня 1941 года

1

А. Безансон, французский философ: "Тех, кто пережил коммунизм... постоянно преследует вопрос: почему?... Почему, когда нет никакой организованной оппозиции, когда все послушно повинуются, надо проводить миллионы арестов... принуждать арестованных признаваться в невообразимых, откровенно нелепых преступлениях, а после того, как они признались,

собирает народ, чтобы заставить его разыгрывать комедию возмущения и соучаствовать в смертных приговорах? Почему накануне запланированной войны надо уничтожать половину высшего командного состава?.."

"Большой террор" 1930-х годов повлек за собой огромные жертвы в Красной армии. Были расстреляны все заместители наркома обороны, командующие округов и флотов, их помощники и начальники штабов; расстреляли руководителей Разведывательного управления, вызвали в Москву из разных стран и уничтожили многих опытных, хорошо законспирированных секретных агентов, отстранили от должности и репрессировали – от командиров рот до маршалов – не менее 40 000 человек. В военные округа отправляли из Москвы телеграммы за подписью наркома обороны К. Ворошилова: "Арестовать... Найти, арестовать и строжайше судить... Разрешаю судить... Судить и расстрелять..."

Исследователи подсчитали, что в годы террора уничтожили восемьдесят процентов высшего командного состава Красной армии, среди них оказались и евреи: командарм первого ранга, армейский комиссар первого ранга (застрелился во время ареста), 5 армейских комиссаров второго ранга, 4 командира корпуса, 9 корпусных комиссаров, 9 командиров дивизий, 22 командира бригады, 6 бригадных инженеров, 9 дивизионных и бригадных врачей.

Были расстреляны командующий войсками Киевского военного округа И. Якир, заместитель командующего войсками Московского военного округа С. Урицкий, заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа М. Германович, начальник войск противовоздушной обороны Белорусского военного округа К. Лихинский, начальник Академии химической защиты Я. Авиновицкий, помощник командующего Черноморским флотом И. Рошаль, помощник начальника Санитарного управления Красной армии Б. Рейнер, командиры корпусов, бригад, дивизий, военврачи, юристы, инженеры, интенданты.

За две недели до начала войны с Германией арестовали крупных военачальников Красной армии, командиров с большим боевым опытом, которые могли бы руководить войсками в боях против немецких частей; их обвинили в военном заговоре, перевезли в Куйбышев и расстреляли 28 октября 1941 года. Бывшего командующего Военно-воздушными силами страны дважды Героя Советского Союза Я. Смушкевича арестовали в московской больнице, на носилках перевезли в тюрьму, отправили затем в Куйбышев и расстреляли. Среди казненных был и Герой Советского Союза генерал-полковник Г. Штерн, отличившийся в боях против Японии и Финляндии.

Д. Волкогонов, историк: "Колоссальная, несчастная, обманутая страна судила лжеврагов... Следствием кровавой чистки явилось резкое снижение интеллектуального потенциала в армии и на флоте. К началу 1941 года лишь 7,1% командно-начальствующего состава имели высшее военное образование, 55,9% – среднее, 24,6% – ускоренное образование (курсы) и 12,4% командиров и политработников не имели военного образования".

Взамен репрессированных назначали на военные посты младших командиров, которые не обладали опытом командования батальонами, полками, дивизиями. Бывали случаи невероятные: лейтенант за короткий срок службы поднимался до звания генерал-лейтенанта, капитан-связист становился начальником связи Красной армии; в Иркутской стрелковой дивизии – после чистки ее состава – командиром и начальником штаба назначили старших лейтенантов, которые не знали, что следует предпринять.

В январе 1941 года А. Гитлер заявил на совещании высшего командного состава: "После 1937–38 годов русская армия представляет собой колосс без головы". К началу войны с Германией три четверти командиров Красной армии находились на своих должностях менее одного года; многие из них оказались неподготовленными к занятию высоких постов, и ближайшие события это подтвердили самым печальным образом.

2

По сей день продолжают споры историков – собирался ли Советский Союз напасть на Германию летом 1941 года, подготавливая Красную армию для наступательных действий, или же проводил миролюбивую политику и стал жертвой коварного и внезапного вторжения противника.

Наверняка можно сказать следующее: в 1939–1940 годах, после присоединения новых территорий, между СССР и Германией возникла непосредственная граница протяженностью во

многие сотни километров. Прежде немецкие войска должны были пройти с боями через Польшу и прибалтийские страны, чтобы подступить к Советскому Союзу, теперь же у Германии появилась возможность внезапного нападения. Вдоль прежней государственной границы существовала в СССР мощная оборонительная система – искусственные и естественные препятствия, танковые ловушки, минные поля, засеки из деревьев, опутанные колючей проволокой, замаскированные окопы и ходы сообщений. После того как границу отодвинули на запад, приступили к сооружению новой линии обороны, и хотя ее еще не закончили, на старой линии демонтировали почти всё вооружение. (Незадолго до вторжения немецких войск командование Красной армии доложило членам Политбюро, что "укрепленные районы, строящиеся на наших западных границах, в большинстве своем небоеспособны".) В ноябре 1940 года в Берлине проходили переговоры между рейхсканцлером А. Гитлером и председателем Совнаркома В. Молотовым, который заявил: "Я выражаю позицию лично товарища Сталина". Гитлер предложил, чтобы Советский Союз присоединился к Тройственному пакту Германии, Италии, Японии и обратил внимание на новые "сферы влияния" – Иран, Ирак, Афганистан, Индию – для раздела восточных владений "обанкротившейся" Британской империи. Молотов потребовал в ответ, чтобы Финляндия фактически вошла в "сферу интересов" СССР – по примеру стран Прибалтики; настаивал и на том, чтобы Советский Союз упрочил свое влияние в Болгарии, Румынии, Швеции и создал в Турции военную базу для контроля над проливами Босфор и Дарданеллы. Германия получала из Финляндии лес, медь и молибден, из Болгарии – продовольствие, из Румынии – нефть и не желала соглашаться на советские требования. Переговоры не привели к каким-либо результатам, и после той встречи Гитлер утвердил план Генерального штаба под кодовым названием "Барбаросса" (в честь императора Фридриха I Барбароссы, "Краснобородого", при котором Священная Римская империя достигла в двенадцатом веке наивысшего расцвета). Из плана "Барбаросса" (18.12.1940): "Германские вооруженные силы должны быть готовы разгромить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании, еще до окончания войны с Англией... Конечной целью операций является создание заградительного барьера против Азиатской России по линии Волга – Архангельск..." Все приготовления к войне против Советского Союза следовало закончить к 15 мая 1941 года. "Вам нужно только пнуть дверь, – сказал Гитлер своим генералам, – и гнилое строение рухнет".

Массовая переброска немецких дивизий на восток началась в январе 1941 года. Передвижение огромных воинских соединений нельзя было не заметить, а потому германские спецслужбы проводили активную дезинформацию, чтобы убедить Кремль, будто войска, собранные возле советской границы, проходят скрытую подготовку вдалеке от английской разведки – для скорого вторжения на Британские острова. Донесения советских разведчиков и перехват шифрованных радиogramм предупреждали о готовящемся нападении немецких войска, но Сталин считал это провокацией англичан, чтобы подтолкнуть СССР к войне против Германии, – а высшие чины Красной армии не осмеливались ему противоречить. Сталин не мог, должно быть, поверить, что Германия решится воевать на два фронта – против Великобритании и СССР, и на донесении агента из Берлина о скором нападении немцев он пометил: "Можете послать ваш источник из штаба германской авиации к ... Это не "источник", а дезинформатор". В марте 1941 года Генеральный штаб Красной армии получил подробные сведения о плане "Барбаросса"; в апреле У. Черчилль предупредил Сталина о скором нападении немецкой армии; в том же месяце в Москве подписали договор о дружбе и ненападении между Югославией и Советским Союзом, а на другой день после этого немецкие войска пересекли югославскую границу и начали захват страны. Это был вызов, пренебрежение, откровенная насмешка: Гитлер уже не старался – даже для видимости – поддерживать с Москвой дружеские отношения.

1 мая 1941 года состоялся военный парад на Красной площади – пехота, танки, самолеты; затем по площади прошли колонны демонстрантов, а из репродукторов звучали лозунги: "Да здравствует мирная политика Советского Союза! Мир! Мир!" 4 мая Генеральный секретарь коммунистической партии И. Сталин был назначен председателем Совета народных комиссаров, а В. Молотов стал его заместителем. В Кремле не могли не учитывать возможные намерения Гитлера, однако контрпропаганду требовали проводить "осторожно, не дразнить, повода не давать".

Из воспоминаний современников-евреев: "События в Европе... москвичи воспринимают с любопытством, но без тени тревоги... Судьба Англии вызывает исключительный интерес: удастся немцам вторгнуться на Британские острова и оккупировать их, или Англия всё же выстоит? Но это происходит там – в загнивающем капиталистическом мире... а у нас – всё процветает, усиливается мощь и расширяется "братская семья"... Все уверены, что Гитлер проглотит Европу, но не посмеет напасть на Советский Союз. Тем более что сейчас наши границы отодвинуты далеко на запад и их безопасность укреплена. В эти дни Москва казалась безмятежной, веселой, ликующей".

Продолжалась поставка в Германию продовольствия и стратегического сырья. Газеты утверждали, что благодаря "мудрой сталинской внешней политике" никому не удастся втянуть СССР в "империалистическую войну", и в подтверждение этого печатали стихи соответствующего содержания: "Бурна вода истории, Угрозы и войну Мы взрежем на просторе, Как режет киль волну..." 4 мая Гитлер заявил в рейхстаге: "Немецкая империя и ее союзники представляют такую силу, которую не смогут превзойти любые коалиции мира. Немецкие вооруженные силы будут постоянно вмешиваться в ход событий, где и когда это окажется необходимым".

15 мая 1941 года начальник Генерального штаба Г. Жуков предупредил Сталина о возможном внезапном ударе немецкой армии и предложил "упредить противника" – "атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск".

3

В мае 1941 года Л. Треппер, руководитель шпионской сети "Красная капелла", передал в Москву: "Война Германии против СССР начнется 20 июня мощными ударами крупных сил авиации и танков". В том же месяце советский агент Р. Зорге радировал из Токио: "22 июня Германия без объявления войны совершит нападение на Россию".

Разведка докладывала изо дня в день: "Военные приготовления в Польше ведутся открыто..." – "Все гражданские лечебные учреждения... Генерал-губернаторства заняты под госпитали..." – "Действуют курсы парашютистов для забрасывания в тылы..." Немецкие разведывательные самолеты пересекали советскую границу, но по ним запретили открывать огонь, ибо эти нарушения, разъяснило высшее командование, "не носят преднамеренного характера". Когда же один из самолетов был подбит, советским дипломатам в Берлине немедленно приказали: "Посетите Геринга и выразите сожаление по поводу случившегося".

В последние дни мая Политбюро рассмотрело график отпусков – с учетом того, чтобы большинство руководителей страны могло отдохнуть в летние месяцы. 11 июня секретный агент "Эрнест" докладывал: "Германское посольство (в Москве) получило указание из Берлина: быть готовым к эвакуации... В подвале начали жечь документы". 13 июня Зорге прислал очередную радиограмму: "Повторяю: 9 армий в составе 150 дивизий начнут наступление на широком фронте на рассвете 22 июня 1941 года". 14 июня советские газеты опубликовали заявление Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС): "Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз", слухи о намерении Гитлера напасть на СССР "лишены всякой почвы".

В Берлине проигнорировали это заявление, даже не ответили на него, а министр пропаганды Й. Геббельс записал в дневнике: "Сообщение ТАСС, по мнению фюрера, лишь результат страха. Сталина охватывает дрожь перед приближающимися событиями". Официальное заявление Москвы, вспоминал командующий приграничной армии, "породило уверенность в том, что есть какие-то неизвестные обстоятельства, позволяющие нашему правительству оставаться спокойным и уверенным в безопасности советских границ. Командиры перестали ночевать в казармах. Бойцы стали раздеваться на ночь".

16 июня перед деятелями Коминтерна в Москве выступил ответственный докладчик, который повторил официальную позицию Кремля и заявил категорически: "Это слухи, распространяемые с провокационными намерениями. Никакой войны не будет".

Из воспоминаний современников-евреев: "Тревога потонула в успокоительных рассуждениях: уж сколько лет говорят о неизбежности войны, а ее пока нет, и так будет дальше, даст Бог.

Сталин не допустит, а немцы – они тоже не дураки, они понимают, что Советский Союз – это

тебе не Польша. Так что не надо верить враждебным измышлениям, провокациями нас не возьмешь. Только папа, мой умный папа, этих доводов не принял... Папа уверенно, но как-то спокойно сказал: "Будет война, увидите". А потом добавил: "Вы видели закат? Он в крови". До начала войны оставалось пять дней..."

За несколько дней до немецкого вторжения командующий Прибалтийским военным округом ввел затемнение городов и военных объектов – его заставили отменить этот приказ. Сталин не разрешал привести войска приграничных округов в полную боевую готовность, чтобы Гитлер не использовал это как предлог для нападения. Командиры свидетельствовали впоследствии, что за день до начала войны чувствовалась большая нервозность, несогласованность действий, приказы сверху "отменялись, опять подтверждались и опять отменялись"; высшее командование успокаивало подчиненных – "если что-либо будет серьезное, мы получим своевременное предупреждение".

21 июня нарком Военно-морского флота на свой страх и риск объявил на флоте высшую боевую готовность; кроме него этого не сделал никто, и советские войска не были развернуты для боевых действий. Страх перед жестокими репрессиями привел к тому, что командиры не решались проявлять собственную инициативу, – проще и спокойнее было дожидаться распоряжений и выполнять любые указания верховного командования. Да и кто посмел бы усомниться в мудрости и непогрешимости "вождя всех народов"?..

За день до начала войны немецкие боевые самолеты приземлились на приграничных аэродромах. Вечером 21 июня из западных военных округов сообщали в Москву: немцы "закончили строительство мостов через Неман..." – "Проволочные заграждения вдоль границы сняты..." – "В лесу слышен шум моторов..." 22 июня, в половине первого ночи, в штабы приграничных округов отправили из Москвы шифрованное сообщение: "В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев... Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения... Все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно..." Но было уже поздно. Под утро германский посол в Москве объявил В. Молотову о начале войны: "Германия решила предупредить готовящееся нападение русских..."; нарком иностранных дел СССР сказал в ответ: "Мы этого не заслужили!.." (впоследствии Молотов утверждал: "Я такой глупости не мог сказать. Нелепо. Абсурд...")

Ранним утром 22 июня 1941 года в газетные киоски привезли очередной тираж газеты "Правда" с такими заголовками: "Травы перестают расти", "Сахарной свекле образцовый уход", "Все колхозы должны иметь свои навозохранилища". Психологически население страны не было готово к войне, тем более к войне на своей территории, затяжной, оборонительной, невероятно жестокой, – кто мог предположить тогда, что та война продлится четыре года, самая страшная из всех кровопролитий, которые пришлось на долю граждан Советского Союза и всего мира...

4

Из воспоминаний современников-евреев:

"Возвращаясь с работы в лагерь 22 июня 1941 года, с трудом пробираясь мимо конного парка в грязи и лошадином помете, мы услышали слова, от которых дрогнули и смешались ряды:

"Война с Германией!.." Невыразимое возбуждение овладело всеми. Что будет теперь? Лопнул какой-то гигантский нарыв, теперь кровь и гной должны были брызнуть рекой... Прошло два дня. На вечерней проверке начальник лагпункта Абраменко обратился к собранным зэ-ка с речью. Он объявил о начавшейся войне и сразу перешел к угрозам: "Мы знаем, о чем вы шепчетесь между собой! Вы ждете, чтобы разорвали на куски Советский Союз! Но раньше мы ваши тела разорвем на куски! Мы прольем море крови, но не выпустим власти из рук..." В тот же день было арестовано несколько человек из барачников..."

"День стоял яркий, солнечный. Окна были раскрыты. Как всегда в воскресенье, откуда-то доносилась музыка: "Утомленное солнце нежно с морем прощалось..." Мама пекла оладьи, а я торопила ее: мне предстоял культпоход в театр с классом. Вдруг в комнату вбежала Песя Яхнина. (Милая подружка, где томятся твои обугленные косточки?) "Сейчас по радио передали, что будет важное сообщение!" – "Опять кто-то умер", – охнула мама. "Нет, объявили, что будет выступать Молотов". – "Молотов?!.." В этот день уже ничего другого не

было: ни оладьев, ни театра, ни нежного прощания солнца с морем... Теперь была только война. Слезы. Боль..."

"Гастроли Московского еврейского театра проходили в здании харьковского Дома Красной армии... Сразу после выступления Молотова Михоэлс прервал дневной спектакль, вышел на авансцену и сообщил зрителям о начавшейся войне. Свою краткую и очень страстную речь Михоэлс закончил словами: "Уничтожить гада!..."

"Мы сидели у приемника, ждали, что выступит Сталин. Вместо него выступил Молотов, волновался. Меня удивили слова о вероломном нападении. Понятно, когда наивная девушка жалуется, что ее обманул любовник. Но что можно было ждать от фашистов?.. Мы долго сидели у приемника. Выступил Гитлер. Выступил Черчилль. А Москва передавала веселые, залихватские песни, которые меньше всего соответствовали настроению людей. Не приготовили ни речей, ни статей: играли песни..."

"В тот день мы двигались в сторону румынской границы, уверенные в том, что подняты по учебной тревоге, и самолеты с крестами на крыльях приняли за условного противника. Только после обеда – уже на огневых позициях у границы – нам объявили о начале войны..."

"Сдали последний экзамен на аттестат зрелости, а назавтра была война, куда мы ушли вместе с отцами, братьями, сестрами. Нас было сорок два ученика. В живых осталось только трое. На фронт меня не хотели брать из-за роста (140 сантиметров) и хрупкости. Но я настояла... В один день стала совсем седой, когда у меня на глазах снаряд разорвал такую же, как я, восемнадцатилетнюю подругу..."

"Записался добровольцем и ушел на войну Сролик Русин, наш замечательный Сролик, умница, поэт, гордость семьи, любимец двора. Пришла попрощаться перед отправкой на фронт Дора Лаговир, дочь тети Розы. Белокурая, хрупкая, с голубыми прожилками на белой прозрачной коже... С котомками за плечами ушли Рома Беленький, братья Тумаринсоны..."

И. Сельвинский, поэт:

5

22 июня 1941 года в 7 часов утра министр пропаганды Й. Геббельс зачитал по радио обращение А. Гитлера: "Германский народ! В этот момент идет наступление, по своему масштабу сравнимое с величайшими, которые когда-либо видел мир. Сегодня я снова решил вручить судьбу, будущее Германии и нации нашим солдатам. Да поможет нам Бог в этой борьбе!"

22 июня в 7 часов 15 минут утра нарком обороны СССР издал приказ, первый пункт которого предписывал: "Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь, до особого распоряжения, наземным войскам границу не переходить".

В 12 часов дня по советскому радио выступил В. Молотов и сообщил о нападении Германии: "Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы..." Вновь, после двухлетнего перерыва, по советскому радио произнесли эти слова – "фашист", "фашистский"; заключительная фраза Молотова: "Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами" – стала одним из основных лозунгов той войны, которую назвали Великой Отечественной войной советского народа.

А. Кларк, английский историк: "Какой страшный момент в истории! Лобовое столкновение двух величайших армий, двух самых абсолютных систем в мире. Ни одна битва в истории не может сравниться с этой... По численности участников, весу выпущенных снарядов, протяженности фронта, накала боев такого дня, как 22 июня 1941 года, больше не будет..." Из народной песни (на мотив "Синенький скромный платочек..."):

Первый удар был ошеломляющим. Немецкая армия наступала тремя группами войск – "Север", "Центр" и "Юг". Впереди стремительно двигались крупные танковые соединения, которые при

поддержке авиации рассекали на части советские войска и оставляли их позади, а следом шла моторизованная пехота с артиллерией, окружала, громила, брала в плен разрозненные полки и дивизии. За первые часы войны немецкая авиация, получив точные данные от самолетов-разведчиков, разбомбила приграничные советские аэродромы, танковые парки, командные пункты, склады горючего и боеприпасов; брошенные в тыл диверсанты, переодетые в красноармейскую форму, повредили телефонные и телеграфные провода, отчего нарушилась связь между штабами армий и воинскими частями. В первый день боев советская авиация потеряла на аэродромах и в воздушных боях 1200 боевых самолетов; на второй день это количество увеличилось до двух тысяч, – немецкие летчики сбили сотни истребителей и бомбардировщиков, называя это "избиением младенцев", и обеспечили себе полное господство в воздухе.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер записывал в дневнике: "22 июня... Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду заняты нашими войсками без боя и в полной сохранности. О неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном положении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование, что им делать".

***

Из донесения секретного сотрудника "Кармен": "20 июня 1941 года. Я не понимаю, что происходит. Судя по всему, Германия в самом деле вот-вот нападет на нас! Но почему-то никто никак не реагирует на мои сигналы. Что происходит?! Прошу довести мои соображения до высшей власти!.. Прошу и требую этого как чекист, как советский человек, которому дорога судьба его Родины!.."

21 июня военный атташе СССР сообщил из Парижа: "Как утверждает наш резидент Жильбер (Л. Треппер), которому я, разумеется, несколько не поверил", нападение немцев назначено на следующий день; на этом донесении И. Сталин пометил красными чернилами: "Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его".

Нарком НКВД Л. Берия докладывал Сталину 21 июня 1941 года: "Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который... сообщил, что это нападение начнется завтра... Я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!"

В тот же день Берия начертал резолюцию на очередном сообщении разведчика: "В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников "Ястреба", "Кармен", "Алмаз", "Верного" за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих посорить нас с Германией. Остальных строго предупредить".

***

На 22 июня 1941 года в германской армии и в армиях ее союзников (Финляндии, Венгрии, Румынии) было на Восточном фронте 5,5 миллионов солдат и офицеров, 47 200 орудий и минометов, 4300 танков, 5900 боевых самолетов. Им противостояли в западных военных округах 2,9 миллиона советских бойцов и командиров, 33 000 орудий и минометов, 9200 боевых самолетов всех типов, 14 200 танков и самоходных орудий, многие из которых нуждались в капитальном ремонте (всего в Красной армии и на флоте было к началу войны 4,8 миллиона человек, 76 500 орудий и минометов, 22 600 танков и 20 000 боевых самолетов; на учебных сборах находилось 800 000 военнообязанных).

На второй день войны с Германией Л. Мехлиса вновь назначили заместителем наркома обороны и начальником Главного политического управления Красной армии. В 1942 году он был представителем Ставки на Крымском фронте, и его действия – как утверждали – способствовали провалу Керченской операции. Снят с высоких постов, понижен в воинском звании, был членом Военного совета разных фронтов (войну закончил в звании генерал-

полковника, с 1946 по 1950 год министр Государственного контроля СССР, похоронен на Красной площади в Кремлевской стене).

***

На третий день войны появилось в газетах стихотворение В. Лебедева-Кумача "Священная война": "Вставай, страна огромная, Вставай на смертный бой С фашистской силой темною, С проклятою ордой!.." Через три дня после этого композитор М. Блантер написал музыку на эти стихи, и издательство "Музгиз" опубликовало его песню отдельной брошюрой. Еще через несколько дней появилась брошюра с новой мелодией песни "Священная война" – теперь уже композитора А. Александрова, которая и стала песней-символом Отечественной войны.

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

Первые месяцы войны

1

Запели по радио "Вставай, страна огромная, Вставай на смертный бой..." Появились первые военные лозунги: "Всё для фронта! Всё для победы!", "С именем Сталина мы побеждали, с именем Сталина мы победим!" Вновь вышли на экраны антифашистские фильмы "Профессор Мамлок" и "Семья Оппенгейм". Поэты и писатели призвали к борьбе, к ненависти: "Великой будет месть и грозной будет месть..." (П. Маркиш), "Огонь и сталь, наган и месть..." (И. Уткин), "Убей немца!" (И. Эренбург), "Я стреляю – и нет справедливости Справедливее пули моей..." (М. Светлов), "Он тебе и после смерти – ворог, Мертвый немец на твоей земле..." (Л. Первомайский).

Началась массовая мобилизация военнообязанных; восемнадцатилетние юноши, только что закончившие школу, расставались с друзьями-подругами, пели на прощание: "Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону...", присылали с передовой письма-треугольнички со штемпелем "Просмотрено военной цензурой", "Красноармейское письмо. Бесплатно", – кому из них довелось дожить до победы?..

Встали очереди в сберкассах и магазинах – запастись деньгами, продуктами, солью, спичками, мылом и керосином. Жителей страны обязали сдать радиоприемники – очевидно, для того, чтобы не слушали вражескую пропаганду. В Москве начали приспособлять подвалы домов под бомбоубежища, ввели затемнение, заклеили окна полосками бумаги крест-накрест, чтобы не вылетели от взрывной волны, витрины магазинов заложили мешками с песком. Здания в Кремле, стены его и башни перекрасили в маскировочный цвет, Москву-реку перекрыли деревянными щитами, чтобы немецкие летчики не могли ориентироваться на подлете к центру города; к ночи над столицей поднимались аэростаты воздушного заграждения.

Из документов германского командования: "Фюрер говорит о необходимости бомбардировать Москву, чтобы уничтожить центр большевистского сопротивления и воспрепятствовать организованному отходу правительственного аппарата". Генерал Ф. Гальдер, из дневника: "22 июля 1941 года. Воздушный налет на Москву. Участвовало 200 самолетов. При бомбежке были применены 2,5-тонные бомбы..." Это был первый налет на столицу Советского Союза: 22 самолета сбили на подлете, и лишь несколькими удалось прорваться и сбросить бомбы на город.

Через восемь дней после начала войны был создан Государственный комитет обороны (ГКО), который сосредоточил в своих руках всю власть в стране; И. Сталин стал председателем ГКО,

наркомом обороны, Верховным главнокомандующим вооруженными силами СССР. 3 июля 1941 года, впервые с начала войны, он выступил по радио с обращением к народу: "Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!.." Вождь уверял в том выступлении: "Лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации разбиты...", однако на многих прежде всего подействовали не слова, а интонации его речи. Из воспоминаний: "Мне приходилось слышать Сталина и раньше, но на этот раз я с трудом узнал его голос... С такой неуверенностью, так запинаясь, Сталин раньше никогда не говорил. Яснее, чем быстрое продвижение немцев, яснее, чем сводки с фронта, речь Сталина нам показала, в каком положении находился Советский Союз в начале июля 1941 года". В. Молотов (о первых днях войны): "Сталин был в очень сложном состоянии... Он сказал: "Прос...ли". Это относилось ко всем нам, вместе взятым. Это я хорошо помню, поэтому и говорю. "Все прос...ли", – он просто сказал. Мы прос...ли..." Н. Хрущев, из воспоминаний: "Он тогда сказал, что Ленин создал нам государство, а мы его прос...ли".

2

В первые недели хаоса, паники и растерянности лишь храбрость бойцов и командиров, их физическая выносливость позволяли хотя бы на короткое время удерживать боевые позиции. Разрозненные воинские части, потерявшие связь со штабами, отчаянно оборонялись и переходили в контратаки, чтобы вырваться из немецкого окружения; они противостояли самым опытным солдатам во всем мире, и генерал Гальдер записывал в дневнике в первые дни войны: "Упорное сопротивление отдельных русских частей поражает... Русские повсюду сражаются до последнего человека, лишь кое-где сдаются в плен". В берлинской газете отметили на восьмой день боев: "Русский солдат превосходит нашего противника на Западе своим презрением к смерти. Выдержка и фатализм заставляют его держаться до тех пор, пока он не убит в окопе или не падает мертвым в рукопашной схватке".

22 июня немецкие войска взяли город Брест и начали осаду Брестской крепости, оборонительного сооружения царских времен на берегу Западного Буга. Гарнизон крепости защищался более месяца; их бомбила авиация, обстреливала артиллерия, не было воды и заканчивались запасы продовольствия; наступающие немецкие войска уже ушли на сотни километров, захватили Минск и Смоленск, но защитники крепости не сдавались и погибали один за другим. Среди них были и евреи – замполит полка Залман Мирзон, лейтенант Мордуч Каганович, сержант Валерий Шкляр, младший сержант Меир Элькин, красноармеец Михаил Гуревич и другие.

Полковой комиссар Е. Фомин руководил обороной центрального укрепления, водил бойцов на прорыв, передавал по радию: "Я – крепость, я – крепость! Ведем бой...", но ответа не было. Тяжелораненый Фомин попал в плен, и его расстреляли у крепостной стены (награжден посмертно орденом Ленина; одну из улиц Бреста называли именем Ефима Моисеевича Фомина; у Холмских ворот крепости поместили памятную доску: "Здесь... в июне–июле 1941 года героически сражались воины 84-го стрелкового полка во главе с полковым комиссаром Фоминым Е. М.).

Под Белостоком, в первых боях с немцами, генерал-майор Михаил Хацкилевич повел в контратаку танковое подразделение и погиб в горящем танке. Маршал Г. Жуков отметил в воспоминаниях: "Из этого боя не вернулся и комкор М. Г. Хацкилевич. Это был хороший командир, смелый человек" (два ордена Красного Знамени с Гражданской войны, орден Отечественной войны посмертно). Заместитель командира эскадрильи старший лейтенант Исаак Пресайзен направил подбитый бомбардировщик на скопление вражеских танков – случилось это в Белоруссии на шестой день войны (представлен посмертно к званию Героя Советского Союза, однако не получил его).

В начале июля наводчик орудия красноармеец Николай Чернявский подбил три немецких танка, отражая атаку противника. Был ранен, но продолжал стрелять и уничтожил несколько автомашин с пехотой – награжден орденом Ленина, очень высокой наградой, что в первые месяцы войны было нечастым явлением. 8 июля стрелковое отделение под командованием младшего сержанта Павла Бернацкого прикрывало выход роты из окружения; Бернацкий был дважды ранен, но продолжал вести пулеметный огонь – награжден орденом Ленина, пропал без вести в последующих боях.

В том же месяце дивизион капитана Б. Хигрина занял позиции на шоссе Бобруйск–Могилев и отразил танковую атаку; когда погибли многие артиллеристы, Борис Хигрин встал у орудия, подбил шесть танков, был убит в том бою, и посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза (стал третьим артиллеристом-Героем в Красной армии с начала войны). В газете "Правда" написали: "Наш народ с благодарностью будет вспоминать подвиг Героя Советского Союза капитана Б. Л. Хигрина..." Его имя присвоили улице в городе Орша, его подвигу посвятили стенд в Артиллерийском музее; Бориса Хигрина зачислили навечно в списки полка.

В июле 1941 года стрелковая дивизия полковника Я. Крейзера сдерживала двое суток наступление танковой группы генерала Г. Гудериана на реке Березине возле Борисова, защищая автостраду Минск–Москва. Дивизия уничтожила более ста танков и бронетранспортеров противника; Гудериан признал, что в тех боях его танкисты "получили достаточно полное представление о силе русских". Крейзер был ранен, но продолжал командовать, выбрав систему подвижной обороны: дивизия отходила ночью на новые рубежи, чтобы не попасть в окружение, и с рассветом принимала бой. Маршал Г. Жуков, из воспоминаний: "В этих сражениях генерал Я. Г. Крейзер блестяще показал себя"; через месяц после начала войны Якову Крейзеру присвоили звание Героя Советского Союза – за руководство дивизией, личную храбрость и мужество. Он стал первым Героем среди командиров дивизий Красной армии и первым Героем в пехотных войсках в ту войну; его дивизия среди первых получила наименование "Гвардейская".

С немецких самолетов разбрасывали листовки такого содержания: "Русские солдаты! Кому вы доверяете свои жизни? Ваш командир – еврей Янкель Крейзер. Неужели вы верите, что Янкель спасет вас от наших рук?.."

3

24 июня 1941 года, через два дня после начала войны, немецкие войска заняли столицу Литвы Вильнюс, 28 июня – столицу Белоруссии Минск, 1 июля – столицу Латвии Ригу, 8 июля – Бердичев, 9 июля – Псков и Житомир, 11 июля – Витебск, 13 июля – Бобруйск, 16 июля – столицу Молдавии Кишинев. Из воспоминаний: "Из черной тарелки репродуктора раздавались неутешительные сведения: тяжелые бои идут по всей линии фронта. Потери с обеих сторон. Иногда прорывалось: "...удалось потеснить" – но это не нам удалось, им. Что же это такое? А что же наши?.."

Из свидетельства о налете немецкой авиации на Смоленск: "Было сброшено несколько тысяч зажигательных бомб... В городе выгорели целые улицы и даже кварталы... Смоленск после пожара опустел. Жители появлялись в городе лишь днем – навестить свои квартиры, если они остались целы, или посмотреть на пепелища домов и поплакать..."

К восемнадцатому дню войны немцы захватили Литву, Латвию, Белоруссию, значительную часть Эстонии, Украины и Молдавии; не прошло месяца с начала вторжения, а до Москвы оставалось менее 400 километров. И. Эренбург, писатель: "Потом люди привыкли ко всему, сложился военный быт, а летом, осенью 1941 года... всё было внове и непонятно – призывные пункты, расставания, задорные песни, слезы, дежурства на крышах, зловещие слухи, слово "окружение", страшное, как чума или мор, длинные эшелоны, дороги, забитые беженцами, нарастающая тревога... За три месяца мы потеряли территорию много большую, чем вся Франция".

В июле 1941 года в авиации Балтийского флота начали готовить двадцать экипажей дальнего действия для налета на Берлин; в число отобранных попала и эскадрилья капитана Михаила Плоткина. В ночь на 8 августа он участвовал в первом бомбовом ударе по столице Германии, – немцы считали это настолько невозможным после разгрома советской авиации, что сообщили о налете английских самолетов. Геббельс, из дневника: "Самолеты проскользнули в столицу совершенно бесшумно и незаметно... Материальный ущерб не так велик, как, вероятно, ущерб моральный". Плоткин бомбил Берлин и в последующих вылетах, заслужил звание Героя Советского Союза, торпедировал затем вражеские корабли в Балтийском море, бомбил порты Данцига и Кенигсберга, погиб весной 1942 года (Плоткин и его экипаж – штурман Надха, стрелок-радиот М. Кудряшов – похоронены в Ленинграде, в Александро-Невской Лавре).

Воентехник 1-го ранга С. Горелик выводил с поля боя поврежденные танки и ремонтировал их в походной мастерской; в боях западнее Харькова Горелик заменил командира танка, подбил восемь вражеских орудий и несколько пулеметных точек. В сражении под Белгородом танк Т-34 Горелика уничтожил два взвода солдат, несколько орудий и пулеметов; танкисты продолжали стрелять из горящего танка до тех пор, пока не погибли, – Горелик получил посмертно звание Героя Советского Союза (о подвиге экипажа танка сообщала газета "Правда", рассказывали о них и по московскому радио; одну из улиц Белгорода назвали именем Соломона Горелика).

В августе 1941 года под Белой Церковью командир экипажа лейтенант Самуил Герсон направил подбитый бомбардировщик на скопление войск противника. Из статьи в газете "Правда" (11 сентября 1941 года): "Одесса славит имя родного своего сына Иова Иосифовича Бегельфера. Штыком и прикладом, прокладывая себе путь, он уничтожил в бою 22 фашиста и увлек за собой товарищей" (награжден орденом Красного Знамени).

Во время обороны Одессы первый секретарь городского комитета партии Н. Гуревич руководил производством вооружения в осажденном городе, строительством укреплений, созданием противоздушной обороны, снабжением жителей продовольствием. Из воспоминаний: "Кабинет Гуревича напоминал штаб. Да тут, собственно, и размещался штаб, носивший наименование оперативной группы горкома партии". В войсках, защищавших Одессу, недоставало танков, а потому флотский инженер У. Коган предложил обшивать трактора корабельной сталью и устанавливать на них вооружение. По чертежам Когана изготовили 70 "танков", которые двигались очень медленно и издавали оглушительный грохот; бойцы прозвали их танк "НИ", что означало "На испуг противника". Был сформирован батальон из этих машин; однажды самодельные танки пошли в атаку на румынские позиции, защитники которых убежали в страхе при виде грохочущих чудовищ, а нападавшие захватили более двадцати орудий противника.

С сентября 1941 года началась осада Ленинграда, бомбардировки с воздуха и артиллерийские обстрелы – за 900 дней блокады было выпущено по городу 150 000 снарядов. Снабжение жителей хлебом постепенно снижалось: по рабочим карточкам до 250 граммов в день, по карточкам для служащих, детей и иждивенцев – до 125 граммов. Из воспоминаний ленинградца: "Из пустых магазинов исчезает последнее, что там есть: горчичный порошок, перец, лавровый лист, крахмал, костяная мука... Лепешки от каши и всякие другие съедобные лекарства тоже уже раскуплены... Голод... Холод... Водопроводные трубы лопнули. Уборные не действуют... Смерть... Смерть... Смерть... Всюду смерть... Город леденеет. Город гибнет..." Академик Д. Лихачев (о блокаде Ленинграда): "Разверзлись небеса, и в небесах был виден Бог... В голод люди показали себя. Обнажились, освободились от всяческой мишуры: одни оказались замечательными, беспримерными героями, другие – злодеями, мерзавцами, убийцами, людоедами. Середины не было. Все было настоящее..."

В октябре 1941 года в десантной операции под Ленинградом погиб политрук М. Рубинштейн. В его кратком завещании, написанном перед выходом на задание, было сказано: "Живые! Пойте о нас..."

4

После поражений первых недель войны командующим Северо-Западного направления назначили маршала К. Ворошилова, Западного направления – маршала С. Тимошенко, Юго-Западного – маршала С. Буденного. А. Кларк, английский историк: Буденный "был крайне неудачным выбором, если учесть, что ему противостоял Рундштедт – один из хладнокровнейших умов Генерального штаба и Клейст – один из самых энергичных танковых командиров". Буденного сняли с поста через два месяца и вывезли самолетом из окружения – после того, как огромное количество советских солдат попало в "котел" возле Киева в сентябре 1941 года (вслед за ним сняли с поста и Ворошилова).

Для осажденных солдат в окопах под Киевом передавали записи речей И. Сталина, усиленные громкоговорителями, и немецкий военнослужащий свидетельствовал: "Громкоговорители придают этому голосу резкий, жесткий, металлический оттенок. Есть что-то дьявольское и в то же время страшно наивное в этих солдатах, которые сражаются до смерти, вдохновляемые сталинской речью о советской Конституции. В этих солдатах, которые никогда не сдаются; в

этих мертвых, повсюду лежащих вокруг меня; в этих последних жестах – упорных, неистовых жестах людей, умерших такой страшной одинокой смертью на поле боя среди оглушительного грохота выстрелов и неумолчного рева громкоговорителей".

Во время оборонительной операции под Киевом (с июля по сентябрь 1941 года) погибли и попали в плен более 600 000 бойцов и командиров Красной армии; немцы уничтожили огромное количество танков, грузовиков, артиллерийских орудий. Брошенные винтовки складывали в груды высотой в несколько метров. Комиссаров и евреев расстреливали на месте. Пленных гнали на запад бесконечными колоннами, конвоиры убивали каждого, кто оказывал малейшее неповиновение или отставал, – в конце пути их ожидали лагеря, голод, физическое истощение, тиф, дизентерия, смерть. 19 сентября немцы вошли в столицу Украины, и в Германии поверили – еще одно такое окружение, и немецкие войска проведут зиму в Москве, в теплых помещениях.

В начале октября немецкие танки стремительным броском окружили юго-западнее Москвы, в районе Брянска и Вязьмы, пять советских армий, более 500 000 бойцов и командиров. Начальник штаба немецких войск генерал-полковник А. Йодль свидетельствовал: "Окруженные русские армии оказывали фанатическое сопротивление, несмотря на то, что последние восемь-десять дней были лишены какого-либо снабжения. Они питались корой и корнями деревьев, так как отошли в непроходимые лесные массивы и попали в плен уже в таком истощении, когда были едва ли в состоянии передвигаться".

3 октября немцы заняли Орел, 6 октября вошли в Брянск, 13 октября в Калугу – дорога на Москву была открыта. Й. Геббельс заявил в Берлине: война идет "к завершению". Главный квартирмейстер германской армии опубликовал план размещения немецких войск в Москве и под Москвой. Столица стала фронтовым городом; сотни тысяч жителей возводили на улицах оборонительные сооружения и копали противотанковые рвы; срочно создавали батальоны и полки народного ополчения, в основном из мужчин непризывного возраста; назначенные заранее партийные и комсомольские работники ушли в подполье, чтобы возглавить борьбу против врага, если Москва будет оккупирована.

15 октября Государственный комитет обороны принял постановление "Об эвакуации столицы СССР г. Москвы": срочно, "сегодня же", отправить в Куйбышев наркоматы во главе с наркоматами. Сталину предписывали покинуть столицу на другой день, его ждал на аэродроме специальный самолет, но он из Москвы не уехал. Спешно эвакуировали управления Генерального штаба, военные академии, наркоматы, посольства, вывозили ученых, писателей, композиторов, актеров, минировали в столице заводы, мосты, электростанции.

16 октября в Москве началась паника. Во дворах учреждений жгли архивы, и столбы дыма поднимались к небу; временно прекратились работа общественного транспорта и распределение продовольствия; привокзальные площади были забиты людьми, чемоданами, узлами с одеждой. "Кто-то плакал, кто-то кого-то искал, кто-то кого-то окликал, – вспоминал очевидец. – Какой-то актер волок огромный сундук и вдруг, взглянув на часы, бросил его и побежал на перрон с одним портфелем... И кто-то из знакомых на ходу успел мне шепнуть: правительство эвакуируется, Калинина видели в вагоне!.."

20 октября в столице и в прилегающих районах ввели осадное положение, в Москву вошли дополнительные отряды НКВД и навели порядок. Из воспоминаний москвича (20 октября 1941 года): "Настроение жителей ужасающее: очереди за продуктами, всего больше за хлебом... Военные отряды – чаще всего без всякого оружия – бредут как-то устало и уныло. Песен никаких..."

Генерал Ф. Гальдер, из дневника: "Непоколебимым решением фюрера является сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов и не кормить их зимой. Задачу уничтожения городов должна выполнять авиация..." В октябре авиация противника совершила 31 налет на Москву, в которых участвовало 2000 самолетов; 278 из них были сбиты, 72 прорвались к городу. С вечера выстраивались очереди у вестибюлей метро, чтобы провести ночь в безопасном месте. Гудели сирены противовоздушной обороны, москвичи с детьми на руках спускались в подвалы домов, прислушивались к далеким, а то и близким разрывам бомб, пока по радио не объявляли: "Опасность воздушного нападения миновала. Отбой!" И уже рассказывали анекдот про ребенка, который больше всего на свете любил папу, маму и отбой.

17 октября немецкие войска заняли Калинин к северо-западу от Москвы, 29 октября вышли к Туле, пытаясь окружить столицу с востока и прервать сообщение с Уралом и Сибирью. 7 ноября состоялся небольшой военный парад на Красной площади, на котором И. Сталин сказал: "Наши людские резервы неисчерпаемы... Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков? Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентики".

23 ноября немцы захватили под Москвой Клин и Солнечногорск, вошли в Истру и Наро-Фоминск, подошли к дачным поселкам Подмосковья, – от столицы до передовой линии оставалось не более 30 километров, фронт был так близок, что раненых вывозили на троллейбусах по Ленинградскому проспекту. Германское командование провозглашало: "Солдаты! Перед вами Москва!.. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва – это конец войны!"

П. Маркиш, поэт:

В Москве не быть ему, не знать ее веки.

Взамен Москвы – могила и пурга...

Наступила зима с сорокаградусными морозами, долгие, нестерпимо холодные ночи. Немцы с трудом заводили танковые двигатели, затворы их винтовок замерзали, снаряды не входили в стволы орудий, так как упаковочная смазка превращалась в камень. Немало солдат было обморожено, они страдали от дизентерии; в "Памятке о больших холодах" им советовали: "Нижнюю часть живота защищать прокладкой из газетной бумаги между рубашкой и фуфайкой. В каску вложить фетр, носовой платок... Нарукавники можно сделать из старых носков". Немецкие офицеры отмечали в ту зиму: "Русский чувствует себя в лесу как дома. Дайте ему топор и нож, и через несколько часов он смастерит что угодно – сани, носилки, шалаш... сделает печку из пары старых канистр. Наши солдаты стоят с несчастным видом и жгут драгоценный бензин, чтобы согреться..." – "Ледяной холод, отсутствие крыши над головой, нехватка одежды... Паника охватила войска. Это было первым случаем подобного рода в русской кампании".

5 декабря 1941 года советские войска, подкрепленные дивизиями из Сибири и с Дальнего Востока, перешли в наступление, отбросили немцев от Москвы, освободили Калинин, Калугу, сотни малых городов и деревень. Это наступление продолжалось до апреля 1942 года, на некоторых участках фронта противника оттеснили на 250 километров, освободили Московскую и Тульскую области, а также многие районы Калининской и Смоленской областей. Победа под Москвой досталась ценой огромных жертв, потери противника также были огромны; битва под Москвой сорвала нацистский план "молниеносной войны" и пошатнула веру в непобедимость немецкой армии.

И. Эренбург, из воспоминаний: "Мы ехали по Варшавскому шоссе к Малоярославцу, вокруг которого еще шли бои; ехали мимо сожженных деревень. Кругом лежали, а порой стояли, прислонившись к дереву, убитые немцы... На морозе лица мертвых румянились, мнились живыми. Офицер, который ехал со мной, восторженно восклицал: "Видите, сколько набили! Эти в Москву не придут..." И – не скрою – я тоже радовался. Могут сказать: нехорошее, недоброе чувство. Да, конечно. Как и другим, ненависть мне далась нелегко, это ужасное чувство – оно вымораживает душу".

Во время наступления под Москвой Э. Фалькович повел группу бойцов в ночную атаку, они ворвались в деревню, уничтожили 46 немцев, 37 взяли в плен – Эли Фальковича наградили орденом Ленина. Из документов военного архива: "Командир 170-го кавалерийского полка майор Фактор в конном строю, ведя за собой эскадроны, первым прорвал оборону противника. Награжден орденом Красного Знамени..." – "Лейтенанту Берг В. Р., красноармейцу Разводовскому Е. Н. Приветствую с награждением орденом Красного Знамени..." – награждены

посмертно орденом Красного Знамени "ст. лейтенант Исаак Борок, лейтенант Ханан Зихерман, красноармеец Головчинер. Вечная слава героям!" После освобождения Волоколамска обнаружили на виселице в центре города шесть юношей и двух девушек. Это были московские комсомольцы, посланные с диверсионным заданием во вражеский тыл, двое из них евреи – Евгения Полтавская и Наум Каган (все погибшие награждены посмертно орденами Ленина). В конце 1941 года звание "Гвардейский" получили шесть авиационных полков – первыми в ВВС страны. Одним из них, 129-м истребительным полком командовал майор Ю. Беркаль (впоследствии командир дивизии, генерал-майор; два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Кутузова, ордена Суворова и Красной Звезды). В феврале 1942 года, во время боев возле деревни Жигарево в Калининской области, рядовой Абрам Левин закрыл телом амбразуру вражеского дзота – укрепленной огневой точки.

6

17 ноября 1941 года, во время немецкой танковой атаки под Москвой, погиб весь расчет орудия, и восемнадцатилетний заряжающий красноармеец Хаим Дыскин остался один. Он вспоминал впоследствии: "До этого я стрелял из пушки всего два раза. Подвел перекрестие прицела под ближайший танк и дернул за шнур. Не поверите, но я вначале удивился, увидев, что он остановился. Потом понял, что подбил его. Так же подбил и второй. И тут почувствовал удар в плечо. Руки ослабли. Стало ясно, что ранен, но, не задумываясь над этим, продолжал заряжать и стрелять. Мне удалось подбить еще два танка, благо они подошли уже довольно близко. Осколками от разорвавшегося снаряда был ранен в спину, почувствовал, что под гимнастеркой струится кровь... Снова подбил два танка и почувствовал, что ранен в спину еще раз. И тут увидел, что один из танков подошел почти к самому орудью. Когда заряжал, он стал наводить на меня пушку, но я успел выстрелить первым. Тут случилось страшное. Вражеский снаряд разорвался почти рядом. Мне раздробило кость левой ноги, и я упал без сознания. А затем – госпиталь, госпиталь..."

В том бою Хаим Дыскин был четырежды ранен, подбил семь немецких танков и заслужил звание Героя Советского Союза; в указе о награждении было сказано "посмертно", и лишь впоследствии исправили ошибку. Из воспоминаний: в Военно-медицинскую академию "приехал учиться худенький, щупленький лейтенант Дыскин, тот самый, что, оставшись один на батарее, продолжал расстреливать немецкие танки"; Дыскин после войны – доктор медицинских наук, профессор, генерал-майор медицинской службы.

Лазарь Паперник работал токарем на 1-м Московском часовом заводе, затем фрезеровщиком, наладчиком станков, диспетчером завода, – было Папернику двадцать один год, когда его назначили начальником механического цеха. Лыжник, пловец, планерист – пошел добровольцем в армию, был зачислен в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения, куда направляли спортсменов, физически сильных мужчин; они проводили разведки и диверсии в тылу врага, минировали дороги, взрывали мосты, склады с боеприпасами. Из писем Паперника: "Я знаю, что многим придется умереть, освобождая свою землю, но мы должны разгромить Гитлера... На днях отряд идет в бой. Наша группа должна показать, на что способна..." – "Жив, здоров, всем доволен. Вчера дали фрицам так, что памятно им будет надолго. Вернее, тем, кто уцелел... Идет война, а жить очень-очень хочется". В ночь на 23 января 1942 года группа бойцов вышла ночью к деревне Хлуднево – неподалеку от Сухиничей в Калужской области. Они сняли часовых, гранатами и автоматным огнем уничтожили около семидесяти немцев, но затем их оттеснили на окраину села. Бойцы заняли круговую оборону возле бревенчатого сарая; командир отряда был ранен, политрук убит – Паперник принял командование на себя, и они держались до утра, погибая один за другим. Из воспоминаний бойца бригады: "Они вели огонь до последнего патрона. Никто не попал живым в руки гитлеровцев. Окруженный врагами, Паперник взорвал их и себя последней противотанковой гранатой. Немцы подожгли сарай... Дней через шесть... мы вновь штурмовали Хлуднево. Едва оказавшись в деревне, пришли на место, где был бой. Все эти дни шел сильный снег, однако кое-где виднелись обгорелые предметы. На солдатах были видны остатки одежды, некоторых удалось распознать..."

В одном отряде с Паперником служил будущий поэт С. Гудзенко. Из его записной книжки: "Ночью пошли на лыжах. Вел Лазарь. Бой был под Кишеевкой. Лазарь бил из снайперской.

Здорово! Метко..." – "Бой под Хлуднево. Пошли опять 1-й и 2-й взводы. Бой был сильный... Лазарь, говорят, крикнул: "Я умер честным человеком". Какой парень! Воля! Воля!"
С. Гудзенко, из стихотворения о тех местах и о тех боях:

Каждый помнит по-своему, иначе,

И Сухиничи, и Думиничи,
И лесную тропу на Людиново –
Обожженное, нелюдимое...

Погибших разведчиков наградили орденами Ленина; в наградном листе Лазаря Паперника командующий фронтом Г. Жуков написал: "Достоин звания Героя Советского Союза", – он стал первым Героем в Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения. Одну из московских магистралей назвали улицей Паперника и отметили на мемориальной доске: "Улица названа в честь снайпера-разведчика Героя Советского Союза Лазаря Хаимовича Паперника (1918–1942), павшего геройской смертью в тылу врага, недалеко от Москвы". На территории 1-го Московского часового завода установили плиту с его барельефом, вышла почтовая открытка с портретом Паперника, поэты слагали о нем стихи, в деревне Хлуднево, на месте боя, поставили памятник с именами погибших.

Из выступления Фейги Паперник, матери Героя, на еврейском митинге в Москве (апрель 1944 года): "Есть изречение: "Бедствие многих – наполовину утешение". Но это неверно. Бедствие многих не есть утешение. Это только значит, что не я одна такая несчастная. Таких матерей, как я, сейчас много, их тысячи. На нас напала саранча, вырвала наши души... Наша кровь не успокоится, если даже один из этих палачей останется жить на свете... Я поклялась перед портретом моего сына, что, сколько мне ни суждено жить, я всегда... буду с ним разговаривать, думать о нем..."

***

22 июня 1941 года правительство Италии объявило войну Советскому Союзу, и через месяц итальянские войска появились на Восточном фронте. Венгрия вступила в войну 27 июня; 1 июля начались боевые действия на границе с Румынией, 10 июля пошли в наступление финские войска. На стороне Германии воевали воинские соединения Австрии, Италии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Словакии, испанская и хорватская дивизии, а также отдельные части – "Валлония", "Викинг", "Денемарк", "Нидерланды", "Нордланд", "Фландрия" и другие, включавшие граждан Франции, Голландии, Дании, Бельгии, Норвегии. 26 добровольческих дивизий СС были укомплектованы албанцами, голландцами, венграми, датчанами, бельгийцами, французами, латышами, литовцами, эстонцами, украинцами и представителями других национальностей; среди них был и добровольческий легион СС "Галиция". Граждане СССР, оказавшиеся в плену или на оккупированной территории, добровольно или по принуждению вступали в отдельные воинские части – армянские, грузинские, азербайджанские, татарские, а также в Северо-Кавказский легион, сформированный из кавказских горцев. Были созданы Русская освободительная армия генерала А. Власова, казачье и пехотные русские корпуса, добровольческие батальоны "Днепр", "Березина", "Припять" для борьбы с партизанами.

***

В октябре 1941 года связист Михаил Блюмин восстановил поврежденную линию, отбивался затем от немецких автоматчиков, убил троих, был смертельно ранен в грудь. Через несколько часов бойцы нашли его тело – в руке зажат блокнот, запачканный кровью, на котором неровными буквами он успел пометить: "Приказ выполнен. Да здравствует Родина". В первые месяцы войны, во время отступления, было чрезвычайно трудно заслужить высокие награды, особенно рядовым бойцам. Исследователи подсчитали, что в 1941 году орден Ленина получили 3 еврея – красноармейцы и сержанты, орден Красного Знамени – 74, орден Красной Звезды – 111, медали "За отвагу" и "За боевые заслуги" – 113. Это были пехотинцы,

разведчики, артиллеристы и танкисты, летчики, саперы, связисты и санитары, шоферы, механики, бойцы истребительных батальонов. Заряжающий противотанковой пушки Семен Финкельштейн был ранен, потерял зрение, продолжал наощупь заряжать орудие, и они подбили два танка, отразив вражескую атаку.

***

Из прифронтовых районов угоняли скот, увозили хлеб, продовольствие, трактора и *сельскохозяйственное оборудование; из воспоминаний колхозника-еврея: "В нашем колхозе на свиноферме содержалось полторы тысячи голов. Их эвакуацию поручили мне, тогда семнадцатилетнему. Со мной был и пожилой колхозник Рафаил Милов. Дали нам подводу, и мы погнали свиней в Сталино (Донецк). Это сто с лишним верст. Свиней, конечно, не кормили. По пути встречались воинские части, мы давали им по несколько свиней, они нам – расписки. Попадали под бомбежки, начался падеж. У заготконторы столпотворение. Были мне предложения: "Продай свиней". Отвергал с юношеским возмущением: как можно?! Наконец у нас приняли стадо. поголовье никто, конечно, не считал, но бумагу выдали..."

***

В ноябре 1941 года Гитлер разъяснил в своей речи, что задержка окончательной победы на Востоке объясняется не только погодными условиями, но также происками евреев, "самых опасных людей в мире". На другой день в газете "Правда" напечатали отклик на выступление фюрера: "Гитлер лжет, что СССР – это будто бы "еврейское государство"... Гитлер сам запуган и других пытается запугать умом евреев, их предприимчивостью, их изобретательностью... Советские люди знают, что Гитлер боится и ненавидит не только евреев, но и русских, все славянские и неславянские народы СССР".

В декабре 1941 года московское радио в передачах на польском и немецком языках сравнило победоносное наступление под Москвой с победой Макавеев – национальных героев еврейского народа. В передачах особо подчеркнули, что 134-я Нюрнбергская дивизия, названная по имени города, в котором провозгласили расовые антиеврейские законы, была разгромлена под Москвой в дни Хануки – еврейского праздника в память победы Макавеев, освободивших Иерусалим и Эрец Израэль от сирийского владычества.

***

7 декабря 1941 года японские самолеты атаковали американский флот в Пёрл-Харборе; 8 декабря Япония объявила войну Великобритании и США, 11 декабря США объявили войну Германии и Италии – так эта война стала поистине мировой войной.

ОЧЕРК ТРИДЦАТЫЙ

Отступления 1942 года. Битва за Сталинград. Сражение на Курской дуге

После нападения Германии на СССР военное руководство Соединенных Штатов Америки пришло к выводу, что Советский Союз будет разгромлен в течение первых трех месяцев. Однако прошло полгода, а война продолжалась. Ленинград и Севастополь оборонялись, от Москвы немцы были отброшены; в последние дни 1941 года советские десантные войска высадились в восточной части Крымского полуострова, освободили Феодосию, Керчь, весь Керченский полуостров. Потери Красной армии были огромны: с июня по декабрь 1941 года – за полгода войны – они составили более 3 миллионов бойцов и командиров (погибли, умерли от ран и болезней 800 000 человек, попали в плен и пропали без вести свыше 2 миллионов; 1 миллион 300 000 человек были ранены). За полгода войны Красная армия потеряла 20 500 танков и самоходных артиллерийских установок, 10 300 боевых самолетов, 100 000 орудий и минометов.

Для немецких солдат и офицеров боевые действия на территории Советского Союза резко отличались от стремительного продвижения по шоссейным дорогам европейских государств. Гигантские пространства Белоруссии, Украины и России, казалось, заманивали без возврата; их размеры, огромные лесные массивы, бездорожье, осенняя распутица, непролазные грязи на грунтовых дорогах, которые не могли одолеть даже танки, подавляли и запугивали; репрессивные меры в городах и деревнях вызывали ненависть местного населения и ответные действия партизан, которые воевали "не по правилам".

После первой зимы и поражения под Москвой изменилось настроение в немецкой армии, что подтверждали свидетельства участника той войны: "О, конечно, мы были героями. Дома для нас всё было самым лучшим, и все газеты были переполнены рассказами о нас. Восточный фронт!.. Когда вы говорили, что направляетесь туда... как будто признавались, что у вас смертельная болезнь. Вас окружало дружелюбие, вынужденная жизнерадостность, но в глазах людей было то особое выражение, то животное любопытство, с каким глядят на обреченных... И в глубине души многие из нас верили в это. Вечерами мы часто говорили о конце. Каждого из нас ждал какой-нибудь узкоглазый монгол-снайпер".

В марте 1942 года, во время боев в Ростовской области, политрук Г. Гардеман заменил убитого командира роты, и под его командованием бойцы захватили вражеские укрепления. Во время немецкой контратаки Гардеман подбил танк противника и погиб; в его наградном листе написали: "Это был прекрасный командир. В боях проявлял исключительную смелость, находчивость и бесстрашие. Там, где сражался Г. И. Гардеман, достигалась победа". Звание Героя Советского Союза Григорию Гардеману присвоили посмертно.

К маю 1942 года немецкие войска потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 1,5 миллиона солдат и офицеров, 4000 танков и орудий крупного калибра, более 7000 самолетов. Некий немецкий полковник предсказывал: "Германская армия, сражающаяся с Россией, подобна слону, напавшему на армию муравьев. Слон затопчет тысячи, может быть, даже миллионы муравьев, но, в конце концов, их количество одолеет его, и он будет обглодан до костей".

2

К марту 1942 года появились надежды на скорое окончание войны, заговорили о "весне победы, весне радости", и в первом майском приказе наркома обороны И. Сталина было сказано: враг должен быть разгромлен в этом году. Но с мая положение резко изменилось. В том месяце не удалось прорвать блокаду Ленинграда; советские войска в Крыму потерпели поражение и эвакуировались с Керченского полуострова, потеряв за двенадцать дней боев свыше 175 000 человек; в том же месяце противник разгромил под Харьковом части Красной армии, взял в плен более 200 000 бойцов и командиров и начал развивать наступление.

В бою под Харьковом погиб генерал-майор Аркадий Борисов (Шистер), начальника штаба кавалерийского корпуса. Генерал-майор Григорий Зусманович, заместитель командующего армией, попал в плен под Харьковом, пытался организовать побег заключенных, погиб в лагере от голода и побоев.

И. Эренбург: "Началось горькое лето 1942 года. В сводках появились новые названия фронтов: Воронежский, Донской, Сталинградский, Закавказский... В газетах появилось старое предупреждение французских якобинцев: "Отечество в опасности!"..." В июле 1942 года немецкие войска захватили после восьмимесячной осады Севастополь, а на юге Украины продвинулись на 400 километров. Это был период наивысших побед германской армии, когда границы рейха расширились на востоке до самых дальних пределов. Танковые колонны стремительно продвигались по донским степям, следом шли грузовики с пехотой и артиллерия; корреспонденты немецких газет восторженно восхваляли "этот боевой порядок римских легионов, возрожденный в двадцатом столетии, чтобы покорить монголо-славянскую орду". Некий танкист сообщал в письме: "Теперь больше похоже на Польшу. Русских видно мало. Они обстреливают нас из пушек как сумасшедшие, но для нас это не страшно".

В июле 1942 года, во время отступления к Волге, Сталин издал приказ, в котором было сказано среди прочего: "После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории... намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик... У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв... Паникеры и трусы должны истребляться на месте". На основании этого приказа "трусов и паникеров" расстреливали перед строем в назидание прочим; были созданы на фронтах штрафные роты и батальоны, куда направляли за провинность бойцов и командиров; появились и заградительные отряды – особые подразделения войск НКВД, которым следовало находиться "в непосредственном тылу неустойчивых дивизий", чтобы "в случае паники и беспорядочного отхода... расстреливать на месте паникеров и трусов".

Положение стало катастрофическим, и в газете "Красная звезда" опубликовали стихотворение русского поэта К. Симонова: "Опять мы отходим, товарищ, Опять проиграли мы бой, Кровавое солнце позора Заходит у нас за спиной..." И. Эренбург призывал в газетной статье: "Стой и победи!", но отступление продолжалось. Советские войска оставили Донецкий бассейн, правобережье Дона, Воронеж, Ставрополь, Краснодар; немецкие дивизии устремились на Кавказ и в августе захватили перевалы в центральной части Главного Кавказского хребта, стремясь прорваться к нефтяным районам Грозного и Баку, на вершине Эльбруса водрузили флаг со свастикой. В сообщениях о ходе боев всё чаще называли Сталинградский фронт; немцы вышли к Волге севернее Сталинграда, чтобы взять город, а затем броском на север отрезать Москву от Урала и завершить войну. Во время оборонительных боев под Сталинградом погиб генерал-майор Яков Броуд, начальник артиллерии одной из армий.

Победоносные сводки боевых действий вызывали восторг по всей Германии. Вновь появилась уверенность в скорой победе, и некий офицер пометил в дневнике: "Наша рота рвется вперед. Сегодня я написал Эльзе: "Мы скоро увидимся. Все мы чувствуем, что это конец, победа близка". Немецкое радио возглашало: "Слушайте наши сообщения! Не отходите от приемников! Иначе вы пропустите исторический момент – сообщение о взятии Сталинграда!.." Гитлер заявил начальнику Генерального штаба: "С русскими покончено!" – "Очень на то похоже", – ответил тот.

23 августа 1942 года огромное количество немецких бомбардировщиков совершило налет на Сталинград, чтобы устроить жителей и защитников города, посеять ужас и панику. Из воспоминаний очевидцев: "На Сталинград надвигалась громадная тень от двухмоторных "Хейнкель-111". Каждый самолет нес до четырех тонн бомб... Для бомбежки самолеты летели челночно: отбомбившись, они уступали место новым бомбардировщикам, а сами тем временем заправлялись на аэродромах и вылетали вновь..." – "Кипел асфальт, горела земля, горели люди и животные. Это был настоящий ад. Самолеты летели низко, и немцы стреляли из пулеметов по людям. В этом аду погибли мама и брат..." – "Охваченные ужасом женщины и дети бежали толпами к берегу Волги, пытались найти там спасение. Туда же бежали и ползли раненые..."

Немецкие летчики совершили за сутки 2000 самолетовылетов и сбросили на город множество зажигательных бомб; бензин из разбитых цистерн стекал в Волгу, река пылала круглые сутки, и летчики проводили прицельное ночное бомбометание при ослепительном свете пожаров. В результате бомбардировок погибло в Сталинграде свыше 40 000 жителей, ранено 150 000; немецкий офицер свидетельствовал: "Сталинград уже не город. Днем это огромное облако пожара, слепящего дыма; это огромная топка, освещаемая отблеском пламени. А когда наступает ночь, собаки бросаются в Волгу и плывут изо всех сил к тому берегу.

Сталинградские ночи наводят на них ужас. Животные бегут из этого ада; самые крепкие камни долго не выдерживают, только люди выносят это..." Другой офицер германской армии с удовлетворением отметил в дневнике: "Весь город горит; по приказу фюрера наша авиация подожгла его. Вот что нужно для русских, чтобы они перестали сопротивляться".

Началось сражение за Сталинград, которое министерство пропаганды Германии определило как "величайшую битву на выносливость, которую когда-либо видел мир". Командование Красной армии провозгласило: "За Волгой для нас земли нет!"; ожесточенные бои шли за каждый дом, погреб, водонапорную башню, за каждую кучу развалин; участников той битвы и позднейших исследователей поражал невероятный накал борьбы в Сталинградской битве. Английский историк: "Очередное сражение превращалось в бой между отдельными людьми. Солдаты насмехались и осыпали руганью противника на другой стороне улицы; часто они слышали его дыхание в соседнем помещении, пока перезаряжали оружие; в густом дыму и кирпичной пыли шли рукопашные схватки с ножами и лопатами, кирпичами и прутьями арматуры..."

Немецкий лейтенант: "Господи, зачем Ты бросил нас? Мы сражались за единственный дом целых пятнадцать дней, используя минометы, гранаты, пулеметы и штыки... От этажа к этажу, с почерневшими лицами мы забрасывали друг друга гранатами посреди взрывов, тучи пыли и дыма, кучи штукатурки, потоков крови, обломков мебели и человеческих останков. Спросите любого солдата, что такое полчаса рукопашной борьбы в этом бою. И представьте Сталинград: восемьдесят дней и восемьдесят ночей рукопашных боев".

Из воспоминаний пехотинца Ефима Минкина (закончил войну кавалером ордена Славы 3-х степеней): "Одна группа ворвалась в дом, но вся погибла. Тогда в атаку пошла другая группа, в которую входил и я. Шел вторым. Сержант, бежавший первым, прыгнул в пролом стены, но был тут же убит. Я бросил в этот пролом две гранаты, затем ворвался в какой-то коридор. В конце его были немцы. Мы с товарищами забросали их гранатами и двинулись вперед. Но к немцам подошло подкрепление, и гранаты полетели в нас. Многие бойцы были убиты, а я ранен в обе ноги и контужен. Кое-как дополз к своим. Потом дом этот, конечно, взяли".

В сентябре 1942 года несколько разведчиков под командованием сержанта Я. Павлова захватили сохранившийся от бомбежек четырехэтажный дом в центре Сталинграда и удержали его. К ним подошло подкрепление – 24 бойца, и два месяца подряд они отбивали атаки врага до начала советского наступления. Среди защитников легендарного "дома Павлова" были представители разных национальностей, один из них – пулеметчик Идель Хаит (погиб при отражении атаки).

Во время Сталинградской битвы погиб генерал-майор Григорий Стельмах, начальник штаба Юго-Западного фронта. В уличных боях в Сталинграде участвовал и снайпер Георгий Красицкий, на счету которого десятки уничтоженных солдат и офицеров противника; 26 октября, за один только день, он увеличил счет на пять человек.

3. Концевой был начальником штаба инженерных войск Сталинградского фронта, И. Брынзов (Шмульзон) командовал инженерными войсками 62-й армии, М. Бирман был начальником штаба одной из армий, И. Бескин и В. Хусид командовали артиллерией армий. Генерал армии В. Чуйков свидетельствовал: "В трудные дни обороны Сталинграда противник прорвался к центральной переправе 62-й армии, захватил высокий дом на берегу. Прекратился подвоз боеприпасов, пополнения, продовольствия. Я вызвал подполковника М. Г. Вайнруба, приказал ему с тремя танками атаковать и овладеть домом... отдал ему последнюю роту охраны, хотя фашисты находились менее чем в пятистах метрах от командного пункта армии".

Матвей Вайнруб – заместитель командующего 62-й армии по бронетанковым войскам – пошел в атаку на головном танке и через три часа доложил: "Приказ выполнен. Переправа работает".

Немецкий офицер записывал свои ощущения во время уличных боев в Сталинграде – от презрения к противнику до чувства собственной обреченности: "Неужели русские в самом деле собираются сражаться на самом берегу Волги? Это безумие..." – "Фанатики..." – "Дикие звери..." – "Не люди, а дьяволы, которых не берут ни пламя, ни пуля..." – "Они никогда не устанут и не боятся огня..." – "Каждый наш солдат видит в себе обреченного человека..." – "Неужели нам придется сражаться еще одну ужасную зиму?.."

Пока шли уличные бои в Сталинграде, командование Красной армии сосредоточило на восточном берегу Волги более полумиллиона солдат, 900 новых танков Т-34, огромное количество полевой артиллерии и реактивных минометов "Катюша". 19 ноября 1942 года советские войска перешли в наступление на Сталинградском фронте и окружили 330 000 солдат и офицеров противника. Немецкие войска, поспешившие на подмогу, не сумели прорвать блокаду; положение осажденных ухудшалось со дня на день – не хватало патронов, не было горючего для танков, вооружение и продовольствие поставляли воздушным путем, но летчики и зенитная артиллерия сбивали вражеские самолеты при попытке сбросить грузы на парашютах. Осажденным выдавали в день до ста граммов хлеба, воду они добывали из растаявшего снега; было много обмороженных, больных сыпным тифом и дизентерией.

Танковая бригада подполковника Г. Прованова участвовала в боях по окружению вражеской группировки под Сталинградом, а затем продолжила наступление на запад. За две недели боев командирский танк Прованова уничтожил восемь вражеских танков, двенадцать орудий и минометов, десятки пулеметных точек, сотни солдат противника. 4 декабря 1942 года Григорий Прованов возглавил атаку бригады, обеспечив успех наступления, погиб в бою и заслужил посмертно звание Героя Советского Союза. В его наградном листе отметили: "На поле боя показал образцы мужества, героизма, умение вести танковую бригаду, маневрировать батальонами и наносить сильный удар. Лично бесстрашен".

С 10 января 1943 года началось уничтожение окруженной группировки, и некий офицер отметил: "На нас опускается могильная плита". К началу февраля 6-я армия во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом капитулировала; в плен попало 90 000 солдат, 2500 офицеров и 24 генерала. В Германии объявили трехдневный траур, звонили колокола, не работали рестораны и кинотеатры; в немецкой газете, официальном органе нацистской партии, напечатали на первой странице: "Борьба 6-й армии за Сталинград закончена. Они умерли, чтобы Германия жила. Наша клятва: отмщение!" Гитлер был возмущен поведением высших офицеров, которые предпочли плен самоубийству; о Паулюсе фюрер сказал: "Он мог бы освободиться от горя, вознестись в вечность и бессмертие для нации, но он предпочитает ехать в Москву... Их посадят на Лубянку, и там их будут есть крысы". По свидетельству очевидцев, после поражения под Сталинградом фюрер "казался сильно постаревшим... Его речь была неуверенной, левая рука дрожала".

Победа под Сталинградом стала переломным моментом в той войне, предвестником поражения нацистской Германии, символом стойкости, международным символом борьбы с фашизмом во всем мире (не случайно в городах многих стран существуют по сей день улицы имени Сталинграда). Исследователи подсчитали, что во время оборонительных и наступательных боев Сталинградской битвы погибло и пропало без вести 480 000 советских бойцов и командиров, ранено 650 000. Средняя продолжительность жизни на передовой во время уличных боев в Сталинграде составляла для рядового красноармейца менее суток, для командира взвода – три дня, для командира роты – семь дней, для командира батальона – одиннадцать и командира полка – двадцать дней. Немцы выпустили по Сталинграду более 3 миллионов бомб, мин и снарядов, разрушили почти девяносто процентов зданий. По окончании боев насчитали 10 000 жителей, скрывавшихся в развалинах домов, в том числе около тысячи детей – лишь девять из них отыскали затем своих родителей.

Маршал Г. Жуков: "Общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги, Сталинграда составили около 1,5 миллиона человек... и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии..." Немецкий генерал свидетельствовал: "Поражение под Сталинградом повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск".

К началу 1943 года в действующей германской армии было свыше 6 миллионов солдат и офицеров, в Красной армии насчитывалось на всех фронтах 6,6 миллионов человек. Советско-германский фронт протянулся на 6200 километров; немецкая армия оккупировала 2 миллиона квадратных километров территории Советского Союза, на которой в мирное время находилось 88 миллионов человек – более сорока процентов населения страны.

Война продолжалась, и соотношение сил постепенно менялось в пользу СССР. В январе 1943 года изгнали немцев с Северного Кавказа, сорвав их планы захватить нефтяные районы; в том же месяце освободили Воронеж, пробив коридор шириной до десяти километров вдоль берега Ладожского озера, восстановив сухопутное сообщение с Ленинградом. В феврале немцев изгнали из Курска, Краснодара, Ростова-на-Дону.

К марту 1943 года было отвоевано 480 000 квадратных километров территорий; в апреле–июне на Кубани проходили воздушные сражения с авиацией противника – немцы потеряли более 1100 самолетов, 800 из которых были сбиты в воздушных боях. Весной 1943 года погиб командир стрелковой дивизии генерал-майор Исаак Малошицкий. Начальник штаба армии на Волховском фронте генерал-майор Лев Березинский умер от ран в госпитале – летом того же года.

Гитлер заявил в мае 1943 года: "Мы находимся в положении человека, который схватил волка за уши и боится его отпустить". И чтобы совершить перелом в той войне, немецкое командование начало готовить стратегическое наступление под кодовым названием "Цитадель". Южнее Курска сосредоточили огромное количество воинских частей и боевой техники; перед началом операции фюрер обратился с посланием к войскам: "Солдаты рейха! В этот день вам предстоит участвовать в наступлении, от исхода которого может зависеть будущее этой войны... Ваша победа покажет всему миру, что сопротивляться германской армии безнадежно".

5 июля 1943 года началась знаменитая битва на Курской дуге – там, где советские войска вклинились дугой в оборону противника. А. Кларк, историк: "В два часа дня немецкие танки первой волны численностью около двух тысяч выползли из лощин... и медленно двинулись вперед с задраенными люками по волнуемому морю пшеницы... Справедливо названная величайшей танковой битвой в истории... она была с начала до конца колоссальной битвой на уничтожение, упорной борьбой, где противники то наступали, то отступали на узкой полосе земли". Бои продолжались пять дней. Горела пшеница на полях, горели окрестные деревни, черный дым от подбитых танков застилал горизонт.

12 июля произошло лобовое столкновение танковых армий противников в районе железнодорожной станции Прохоровка, к северу от Белгорода; это было самое крупное танковое сражение Второй мировой войны, в котором участвовали тысячи танков и самоходных орудий. Восемичасовой бой проходил при сильной жаре и удушливых облаках дыма; немецкий танкист вспоминал: "Никогда я не испытывал такого подавляющего чувства при виде мощи и численности русских, как в тот день. Тучи пыли не позволяли надеяться на помощь авиации, и вскоре многие Т-34 прорвались мимо нашего прикрытия и устремились потоком, как крысы, по полю боя".

Немецкие войска не сумели прорвать оборону, и вскоре части Красной армии перешли в наступление, выбили противника из Орла и Белгорода. 5 августа, в честь освобождения этих городов, впервые произвели победный салют в Москве – 12 артиллерийских залпов из 120 орудий, а затем салютами стали отмечать в столице взятие других городов. Поражение под Курском сорвало планы германского командования удержать линию фронта на востоке; с этого момента немецкие войска утратили стратегическую инициативу, перешли к обороне и началось их постепенное отступление на запад. Они уходили по полям прежних победоносных сражений, мимо городов, которые так легко захватывали недавно, оставляя за собой

брошенную технику, выжженные населенные пункты и могилы товарищей по оружию, выкопанные наспех.

6

Капитан 3-го ранга И. Фисанович, внук кантора, с первых месяцев войны командовал "Малюткой" – небольшой подводной лодкой М-172, на борту которой устанавливали две торпеды. В первом боевом походе лодка прошла во вражескую гавань в финском фиорде, преодолев систему заграждений, и пустила на дно транспорт противника; на другой день "Малютка" потопила второй торпедой еще один корабль. Адмирал А. Головкин вспоминал: это была "первая по-настоящему знаменательная победа, определившая наши возможности в борьбе с врагом на его коммуникациях". К началу 1942 года "Малютка" потопила в Баренцевом море восемь вражеских кораблей, ее экипаж заслужил ордена и медали; Израиль Фисанович получил звание Героя Советского Союза – одним из первых среди моряков-подводников, а президент США наградил его американским орденом Морской Крест.

Имя Фисановича называли по радио в сводках Совинформбюро, о нем публиковали очерки писатели, выходили почтовые открытки с портретом Героя. В мае 1942 года, во время очередного похода, с "Малютки" обнаружили тяжело нагруженное транспортное судно под охраной сторожевых кораблей и тральщиков. Торпеда попала в цель с близкой дистанции; корабли сопровождения погнались за "Малюткой", сбросили на нее сотни глубинных бомб; лодку обстреливали из корабельных орудий, бомбили затем с самолета, преследуя десять часов подряд, но Фисанович сумел уйти от погони, привел лодку на свою базу и рассказал об этом в книге "История "Малютки" (закончена в 1943 году):

"Все корабли охранения тотчас бросаются на "Малютку". След торпеды точно указал им место, и первая же серия глубинных бомб превращает воду вокруг лодки в кипяток. Взрывы потрясают стонущий корпус лодки, как удары многотонных молотов. Гаснет свет, сыплется с обшивки пробковая изоляция... В адском грохоте теряются слова команд и докладов... Из поврежденной топливной системы тонкой струйкой течет соляр и расплзается по штилевой поверхности моря масляной полоской с темно-радужными краями. Теперь вражьи корабли крепко вцепились в "Малютку". След соляра выдает ее точное местонахождение. На лодку сериями обрушиваются десятки сокрушительных ударов. Сама смерть стучит по корпусу, стремясь ворваться внутрь... Корпус стонет под напором гигантской силы, вибрирует от титанических ударов. Расшатываются крепления, один за другим скисают механизмы. Личный состав бросается в слабые места, подкрепляет, исправляет, вводит в строй. Идет жестокая борьба со смертью...

Лодка уже давно под водой, тяжело дышать... Открытыми ртами люди часто хватают воздух и по противно сухим дыхательным путям судорожно проталкивают его в ноющие легкие... Уже десять часов длится неравная борьба. Триста двадцать четыре глубинные бомбы сброшено на лодку. Двести восемь из них причинили ей повреждения... Восемь часов утра 16 мая. Подводная лодка М-172 появилась на поверхности моря. Всплыла на глазах противника, как насмешка над всеми его усилиями. Враг в ярости. Два сторожевика полным ходом идут на сближение и открывают артиллерийский огонь. Всплески, ложась недолетами, упорно приближаются к лодке. В ответ с советского берега заговорила артиллерия... Один сторожевик получает попадание. Второй прикрывает его дымзавесой. Противник отходит к своим берегам... Корабли вызывают авиацию. Бомбардировщик "Ю-88"... на бреющем полете, полной скоростью, бросился на лодку. Срочное погружение произвели в короткий срок... Двойной взрыв колоссальной мощи над лодкой потряс ее с небывалой силой. Свет погас. Оборвались со своих мест глубиномеры, манометры, плафоны освещения... "Малютка" выдержала и это... Текут в заклепках съемные листы на корпусе, лапы цистерн, фланцы забортных клапанов.... Израненная "Малютка" возвращается на базу..."

В тот же день командующий флотом вручил экипажу лодки М-172 орден Красного Знамени, таким же орденом наградили и Израйля Фисановича. В музей Северного флота поместили разрушенную электрическую лампочку с "Малютки" с сопровождающей надписью: "Подлодка М-172. 16 мая 1942 года. 324 глубинные бомбы, артобстрел, 4 авиабомбы". В корпусе

подводной лодки насчитали более ста глубоких вмятин; "Малютку" отремонтировали, она снова вышла в море и потопила еще пять кораблей противника.

Друзья вспоминали о ее командире: "Мы восхищались тем, как Фис – так его все называли – воевал, как искал встреч с врагом, как умел выбрать лучший вариант атаки, как держался в море. И воевал-то он красиво, если возможно такое сочетание слов; каждая его атака, математически рассчитанная, была филигранна в исполнении. И это не в офицерских играх, а в штормующем море, в горячем бою... Фисанович погиб рано. Из него мог бы выйти крупный командир или большой флотский ученый. Но об этом "мог бы" лучше не гадать. Важно, что он успел сделать. А сделал он очень много – больше, чем иной сумеет за всю свою жизнь". Фисанович написал стихи о своей "Малютке" "Безмолвны и хмуры норвежские скалы..." – они стали песней на музыку Е. Жарковского. Этой песней должны были встретить на причале подводную лодку М-172, которой он прежде командовал, но она не вернулась на базу. В сентябре 1944 года Фисанович перегонял из Англии подводную лодку – она не пришла к месту назначения и ее экипаж погиб (именем Израиля Фисановича назвали улицы в нескольких городах, ему посвятили экспозиции в военно-морских музеях; в боях за Латвию погиб его брат Натан Фисанович, командир минометной роты).

***

Из сведений, опубликованных на пленуме Еврейского антифашистского комитета: "По данным на 6 октября 1942 года было 185 113 воинов Красной армии, награжденных орденами и медалями Советского Союза, представлявших 69 наций; среди них 126 732 русских, 33 191 украинец, 5411 белорусов, 5163 еврея, 2853 татарина, 1116 мордвинов, 1036 казахов, 976 грузин, 913 армян и т. д."

По данным Наркомата обороны СССР на 15 января 1943 года, боевыми орденами и медалями были награждены 187 178 русских, 44 344 украинца, 7210 белорусов, 6767 евреев. В том же месяце того же года в журнале "Большевик" появилась статья председателя Президиума Верховного совета РСФСР, который указал точное количество награжденных русских, украинцев и белорусов, перечислил затем представителей разных национальностей, упомянув в конце перечня – после бурят, черкесов, хакасов, аварцев, кумыков, якутов – и евреев, хотя в тот момент они занимали почетное четвертое место по числу награжденных.

***

В июне 1942 года, под Воронежем, командир полка Исаак Бецис направил подбитый бомбардировщик на скопление войск противника. Это же совершили летом того года летчик-истребитель лейтенант Израиль Капилевич, летчики-штурмовики капитан Исаак Зазулинский и младший лейтенант Исаак Шварцман. На подступах к Сталинграду таранили самолеты противника подполковник Лев Бинов (вскоре погиб в бою) и майор Давид Воинов. В 1943 году летчик-штурмовик лейтенант Зиновий Левицкий направил подбитый самолет на скопление вражеских войск, затем это совершили штурман сержант Ефим Сагайдачный и стрелок младший сержант Давид Удерман (в составе экипажей бомбардировщиков). В том же году капитан Гедалий Мыкитянский таранил своим истребителем вражеский бомбардировщик и погиб при этом.

Капитан Борис Ривкин, командир эскадрильи самолетов-истребителей, воевал в Крыму, под Сталинградом, в Белоруссии, Польше, Германии; заслужил звание Героя Советского Союза за участие в воздушных боях на Курской дуге (после войны генерал-майор авиации, начальник Высшего авиационного училища, заслуженный летчик СССР; звезда Героя, орден Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны, ордена Александра Невского и Красной Звезды).

ОЧЕРК ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Мечь еврейских бойцов и командиров. Форсирование Днепра. Освобождение Киева

1

Бойцы и командиры Красной армии долгие месяцы ничего не знали о судьбе своих близких на оккупированных территориях. Не знали этого и евреи – о чудовищных результатах Катастрофы, и когда началось наступление советских войск, они увидели опустевшие еврейские дома, рвы с расстрелянными, услышали рассказы очевидцев и спасшихся от уничтожения, освобождали порой и родные края, где убили их родителей, жен, детей. Из свидетельства Героя Советского Союза младшего лейтенанта Кравцова (местечко Ялтушкино Винницкой области): "Я расспрашивал соседей, уцелевших чудом, и узнал всю правду... Немцы экономили пули, клали людей в четыре ряда, а потом стреляли, засыпали живых. Маленьких детей – перед тем как бросить в яму – разрывали на куски. Так они убили и мою крохотную Нюсеньку. Других детей, и среди них мою старшую дочку, столкнули в яму и засыпали землей... Две могилы рядом. В них полторы тысячи человек. Взрослые, старики, дети. Мне осталось одно: мечь..."

Из письма красноармейца Гофмана (Краснополье Могилевской области): "Там погибли 1800 евреев, и среди них моя семья: красавица дочка, больной сын и жена... Я – муж без жены и отец без детей, и я уже не молод, но я третий год воюю, я мстил и буду мстить... Я видел поля, усеянные трупами немцев, но этого мало. Сколько их должно погибнуть за каждого убитого ребенка?!..."

"Будь они прокляты во веки веков! Евреи! Пусть ни одна еврейская душа не успокоится до тех пор, пока с лица земли не будут стерты и до конца уничтожены эти палачи еврейского народа! Майор Зиновий Островский, полевая почта 48828..."

"Мы их бьем, убиваем без счета и без пощады, но нам этого уже мало. Смерть для немца – это не наказание, это спасение от кары народной. За всё то, что они творят на нашей земле, их надо заставить всю жизнь умирать. Старший лейтенант Александр Баренбойм..."

"Я воспитан на традициях великого русского гуманизма, я – врач, но сердце мое требует вражеской крови не только тех немцев, кто воюет против нас на фронте, но всех сытых гретхен. Всю молодую поросль немецкой породы надо уничтожить. Майор Шеремет..."

"Я был у могил, и я как будто видел родных, земляков; они мне говорили из-под земли: "Мсти!" Я обещал, что отомщу. Абрам Грановский..."

Из фронтовой газеты "За честь родины" (январь 1944 года): "Рядовой Исаак Шпеер, уроженец Бердичева, убил трех немцев-автоматчиков, пока дошел до Белопольской улицы... Вот и родительский дом. Целы стены, цела крыша и ставни. Здесь Шпеер узнал от соседей, что немцы убили его отца, мать, сестру, маленьких Борю и Дору. На Лысой горе еще дрались немцы... Исаак Шпеер дополз до немецкого пулемета и гранатами убил двух пулеметчиков. Осколком мины Шпееру раздробило ногу, но он остался в строю. Шпеер застрелил еще одного немца и умер, пронзенный разрывной пулей на Лысой горе, где немцы убили его мать".

Герой Советского Союза майор Л. Бубер: "Победа близка. Мы скоро будем на пороге вражеского дома. Скоро на гусеницы наших танков будет налипать немецкая земля, и тогда мы полностью сведем счеты за Бабий Яр в Киеве, за тысячи противотанковых рвов в других городах, где лежат трупы зверски убитых немцами мирных жителей... Мы отомстим за всё!"

2

Майор Ц. Куников командовал десантным отрядом морской пехоты, который ходил в тыл врага, взрывал мосты, железнодорожные составы, склады с боеприпасами, разрушал линии

связи, уничтожал танки противника. Куников конструировал новые взрывные устройства, устанавливал на грузовые автомобили пушки и пулеметы для быстрого передвижения к линии фронта; небольшие речные "трамваи" переоборудовали по его совету в бронекатера, которые участвовали в боях на Волге. Его наградили орденами Ленина и Красного Знамени, среди первых на флоте Куников получил орден Александра Невского. Из его письма: "Было всё: ночные походы в тыл противника, взрывы, поджоги, ледовые походы по нескольку суток без сна, тепла и горячей пищи. Фашисты – редкая сволочь. Истреблять их надо беспощадно. В каждом – зверь. Я видел в отбитом нами Ростове кварталы, население которых – старики, женщины и дети – целиком было расстреляно. Пепел сожженных стучит в наши сердца". В ночь на 4 февраля 1943 года десантный отряд майора Куникова – 275 человек – высадился с катеров и захватил прибрежный участок возле Новороссийска на Черном море. К концу дня там было уже более восьмисот десантников; немцы старались сбросить их в море, и Куников передал по окопам приказ, от бойца к бойцу: "Никто не имеет права отходить – даже в тех случаях, когда грозит неминуемая смерть". Они расширили с боями плацдарм, который получил название Малая земля; в конце первой недели Цезарь Куников был тяжело ранен и через два дня умер в госпитале; посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза – за личную храбрость и прекрасное проведение боевой операции (после освобождения Новороссийска Куникова перезахоронили в центре города на площади Героев; его именем назвали малую планету; улицам, площадям и школам в Москве, Новороссийске, Ростове-на-Дону, Азове, Туапсе присваивали его имя; по морям плавал танкер "Цезарь Куников"). Из письма Куникова: "Во мне живет страстное желание видеть жизнь всепобеждающей, здоровой, красивой, во всей ее полноте, осязать покой, красоту природы, дышать чудесным запахом моря, земли... Я этого хочу так же упорно, бешено, свято, как победы над врагом... Врага надо не только победить, но навсегда отучить воевать!"

В предвоенные годы художник М. Гуревич выставлял работы на многих выставках, его картину приобрел Русский музей в Ленинграде. После начала войны Гуревича направили во фронтовую газету "Боевой листок", для которой он рисовал портреты бойцов и командиров, создавал карикатуры на гитлеровцев и их фюрера. В Крыму Гуревич увидел огромный ров с сотнями расстрелянных жителей и написал другу: "После того, что повидал под Керчью, твердо решил: буду артиллеристом и только им! Скоро начну заниматься в школе лейтенантов". Он стал младшим лейтенантом, командиром батареи 45-миллиметровых пушек; на привалах артиллеристы устраивали концерты и пели частушки, сочиненные своим командиром: "А мы споем таперича Про орлов Гуревича. Как его "сорокапятки" Отрывают немцам пятки..."

Батарея Гуревича участвовала в сражении на Курской дуге и в боях под Смоленском. В сентябре 1943 года он сообщал в письме: "Уже три дня не умывался... Выгляжу диким волком, оброс, давно не чесан, отчего волосы закурчавились до предела. Но живу как бог. Мои расчеты сбили шесть пулеметных точек противника, раздолбали наблюдательный пункт и т. д. Я уже представил четверых к награде. Все уверены, как и сам командир, в полном счастье и неуязвимости взвода".

Через несколько дней после этого во время немецкой атаки погибли все артиллеристы его батареи; Михаил Гуревич был несколько раз ранен, но не ушел с позиции, сам заряжал пушку, наводил и стрелял – звание Героя Советского Союза присвоили ему посмертно. В наградном листе командир полка написал: "Когда вышли из строя расчеты орудий, он сам лично из пушки в упор расстреливал гитлеровцев. Когда кончились снаряды, он перебежал к другой пушке и продолжал огонь, а когда кончились все снаряды, семь раз раненный, истекая кровью, стал уничтожатьседавших фашистов гранатами и огнем своего автомата. При этом уничтожил два станковых, один ручной пулемет и около 80 гитлеровцев".

Армейская газета "Храбрый воин" посвятила Гуревичу целый номер: "Он был художником и мечтателем – Герой Советского Союза Михаил Гуревич... И многие сотни людей, которые не знали его как художника, узнали и оценили его как беспредельно смелого командира". У родных Гуревича сохранилось его письмо с фронта: "Дорогая мамочка и сестричка Женя! Как вы там? У меня всё в порядке! Обо мне не беспокойтесь, я счастливый художник. А художников на войне убивать не положено – вышел такой приказ, номер раз".

Немцы еще удерживали Новороссийск на Черном море; они надеялись на новое наступление, чтобы прорваться к бакинской нефти, и Гитлер говорил: "Если к осени мы не захватим нефтяные запасы на Кавказе, тогда придется признать, что мы не сможем выиграть эту войну". В сентябре 1943 года советские войска начали наступление с Малой земли и выбили противника из Новороссийска. В том же месяце освободили Брянск, Чернигов, Полтаву, Смоленск, территорию Донбасса и начали освобождение Белоруссии. С сентября по декабрь с боями форсировали Днепр на всем его протяжении, захватывали и расширяли плацдармы возле Днепропетровска, Киева, Кременчуга, Чернобыля, Запорожья – несмотря на команду из Берлина удерживать водный рубеж на Днепре "до последнего человека".

Рота старшего лейтенанта З. Горелика первой в полку переправилась на лодках и плотках через Днепр и начала бой за овладение плацдармом южнее Гомеля. Потери атакующих были велики; Горелик заменил пулеметчика, затем повел роту в атаку – они захватили немецкие траншеи и прибрежную деревню. Во время контратак противника Горелик подбил гранатами два танка, был ранен, но продолжал руководить боем, пока через Днепр не переправился весь батальон. На другой день Зиновий Горелик повел роту в наступление для расширения плацдарма, был тяжело ранен – четвертый раз за войну – и заслужил звание Героя Советского Союза. Несколько суток подряд горстка бойцов удерживала крохотный плацдарм на правом берегу Днепра южнее Киева, в трехстах метрах от немецких траншей. Они были прижаты к берегу, раненых подбирали и отправляли через реку только ночью, – двадцатилетний сержант Моисей Хохлов "за доблесть и отвагу, проявленные при удержании плацдарма", стал Героем Советского Союза. Минометный расчет младшего сержанта Н. Жолудева вел огонь с плота во время форсирования Днепра южнее Кременчуга. Шесть суток бойцы удерживали плацдарм; Жолудев был ранен, но продолжал огонь из уцелевшего миномета, прикрывая переправу воинских частей, а когда немцы подошли вплотную, вместе с пехотинцами отстоял позицию автоматным огнем. Наум Жолудев стал Героем Советского Союза и по окончании войны участвовал в Параде победы на Красной площади в Москве.

Батальон воздушно-десантных войск майора А. Блувштейна был заброшен на Украине в тыл врага, где напал на немецкие колонны, подрывал мосты и склады, уничтожал вражеские гарнизоны в селах, пустил под откос два эшелона с войсками, которые направлялись к фронту. Ударом с тыла, совместно с партизанским отрядом, десантники захватили три села на берегу Днепра, возле города Черкассы, и удерживали их во время форсирования реки основными силами; Александр Блувштейн водил в атаку свой батальон, чтобы удержать плацдарм, и заслужил звание Героя.

Стрелковая рота лейтенанта Д. Кудрявицкого ночью переправилась через Днепр на лодках, плотках, мешках, набитых соломой, и выбила немцев из первых траншей. Бойцов прижали к берегу, против них применили огнеметы; Давид Кудрявицкий повел роту в атаку, участвовал в рукопашной схватке, был трижды ранен и погиб во вражеской траншее – посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза. При защите захваченного плацдарма орудийный расчет сержанта П. Товаровского отражал танковую атаку противника, последними погибли командир орудия и наводчик. В рапорте командира полка сказано: "В результате героических усилий расчета орудия было приостановлено немецкое наступление и удержан плацдарм на правом берегу Днепра, севернее Киева". Двадцатилетнему Петру Товаровскому и наводчику орудия Николаю Пономареву присвоили посмертно звание Героя.

Батарея 45-миллиметровых пушек старшего лейтенанта И. Ваксмана переправилась неподалеку от Запорожья на правый берег Днепра, отбила десять вражеских контратак; при расширении плацдарма Исаак Ваксман погиб и стал посмертно Героем Советского Союза – было ему двадцать один год. Батарея 45-миллиметровых пушек старшего лейтенанта Г. Маца подбила четырнадцать танков и несколько бронетранспортеров с пехотой, отражая контратаку противника возле города Черкассы, на правом берегу Днепра. Все артиллеристы погибли, Григорий (Цви Гирш) Мац был посмертно награжден званием Героя, но впоследствии оказалось, что он остался жив. Дважды раненный, Мац попал в плен, выдавал себя за татарина, был освобожден из лагеря уничтожения Майданек.

Погибли при форсировании Днепра и получили посмертно звание Героя – артиллеристы майор Абрам Смоляков и старший лейтенант Евгений Бирбраер, пехотинцы капитан Залман Вихнин, лейтенант Гирш Юдашкин и младший сержант Семен Гельферг, командир политотдела

танковой бригады полковник Аркадий Каплунов, командир воздушно-десантного полка подполковник Яков Биренбойм, сапер красноармеец Лев Маргуля. Перед форсированием Днепра шесть разведчиков переплыли ночью реку, обследовали вражеские укрепления, и на обратном пути, когда они уже садились в лодку, их обнаружили. Рядовой Григорий Гарфункин остался на берегу и прикрывал отход, затем поплыл через реку и погиб от минометного огня – посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза. Разведчики вернулись с задания невредимыми и обнаружили в блиндаже письмо, которое Григорий не успел закончить: "Дорогие мои! Идет война. Нужно быстрее уничтожить врага. На фронте всякое бывает, но обо мне не беспокойтесь. Если погибну, то только героем. Как выживаете? Сейчас..." На этом письмо обрывается.

4

В октябре 1943 года советские войска освободили Запорожье, Мелитополь, Днепропетровск; 6 ноября войска 1-го Украинского фронта вошли в Киев, затем противника выбили из Гомеля и Житомира; к концу декабря 1943 года было освобождено 160 городов и 38 000 населенных пунктов.

Командир саперной роты лейтенант И. Серпер начал воевать с первого дня войны, во время отступления взорвал мост перед подходом немцев, был контужен и попал в плен, из которого бежал с группой бойцов. Они пробирались сотни километров по тылам противника, пересекли линию фронта и попали в проверочный лагерь НКВД. Иосиф Серпер прошел через штрафной батальон, воевал затем на разных фронтах, был ранен, в октябре 1943 года участвовал в боях за Мелитополь и стал Героем Советского Союза. В его наградном листе отметили: "При минимальном количестве потерь саперы-штурмовики капитана Серпера, сопровождая боевые порядки пехоты, уничтожили 12 огневых точек, взяли штурмом два укрепленных здания и истребили гарнизоны фашистов, подорвали минами 12 немецких танков (из них 6 "Тигров")... Капитан Серпер проявил в уличных боях личное мужество и героизм".

Командир батареи капитан М. Шахнович тоже участвовал в уличных боях в Мелитополе, был ранен, но продолжал командовать; при отражении танковой атаки заменил погибших артиллеристов, подбил танк и самоходное орудие. В одном из укрепленных домов засели немецкие пулеметчики, которые не давали бойцам продвигаться по улице. Моисей Шахнович ползком добрался до здания, проник внутрь, зарубил саперной лопаткой трех пулеметчиков, заслужил звание Героя (его именем назвали улицу в освобожденном городе).

В боях за Мелитополь взвод младшего лейтенанта А. Зиндельса попал в окружение; когда все бойцы погибли и не осталось патронов, Абрам Зиндельс взорвал себя и окружавших его врагов противотанковой гранатой – посмертно ему присвоили звание Героя (именем А. Зиндельса назвали улицу в Мелитополе).

В ноябре 1943 года морской десант высадился в Крыму возле Керчи. Море штормило, катера не могли подойти к берегу, а потому десантники прыгали в ледяную воду и сразу же вступали в бой. Из воспоминаний участника боев на Керченском плацдарме (С. Борзенко, из книги "Жизнь на войне"): "Положение стало критическим. Казалось, было потеряно всё, кроме чести. Кто-то предложил послать последнюю радиogramму – умираем, но не сдаемся... Напряжение достигло высшего предела. И тогда Абрам Мовшович, решительный и бледный, собрал всех командиров и повел их в офицерскую контратаку. Шли без шинелей, при орденах, во весь рост, не кланяясь ни осколкам, ни пулям... Их было в десять раз больше, с ними были "Фердинанды", а у нас по десятку патронов на брата... "Вперед!.." Это был крик Мовшовича. Значит, он жив!

Девятнадцать танковых атак, поддержанных двумя полками пехоты, были отбиты небольшим десантом в первый день высадки" (заместитель командира полка майор Абрам Мовшович был награжден за Керченскую операцию орденом Ленина).

В составе десанта, который форсировал Керченский пролив, участвовал взвод противотанковых пушек младшего лейтенанта И. Якубовского. Противник пытался сбросить десантников в море; Якубовский подбил вражеский танк, уничтожил миномет и несколько пулеметов, в критический момент повел бойцов в атаку и удержал позицию. Был ранен, но оставался в строю еще несколько дней; за героизм и мужество при удержании плацдарма Израиль Якубовский стал Героем Советского Союза (после госпиталя вернулся на фронт, погиб в бою в Белоруссии). Наводчик противотанкового орудия Исаак Двухбабный форсировал

Керченский пролив в передовой десантной группе и уничтожил два танка при удержании плацдарма. Прямым попаданием снаряда пушка была повреждена, артиллеристы погибли, Двухбального ранило; он подпустил третий танк вплотную, бросил под гусеницы противотанковую гранату и погиб – звание Героя присвоили ему посмертно.

Три танка Т–34 разведывательного взвода старшего лейтенанта М. Кравца прорвались к Днепру южнее Киева, форсировали реку на подручных средствах и огнем прикрытия обеспечили переправу стрелкового батальона. Затем танки Кравца первыми ворвались на улицы Фастова, запруженные вражеской артиллерией, танками и автомашинами; Мордехай Кравец был тяжело ранен в уличных боях и заслужил звание Героя Советского Союза. В наградном листе сказано: "В боях за Фастов старший лейтенант М. Кравец первым ворвался в город и вызвал панику в гитлеровском гарнизоне. Это помогло основным частям легко захватить город".

После госпиталя Кравец вернулся на фронт, его танковый взвод ночью ворвался во Львов, проник в центр города и вел бои на улицах; под утро в город вступила вся танковая бригада. В Польше танковая разведывательная группа капитана Кравца, подкреплённая бронетранспортерами с пехотой и двумя орудиями, прорвалась к городу Радомску, захватила мост через реку, пятнадцать часов подряд отбивала контратаки противника и удержала мост до подхода основных сил (Мордехай Кравец участвовал затем в штурме Берлина; звезда Героя, два ордена Ленина, орден Красного Знамени, два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды).

Танк лейтенанта И. Куперштейна одним из первых ворвался на западную окраину Киева; экипаж танка отличился затем в уличных боях за Фастов и в отражении танковой контратаки противника, пытавшегося прорваться к столице Украины, – все танкисты стали Героями Советского Союза. Это был один из немногих танковых экипажей в Красной армии – экипаж танкистов-Героев: лейтенант Израиль Куперштейн, сержанты Борис Берестовский, Виктор Бугаев, башенный стрелок еврей Михаил Грабский.

Герой Советского Союза летчик-истребитель Виктор Хасин воевал на Украине с первых дней войны, прикрывал Москву от вражеских налетов, участвовал в боях под Сталинградом, Смоленском и в Белоруссии. Провел 257 воздушных боев, сбил в воздухе и уничтожил на земле более двадцати самолетов противника, десять раз покидал горящий истребитель и вновь возвращался в строй. Был ранен в начале 1944 года в воздушном бою под Витебском, приземлился на парашюте в тылу врага, несколько дней добирался до своих и умер в госпитале. Незадолго до гибели он получил письмо из США: "У нас в Америке существует клуб смертников, членом которого может стать летчик, который хоть один раз спасся с помощью парашюта. А вы спаслись десять раз! Вы были бы у нас вице-директором клуба". (Виктора Хасина похоронили в Москве на Новодевичьем кладбище; его мать убили в Виннице, сестру Соню – в газовой камере Майданека.)

5

В декабре 1943 года в бою под Житомиром командир танка Т–34 младший лейтенант Владимир Вайсер подбил два танка противника, два самоходных орудия, два бронетранспортера с пехотой и продолжал стрелять из охваченного пламенем танка, – посмертно, "за беспримерное мужество", ему присвоили звание Героя Советского Союза. Из воспоминаний медсестры: "Володя приехал в наш госпиталь проведать товарища, – увидев его, я удивилась. Это был уже не тот мальчик, каким я его знала в школе... Его лицо стало суровым. И глаза... в них как бы застыла ярость боя... Осенью мы переправились через Днепр. Началось сражение за правобережную Украину. При встрече Володя говорил: "Вот отвоюем Украину и отпросимся дня на два, пойдем в свою школу, за своими партами посидим. Здорово, а?" Виделись мы урывками, лишь тогда, когда мне приходилось эвакуировать раненых с поля боя. Жила я в вечном страхе за него. В то время Володя был младшим лейтенантом, командиром танка. На его счету было несколько уничтоженных танков и около полутора десятков орудий врага... 20 декабря наша танковая бригада заняла станцию Чоповичи Житомирской области и преградила дорогу на Киев танковой дивизии СС "Адольф Гитлер". Наш медпункт размещался в полуразрушенном здании на станции, а танкисты занимали оборону в трехстах метрах впереди нее. Я видела, как Володя из засады двумя выстрелами поджег "Пантеру", но и его

танк загорелся. Гляжу, он выскочил из машины, шинелью потушил огонь и снова полез в танк... Володя поджег "Тигр", разбил бронетранспортер с пехотой, но его танк опять загорелся. Он выскочил из машины и начал вытаскивать раненых товарищей, а кругом то и дело пикировали вражеские самолеты.

Когда я подбежала, Володя уже уложил раненых в воронку от бомбы, а сам кинулся к танку и стал тушить огонь. На него было страшно смотреть: лицо обожженное, в копоти, брови обгорели, одежда дымилась. Я подскочила к нему, принялась посыпать снегом загоревшийся комбинезон, а он и его товарищ снегом, песком и шинелями старались погасить пламя, охватившее танк. По щеке Володи струилась кровь. "Ты ранен. Давай перевяжу", – говорю ему, но он как бы и не слышал меня.

Сбив пламя, ребята снова залезли в танк. Я кинулась к воронке и стала перевязывать раненых, а сама не спускала глаз с Володиной машины. Его танк уже не мог двигаться, но орудие было исправно, и Володя с товарищем вели огонь. Подбили еще один "Тигр", за ним "Пантеру", а вражеские снаряды стучали по броне нашего танка. Он весь вздрагивал и качался. Росло число вмятин. От одного удара образовалась дыра. И вновь танк загорелся, но экипаж продолжал сражаться. Я плакала и кричала: "Вылезайте! Вылезайте!", словно они могли услышать в этом аду. Раненые, забыв о боли, смотрели на охваченный пламенем танк, который всё еще бил врага. Один из них сказал: "Вайсер будет драться до последнего снаряда. Его уже вытаскивали силой из горящего танка". Но вот замолкла пушка. Мы ждали, что Володя и его товарищ выскочат из машины. Не дождались... Когда все разошлись с кладбища, я долго еще билась в слезах, обнимая холодный холмик, под которым лежал мой любимый..."

Новому танку Т-34, поступившему в бригаду, присвоили имя Владимира Вайсера; этот танк дошел с боями до Берлина, а после войны его привезли на станцию Чоповичи и установили на постамент.

***

В 1944 году в "Блокноте агитатора Красной армии" опубликовали данные о награжденных боевыми орденами и медалями с начала войны по 1 января 1944 года. Всего оказалось свыше полутора миллиона человек 103 национальностей, из них русских – 1 053 162 бойца и командира, украинцев – 219 241, белорусов – 37 036, евреев – 32 067, татар – 27 449, казахов – 15 571, узбеков – 9812, армян – 9614, грузин – 8562.

В боях под Харьковом и при освобождении Киева пилот бомбардировщика Пе-2 старший лейтенант Евель Белявин заслужил звание Героя (бомбил затем вражеские войска в Польше и Германии, участвовал в налетах на Берлин, закончил войну командиром авиационного полка). Легчик морской авиации Черноморского флота Ш. Кордонский в первый день войны торпедировал вражеский корабль. Затем он участвовал в налетах на территорию Румынии – бомбил заводы в Бухаресте, нефтяные промыслы в Плоешти, военно-морскую базу в Констанце, был дважды представлен к званию Героя. В сентябре 1943 года Кордонский потопил вражеский корабль при налете на Констанцу; в бензобак его бомбардировщика попал снаряд, самолет загорелся – Кордонский направил его на палубу второго корабля, который переломился от взрыва и пошел на дно (в 1990 году группе офицеров присвоили посмертно звание Героя Советского Союза за заслуги во время войны – среди них был и капитан Шик Кордонский).

***

Командир мостовосстановительного отряда Исаак Баренбойм руководил сооружением паромных переправ и наведением мостов под огнем противника при наступлении Красной армии, в 1943 году получил звание Героя Социалистического Труда (под его руководством были восстановлены и построены мосты через Днепр, Дон, Десну, Северный Донец, Южный Буг). Это же звание присвоили в том году командиру батальона инженер-майору Самуилу Вейцману – за восстановление железнодорожных путей в прифронтовой полосе, а также командиру восстановительного батальона железнодорожных войск полковнику Абраму Кирнарскому.

***

Более тридцати евреев получили звание Героя при форсировании Днепра, захвате, удержании и расширении плацдармов (и снова отметим: в этой книге приводятся лишь еврейские имена – из неисчислимого множества имен бойцов и командиров разных национальностей, Героев и орденосцев, знаменитых и неизвестных, выживших или погибших на фронтах той войны). Героями Советского Союза при форсировании Днепра стали – артиллерист старший лейтенант Ефим Березовский, командир зенитного полка майор Григорий Дерновский (один из первых среди зенитчиков-Героев), пехотинец старший лейтенант Юрий Должанский (вскоре погиб под Житомиром, похоронен в Парке Славы в Киеве), командир стрелковой роты старший лейтенант Рафаил Лев (погиб через несколько дней после присвоения звания Героя), командиры полков подполковники Борис Лев и Вольф Хацкевич, заместитель командира стрелкового полка подполковник Рафаил Мильнер, командир саперного батальона капитан Вениамин Рувинский, командир саперной роты капитан Пинхус Турьян, начальник инженерных войск армии полковник Зиновий Концевой, командир минометной роты старший лейтенант Семен Дризовский, связист лейтенант Семен Гуревич (а с ним и рядовые М. Гринько и И. Корнев), девятнадцатилетний артиллерист лейтенант Ефим Стерин (через полгода погиб в бою), командир минометного взвода сержант Ефим Златин, командир армейской группы реактивных минометов "Катюша" полковник Иосиф Юфа, пехотинец капитан Абрам Тарнопольский (погиб в бою под Брестом), командир артиллерийской бригады подполковник Николай Брозголь (звезда Героя, орден Ленина, четыре ордена Красного Знамени, ордена Богдана Хмельницкого и Отечественной войны, два ордена Красной Звезды). Командир пулеметного взвода младший лейтенант Рахмиэль Фельзенштейн отличился в боях при захвате Керченского плацдарма, был ранен, получил звание Героя (в бою под Севастополем командовал ротой и снова был тяжело ранен). Пехотинец лейтенант Моисей Спивак погиб при форсировании реки Неручь под Орлом – посмертно ему присвоили звание Героя.

ОЧЕРК ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

Партизанское движение на оккупированных территориях. Партизаны-евреи

1

К началу войны с Германией не существовало разработанных планов партизанских действий, так как предполагалось, что враг – в случае его нападения – будет немедленно отброшен от границ Советского Союза и воевать придется на чужой земле.

Однако действительность оказалась иной. В первые месяцы войны немцы захватили гигантские территории, где остались сотни тысяч бойцов Красной армии, попавших в окружение и рассеявшихся по лесам, – среди них были и евреи. Разрозненные группы выбирали себе командиров и действовали независимо друг от друга; к ним присоединялись местные жители, бежавшие из лагерей военнопленные, евреи из гетто; уходили в леса и вооруженные группы подпольщиков, созданные перед подходом немецких войск, – так появились первые партизанские отряды. Их начальные операции сводились к добыванию продуктов питания, одежды, оружия и боеприпасов; у них не было опыта ведения партизанских боев и выживания в лесах, а потому многие отряды продержались недолгое время и были рассеяны, а то и уничтожены частями СС и местными полицейскими.

Когда Гитлеру доложили о первых действиях партизан, он был доволен: "Это имеет свои преимущества: дает нам возможность истреблять всех, кто восстает против нас". Фюрер, по всей видимости, полагал, что партизанское движение продержится недолгое время, но

ближайшие события опровергли его надежды. К концу 1941 года на оккупированных территориях действовало примерно 90 000 партизан, которые нападали на местные гарнизоны и опорные пункты, подрывали мосты, линии железных дорог, выводили из строя промышленные предприятия, повреждали линии связи, убивали полицейских, бургомистров и старост деревень, служивших оккупационным властям.

Москва старалась поставить под контроль разрозненные партизанские действия. В отряды засылали командиров, комиссаров, радистов и подрывников, сбрасывали на парашютах оружие, боеприпасы и медикаменты, поставляли газеты, брошюры, листовки. В отрядах появились рации для связи с Большой землей, на лесных аэродромах приземлялись самолеты, которые привозили винтовки, автоматы, пулеметы и гранаты, противотанковые ружья и минометы, разобранные на части пушки, соль и табак, – обратными рейсами вывозили раненых.

В Москве был создан Центральный штаб партизанского движения для координации совместных действий; руководил штабом первый секретарь компартии Белоруссии П. Пономаренко. В ноябре 1941 года Ставка верховного главнокомандующего издала приказ: в тылу немецких войск разрушать и сжигать дотла все населенные пункты на расстоянии 40–60 километров в глубину от переднего края и на 20–30 километров по обе стороны дорог. Центральный штаб партизанского движения призывал: "Для уничтожения врага не стесняйтесь прибегать к любым средствам: душийте, рубите, жгите, травите фашистскую гадину".

Генерал-комиссар Белоруссии В. Кубе докладывал: "Часть евреев вырвалась из гетто, ушла в леса и усилила всё более развивающееся партизанское движение – с этим следует считаться".

Евреи из минского гетто создали в годы войны семь партизанских отрядов. Первой ушла в леса в ноябре 1941 года группа из шести человек, среди них было три брата – Арон, Лазарь и шестнадцатилетний Семен Голуб (Лазарь и Арон погибли в боях, Семен стал командиром взвода в партизанской бригаде). Вслед за первой группой ушли из гетто Минска 29 человек во главе с Борисом Хаймовичем и тоже присоединились к партизанам; они участвовали в нападениях на немецкие гарнизоны, подрывали линии железных дорог. Летом 1942 года Израиль Лапидус увел из минского гетто 48 человек; у них были с собой три винтовки, три нагана и двенадцать гранат – так появился в белорусских лесах партизанский отряд имени Кутузова.

У врача И. Атласа семья погибла в гетто; он организовал и возглавил партизанский отряд из 120 бойцов, который вошел в состав партизанского соединения в белорусских лесах. Отряд Атласа уничтожил несколько немецких гарнизонов, взорвал эшелон на железнодорожной линии и стратегический мост через реку Неман, – Иехезкель Атлас погиб в бою. Рувима Берензона забросили в тыл в составе диверсионной группы, и он стал одним из руководителей партизанского движения в Белоруссии (жена и сын погибли в минском гетто, старшего сына повесили во время казней подпольщиков). Командир Красной армии М. Прусак сумел выйти из окружения, собрал группу бойцов в Минской области, изучил диверсионное дело и пустил под откос два вражеских эшелона; затем его назначили комиссаром партизанской бригады имени Н. Щорса (командование бригады дважды представляло Моисея Прусака к званию Героя Советского Союза за проведение диверсий на железных дорогах, но он это звание не получил). В белорусском городе Лунинец убили всю семью раввина Л. Иоселевича; он бежал в лес и с помощью партизан освободил многих из гетто своего города. Командир партизанского отряда А. Бринский вспоминал: "Среднего роста, широкоплечий, с лицом, обросшим темной бородой, в овчинном тулупе, в бараньей шапке, с автоматом на груди и гранатами на поясе, он, вероятно, очень мало походил на раввина. Он хорошо владел русским, польским, немецким языками. К началу войны ему было лет тридцать пять... В отряде Липе Иоселевич скоро приобрел авторитет своим мужеством, умом, благородством. Я назначил его командиром взвода... Один из товарищей метко сказал о нем: "Это еврейский бог мести"..."

Из воспоминаний Гирша Смоляра (о партизане по прозвищу Рыжий мельник): "Мы знали, что он из какого-то местечка под Минском, что он буквально удрал из могилы... На партизанский отряд, в котором находился Рыжий мельник, напал возле Рудинска СС-овский карательный отряд... Партизаны заняли оборону. Рыжий мельник растянулся возле сосны, разложил патроны, зарядил винтовку и нараспев стал вести счет: "Вот тебе, злодей, за верную мою жену Сарру, царство ей небесное! – гитлеровский молодчик свалился справа от сосны. – А это за

тебя, моя старшая дочь Хана! – второй бандит упал замертво. – За сына моего Носона... За Лею... за Этл... за Бейлиньку..."

2

Из книги партизана Мейлаха Бакальчука (местечко Домбровицы Ровенской области):

"На рассвете, когда небо стало сереть, я с женой Дорой и дочуркой Фелинькой бежал из гетто. Как только мы переступили проволочные ограждения, нас разлучила сильная автоматная и пулеметная стрельба. Я с отчаянием оглядывал скошенное поле и луг, каждую межу, каждую грядку и балку, но я нигде их не видел, словно их проглотила глубокая пропасть. На опушке леса, в четырех-пяти километрах от местечка, я искал свою жену и ребенка. Послышались шаги, и показались несколько евреев. Мы углубились в лес, прилегли на траву, положив головы на бревна. Молчали весь день, окаменевшие, не разговаривали друг с другом. Произнести слово было труднее, чем поднять тяжелый камень. Наступил вечер. Лес погрузился в темноту. Небо было звездное, луна полной и яркой, Млечный Путь светился над нами. Всё шло своим чередом. Мировой порядок не изменился.

Лес стал домом для бежавших от смерти евреев. Целыми днями лежали мы на голой земле, пугаясь каждого шороха или разносившегося эха. Отчаяние было велико, втайне мы завидовали тем, к кому прижался ребенок, жена, сестра, брат. Большинство из нас были одиноки. С наступлением вечера разжигали большой костер, чтобы отпугивать волков, которые были вокруг. У костра читали вечернюю молитву, произносили "кадиш" – заупокойную молитву.

Люди выглядели как обугленные головешки, лица их были темны и черны, как темна и черна ночь в диком лесу. На этих лицах написана была безнадежность и готовность принять смерть. Поздним вечером мы брали грязные до черноты полотняные торбы и босые, оборванные пускались на произвол судьбы, на поля и огороды в поисках картофеля или кочана капусты. Дорога была сложная и опасная, она занимала всю ночь. Не все ориентировались в лабиринтах деревьев и кустов, болот и трясин; лишь на рассвете мы возвращались с корзинкой картофеля или с несколькими кусками хлеба, с торбами на плечах и палками в руках. Часто возвращались не все – мы были уверены, что их схватили бандиты, полиция или немцы. Тогда в спешке гасили костер и переходили на другое место – боялись, как бы захваченных не принудили рассказать под пытками, где мы прячемся. Ловцы выслеживали нас на опушке леса, на околице деревни, на хуторе. За каждого пойманного еврея они получали от немцев пуд соли, литр керосина, два десятка коробков спичек. В этой местности орудовала банда молодого атамана Иванченко. Перед тем как убить пойманных евреев, он страшно их пытал. Этот убийца был сыном печника Тимохи. Их дом в местечке стоял в ряду еврейских домов, и вся семья разговаривала свободно по-еврейски.

На опушках леса, в полях, на дорогах и тропинках можно было столкнуться с евреями, бежавшими из соседних местечек и городов. При встрече смотрели друг на друга с удручением, унижением и стыдом из-за того, что бросили жен, детей и не разделили их участь, что до сих пор еще блуждаем в этом беспощадном мире, ищем каких-то путей для сохранения жизни. Хотелось раздобыть винтовку, наган или другое оружие, чтобы покончить с собой или погибнуть в бою с врагом. На пригорке, окруженном зеленой топью, собрались евреи, решившие биться насмерть с фашистскими извергами. Невелика была эта группа, но велик был их порыв мстить убийцам. К ним присоединился и я.

Сперва вытесали топорами палки наподобие ружей. На огне их немного зачернили и привязали к ним ремни от наших брюк. В темную осеннюю ночь мы окружили дом лесника, и он, приняв наши ружья за настоящие, со страху подал нам через окно хлеб и другие продукты. С помощью этих "ружей" мы стали добывать достаточно пищи, чтобы не голодать. Случалось, крестьяне нас обстреливали, и тогда мы разбегались в разные стороны. Проходило много времени, пока мы опять собирались вместе. У нас был пароль – пятикратный свист, и это помогало нам находить друг друга.

Однажды завязался разговор об оружии. Шмуэль Пурим рассказал, что его отец спрятал наган на чердаке в Серниках, и он хорошо знает это место. На следующий день несколько человек отправились в Серники, огородами добрались до сарая, и Шмуэль нашел наган. Все рассматривали его при свете луны, как величайшую драгоценность. В магазине нагана было пять патронов. В ту же ночь загорелись дома и сараи атамана Иванченко, бандитов Моторко и

Гриця Полуховича. Небо стало пунцово-красным, большое зарево распространилось над деревнями, хуторами, лесом и над братскими могилами, оповещая, что война еврейских мстителей началась.

Нас было одиннадцать евреев и один украинец: Мойше Бромберг, Берл Бобров, Эфраим Бакальчук, Мейлах Бакальчук, Файвель Глезер, Саул Галицкий, Нахман Зильберфарб, Максим Мисюра, Шмуэль Пурим, Рувим Туркенич, Аврум–Меир Туркенич и Перец Шухман. Мы были первой партизанской группой в этих местах – с деревянными винтовками и одним-единственным наганом. В то беспощадное время мы пренебрегали логическими доводами. Нами руководила другая сила – страстное чувство мести..."

Книгу воспоминаний М. Бакальчука предваряет эпитафия: "Священной памяти моих дорогих Доры, Фелиньки, Нехи, моих незабвенных родителей Боруха и Сарры, моих преданных братьев Цви–Герша и Егуда–Лейба с их семьями, моих сердечных сестер Эстер–Голды и Ривеле с ее семьей, моих трагически погибших учеников, друзей и товарищей – посвящаю".

3

Труднее всего было продержаться первое время – голодным и истощенным после пребывания в гетто, практически без оружия и теплой одежды, без необходимого опыта пребывания в лесах и ведения партизанской войны. Их выслеживали местные полицейские и уничтожали карательные отряды, но выжившие сумели обзавестись оружием и навыками борьбы; к ним присоединялись новые беглецы из гетто, они устанавливали связи с другими партизанами, входили в состав более крупных формирований или становились многонациональными отрядами. Партизаны-евреи отличались находчивостью, изобретательностью, умением находить выход из безвыходного, казалось, положения, желанием отомстить за родных, убитых карателями, – эти их качества перекрывали порой недостаток опыта и способствовали успеху операций.

А. Плоткин (белорусские леса): "В отряде мы прижились. Вечерами собирались у костра партизаны послушать пение Бецалеля. Он пел польские и еврейские песни... Его слушали и просили еще петь. К его имени партизаны не могли привыкнуть и называли его Васей. И Бецалель привык к тому, что он Вася. Вася–Бецалель три раза в сутки уходил в кустарник и там истово молился Богу. Через все испытания, огненные чистилища он пронес не только веру в Бога, но и тфилин, которые надевал перед утренней молитвой".

В диверсионную группу отряда имени Буденного входили беглецы из минского гетто – шестнадцатилетние Абраша Каплан, Зяма Митель, Фима Прессман, а с ними и белорус Юзик Зибель; командовал группой В. Кравчинский. У Юзика были полезные знакомства в окрестных деревнях, Абраша мог пробраться в укрепленный гарнизон и провести необходимую разведку, Зяма был храбр до безрассудства, Фима (по прозвищу Чуланчик) отличался упрямством при выполнении, казалось, невозможного задания, их командир – постарше возрастом – был спокойным и рассудительным: эти объединенные качества помогали диверсионной группе успешно минировать дороги, пускать под откос поезда, выполнять прочие ответственные задания. Затем к ним присоединился учитель Зундель Дротфимен; перед подрывом очередного эшелона он разложил возле железнодорожного полотна несколько записок: "В день моего рождения – гитлеровским путешественникам".

Абраша Каплан погиб в бою. Зяма Митель был тяжело ранен и застрелился, чтобы не попасть в руки врагов. Фима Прессман в восемнадцать лет стал командиром всех диверсионных групп партизанского отряда – на его личном счету одиннадцать эшелонов, пущенных под откос, подрыв железнодорожного полотна в девяти местах. Подрывником в том отряде был и Лейзер Хургин – за один только месяц он пустил под откос три железнодорожных состава и нарушил телеграфное сообщение на протяжении нескольких километров. Лучшим разведчиком отряда имени Буденного считался двенадцатилетний Вилик Рубежин, участвовавший в подрыве семи вражеских эшелонов; он был вооружен укороченной по его росту винтовкой, которую партизаны называли "ППВ" – пистолет-пулемет Вилика.

Младший лейтенант Борис Гиндин командовал группой из 37 партизан-евреев – они пустили под откос одиннадцать вражеских эшелонов, разрушили пять мостов. Владимир Цвигель, один из бойцов этой группы, бросился под паровоз со связкой гранат и подорвал его.

От Смоленска до Могилева прошло с боями партизанское соединение "Тринадцать", в составе которого были десятки евреев, среди них начальник разведки отряда Иосиф Дулькин, награжденный орденом Красного Знамени, и тринадцатилетний Вячеслав Тамаркин, трижды раненный и заслуживший медаль "За отвагу". В отряде воевал и Гирш Израилитин. Когда группа партизан попала в засаду, его ранило в обе ноги; он не мог уйти, а потому прикрывал отход и был ранен еще раз. Из воспоминаний: "Когда полицаи приблизились вплотную, Гирш рванул сразу две гранаты – противотанковую и "Ф-1", сразив одним ударом четырнадцать полицаев, в том числе и начальника полиции".

В сентябре 1942 года два десятка еврейских юношей бежали из гетто Кореца в Ровенской области и выбрали своим командиром сорокалетнего Моше Гиндельмана – дядю Мишу, семья которого погибла в гетто. Они ушли в леса на севере области, в пути к ним присоединялись беглецы из других гетто, – было у них два пистолета на всех и кухонный нож. Устроили засаду на дороге, атаковали затем полицейский пост, захватили винтовки, несколько ручных пулеметов, необходимую одежду и обувь – теперь у каждого из них было оружие. Затем отряд вошел в состав крупного партизанского соединения, и Гиндельман сформировал отдельную группу, которая действовала самостоятельно на севере Житомирской области, получив официальное наименование "специальная еврейская боевая рота". Бойцы дяди Миши провели 150 боевых операций, устанавливали на дорогах мины, пускали под откос поезда, освободили из немецких лагерей несколько сот заключенных. Дядю Мишу называли "королем евреев-партизан"; его призывом было: "Мстить, бороться и побеждать, а затем можно и умирать с молитвой".

У Миши Давидовича немцы убили мать; мальчик ушел в белорусские леса, стал разведчиком партизанского отряда. Однажды группа партизан натолкнулась на засаду, Миша был ранен и взорвал себя гранатой вместе с подошедшими к нему врагами – было ему тринадцать лет.

4

Из дневника жительницы оккупированного Киева (1942 год): "С партизанами немцы борются полным уничтожением сел. Они сжигают их вместе с населением. Запирают в хатах и взрослых, и детей, обливают горючим, поджигают – тех, кто пытается вырваться, штыками вбрасывают обратно... А результаты получаются такие, как и следовало ожидать: десять сел сожгли, сто сел уходят в лес... Чем больше жгут, тем больше партизан".

Немецкое командование требовало: "Вид казни должен усиливать устрашающее действие". За содействие партизанам расстреливали население деревень, сжигали дома, вешали публично с табличкой на груди: "Я партизан", "Я убийца немецких солдат и полицейских". Количество карательных мер возрастало; чем более нестерпимыми становились они, тем больше народу уходило в партизаны и мстило за родных и близких.

Росту партизанских отрядов способствовали и победы Красной армии на фронтах, а также бегство молодежи в леса от принудительного угона в Германию. Территории были огромны, население неисчерпаемо, его ненависть становилась всё ощутимее, – в ответ применялись еще более жестокие меры, более жестокими были и действия партизан. Из свидетельства очевидца: "На двух рядом стоящих березах болтались привязанные за ноги две разорванные половинки человеческого тела... Внизу на земле валялась форменная офицерская фуражка с черным лаковым козырьком и эсэсовской кокардой... Такая была ответная реакция партизан, месть за погибших и замученных родных, друзей, боевых товарищей, за сожженные дома, хутора и деревни".

С августа по октябрь 1943 года, во время наступления Красной армии, партизанские отряды проводили операции "Рельсовая война" и "Концерт" – взрывали рельсы железных дорог, срывали поставку фронту пополнения, оружия и боеприпасов. Командующий группой армий "Центр" сообщал в Берлин: "Приказ Сталина "создать в тылу немецкой армии невыносимые условия для врага" недалек от выполнения".

Софья Глушкина из Минска: "Я пришла к партизанам... была связной. Дважды встретила карателей, но ушла. Мой ребенок был ко всему подготовлен. Я ему говорила: "Если меня поймают, если будут бить или колоть булавками, если я буду плакать или кричать, ты молчи". Восьмилетний мальчик никогда не жаловался, умело держался с немцами, он был настоящим

партизанским питомцем..." Раиса Дудник из Умани: "Я рвалась в бой. Командир назначил меня в диверсионный отряд и снабдил трофейным ружьем. В моей боевой жизни всякое бывало... Мы налетали на охрану, стоявшую у железнодорожного полотна, уничтожали немцев и затем уже беспрепятственно взрывали железнодорожную линию..."

Николай Конищук (по прозвищу Крук) организовал на севере Вольни отряд из 120 евреев, бежавших из гетто. Из воспоминаний А. Бринского, командира партизанской бригады: "Крук неоднократно пробирался в гетто окрестных местечек, помогал заключенным уходить в лес, к партизанам... Специальностью отряда были диверсионные операции. Эту работу круковцы проводили блестяще". Отряд Конищука разросся до 700 человек, более тридцати процентов которых составляли евреи; один из них вспоминал: "В боях погибло много наших, в том числе девушка Рая Плюс, у которой было на счету шесть вражеских эшелонов, погиб и командир взвода Миша Эдельштейн". Одним из бойцов отряда был Хаскель Вольпер – о нем сказано в аттестационном листе: "За время пребывания в партизанах участвовал в десяти взрывах воинских эшелонов, уничтожении пяти автомашин, разрушении двух шоссежных мостов и водокачки".

Беглецы из гетто Минска и Барановичей создали в партизанском отряде еврейскую роту – ее командиром стал Наум Шелюбский. В марте 1944 года пятнадцать бойцов этой роты пустили под откос железнодорожный состав и остановили движение поездов на девять часов. В отчете командира отряда названы их имена: "Минеры – Иосиф Бушлин, Шмая Варшавский, Наум Шелюбский; охранение – Самуил Бляхман, Арон Герцовский, Исаак Мамкович, Максим Котухович, Исаак Альперт, Абрам Абрамович, Самуил Бакшт, Шлема Канторович, Шлема Гольдшмидт, Шевель Шиловский, Шевель Шахнович, Лев Давидовский".

В сентябре 1941 года из гетто маленького городка в Западной Украине ушли в лес 26 человек – их вел Григорий Розенблат. Небольшой еврейский отряд действовал сначала самостоятельно, нападал на полицейских, устраивал засады на дорогах, принимал в свои ряды беженцев из гетто, – в конце 1942 года они встретились с отрядом С. Ковпака и влились в него. "Группа добровольцев в несколько десятков человек, – вспоминал Ковпак, – подошла строем к нашему штабу. "Прибыло пополнение", – отпартовал мне их командир".

Летом следующего года партизаны Ковпака захватили во время рейда город Скалат южнее Тернополя и освободили узников гетто. Когда партизаны отправились дальше, к ним присоединились более ста освобожденных евреев; им выдали оружие и сформировали еврейскую роту, которая участвовала во многих боях и понесла тяжелые потери. Ее командиром был Йоэль Щербата, а после его ранения – Григорий Розенблат, партизанская кличка Дядя Гриша.

Два брата Айзик и Роман Плакса бежали из гетто в Белоруссии и после шести месяцев скитаний попали в партизанский отряд. Роману было тогда шестнадцать лет; вместе со всеми он участвовал в боях, совершил рейд на Карпаты и на Вислу, стал одним из лучших пулеметчиков. В архиве хранится его аттестационный лист, который подписал командир отряда П. Вершигора: "Опытный пулеметчик. Исполнителен, настойчив, правдив. В бою находчив, спокоен, хорошо ориентируется на местности... Его пулемет работал безотказно". Старший брат Айзик Плакса погиб в конце 1942 года (было ему восемнадцать лет): "Ночью в село проникла разведка литовского карательного батальона и взяла в плен двух партизан – Айзика и его друга белоруса Пашинского. Их привязали руками к повозке и под усиленной охраной повели в Туров. По дороге одному из них удалось освободить руки, он бросился бежать, но был сразу же убит. Второго привели в Туров, привязали к столбу и в ночь под Новый год обливали водой, пока он не умер, застывая в страшных муках. Осталось неизвестным, кто из них погиб более мучительной смертью".

Летом 1944 года бежали из Освенцима военнопленные Дмитрий Волков, Александр Шаров и Владимир Эпштейн. Они создали отряд "Народные мстители"; в его состав входили русские, украинцы, поляки и евреи – руководил партизанами В. Эпштейн. Когда пришли советские войска, Эпштейн представил командованию 120 удостоверений уничтоженных эсэсовцев.

Из воспоминаний командира партизанского отряда А. Федорова: "Пришел в отряд старик шестидесяти пяти лет, беспартийный сельский учитель Семен Аронович Левин... Его послали

на кухню – в помощь поварихе. Почистил он два или три дня картошку, приходит к командиру роты: "Возьмите на боевую операцию. Дайте повоювать..." И добился своего... Только после того, как он уничтожил шестерых врагов, Левин согласился перейти в хозяйственную часть". Недостаточно было убежать из гетто или чудом спастись во время расстрела; недостаточно было пробраться в леса мимо полицейских постов и найти партизан – следовало принести с собой оружие, чтобы приняли в отряд. Это была общая проблема – нехватка оружия, и беженцы из гетто свидетельствовали: "Побывали во многих деревнях, умоляли командиров, чтобы взяли в отряд, но нас не брали. Нам говорили, достаньте оружие и приходите, тогда вас возьмем. Где мы могли достать оружие?.." – "Два брата, Янкл и Гдали, несколько раз уходили на поиски партизан. Но без оружия евреев в партизанские отряды не принимали, и они каждый раз ни с чем возвращались в гетто..." – "Борух Флейшман из Янова бежал в лес из гетто, захватив с собой нож мясника... Командир отряда согласился принять его с условием, что он сам раздобудет себе оружие. В бою у дороги Флейшман... бросился со своим ножом на немца и, убив его, забрал оружие – винтовку и пистолет".

Многие приходили к партизанам после долгого голодного пребывания в гетто и блуждания в лесах без пищи; они были больны, истощены, оборваны, и не каждый командир соглашался принять их в свой отряд. Могли взять молодых, физически сильных, непременно с оружием, если партизаны, конечно, не возражали против пребывания евреев в своих рядах, – а потому некоторые из них скрывали свою национальность из-за недружелюбного, а то и враждебного отношения окружающих. Жители городов и деревень приносили в отряд прежние антисемитские настроения; скованные дисциплиной, под руководством командиров и комиссаров, они не сдерживались порой и проявляли истинные чувства. Могли сказать поощрительно: "Ты не похож на еврея". Могли поиздеваться: "Храбрые у нас жидки". Могли оттолкнуть беглеца из гетто: "Что тебе делать у партизан? У нас нет кривого ружья".

Фая Шульман, Западная Белоруссия: "Поскольку я была еврейка, то должна была работать за двоих в партизанском отряде, чтобы меня считали столь же полезной, как и нееврейских девушек. Когда я работала день и ночь, мне говорили: "Да ты не еврейка, ты совсем как русская!" – это считалось комплиментом".

В западных районах Украины и Белоруссии существовали националистические польское и украинское партизанские движения, участники которых не испытывали симпатий к еврейскому населению; однажды поляки напали на двенадцать партизан-евреев – в живых остался только один, притворившийся мертвым.

Немцы вербовали шпионов из состава местного населения и засылали в партизанские отряды, что увеличивало недоверие к незнакомым людям, недоверие и к беженцам из гетто: бывали случаи, когда убивали в лесах спасшихся от уничтожения; бывали случаи, когда у евреев отнимали оружие и изгоняли из отрядов. Немецкая пропаганда распространяла слухи о диверсантах-евреях, которые якобы отравляли еду в лесных кухнях; однажды у партизана-еврея обнаружили яд, который он хранил, чтобы не попасть живым в плен, – его расстреляли. Гирш Смоляр, из воспоминаний: "То, что я увидел на берегу реки, лишило меня дара речи. На земле лежали тела нескольких еврейских женщин. Не нужно было спрашивать у Тевеля, кто стрелял в них... Эти еврейские женщины были убиты нашими "друзьями" – другими партизанами... Я мог только пробормотать: "Кадиш, Тевель, читай кадиш" (Смоляру объяснили затем, что еврейских женщин подослали якобы немцы, чтобы отравить партизан).

На последнем этапе войны в партизанские отряды начали переходить полицейские, которые прежде участвовали в карательных акциях против евреев, – это повлияло на рост антисемитизма среди партизан. В отряде имени Пархоменко приказали еврейским женщинам и старикам покинуть партизанскую стоянку для повышения боеспособности и маневренности, – изгоняемых обрекали на верную гибель. В отряде Н. Конищука появились партизаны, недовольные тем, что он опекал еврейских женщин, стариков и детей, охранял их и снабжал продовольствием; командир одного из взводов даже собирался напасть на семейный лагерь и ликвидировать его, пытался уничтожить группу еврейской молодежи, бежавшей из гетто, – его приговорили к высшей мере наказания и расстреляли.

Из воспоминаний Ружки Корчак (1943 год, еврейский отряд "Месть"):

"Пришло распоряжение подготовиться к смотру, на который прибудет комбриг Марков. В полдень построили около 260 человек с оружием. Комбриг обошел строй, а затем заявил, что... вооруженные бойцы отряда "Месть" будут слиты с белорусским отрядом "Комсомольский"..."

"Мечь" расформировали и разоружили немедленно. Обойдя ряды, Марков приказал отобрать оружие у многих, прежде всего у девушек, которые принесли оружие из гетто, и тут же раздал его белорусским партизанам. Бася Зивкович, подпольщица из Вильнюса, не выдержала и взорвалась: "Нам дорого досталось наше оружие, и по какому же праву его отбирают? Наши девушки показали себя в бою еще до того, как пришли в лес". Марков усмехнулся и промолчал...

На этом, однако, дело не закончилось. Шаулевич, новый командир отряда, отобрал пулемет у партизана Бургина, а у Михаила Ковнера – его автомат. К другим он полез в карманы, забирая пистолеты, – так принесенные из гетто автоматы, пистолеты и пулемет были отняты у евреев и отданы белорусам "на законном и официальном основании"... В тот день никто не пошел за обедом и не притронулся к еде. Расформирование отряда и способ, каким его ликвидировали, слухи о приближении карательных отрядов и предстоящей облаве – всё это снова напомнило о гетто, о том кошмаре, от которого люди еще не освободились...

Крупные соединения немцев, литовцев и эстонцев, оснащенные танками, артиллерией и разведывательными самолетами шли на облаву. Надо было уходить, и Шаулевич взял с собой всех белорусов, даже тех, у кого не было оружия, – из евреев же забрал только вооруженных. Остальным, в том числе и тем, у кого накануне отобрал оружие, он посоветовал укрыться в болотах и оставил им два негодных ружья. К утру отряд покинул базу. Несколько человек кинулись вдогонку, умоляя не бросать их на верную смерть... Лес был полон беззащитными людьми, спасти могло только чудо; судьба евреев, отрезанных от партизанских соединений, была трагичной: многие пытались уйти от облавы группами и поодиночке – они оказались главными жертвами карательной операции...

Шесть юношей и девушек решили попытать счастья в другом районе, в ином партизанском отряде. Они вышли в путь с тремя пистолетами, но вскоре на них напала группа партизан и отняла оружие. Теперь не имело смысла продолжать путь – без оружия их всё равно никто бы не взял. Решили идти назад. Приладили себе что-то вроде пистолетных кобур, чтобы не выглядеть беззащитными, и двинулись в обратную дорогу.

А по лесу уже пошел слух о группе невооруженных евреев, которые бродят по окрестностям. Маскарад с кобурами не помог, внешность парней и девушек выдавала их происхождение. Они голодали и мерзли и однажды решили зайти на хутор к крестьянину, попросить хлеба. Тот их радушно принял и усадил за стол. Внезапно дверь открылась, вошли несколько крестьян в тулупах, и прежде чем ребята успели сообразить, что происходит, дверь оказалась на запоре, а из-под тулупов появились топоры. Шломо Канторовичу удалось увернуться от топора, свалить нападавшего и бежать. Ночь он провел в лесу, наутро вернулся на хутор и нашел трупы. Тела его товарищей были обезглавлены".

6

Из гетто городов и местечек евреи бежали в леса – женщины, дети, пожилые люди. Их обычно не принимали в партизанские соединения: это понижало подвижность отрядов, да и не всякий командир желал с ними "возиться". "Как-то встретили мы в лесу группу оборванных, изголодавшихся стариков, женщин и детей, – вспоминал А. Федоров, командир отряда. – Была зима, им грозила гибель. Посоветовавшись, мы решили взять их с собой. Так образовался у нас первый гражданский лагерь. Потом появились еще два таких же лагеря". В лесах под Ровно создали семейный лагерь на 150 человек – его опекал отряд Д. Медведева; лагерь снабжали продовольствием, одеждой, создали даже детские ясли.

Командир еврейского партизанского отряда Шолом Зорин организовал в белорусских лесах два отдельных формирования – боевой отряд и семейный лагерь, в котором спасались сотни евреев. Братья и сестры Бельские ушли из гетто в лес, стали основателями партизанского отряда в сотни бойцов – их командиром был Тувия Бельский, за голову которого обещали сто тысяч немецких марок. При отряде создали семейный лагерь с синагогой, школой, больницей. "Нас осталось мало, – говорил Бельский, – и для меня важно, чтобы евреи выжили". Было в его отряде 1230 человек, среди них 350 вооруженных партизан; немцы проводили карательные операции, но им удавалось уходить от преследований. Семейные отряды существовали в десятках мест на оккупированной территории; одни из них были уничтожены, другие продержались до подхода Красной армии.

Врач А. Цессарский, начальник медицинской части отряда Д. Медведева, перевязывал партизан на поле боя и принимал участие в боевых операциях, несмотря на запрещение командира. "Партизан Шишков был ранен в печень и истекал кровью. Спасти его могла только немедленная операция, а отряд в это время находился в окружении. По приказу Медведева бойцы заняли круговую оборону и держали ее, пока Цессарский не закончил операцию. Бывали случаи, когда из-за отсутствия хирургического инструментария приходилось использовать подручные средства, – Альберт Вениаминович ампутировал ногу Николая Фадеева обычной крестьянской пилой".

Доктор Юрий Тайц вышел из гетто Минска с помощью партизан и стал главным терапевтом минской партизанской зоны. Стера Темкина руководила медицинской службой партизанской бригады имени Сталина. Капитан Екатерина Бруссер бежала из плена и была врачом Брянского партизанского отряда. Анна Бронштейн лечила раненых в отряде "Пламя" в Белоруссии, награждена орденом Красного Знамени.

Медсестра Дуся Баскина перевязывала раненых на поле боя, участвовала в подрыве шестнадцати немецких эшелонов. Из приказа по партизанскому отряду (1942 год): "Пробраться в Новозыбковское гетто, выкрасть врача, еврейку по национальности, и доставить ее в отряд – в связи с тем, что у партизан началась цинга". Из воспоминаний: в отряд А. Федорова "прибежал, захватив чуть ли не всю аптеку – медикаменты, банки от простуды, термометры и многое другое, старый провизор Зелик Абрамович Иоселевич. Он заявился к нам с нашитой на груди желтой звездой – зубами ее отдирали..."

Из дневника русской партизанки Маши, заброшенной в немецкий тыл с диверсионной группой (настоящее имя неизвестно):

10 июня 1942 года: "Сегодня иду на первое боевое задание. Ребята готовят заряд. Пойдем – я, Михайлов, Степанов, Шейн и Фишман..." 12 июня: "Вчера пустили под откос воинский эшелон... Слышались лязг вагонов, крики и стоны раненых..." 6 июля: "Сегодня я, Фишман, Шейн, Костюков и Козлов пойдем на железную дорогу. Берем три заряда..." 10 июля: "Подорвали два эшелона. На третьем подорвались обходчики. Идя домой, остановились отдыхать. Были окружены немцами. Кольцо прорвали с боем. В лагерь пришла одна и без сапог. Тут уже Фишман. Но где остальные? Неужели погибли?..." 11 июля: "Сегодня пришли Козлов и Шейн. Шейн ранен в ухо. Пуля вышла глазом... При перевязках с содроганием смотрю на его изуродованное лицо. А ведь был таким красивым парнем..."

10 сентября: "Ужасное известие. Вчера около Ставищ убиты Шейн, Трифонов и Василенко. Жители показали немцам, где они были. Так Ставищам не пройдет. У нас закон: кровь за кровь и смерть за смерть..." 12 сентября: "Сегодня мстили за погибших товарищей. Сожгли Ставище дотла. Всё население от мала до велика расстреляли. Разгромили полустанок Деревцы. Двоих полицейских взяли в плен. Гришин, Романов и Граф резали их. Мучительнее их смерти вряд ли можно будет увидеть..."

7

Невозможно подсчитать точное количество партизан разных национальностей, которые принимали участие в той борьбе, невозможно подсчитать их потери, особенно в первый год войны. Отряды появлялись и исчезали; после очередной карательной операции уцелевшие партизаны уходили в другие места и создавали новые вооруженные группы; существовали десятки партизанских отрядов, у которых не было связи с Москвой и о существовании которых даже не подозревали. Не сохранилась память о многих, что ушли в леса и горы, воевали и погибли во время боев; полагают, что в годы войны было более 6000 партизанских отрядов, крупных и мелких, в которых воевало не менее миллиона человек.

За годы войны партизанские отряды уничтожили, ранили и взяли в плен свыше полумиллиона солдат и офицеров германской армии, сотрудников немецкой администрации и их сообщников из местного населения. Партизаны и подпольщики убили десятки крупных чинов армии и войск СС; в Минске в постель к генерал-комиссару Белоруссии В. Кубе подложили мину с часовым механизмом, – в подготовке этого покушения принимал участие командир специального партизанского отряда Давид Кеймах. Партизаны захватывали плацдармы на берегах рек и населенные пункты, удерживая их до подхода советских частей, а затем вступали в Красную армию и продолжали войну уже в регулярных войсках.

Для борьбы с партизанским движением германское командование использовало около 30 дивизий, артиллерию, танки, самолеты, которые могли бы воевать на фронтах той войны, а также многочисленные охранные батальоны, жандармерию и полицейские части. Немецкие офицеры признавали: "Борьба с партизанами не похожа на борьбу во фронтовых условиях. Они всюду и нигде..." – "Против нас территория и местность, к которой мы не привыкли и для которой мы недостаточно выносливы. Мы не можем два дня обходиться без теплой пищи и должны таскать за собой полевые кухни, а русский может обойтись без этого..." – "Повсюду сидят доверенные лица бандитов, разведывательный аппарат которых работает ошеломляюще быстро и надежно".

Из отчетов немецкого командования: "Если еврей не является руководителем банды, то он или поставщик сведений, или курьер..." – "В большинстве случаев это еврейки, задача которых состоит в том, чтобы сообщать, есть ли в деревне противник. Как правило, это женщины, по внешности которых нельзя установить их принадлежность к еврейской национальности..." В разные времена существовало более 70 еврейских отрядов и вооруженных групп, среди них – "Октябрь", "Пархоменко", "Мир", "Кадима" и "Форойс" ("Вперед"), которые вливались затем в крупные партизанские соединения. Невозможно подсчитать точное количество евреев-бойцов, разведчиков, связных; в отрядах работали евреи-врачи, медсестры, портные, сапожники, кузнецы, оружейники, которым тоже доводилось участвовать в боях. Их возраст был различным – от подростковых до преклонных лет, в отряде имени Котовского ходила на разведки одиннадцатилетняя Лиза Дрель.

Исследователи полагают, что в партизанских отрядах воевало от 17 до 25 тысяч евреев. Их количество было бы значительно большим, но трагические обстоятельства тому не способствовали. Подавляющее большинство еврейского населения погибло в первые недели оккупации во время массовых казней; спасшиеся от уничтожения погибали, как правило, во время скитаний в поисках безопасного убежища; некоторые приходили к партизанам с вымышленными именами и скрывали свое еврейское происхождение, – в сохранившихся документах они записаны украинцами, русскими, белорусами.

Евреи – бойцы и командиры – были и в составе диверсионных отрядов, которые засылали через линию фронта. В 1943 году направили в немецкий тыл группу из шести человек – командир Владимир Литвинский. Они действовали на территории Белоруссии, превратились в партизанский отряд "Новатор", в котором оказалось 125 человек – треть из них составляли евреи. При проведении диверсии на железной дороге боец отряда А. Нахмансон был ранен и подорвал себя вместе с солдатами противника, чтобы не попасть в плен.

Герой Советского Союза Дмитрий Медведев (его отец был евреем) командовал разведывательным отрядом особого назначения "Победители" неподалеку от Ровно. Из рассказов о его отряде: "Это были специально подготовленные люди, физически закаленные, спортсмены; в отряде даже был чемпион СССР по боксу Королев. И что нужно отметить, евреев было примерно 25–30 процентов... Это был очень сильный отряд во всех отношениях, хорошо организован и обучен".

Разведкой отряда Медведева руководила Мария Фортус, которая участвовала в планировании операций знаменитого разведчика Николая Кузнецова; в отряде воевал и погиб в бою студент Московского института философии, литературы и истории Григорий Шмуйловский. Он вел дневник и говорил партизанам: "Я должен записать обо всем, что здесь происходит. О каждом... То, что мы делаем, что несем в сердце, что рождается в боях – это не должно погибнуть". Шмуйловский сказал незадолго до гибели: "Если мне придется умереть, хочу умереть лицом на запад".

Из воспоминаний партизан-евреев: "Однажды мы шли сменить дозор и услышали шум моторов, лязг гусениц. А потом появился танк со звездочкой. От избытка чувств я подбежал и стал целовать железо танка..." – "Она стояла в объятиях плачущего танкиста, солдата Красной армии, родом из Могилева: "Да, да, – плакал он и смеялся, – их бин ойх а ид. А ид!" ("Да, да, я тоже еврей!..")..."

***

Григорий Эйдинов, секретарь ЦК компартии Белоруссии, был первым заместителем начальника Белорусского штаба партизанского движения, Ефим Попов – заместителем командующего партизанским движением в Крыму, П. Ямпольский – командиром Северного

соединения партизан Крымского полуострова. Марк Марьяновский участвовал в создании партизанских отрядов в Смоленской области, а Саул Рабинович – в Молдавии (погиб в бою); писатель Гирш Смоляр, один из руководителей подполья минского гетто, стал командиром партизанского отряда; Иосиф Фогель командовал в Белоруссии партизанской бригадой "Штурмовая" (орден Красного Знамени, два ордена Отечественной войны, медали "Партизану Отечественной войны").

В марте 1942 года в литовские леса забросили группу партизан, среди них был секретарь ЦК компартии Литвы, руководитель оперативной группы Ицхак Мескупас (Адомас) – вскоре погиб. В литовских лесах воевал и Генрих Зиманас (Юргис) – один из руководителей партизанского движения на юге Литвы. Йосеф Глазман возглавлял еврейский партизанский отряд "Некаме" ("Месть"), погиб в бою. Абба Ковнер – один из руководителей подполья в гетто Вильнюса – командовал еврейской бригадой (400 человек), в которую входили партизанские отряды "Мститель", "К победе", "Борьба", "Смерть фашизму".

***

На основании белорусских архивных материалов было подсчитано, что в отрядах Ленинской партизанской бригады евреи составляли 22% (366 человек), в отрядах бригады "За Советскую Беларусь" – 21% (176 человек), в бригаде имени Чкалова – 20% (239 человек), в бригаде "Вперед" – 15% (103 партизана-еврея). К лету 1944 года в районе белорусского города Лида было 4852 партизана, из них: белорусов – 2371, русских – 831, украинцев – 182, евреев – 1356 (1200 из них вышли из гетто).

Капитан Б. Лунц совершил более 400 боевых вылетов – бомбардировка, высадка десантников, доставка грузов в партизанские отряды. Его самолет приземлялся на крохотных посадочных площадках в лесах, привозил необходимое снаряжение, боеприпасы и вывозил раненых. Однажды его "Ли-2" подбили при пересечении линии фронта, но Лунц дотянул до партизанского аэродрома и сумел совершить посадку. На следующую ночь прилетел другой самолет и привез запасные части; Лунц и его экипаж устранили неисправности и вернулись на Большую землю, захватив на борт раненых партизан. Борис Лунц заслужил звание Героя Советского Союза, два ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны, Суворова, Красной Звезды (после войны – заслуженный летчик-испытатель).

***

В 1943 году немецкая пропаганда выпустила листовку "Слушай, партизан Иван", предлагая "Ивану" вернуться домой, к семье, и спокойно работать. Партизаны Пинской области в Белоруссии написали ответное письмо "сумасшедшему стратегу, вызывающему много смеху, эрзац-Наполеону, похожему на ворону, отставному ефрейтору – обер-сволочи Гитлеришке". Письмо отпечатали на машинке в сотнях экземпляров и разослали во вражеские гарнизоны и в окрестные деревни (письмо приводится с сокращениями, составлял его журналист Эрдман): "Деловые соображения, советы и предложения пинских партизан, каковые записал Иван... Возомнив, что ты Наполеон, полезли немцы на рожон. И, не зная броду, сунулись в воду. В итоге, не покорив Европу, уже получили коленом в ж... Пока еще держитесь на волоске, но скоро получите х... по башке... Из-под Москвы удирая, бежали фрицы, штаны теряя. Под Сталинградом дело закончилось для них адом. Под Орлом по башке получили колом... Родиной мы не торгуем, ее не продаем, а на листовки твои плюем. Иной раз собираем, да ж... подтираем. Если ж ты, старая арийская б... еще раз пошлешь против нас свою рать, то мы всю твою задрипанную орду загоним кобыле в п... Болот у нас хватит, чтобы вашими трупами гатить... По поручению партизан, подписываюсь – Иван".

В немецком плену

1

В первые месяцы войны немцы воспринимали с восторгом и воодушевлением победы германской армии и стремительное продвижение на восток своих непобедимых солдат; их удивляло лишь упорное сопротивление бойцов и командиров Красной армии: "Русский солдат сражается совершенно неправильно..." – "Он сражается, когда всякая борьба уже бессмысленна..." – "Это нечто совершенно новое по сравнению с нашими бывшими противниками..." – "В предыдущих сражениях солдаты противника поднимали руки в проигрышных ситуациях..." Это нашло отражение и в приказе германского командования в сентябре 1941 года: "Большевистский солдат потерял всякое право требовать, чтобы к нему относились как к честному противнику... Любое сопротивление пленных, даже пассивное, должно быть немедленно подавлено применением оружия (штык, приклад, огнестрельное оружие)... Употребление оружия против пленных, как правило, законно".

Немецкая пропаганда всячески подчеркивала расовую неполноценность противника – "дегенеративно выглядящих ориенталов". Эсэсовское издательство выпускало специальный журнал под названием "Недочеловек", в котором печатали фотографии бойцов Красной армии в отталкивающем виде, сопровождая их соответствующими пояснениями: "Так выглядит советский солдат. Монгольские физиономии из лагеря военнопленных", или – "Под татарами, Петром или Сталиным этот народ рожден для ярма". Усиленная пропаганда делала свое дело, она поощряла и оправдывала издевательства, жестокость, безжалостность по отношению к "недочеловекам" – советским военнопленным, а приказ "Об особой подсудности" на Восточном фронте освобождал немецких военнослужащих от уголовной ответственности за совершенные преступления.

Довоенный устав Красной армии рассматривал сдачу в плен как измену родине, за что полагались суровые наказания вплоть до расстрела. Советский Союз не признавал международные конвенции о правилах обращения с военнопленными, которые провозглашали: "Воспрещается убивать или ранить неприятеля, который... сдался..." – "С военнопленными следует обращаться гуманно, защищая их от насилий и оскорблений... Применение к ним репрессий запрещается..."

В первые месяцы войны попало в окружение огромное количество бойцов и командиров, и в августе 1941 года нарком обороны И. Сталин издал приказ: "Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту... Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи..."

Международный Красный Крест не получал от СССР средства на содержание пленных красноармейцев и командиров, а потому и не помогал им – в отличие от военнопленных других стран антигитлеровской коалиции, которых, как правило, содержали в приемлемых условиях и оказывали им необходимую медицинскую помощь. В их лагерях работали кухни, столовые, прачечные, парикмахерские; военнопленных обязывали чистить зубы по утрам, бриться, регулярно посещать баню; в их бараках были газеты с журналами и патефоны с пластинками; они отправляли домой письма и получали посылки от родственников; офицеров и унтер-офицеров – согласно Женевской конвенции – не могли заставить работать без их согласия. Представители Международного Красного Креста инспектировали лагеря, где находились военнопленные США, Великобритании, Франции и других стран антигитлеровской коалиции, присылали для них одежду, обувь, белье, очки, спортивный инвентарь, музыкальные инструменты, игральные карты, книги и журналы, лекарства и медицинское оборудование для лагерных лазаретов; каждый военнопленный получал не реже двух раз в месяц продовольственную посылку.

Красный Крест США отправил военнопленным за годы войны более 25 миллионов посылок с едой, одеждой, медикаментами. Продовольственная посылка из США обычно включала

консервированное мясо, ливерный паштет, лососину, молочный порошок, сыр, маргарин, сахар, шоколад, бисквиты, апельсиновый концентрат, кофе или какао, изюм или чернослив, мыло и сигареты.

Немцы воспользовались тем, что СССР не подписал Женевскую конвенцию, – это стало юридическим и моральным оправданием их жестокого отношения к советским военнопленным, которые оказались без защиты и помощи Международного Красного Креста. Из показаний пленных немецких солдат: "20 июня 1941 года нам заявили, что в предстоящем походе раненым красноармейцам перевязки делать не следует, ибо немецкой армии некогда возиться с ранеными..." – "21 июня мы получили приказ: "С ранеными русскими пленными нечего долго возиться, их надо просто приканчивать на месте..."

Пленные погибали десятками и сотнями на изнурительных пеших этапах, когда конвоиры подгоняли штыками и прикладами, расстреливали упавших и отстающих; они умирали в переполненных товарных вагонах от голода, холода или удушья: на станциях назначения мертвых вынимали из вагонов и складывали в штабеля, а подававших признаки жизни пристреливали. Десятки тысяч человек загоняли на ограниченную территорию, огороженную колючей проволокой, где они порой не могли пошевелиться и отправляли на месте естественные надобности. Многие попадали в плен в летней форме и страдали затем от наступивших холодов; в зимнее время с пленных снимали шинели и шапки, размещали под открытым небом или в помещениях без окон и дверей – сотни людей замерзали ночами, когда температура опускалась до 20–30 градусов мороза.

Из дневника жительницы Каунаса (1941–1942 годы):

"Сегодня опубликовано: "Кто станет помогать пленным, будет арестован, при попытке бежать – расстрелян!" Подписано литовским комендантом... Замученные, голодные, истерзанные, запряженные вместо лошадей в телеги, возят они то какой-то цемент, то доски, то камни, то мебель... Страшно смотреть на умирающих людей... Донельзя оборванные, грязные, шатающиеся от слабости, проходят они по улице, молчаливые, сумрачные, суровые – выходцы из иного мира..."

Пришли два поезда с русскими пленными: в двух вагонах были сплошь мертвые, во многих полно умирающих от духоты и голода. Всех слабых немцы тут же застрелили... Целая гора трупов... Сегодня видела, как четверо русских пленных несли за руки и за ноги умершего товарища: голова, закинута назад, безжизненно болталась. Красивое тонкое лицо...

Мороз 28–30 градусов. Вид военнопленных ужасен. Умирают тысячами... Призраки, тени людей! На днях немцы убили женщину, перебросившую хлеб через забор. Труп ее не позволяли убирать несколько дней... В немецком журнале на первой странице сняты русские пленные. Масса измученных, истрадавших лиц. Но есть такие смелые, гордые, даже насмешливые..."

2

Международная конвенция обязывала воюющие стороны "обеспечивать военнопленных такой же пищей, как и собственные войска", но на советских пленных это обязательство не распространялось. Из приказов германского командования (1941 год): "Советский Союз не присоединился к соглашению об обращении с военнопленными, а потому мы не обязаны обеспечивать советских пленных снабжением, которое соответствовало бы этому соглашению, как по количеству, так и по качеству..." – "Выпекать им особый хлеб, содержащий 25% опилок... Отбросы свежей рыбы, головы и внутренности (исключая кишечник) собирать и запаковывать в бочки, снабженные бросающимися в глаза и ясными надписями: "Рыбные отбросы для военнопленных"..."

Пленных морили голодом иногда по пять-семь суток; раз в день их кормили овощными очистками, супом из гнилой картошки, хлебом с древесными опилками, варили для них дохлую зловонную конскую тушу – от недоброкачественной пищи пленные страдали тяжелыми желудочными заболеваниями, кровавыми поносами или многодневными запорами; в лагерях появилось людоедство, за которое немцы расстреливали, а снимки людоедов демонстрировали как образцы "недочеловеков" – животных в человеческом образе. Смертность красноармейцев в первый год войны была огромной и составила не менее полутора миллионов человек.

Из записей француза, попавшего в немецкий плен (1942 год): "Большое число русских военнопленных ежедневно умирает. Их трупы лежат рядом с живыми, так как их слишком

много, чтобы можно было немедленно убрать... Каждый второй день умершие и умирающие нагружаются без разбора на одну и ту же телегу... Их сбрасывают в ямы, покойников и умирающих, и засыпают землей". Голодных, умирающих людей вербовали на немецкую службу, соблазняя хорошим питанием, возможностью выжить, и не всякий находил силы противиться, – те, кто соглашался на это, становились полицейскими в лагерях военнопленных или в лагерях уничтожения, в особых воинских соединениях для борьбы с партизанами. Побывавшие в плену вспоминали впоследствии: "В лагерь нас привезли голых и почти босых – немцы нас ограбили, сняли не только сапоги и верхнее платье, но и белье. Люди кутались в лохмотья, куски мешковины, толя и т. п. Ударил мороз, начали люди умирать. Дров не давали, помещения не отапливались, все окна выбиты, спали на цементном полу без соломы... Каждый день умирало от голода от ста до трехсот человек..." – "Из 12 000 человек с осени 1941 года осталось к весне следующего года 700 человек. Голод был такой, что мы съели всю траву в лагере, ремни, кости, рога, копыта, ободрали кожу с деревьев и листья, ели и сапоги, предварительно их поджарив..." – "В лагерях были взрослые люди, вес которых доходил до тридцати–тридцати двух килограммов – вес подростка..." – "Порки, избияния, заключение в карцеры – людей пытали, вешали, расстреливали без малейшего повода..." – "В лагерных госпиталях неделями не перевязывали раны, так как не было бинтов... На голом полу, в каждой палате по четыре ряда, плотно прижавшись друг к другу, лежало по восемьдесят человек... Многие умерли от ран, заражения крови, а еще больше от истощения, голодных поносов, тифа, туберкулеза..." – "На фабриках, в шахтах или каменоломнях заставляли работать по четырнадцать и шестнадцать часов в сутки, давая за рабочий день один-два литра баланды из травы и брюквы. Даже самые здоровые через четыре-пять месяцев заболели туберкулезом, и тогда их посылали в лагерь смерти. На их место пригоняли специально отобранных здоровых людей, чтобы и их вымотать за несколько месяцев..." – "Люди очумели, одичали, безвременная человеческая смерть воспринималась как должное, обыкновенное явление: сегодня – ты, завтра – я..."

Рейхсмаршал Г. Геринг рассказывал со смехом: "Съев всё, что можно, включая подошвы своих сапог, пленные начали поедать друг друга, и, что серьезнее, съели немецкого часового". А. Кларк, историк: "Шуточки Геринга и холодная статистика жертв не должны заслонить ужасающую картину. Темные загоны, полные ужаса и страданий, где мертвые лежали кучами целыми неделями, очаги таких страшных эпидемий, что охрана боялась входить внутрь или входила с огнеметами, когда "из соображений гигиены" трупы и умирающих поджигали вместе с подстилками, кишасими паразитами... К цифрам статистики добавляется и громадное число людей, забитых до смерти на том месте, где они сдались, – можно себе представить, какую ненависть и какое варварство порождала Восточная кампания".

Истинное количество советских военнопленных невозможно установить. По данным российских военных историков, в немецком плену оказалось 4,5 миллиона бойцов и командиров из списочного состава Красной армии; германские источники указывают иное количество – более 5 миллионов советских военнопленных, с учетом партизан, рабочих на сооружениях оборонительных укреплений и прочих гражданских лиц, захваченных в районах боевых действий. Германское управление по делам военнопленных сообщало, что к маю 1944 года погибло в плену 3,3 миллиона советских граждан: умерли в лагерях примерно 2 миллиона человек, расстреляны и убиты при попытке к бегству 1 миллион, погибли в пути следования 280 000.

За линией фронта разбрасывали для военнопленных советские листовки: "Вернитесь домой! Родина вас простила". Сумевших выбраться из плена и вернуться к своим посылали в проверочно-фильтрационные центры для допросов, откуда одних направляли на фронт, а других в лагерь. После войны вернулись в Советский Союз из плена 1,8 миллиона человек; запись "военнопленный" в анкете оставалась клеймом на долгие годы, обвинением в трусости, предательстве, в измене родине, и лишь в конце двадцатого века вышел указ о полной реабилитации побывавших в немецком плену, – мало кто из них дожил до этого дня. (Для сравнения: с 1914 по 1917 год Российская империя потеряла в Первой мировой войне 3,6 миллиона человек попавшими в плен и пропавшими без вести; умерло в немецком плену 190 000 солдат и офицеров русской армии.)

Красная армия взяла в плен 3,6 миллиона солдат и офицеров германской армии и 800 000 из армий ее союзников (в том числе несколько тысяч евреев, служивших в строительных

батальонах венгерской армии). Около пятнадцати процентов военнопленных погибло в советском плену, остальные вернулись домой.

3

За несколько недель до начала войны с Советским Союзом германское командование выпустило приказ, в котором было сказано: "Неоправданная гуманность по отношению к коммунистам и евреям неуместна. Их следует беспощадно расстреливать..." Так оно и происходило с первых дней войны; когда немцы захватывали пленных, звучал один и тот же приказ: "Комиссары и евреи, выходите!" Их сразу же расстреливали; уничтожали и тех, кого выявляли при проверке, и лишь немногие попадали в лагерь.

Евреев выделяли по акценту, характерной внешности или при медицинском осмотре; их выдавали порой другие пленные, чтобы в невыносимых лагерных условиях получить немного еды, а то и удовлетворить давнюю неприязнь; особенно старались полицейские, вчерашние пленные, которые безошибочно выявляли российских евреев. Из показаний красноармейца, бежавшего из плена (август 1941 года): "В течение двух-трех дней немцы отобрали евреев. Многих выдали свои же товарищи. Пленных евреев изолировали, кормили один раз через день, всячески издевались, избивали палками, камнями... В течение недели всех расстреляли". (Был выдан и расстрелян попавший в плен полковой комиссар Е. Фомин, один из руководителей обороны Брестской крепости.)

Специальные команды СС уничтожали в лагерях для военнопленных "расово неполноценные элементы". Выжившие бойцы и командиры сообщали: "Оказавшихся в окружении собирали по лесам и деревням, свозили на сборные пункты. Здесь по внешнему виду отбирали евреев и убивали..." – "Одежду у них забирали и смеялись: "Она вам не понадобится". Выдергивали из толпы и вели на расстрел даже тех, кто хоть сколько-нибудь похож на еврея... В нашем лагере таким образом расстреляли за пять дней 200 пленных евреев..." – "В Славутском лагере каждую вновь прибывшую партию выстраивали и приказывали обнажать половые органы. Гестаповцы обходили ряды и забирали заподозренных..." – "Каждый подходил к немцу и снимал брюки; немец-врач осматривал половой орган и устанавливал – кто еврей, кто не еврей. Евреев отделили и посадили в сарай, не давали ни есть, ни пить, а затем расстреляли 600 человек..." – "Выкопали глубокие ямы и загнали в них около 30 евреев. Они были совершенно раздеты, их лишили пищи, морили голодом. Немцы избивали их плетками, кололи штыками, фотографировали. Издевательства сопровождалось исключительным цинизмом..." – "Яму наполнили навозной жижей, подогнали к ней 100–120 евреев-военнопленных в одном натальном белье и босых, заставили поочередно выкупаться в этой яме. А так как день был морозный, белье на них сразу обледенело. В таком виде их посадили в неотопливаемое помещение, где через три-четыре дня эти люди умерли..." – "Внутри лагеря было специальное отделение для евреев, огороженное колючей проволокой... Три раза в день всех выстраивали и пригоняли туда, а евреев заставляли петь и танцевать. Кто не хотел или не мог этого делать, был тут же расстрелян... На четвертые сутки всех евреев расстреляли возле изгороди..." – "Пришел комендант с переводчиком и заявил: "Пока не скажете, кто из вас коммунисты, комиссары и евреи, еду не получите..." – "В Житомирский лагерь привели партию военнопленных. Их собрали во дворе, и немец-переводчик сказал: "По распоряжению командования, украинцы завтра же могут разъехаться по домам. Но отпустить сразу мы не можем, так как среди вас есть комиссары и евреи. Выдайте их нам, тогда мы вас отпустим..." Нет точных данных о количестве пленных евреев, погибших в ту войну; полагают, что было их не менее 55 000 человек (некоторые исследователи увеличивают эту цифру до 85 000). После войны вернулись в Советский Союз около 5000 евреев, сумевших скрыть в плену свою национальность, – обычно они выдавали себя за татар, узбеков, азербайджанцев, так как у мусульман принято делать обрезание. Из воспоминаний: "В плену я, как и другие, пережил голод, холод, болезни. На протяжении двух с половиной лет очень часто при построении слышал команду: "Комиссарам и евреям выйти вперед!" Я был пропитан страхом перед разоблачением. Боялся встретить знакомого, который мог меня выдать. Боялся, что ночью заговорю во сне на идиш. Боялся банного дня..."

Из надписи на стене камеры харьковской тюрьмы: "Здесь сидели два еврея, Фуксман Саша и Зимин Михаил, с 26.7.43. Расстрел произошел 13.8.43. Дрались мужественно. По-гвардейски. Верные сыны народа и погибли как следует, по-гвардейски".

4

Евреи воевали в рядах армий антигитлеровской коалиции и попадали в немецкий плен вместе с другими солдатами и офицерами, среди них оказалось более 1000 евреев из подмандатной Палестины. Англичане предупредили германское правительство, что любая дискриминация пленных евреев будет рассматриваться как грубое нарушение международных соглашений и Великобритания ответит на это подобным отношением к немецким пленным. Это оказало свое воздействие, и евреи получили статус военнопленных в соответствии с международной конвенцией. Их разместили в лагерях наравне с солдатами и офицерами армий союзников; они собирались вместе, учили иврит, молились и отмечали субботу, в девятый день месяца ав по еврейскому летосчислению, в день национального траура, им позволили выстроиться, помолиться, прочитать "Плач Иеремии", пропеть сионистский гимн "Га-Тикву". Палестинские евреи создали свою организацию военнопленных, которую признало лагерное начальство; во всех спортивных соревнованиях они выступали отдельной командой в бело-голубой форме с магендавидом на груди, а когда занимали первые места, в их честь поднимали национальный бело-голубой флаг. Евреи добились права хоронить умерших товарищей с воинскими почестями, как это делали военнопленные других национальностей. Зимой 1942 года один из евреев умер в лагере, немцы тайно его похоронили, но евреи добились, чтобы тело захоронили вторично с воинскими почестями: играл оркестр, прочитали кадиш, был отдан прощальный салют.

В финском плену оказалось почти 65 000 бойцов и командиров Красной армии – погибло 18 000, в основном в первую зиму. С. Янтовский, из воспоминаний пленного еврея: "Зима 1942-го года была суровой. Одни умирали в бараке и на работе, другие как-то держались:

обмороженные, со страшными язвами. Ели всё, что казалось съедобным, даже падаль. Нашли бочку с техническим маслом, стали добавлять в баланду, начались отравления... Били нас за каждый пустяк... За отказ от работы тут же убивали... Дожил до весны тот, кто дожил... Но, к счастью, то была Финляндия, а не Германия..."

И далее, из тех же воспоминаний: "А еще была вербовка. Нас вызывали по одному и предлагали записаться в некое воинское подразделение для войны с Красной армией. Дескать, кто согласится – получит обмундирование, паек и всякие блага, а кто откажется, тому придется очень плохо. Я отказался... Назавтра на работах показался начальник лагеря со свитой. Это был кадровый лейтенант с диким нравом, жестокий самодур, сам забил до смерти двух беглецов... Он подошел ко мне: "Почему ты отказался от службы?" Я чувствовал: все военнопленные следили за нами. Я ответил: "Мною дана присяга на верность, она не снята; не имею права вступать в другую армию". Этот ответ неожиданно пришелся по душе солдафону, и на глазах у всех он сделал жест высшего расположения к пленному: вытащил пачку русской махорки и дал мне... В эту армию всё равно никто не попал. Но ко мне начали относиться иначе, люди стали приходить ко мне с вопросами, просьбами, исповедями..."

Часть советских военнопленных финны отправили в Германию – среди них было около ста евреев. После поражения немцев под Москвой (а затем и под Сталинградом) отношение к пленным в Финляндии стало улучшаться, количество погибших уменьшилось. Исследователи полагают, что в финском плену побывало не менее 1000 евреев, – точное количество неизвестно, так как некоторые из них скрывали свою национальность.

Еврейская община в Финляндии насчитывала примерно 2 000 человек, и 250 из них принимали участие в той войне; в еврейской газете в Хельсинки написали: "Мы сражаемся за свободу и независимость Финляндии". Финские евреи разыскивали единоверцев в лагерях для военнопленных, через представителей Красного Креста отправляли им посылки, и подобные действия не вызвали протестов среди коренного населения страны; затем начали поступать посылки от евреев Швеции.

К концу 1942 года часть пленных евреев выделили в несколько рабочих команд, которые жили и работали отдельно от других. Из воспоминаний: "До конца жизни сохраню благодарность к моим безвестным братьям, разыскавшим меня в финских снегах... Раввин местной общины

посетил еврейский лагерь, финские евреи прислали нам на Песах мацу и кашерное вино..." В конце 1944 года пленные вернулись домой; некоторые из них остались в Финляндии – среди них было и несколько евреев.

Известно множество случаев, когда командиры и комиссары кончали жизнь самоубийством, чтобы не попасть в плен; среди них было немало евреев. Из воспоминаний (в окружении, январь 1943 года): "...командир и замполит саперной роты – оба евреи. Обнялись друг с другом и застрелились. Солдаты сдались в плен, потом добрая половина из плена бежала, попрятались по погребам у казачек и вылезли, когда мы снова пошли вперед. Один из них и рассказал мне, как было дело".

***

Наиболее "непримиримых и фанатичных противников" среди советских военнопленных посылали в лагерь уничтожения – Заксенхаузен, Бухенвальд, Маутхаузен, Освенцим и Майданек. Туда направляли за побег, за организацию сопротивления и саботаж во время работы; в этих лагерях погибли десятки тысяч бойцов и командиров Красной армии, среди которых было немало евреев. Комендант лагеря Заксенхаузен свидетельствовал после войны: "Для проведения массовых расстрелов русских военнопленных использовалось особое помещение, замаскированное под кабинет врача, в котором были установлены приспособление для измерения роста, таблица для проверки зрения и, кроме того, там находились эсэсовцы, переодетые в белые халаты врачей. Во время измерения роста заключенного убивали выстрелом в затылок через отверстие в измерительной планке. В соседнем помещении проигрывали пластинки, чтобы музыкой заглушить выстрелы..."

Осенью 1941 года в лагере Заксенхаузен уничтожили более 18 000 советских военнопленных – на каждую жертву тратили один патрон, крематорий работал круглосуточно. Из протокола допроса надзирателя этого лагеря: "Сами вы тоже стреляли?" – "Так точно, 636 русских военнопленных я убил собственными руками". – "Когда это было?" – "С сентября по ноябрь 1941 года". – "Фикер участвовал в массовом уничтожении людей?" – "Так точно, он тоже участвовал". – "А Книттлер?" – "Для Книттлера это было само собой разумеющееся дело... Книттлер однажды сказал, что хотел бы пострелять, а затем занялся этим". – "Какие награды вы получили за вашу чудовищную жестокость?" – "Я получил "Крест за военные заслуги" второго класса с мечами".

В октябре 1941 года в Освенциме впервые применили отравляющий газ для уничтожения заключенных – среди первых жертв этого "эксперимента" были 600 советских военнопленных. Из 14 000 бойцов и командиров Красной армии, прошедших через Освенцим, дождалось освобождения около ста человек.

ОЧЕРК ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

В немецком плену

1

В первые месяцы войны немцы воспринимали с восторгом и воодушевлением победы германской армии и стремительное продвижение на восток своих непобедимых солдат; их удивляло лишь упорное сопротивление бойцов и командиров Красной армии: "Русский солдат

сражается совершенно неправильно..." – "Он сражается, когда всякая борьба уже бессмысленна..." – "Это нечто совершенно новое по сравнению с нашими бывшими противниками..." – "В предыдущих сражениях солдаты противника поднимали руки в проигрышных ситуациях..." Это нашло отражение и в приказе германского командования в сентябре 1941 года: "Большевистский солдат потерял всякое право требовать, чтобы к нему относились как к честному противнику... Любое сопротивление пленных, даже пассивное, должно быть немедленно подавлено применением оружия (штык, приклад, огнестрельное оружие)... Употребление оружия против пленных, как правило, законно".

Немецкая пропаганда всячески подчеркивала расовую неполноценность противника – "дегенеративно выглядящих ориенталов". Эссэсовское издательство выпускало специальный журнал под названием "Недочеловек", в котором печатали фотографии бойцов Красной армии в отталкивающем виде, сопровождая их соответствующими пояснениями: "Так выглядит советский солдат. Монгольские физиономии из лагеря военнопленных", или – "Под татарами, Петром или Сталиным этот народ рожден для ярма". Усиленная пропаганда делала свое дело, она поощряла и оправдывала издевательства, жестокость, безжалостность по отношению к "недочеловекам" – советским военнопленным, а приказ "Об особой подсудности" на Восточном фронте освобождал немецких военнослужащих от уголовной ответственности за совершенные преступления.

Довоенный устав Красной армии рассматривал сдачу в плен как измену родине, за что полагались суровые наказания вплоть до расстрела. Советский Союз не признавал международные конвенции о правилах обращения с военнопленными, которые провозглашали: "Воспрещается убивать или ранить неприятеля, который... сдался..." – "С военнопленными следует обращаться гуманно, защищая их от насилий и оскорблений... Применение к ним репрессий запрещается..."

В первые месяцы войны попало в окружение огромное количество бойцов и командиров, и в августе 1941 года нарком обороны И. Сталин издал приказ: "Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту... Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи..."

Международный Красный Крест не получал от СССР средства на содержание пленных красноармейцев и командиров, а потому и не помогал им – в отличие от военнопленных других стран антигитлеровской коалиции, которых, как правило, содержали в приемлемых условиях и оказывали им необходимую медицинскую помощь. В их лагерях работали кухни, столовые, прачечные, парикмахерские; военнопленных обязывали чистить зубы по утрам, бриться, регулярно посещать баню; в их бараках были газеты с журналами и патефоны с пластинками; они отправляли домой письма и получали посылки от родственников; офицеров и унтер-офицеров – согласно Женевской конвенции – не могли заставить работать без их согласия. Представители Международного Красного Креста инспектировали лагеря, где находились военнопленные США, Великобритании, Франции и других стран антигитлеровской коалиции, присылали для них одежду, обувь, белье, очки, спортивный инвентарь, музыкальные инструменты, игральные карты, книги и журналы, лекарства и медицинское оборудование для лагерных лазаретов; каждый военнопленный получал не реже двух раз в месяц продовольственную посылку.

Красный Крест США отправил военнопленным за годы войны более 25 миллионов посылок с едой, одеждой, медикаментами. Продовольственная посылка из США обычно включала консервированное мясо, ливерный паштет, лососину, молочный порошок, сыр, маргарин, сахар, шоколад, бисквиты, апельсиновый концентрат, кофе или какао, изюм или чернослив, мыло и сигареты.

Немцы воспользовались тем, что СССР не подписал Женевскую конвенцию, – это стало юридическим и моральным оправданием их жестокого отношения к советским военнопленным, которые оказались без защиты и помощи Международного Красного Креста. Из показаний пленных немецких солдат: "20 июня 1941 года нам заявили, что в предстоящем походе раненым красноармейцам перевязки делать не следует, ибо немецкой армии некогда возиться с ранеными..." – "21 июня мы получили приказ: "С ранеными русскими пленными нечего долго возиться, их надо просто приканчивать на месте..."

Пленные погибали десятками и сотнями на изнурительных пеших этапах, когда конвоиры подгоняли штыками и прикладами, расстреливали упавших и отстающих; они умирали в переполненных товарных вагонах от голода, холода или удушья: на станциях назначения мертвых вынимали из вагонов и складывали в штабеля, а подававших признаки жизни пристреливали. Десятки тысяч человек загоняли на ограниченную территорию, огороженную колючей проволокой, где они порой не могли пошевелиться и отпрапляли на месте естественные надобности. Многие попадали в плен в легкой форме и страдали затем от наступивших холодов; в зимнее время с пленных снимали шинели и шапки, размещали под открытым небом или в помещениях без окон и дверей – сотни людей замерзали ночами, когда температура опускалась до 20–30 градусов мороза.

Из дневника жительницы Каунаса (1941–1942 годы):

"Сегодня опубликовано: "Кто станет помогать пленным, будет арестован, при попытке бежать – расстрелян!" Подписано литовским комендантом... Замученные, голодные, истерзанные, запряженные вместо лошадей в телеги, возят они то какой-то цемент, то доски, то камни, то мебель... Страшно смотреть на умирающих людей... Донельзя оборванные, грязные, шатающиеся от слабости, проходят они по улице, молчаливые, сумрачные, суровые – выходцы из иного мира...

Пришли два поезда с русскими пленными: в двух вагонах были сплошь мертвые, во многих полно умирающих от духоты и голода. Всех слабых немцы тут же застрелили... Целая гора трупов... Сегодня видела, как четверо русских пленных несли за руки и за ноги умершего товарища: голова, закинута назад, безжизненно болталась. Красивое тонкое лицо...

Мороз 28–30 градусов. Вид военнопленных ужасен. Умирают тысячами... Призраки, тени людей! На днях немцы убили женщину, перебросившую хлеб через забор. Труп ее не позволяли убирать несколько дней... В немецком журнале на первой странице сняты русские пленные. Масса измученных, исстрадавшихся лиц. Но есть такие смелые, гордые, даже насмешливые..."

2

Международная конвенция обязывала воюющие стороны "обеспечивать военнопленных такой же пищей, как и собственные войска", но на советских пленных это обязательство не распространялось. Из приказов германского командования (1941 год): "Советский Союз не присоединился к соглашению об обращении с военнопленными, а потому мы не обязаны обеспечивать советских пленных снабжением, которое соответствовало бы этому соглашению, как по количеству, так и по качеству..." – "Выпекать им особый хлеб, содержащий 25% опилок... Отбросы свежей рыбы, головы и внутренности (исключая кишечник) собирать и запаковывать в бочки, снабженные бросающимися в глаза и ясными надписями: "Рыбные отбросы для военнопленных"..."

Пленных морили голодом иногда по пять-семь суток; раз в день их кормили овощными очистками, супом из гнилой картошки, хлебом с древесными опилками, варили для них дохлую зловонную конскую тушу – от недоброкачественной пищи пленные страдали тяжелыми желудочными заболеваниями, кровавыми поносами или многодневными запорами; в лагерях появилось людоедство, за которое немцы расстреливали, а снимки людоедов демонстрировали как образцы "недочеловеков" – животных в человеческом образе. Смертность красноармейцев в первый год войны была огромной и составила не менее полутора миллионов человек.

Из записей француза, попавшего в немецкий плен (1942 год): "Большое число русских военнопленных ежедневно умирает. Их трупы лежат рядом с живыми, так как их слишком много, чтобы можно было немедленно убрать... Каждый второй день умершие и умирающие нагружаются без разбора на одну и ту же телегу... Их сбрасывают в ямы, покойников и умирающих, и засыпают землей". Голодных, умирающих людей вербовали на немецкую службу, соблазняя хорошим питанием, возможностью выжить, и не всякий находил силы противиться, – те, кто соглашался на это, становились полицейскими в лагерях военнопленных или в лагерях уничтожения, в особых воинских соединениях для борьбы с партизанами. Побывавшие в плену вспоминали впоследствии: "В лагерь нас привезли голых и почти босых – немцы нас ограбили, сняли не только сапоги и верхнее платье, но и белье. Люди кутались в лохмотья, куски мешковины, толя и т. п. Ударил мороз, начали люди умирать. Дров не давали, помещения не отапливались, все окна выбиты, спали на цементном полу без соломы... Каждый

день умирало от голода от ста до трехсот человек..." – "Из 12 000 человек с осени 1941 года осталось к весне следующего года 700 человек. Голод был такой, что мы съели всю траву в лагере, ремни, кости, рога, копыта, ободрали кожу с деревьев и листья, ели и сапоги, предварительно их поджарив..." – "В лагерях были взрослые люди, вес которых доходил до тридцати–тридцати двух килограммов – вес подростка..." – "Порки, избияния, заключение в карцеры – людей пытали, вешали, расстреливали без малейшего повода..." – "В лагерных госпиталях неделями не перевязывали раны, так как не было бинтов... На голом полу, в каждой палате по четыре ряда, плотно прижавшись друг к другу, лежало по восемьдесят человек... Многие умерли от ран, заражения крови, а еще больше от истощения, голодных поносов, тифа, туберкулеза..." – "На фабриках, в шахтах или каменоломнях заставляли работать по четырнадцать и шестнадцать часов в сутки, давая за рабочий день один-два литра баланды из травы и брюквы. Даже самые здоровые через четыре-пять месяцев заболели туберкулезом, и тогда их посылали в лагерь смерти. На их место пригоняли специально отобранных здоровых людей, чтобы и их вымотать за несколько месяцев..." – "Люди очумели, одичали, безвременная человеческая смерть воспринималась как должное, обыкновенное явление: сегодня – ты, завтра – я..."

Рейхсмаршал Г. Геринг рассказывал со смехом: "Съев всё, что можно, включая подошвы своих сапог, пленные начали поедать друг друга, и, что серьезнее, съели немецкого часового". А. Кларк, историк: "Шуточки Геринга и холодная статистика жертв не должны заслонить ужасающую картину. Темные загоны, полные ужаса и страданий, где мертвые лежали кучами целыми неделями, очаги таких страшных эпидемий, что охрана боялась входить внутрь или входила с огнеметами, когда "из соображений гигиены" трупы и умирающих поджигали вместе с подстилками, кишущими паразитами... К цифрам статистики добавляется и громадное число людей, забитых до смерти на том месте, где они сдались, – можно себе представить, какую ненависть и какое варварство порождает Восточная кампания".

Истинное количество советских военнопленных невозможно установить. По данным российских военных историков, в немецком плену оказалось 4,5 миллиона бойцов и командиров из списочного состава Красной армии; германские источники указывают иное количество – более 5 миллионов советских военнопленных, с учетом партизан, рабочих на сооружении оборонительных укреплений и прочих гражданских лиц, захваченных в районах боевых действий. Германское управление по делам военнопленных сообщало, что к маю 1944 года погибло в плену 3,3 миллиона советских граждан: умерли в лагерях примерно 2 миллиона человек, расстреляны и убиты при попытке к бегству 1 миллион, погибли в пути следования 280 000.

За линией фронта разбрасывали для военнопленных советские листовки: "Вернитесь домой! Родина вас простила". Сумевших выбраться из плена и вернуться к своим посылали в проверочно-фильтрационные центры для допросов, откуда одних направляли на фронт, а других в лагерь. После войны вернулись в Советский Союз из плена 1,8 миллиона человек; запись "военнопленный" в анкете оставалась клеймом на долгие годы, обвинением в трусости, предательстве, в измене родине, и лишь в конце двадцатого века вышел указ о полной реабилитации побывавших в немецком плену, – мало кто из них дожил до этого дня. (Для сравнения: с 1914 по 1917 год Российская империя потеряла в Первой мировой войне 3,6 миллиона человек попавшими в плен и пропавшими без вести; умерло в немецком плену 190 000 солдат и офицеров русской армии.)

Красная армия взяла в плен 3,6 миллиона солдат и офицеров германской армии и 800 000 из армий ее союзников (в том числе несколько тысяч евреев, служивших в строительных батальонах венгерской армии). Около пятнадцати процентов военнопленных погибло в советском плену, остальные вернулись домой.

3

За несколько недель до начала войны с Советским Союзом германское командование выпустило приказ, в котором было сказано: "Неоправданная гуманность по отношению к коммунистам и евреям неуместна. Их следует беспощадно расстреливать..." Так оно и происходило с первых дней войны; когда немцы захватывали пленных, звучал один и тот же

приказ: "Комиссары и евреи, выходи!" Их сразу же расстреливали; уничтожали и тех, кого выявляли при проверке, и лишь немногие попадали в лагерь.

Евреев выделяли по акценту, характерной внешности или при медицинском осмотре; их выдавали порой другие пленные, чтобы в невыносимых лагерных условиях получить немного еды, а то и удовлетворить давнюю неприязнь; особенно старались полицейские, вчерашние пленные, которые безошибочно выявляли российских евреев. Из показаний красноармейца, бежавшего из плена (август 1941 года): "В течение двух-трех дней немцы отобрали евреев. Многих выдали свои же товарищи. Пленных евреев изолировали, кормили один раз через день, всячески издевались, избивали палками, камнями... В течение недели всех расстреляли". (Был выдан и расстрелян попавший в плен полковой комиссар Е. Фомин, один из руководителей обороны Брестской крепости.)

Специальные команды СС уничтожали в лагерях для военнопленных "расово неполноценные элементы". Выжившие бойцы и командиры сообщали: "Оказавшихся в окружении собирали по лесам и деревьям, свозили на сборные пункты. Здесь по внешнему виду отбирали евреев и убивали..." – "Одежду у них забирали и смеялись: "Она вам не понадобится". Выдергивали из толпы и вели на расстрел даже тех, кто хоть сколько-нибудь похож на еврея... В нашем лагере таким образом расстреляли за пять дней 200 пленных евреев..." – "В Славутском лагере каждую вновь прибывшую партию выстраивали и приказывали обнажать половые органы. Гестаповцы обходили ряды и забирали заподозренных..." – "Каждый подходил к немцу и снимал брюки; немец-врач осматривал половой орган и устанавливал – кто еврей, кто не еврей. Евреев отделили и посадили в сарай, не давали ни есть, ни пить, а затем расстреляли 600 человек..." – "Выкопали глубокие ямы и загнали в них около 30 евреев. Они были совершенно раздеты, их лишили пищи, морили голодом. Немцы избивали их плетками, кололи штыками, фотографировали. Издевательства сопровождалось исключительным цинизмом..." – "Яму наполнили навозной жижей, подогнали к ней 100–120 евреев-военнопленных в одном нательном белье и босых, заставили поочередно выкупаться в этой яме. А так как день был морозный, белье на них сразу обледело. В таком виде их посадили в неотопляемое помещение, где через три-четыре дня эти люди умерли..." – "Внутри лагеря было специальное отделение для евреев, огороженное колючей проволокой... Три раза в день всех выстраивали и пригоняли туда, а евреев заставляли петь и танцевать. Кто не хотел или не мог этого делать, был тут же расстрелян... На четвертые сутки всех евреев расстреляли возле изгороди..." – "Пришел комендант с переводчиком и заявил: "Пока не скажете, кто из вас коммунисты, комиссары и евреи, еду не получите..." – "В Житомирский лагерь привели партию военнопленных. Их собрали во дворе, и немец-переводчик сказал: "По распоряжению командования, украинцы завтра же могут разъехаться по домам. Но отпустить сразу мы не можем, так как среди вас есть комиссары и евреи. Выдайте их нам, тогда мы вас отпустим..." Нет точных данных о количестве пленных евреев, погибших в ту войну; полагают, что было их не менее 55 000 человек (некоторые исследователи увеличивают эту цифру до 85 000). После войны вернулись в Советский Союз около 5000 евреев, сумевших скрыть в плену свою национальность, – обычно они выдавали себя за татар, узбеков, азербайджанцев, так как у мусульман принято делать обрезание. Из воспоминаний: "В плену я, как и другие, пережил голод, холод, болезни. На протяжении двух с половиной лет очень часто при построении слышал команду: "Комиссарам и евреям выйти вперед!" Я был пропитан страхом перед разоблачением. Боялся встретить знакомого, который мог меня выдать. Боялся, что ночью заговорю во сне на идиш. Боялся банного дня..."

Из надписи на стене камеры харьковской тюрьмы: "Здесь сидели два еврея, Фуксман Саша и Зимин Михаил, с 26.7.43. Расстрел произошел 13.8.43. Дрались мужественно. По-гвардейски. Верные сыны народа и погибли как следует, по-гвардейски".

Евреи воевали в рядах армий антигитлеровской коалиции и попадали в немецкий плен вместе с другими солдатами и офицерами, среди них оказалось более 1000 евреев из подмандатной Палестины. Англичане предупредили германское правительство, что любая дискриминация пленных евреев будет рассматриваться как грубое нарушение международных соглашений и Великобритания ответит на это подобным отношением к немецким пленным. Это оказало свое

воздействие, и евреи получили статус военнопленных в соответствии с международной конвенцией. Их разместили в лагерях наравне с солдатами и офицерами армий союзников; они собирались вместе, учили иврит, молились и отмечали субботу, в девятый день месяца ав по еврейскому летосчислению, в день национального траура, им позволили выстроиться, помолиться, прочитать "Плач Иеремии", пропеть сионистский гимн "Га-Тикву". Палестинские евреи создали свою организацию военнопленных, которую признало лагерное начальство; во всех спортивных соревнованиях они выступали отдельной командой в бело-голубой форме с магендавидом на груди, а когда занимали первые места, в их честь поднимали национальный бело-голубой флаг. Евреи добились права хоронить умерших товарищей с воинскими почестями, как это делали военнопленные других национальностей. Зимой 1942 года один из евреев умер в лагере, немцы тайно его похоронили, но евреи добились, чтобы тело захоронили вторично с воинскими почестями: играл оркестр, прочитали кадиш, был отдан прощальный салют.

В финском плену оказалось почти 65 000 бойцов и командиров Красной армии – погибло 18 000, в основном в первую зиму. С. Янговский, из воспоминаний пленного еврея: "Зима 1942-го года была суровой. Одни умирали в бараке и на работе, другие как-то держались: обмороженные, со страшными язвами. Ели всё, что казалось съедобным, даже падаль. Нашли бочку с техническим маслом, стали добавлять в баланду, начались отравления... Били нас за каждый пустяк... За отказ от работы тут же убивали... Дожил до весны тот, кто дожил... Но, к счастью, то была Финляндия, а не Германия..."

И далее, из тех же воспоминаний: "А еще была вербовка. Нас вызывали по одному и предлагали записаться в некое воинское подразделение для войны с Красной армией. Дескать, кто согласится – получит обмундирование, паек и всякие блага, а кто откажется, тому придется очень плохо. Я отказался... Назавтра на работах показался начальник лагеря со свитой. Это был кадровый лейтенант с диким нравом, жестокий самодур, сам забил до смерти двух беглецов... Он подошел ко мне: "Почему ты отказался от службы?" Я чувствовал: все военнопленные следили за нами. Я ответил: "Мною дана присяга на верность, она не снята; не имею права вступать в другую армию". Этот ответ неожиданно пришелся по душе солдафону, и на глазах у всех он сделал жест высшего расположения к пленному: вытащил пачку русской махорки и дал мне... В эту армию всё равно никто не попал. Но ко мне начали относиться иначе, люди стали приходить ко мне с вопросами, просьбами, исповедями..."

Часть советских военнопленных финны отправили в Германию – среди них было около ста евреев. После поражения немцев под Москвой (а затем и под Сталинградом) отношение к пленным в Финляндии стало улучшаться, количество погибших уменьшилось. Исследователи полагают, что в финском плену побывало не менее 1000 евреев, – точное количество неизвестно, так как некоторые из них скрывали свою национальность.

Еврейская община в Финляндии насчитывала примерно 2 000 человек, и 250 из них принимали участие в той войне; в еврейской газете в Хельсинки написали: "Мы сражаемся за свободу и независимость Финляндии". Финские евреи разыскивали единоверцев в лагерях для военнопленных, через представителей Красного Креста отправляли им посылки, и подобные действия не вызвали протестов среди коренного населения страны; затем начали поступать посылки от евреев Швеции.

К концу 1942 года часть пленных евреев выделили в несколько рабочих команд, которые жили и работали отдельно от других. Из воспоминаний: "До конца жизни сохраню благодарность к моим безвестным братьям, разыскавшим меня в финских снегах... Раввин местной общины посетил еврейский лагерь, финские евреи прислали нам на Песах мацу и кашерное вино..." В конце 1944 года пленные вернулись домой; некоторые из них остались в Финляндии – среди них было и несколько евреев.

***

Известно множество случаев, когда командиры и комиссары кончали жизнь самоубийством, чтобы не попасть в плен; среди них было немало евреев. Из воспоминаний (в окружении, январь 1943 года): "...командир и замполит саперной роты – оба евреи. Обнялись друг с другом и застрелились. Солдаты сдались в плен, потом добрая половина из плена бежала, попрытались

по погребам у казачек и вылезли, когда мы снова пошли вперед. Один из них и рассказал мне, как было дело".

***

Наиболее "непримиримых и фанатичных противников" среди советских военнопленных посылали в лагерь уничтожения – Заксенхаузен, Бухенвальд, Маутхаузен, Освенцим и Майданек. Туда направляли за побег, за организацию сопротивления и саботаж во время работы; в этих лагерях погибли десятки тысяч бойцов и командиров Красной армии, среди которых было немало евреев. Комендант лагеря Заксенхаузен свидетельствовал после войны: "Для проведения массовых расстрелов русских военнопленных использовалось особое помещение, замаскированное под кабинет врача, в котором были установлены приспособление для измерения роста, таблица для проверки зрения и, кроме того, там находились эсэсовцы, переодетые в белые халаты врачей. Во время измерения роста заключенного убивали выстрелом в затылок через отверстие в измерительной планке. В соседнем помещении проигрывали пластинки, чтобы музыкой заглушить выстрелы..."

Осенью 1941 года в лагере Заксенхаузен уничтожили более 18 000 советских военнопленных – на каждую жертву тратили один патрон, крематорий работал круглосуточно. Из протокола допроса надзирателя этого лагеря: "Сами вы тоже стреляли?" – "Так точно, 636 русских военнопленных я убил собственными руками". – "Когда это было?" – "С сентября по ноябрь 1941 года". – "Фикер участвовал в массовом уничтожении людей?" – "Так точно, он тоже участвовал". – "А Книттлер?" – "Для Книттлера это было само собой разумеющееся дело... Книттлер однажды сказал, что хотел бы пострелять, а затем занялся этим". – "Какие награды вы получили за вашу чудовищную жестокость?" – "Я получил "Крест за военные заслуги" второго класса с мечами".

В октябре 1941 года в Освенциме впервые применили отравляющий газ для уничтожения заключенных – среди первых жертв этого "эксперимента" были 600 советских военнопленных. Из 14 000 бойцов и командиров Красной армии, прошедших через Освенцим, дождалось освобождения около ста человек.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Работа в тылу в годы войны

ОЧЕРК ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Еврейский антифашистский комитет. С. Михоэлс. Помощь евреям всего мира

1

На военном параде 7 ноября 1941 года И. Сталин сказал в своей речи: "Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия

Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!"

Эти слова означали, что подошла пора, когда недостаточно было провозглашать дежурные лозунги; чтобы война стала на самом деле Отечественной, следовало придать ей национальный характер, обратиться к глубинным чувствам русского народа, на долю которого пришлось основная тяжесть той войны. Д. Волкогонов, историк: "Сталину как-то сразу оказалась не очень нужна утопическая коммунистическая идея, и он обратился к великим теням Невского, Донского, Минина, Пожарского, Суворова, Кутузова, стремясь опереться на мощь народного патриотизма. Ему быстро понадобились и церковь, и национальное самосознание, зато совсем ни к чему оказался Коминтерн".

Начали использовать в пропаганде такие позабытые понятия, как "национальная гордость", "отчизна", "священное отечество", "Родина-мать", потеснившие привычные, затертые от бесконечного употребления – "партия большевиков", "коммунизм", "марксизм-ленинизм". Распространяли брошюры о знаменитых полководцах и героических событиях из истории народа. Публиковали сборники стихотворений русских поэтов, прославлявших родину и подвиги неустрашимых предков: "Святая Русь, славян могучий род..." (В. Жуковский), "Ужасен хан татарский был, Но русский меч его убил..." (Н. Языков), "А слава тех не умирает, Кто за отечество умрет..." (Г. Державин), "И двадцать шло на нас народов, Но Русь управилась с гостями..." (Ф. Глинка), "Но, по нашему покрою, Если немца взять врасплох, А особенно зимою, – Немец, воля ваша, плох..." (П. Вяземский).

В июле 1942 года учредили полководческие ордена Александра Суворова, Михаила Кутузова, Александра Невского для награждения командиров Красной армии. К концу 1943 года появился орден Богдана Хмельницкого, чтобы напомнить "о бессмертии славных боевых традиций свободолюбивого украинского народа"; для командиров и матросов Военно-морского флота ввели ордена и медали имени русских адмиралов П. Нахимова и Ф. Ушакова. На экранах страны демонстрировали кинофильмы, переделанные на новый лад. В популярном довоенном фильме "Чапаев" главный герой тонет в реке, сраженный белогвардейской пулей; в новом варианте он благополучно выходит на противоположный берег и говорит зрителям: "Как мы в Гражданскую войну разбили белых, так мы и теперь добьем нашего смертельного врага – немецкий фашизм!"

С. Маршак, поэт (подпись к плакату):

Во время войны ввели в армии и на флоте новую военную форму с погонами – наподобие царской армии, установили форменную одежду для дипломатов, юристов, железнодорожников; в городских школах организовали раздельное обучение мальчиков и девочек, как это практиковалось в дореволюционных гимназиях. И. Эренбург, из воспоминаний: "Каждый день приносил нововведения... Один мой приятель шутя уверял, что скоро придумают мундиры для поэтов, на погонах которых будут одна, две или три лиры – в зависимости от присвоенного звания". Воскресло и стало постоянным в употреблении позабытое слово "Русь". 1 января 1944 года впервые прозвучал по радио – взамен "Интернационала" – новый гимн Советского Союза: "Союз нерушимый республик свободных Сплотила навеки Великая Русь..." Исподволь усиливалась кампания по восхвалению русской науки и культуры, неприметное пока что – с оглядкой на союзников – насаждение антизападных настроений.

На исходе второго года войны большевики распустили Коминтерн, который служил прикрытием для разведывательных служб Советского Союза и с помощью которого Политбюро руководило компартиями всего мира. Старались привлечь на свою сторону мировое общественное мнение, а потому взамен откровенной пропаганды коммунистических идей начали провозглашать единение антигитлеровских сил во всем мире. На митинге в Москве приняли обращение "К угнетенным славянам Европы" – сплотиться в борьбе против нацизма. Создали Антифашистский комитет советских женщин; появились друг за другом Антифашистские комитеты советской молодежи и советских ученых, Всеславянский комитет, – еврейское население тоже не обошли вниманием.

24 августа 1941 года состоялся в Москве митинг "представителей еврейского народа", который транслировали по радио. С момента подписания советско-германского пакта еврейская тема практически не появлялась на страницах газет и в текстах радиопередач; за призывы к объединению евреев всего мира могли отправить за решетку, обвинив в шпионаже или в отказе от классовой борьбы, – и вдруг на всю страну, на весь мир прозвучали на митинге позабытые слова: "еврейская мать", "старый, испытанный в гонениях и унижениях, древний и многострадальный народ", "украинская Лия, минская Рахиль, белостокская Сарра", "братья-евреи во всем мире, мы – единый народ!"

Участники митинга приняли обращение к евреям всех стран – объединиться в борьбе против Гитлера: "Голос пролитой крови требует не постов и молитв, а мести! Не поминальных свечей, а пламени, в котором палачи человечества должны быть уничтожены. Не слезы, а ненависть и сопротивление извергам и людоедам! И не на словах, а на деле! Сейчас или никогда!" Обращение подписали среди прочих С. Михоэлс, П. Маркиш, Э. Гилельс, С. Маршак, И. Эренбург, Д. Ойстрах.

На следующий день в газете "Правда" появился текст этого обращения под заголовком "Братья-евреи всего мира!", а также информационное сообщение: "Взволнованно и страстно звучали речи ораторов. Они призывали евреев всего мира к священной борьбе против фашистских убийц и насильников, заливающих города и села Европы кровью народов". "Правда" напечатала и выступление на митинге писателя И. Эренбурга: "Я вырос в русском городе. Мой родной язык русский. Я – русский писатель. Сейчас я, как все русские, защищаю мою родину. Но гитлеровцы мне напомнили и другое: мою мать звали Ханой. Я – еврей. Я говорю это с гордостью... Евреи, в нас прицелились звери. Чтобы не промахнуться, они нас метят. Пусть эта пометка станет почетной!"

Подобное было невозможно прочитать прежде в газете или услышать по радио, и не случайно этот митинг вызвал отклики евреев Советского Союза: "Голоса Михоэлса, Маркиша, Эренбурга и многих других неслись из репродукторов по всему городу.." – "Впервые вслух произносилось слово "еврей". Впервые открыто обращались к евреям..." – "Прочитал отчет о еврейском митинге с затаенным дыханием. Особенно нравится мне призыв покончить со слезами, с рыданием... Сейчас время действовать. Правильно, сейчас – или никогда!"

В те дни в советских тюрьмах находились двое заключенных, беженцы из немецкой зоны Польши Хенрик Эрлих и Виктор Альтер – видные деятели Бунда. Их арестовали в 1939 году, сразу после того, как СССР присоединил территории Западной Украины и Западной Белоруссии, обвинили в связях с польской контрразведкой и с бундовским подпольем в СССР, летом 1941 года приговорили к расстрелу. Неожиданно смертную казнь заменили на десять лет тюремного заключения, а в сентябре того года Эрлиха и Альтера освободили, привезли в Москву, поселили в гостинице "Метрополь", подкормили-подлечили для восстановления сил и здоровья и предложили возглавить организацию для объединения евреев всего мира на борьбу с фашизмом. В переговорах участвовал нарком внутренних дел Л. Берия, и бывшие смертники сообщали в польское посольство: "Мы имели возможность провести ряд обсуждений с ответственными советскими представителями. В ходе этих обсуждений возникла идея создания Еврейского антигитлеровского комитета".

Эрлих и Альтер намеревались создать независимую международную еврейскую организацию, собирались помогать еврейским беженцам из Польши, оказавшимся на территории СССР, предлагали сформировать в США Еврейский легион, который воевал бы в составе Красной армии, надеялись даже "пробить брешь" в советской системе, чтобы не только коммунисты, но и социал-демократы могли участвовать "в любой общественной деятельности" в СССР.

Поначалу их планы не встречали препятствий: готовили помещение для еврейского комитета в Москве и подбирали будущих его сотрудников, устанавливали связи с еврейскими организациями в разных странах, со дня на день ожидали официального разрешения на открытие комитета, и Эрлих с оптимизмом сообщал в Нью-Йорк: "Представители НКВД вьются вокруг нас необыкновенно. Они надеются использовать наши связи в Соединенных Штатах".

В октябре 1941 года Эрлих и Альтер эвакуировались в Куйбышев, встречались с иностранными посланцами в СССР, готовились к выезду за границу, но внезапно всё закончилось. В начале декабря их задержали "на основании распоряжения из Москвы" и поместили в одиночные

тюремные камеры; имена заключенных запретили разглашать в служебной переписке, а потому в документах их именовали по номерам – "камера N 41" и "камера N 42".

Из свидетельства сотрудника польского посольства в СССР: "Мне рассказывали, что наш посол С. Кот обратился к замнаркому иностранных дел А. Вышинскому... и попросил освободить Альтера и Эрлиха. Тот ответил, что это совершенно невозможно – оба были немецкими шпионами. Посол напомнил Вышинскому, что они известные всему миру социалисты, вдобавок евреи, а потому не могли быть шпионами Гитлера. На это Вышинский сказал, что Троцкий тоже был еврей и социалист, а оказался на деле германским шпионом. Что оставалось делать послу?.."

На Западе ничего не знали о судьбе лидеров польского Бунда; Москва хранила молчание несмотря на многие протесты, и советские дипломаты докладывали из Нью-Йорка: "Местные реакционные еврейские организации... ведут разнузданную кампанию, направленную против Советского Союза". В мае 1942 года из Куйбышева доложили в столицу, что заключенный "Эрлих Герш-Вольф Моисеевич повесился на оконной решетке" в тюремной камере.

В начале 1943 года, после победы под Сталинградом, престиж Советского Союза был чрезвычайно высок во всем мире; возможно, по этой причине Москва и выбрала удобный момент, чтобы заявить о судьбе заключенных. В феврале того года наркомат иностранных дел подготовил официальную ноту об их казни, которая якобы состоялась в декабре 1941 года по приговору суда; была названа и причина расстрела: "В октябре и ноябре 1941 года Эрлих и Альтер систематически вели предательскую деятельность, призывая войска прекратить кровопролитие и немедленно заключить мир с фашистской Германией". В. Молотов сообщил наркому внутренних дел Л. Берии: "Товарищ Сталин одобрил этот текст".

Однако Альтер был еще жив, и через несколько дней после появления официальной ноты последовало донесение из Куйбышева заместителю наркома НКВД ("совершенно секретно, только лично"): "Доношу, что Ваше распоряжение о расстреле арестованного N 41 выполнено... Все документы и записи... изъяты. Вещи сожжены".

Сразу после задержания Х. Эрлих с недоумением жаловался в Москву, не понимая причин их ареста: "Все наши предложения были полностью одобрены. Был намечен и состав президиума комитета: я – председатель, народный артист СССР Михоэлс – вице-председатель, Альтер – секретарь..." Недоумение Эрлиха было естественным, однако трудно – а порой невозможно – разобраться в мыслях и поступках неограниченного диктатора. Сталин, по всей видимости, не мог допустить, чтобы существовал независимый еврейский комитет во главе с идейно чуждыми социалистами-бундовцами. Нужно было создать советскую еврейскую организацию с ее беспрекословным подчинением лидерам партии и правительства, – так появился на свет очередной антифашистский комитет.

15 декабря 1941 года С. Михоэлс получил официальную телеграмму из Совинформбюро: "Вы утверждены председателем Еврейского антифашистского комитета. Просьба держать с нами непосредственную повседневную связь".

3

Из воспоминаний дочери С. Михоэлса: "В захваченных городах развешивали портреты Михоэлса с надписью: "Так выглядит еврей!" Немецкая радиостанция на какой-то из оккупированных территорий уже объявила... что "недалек тот час, когда мы сотрем с лица земли кровавую собаку Михоэлса!"..."

Соломон Михоэлс – главный режиссер Московского государственного еврейского театра (ГОСЕТ), народный артист СССР – был самым знаменитым деятелем еврейской культуры в Советском Союзе. Театр эвакуировали в Ташкент; Михоэлс одновременно руководил ГОСЕТом и Узбекским театром оперы и балета, нагрузка была огромной, и в его распоряжение предоставили лошадь с тележкой и старого узбека-кучера, который каждое утро стучал в дверь и говорил: "Сулейман, моя пришла!"

Тележка медленно двигалась по улицам Ташкента, а следом длинной процессией шли люди – прием посетителей продолжался. "И какой прием! И какие просьбы! – вспоминала А. Потоцкая, жена Михоэлса. – Тут был и сульфидин для тещи, и очки для слепнувшего отца, и прикрепление к столовой N 5 жены, приехавшей из другого эвакуопункта, и струна "ля" для какого-то горемычного работника оркестра... Разве можно перечислить всё разнообразие горя и просьб?"

Нет! Невозможно! Просители додумались до того, что подарили Михоэлсу чернильницу и самодельную ручку – обструганную лучинку с пером, привязанным к ней суровой ниткой. Это "вечное" перо было сделано руками жаждущих подписи Михоэлса и бесконечно верящих в его сердце и силу".

Надо было не только выслушивать людей, а потому он садился к телефону и начинал звонить: "Здравствуйте. Говорит Михоэлс. Очень нужно лекарство. Да-да. Всё понимаю. Я не совсем идиот, и все-таки прошу..." Каждый что-то просил, каждому надо было помочь, и он снова брал телефонную трубку: "Здравствуйте! Говорит Михоэлс..." Когда ГОСЕТ вернулся из эвакуации в Москву, к нему продолжали приходиться за помощью: "В театре стали появляться какие-то люди, – вспоминал очевидец. – Они сидели в очереди, как к зубному врачу". Это Михоэлс сказал однажды: "Я обвешан судьбами". И он же: "Иногда мне кажется, что я один отвечаю за весь мой народ, не говоря уже о театре... Почета в этом маловато, а вот силы нужны немыслимые". И. Эренбург: "К Михоэлсу обращались с просьбами тысячи людей – в их глазах он оставался мудрым ребе, защитником обиженных..." В. Зускин, артист ГОСЕТа: "В письмах евреи обращались к Михоэлсу как к своему заступнику. Не случайно поэтому на конвертах иногда писали: "Москва. Кремль. Вождю еврейского народа С. М. Михоэлсу..."

В дополнение к прежним своим обязанностям Михоэлс стал председателем Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Работой всех антифашистских комитетов руководило Советское информационное бюро (Совинформбюро); его сотрудники утверждали речи на митингах, встречи с иностранцами, статьи, письма и телеграммы, посылаемые за границу, но самые важные вопросы решали в ЦК партии и в Политбюро. Москва придавала огромное значение общественному мнению на Западе для сплочения антигитлеровских сил и сбора средств в помощь Советскому Союзу; как утверждал Н. Хрущев, "Совинформбюро и Еврейский антифашистский комитет при нем считались незаменимыми для интересов нашего государства, нашей политики и Коммунистической партии".

Во главе Совинформбюро стоял секретарь ЦК партии по пропаганде А. Щербаков – по оценке знающих лиц, "один из самых гнусных типов вокруг Сталина во время войны"; практической деятельностью информационного бюро руководил еврей С. Лозовский, заместитель наркома иностранных дел, который определил возможности Еврейского антифашистского комитета: "При очень небольшой работе мы можем получить на миллионы долларов медикаменты и теплые вещи для Красной армии и для эвакуированного населения".

В апреле 1942 года ответственный секретарь ЕАК Ш. Эпштейн доложил начальству, что первый еврейский митинг в Москве вызвал бурные отклики среди евреев всего мира: даже "такие бывшие враги советской власти, как доктор Хаим Вейцман – президент мировой организации сионистов, М. М. Усышкин – глава сионистского Национального фонда, Ицхак Бен-Цви – председатель еврейского Национального совета Палестины, приветствовали московский митинг... и призывают евреев всего мира... помогать Советскому Союзу". Этот довод оказался, очевидно, решающим, и 24 мая 1942 года в Москве прошел второй еврейский митинг. Михоэлс сказал в своем выступлении: "Братья-евреи во всем мире!.. Сейчас недостаточно одних лишь слов сочувствия. Ваши танковые колонны, ваши эскадрильи самолетов – вот чем вы можете и должны помочь". На митинге приняли обращение: "Братья-евреи всего мира! Соберем деньги, закупим тысячу танков, пятьсот самолетов и пошлем их Красной армии!.. Под знамена свободы! К оружию!"

Через несколько дней после митинга состоялся первый пленум Еврейского антифашистского комитета. В состав комитета вошли писатели Д. Бергельсон и И. Эренбург, поэты С. Галкин, Л. Квитко, П. Маркиш, И. Фефер, композиторы А. Крейн и И. Пульвер, скрипач Д. Ойстрах, пианист Э. Гилельс, академик Л. Штерн, врач Б. Шимелиович, генерал-майор Я. Крейзер, командир подводной лодки капитан И. Фисанович и другие. Официальным органом ЕАК стала газета "Эйникайт" ("Единение"), единственная во время войны газета на идиш, которая выходила три раза в месяц; кроме общей информации печатали в "Эйникайт" письма евреев с фронта, вели постоянные рубрики "Наши герои", "Наши ученые", "Сыны и дочери еврейского народа".

Руководители партии рассматривали Еврейский антифашистский комитет как обычную пропагандистскую организацию с послушными руководителями, контролировали их связи с зарубежными организациями и ставили одну лишь задачу – укреплять "международную еврейскую солидарность" для оказания помощи Советскому Союзу. Но действительность

нарушала эти планы. Гибель евреев на оккупированных территориях, бедствия беженцев, проявления антисемитизма в тылу, тысячи писем с просьбой о помощи пробуждали у членов ЕАК обостренные национальные чувства, чувства ответственности за свой народ, ибо многие евреи считали их своими представителями, "единственным еврейским адресом", к которому можно было обратиться.

Уже на первом пленуме ЕАК проявились разногласия между его участниками. Одни из них придерживались официальной установки властей, а другие надеялись превратить комитет в национальную общественную организацию, чтобы бороться с антисемитизмом, помогать евреям в тылу, публиковать сведения о героизме еврейских бойцов и командиров на фронтах войны, собирать свидетельские показания о зверствах нацистов на оккупированных территориях. В начале 1943 года, на втором пленуме ЕАК, разногласия еще более обострились; одни говорили: "Нам нужно прийти на помощь многим и многим", другие им возражали: "Мы не призваны к устройству эвакуированных... Работа за границей остается основной нашей задачей".

И. Эренбург, из выступления: "Незачем было создавать Еврейский антифашистский комитет ради пропаганды против фашизма... ибо евреи меньше всего нуждаются в антифашистской пропаганде... Главная задача ЕАК – борьба с антисемитизмом у нас в стране".

4

В июне 1943 года С. Михоэлс и И. Фефер прилетели в Нью-Йорк по приглашению Фонда военной помощи России и Американского комитета еврейских писателей, артистов и ученых. Цель поездки определили в Москве: укрепить просоветские настроения в многочисленной, политически влиятельной еврейской общине США, увеличить среди американских евреев сбор средств для Красной армии. Перед отъездом Михоэлс и Фефер получили подробные указания по поводу предстоящих выступлений, а также запрещение устраивать незапланированные заранее встречи без согласия советских дипломатов.

Они проехали по многим городам США, и везде на их выступления приходили американские евреи. Михоэлс привлекал всеобщее внимание – знаменитый артист, один из немногих посланцев малопонятной, вызывающей интерес страны Советов, которая вела войну с фашизмом; он притягивал слушателей актерским талантом, его успех на выступлениях и реакция слушателей превосходили всяческие ожидания. В Сан-Франциско пришли на митинг десять тысяч человек, в Лос-Анджелесе – семь тысяч; в Нью-Йорке собрались на стадионе пятьдесят тысяч: негритянский певец П. Робсон произнес кадиш – поминальную молитву по погибшим, исполнил песни по-русски и на идиш; вслед за Михоэлсом и Фефером выступали лидеры американского еврейства и крупные общественные деятели США, которые призывали президента Ф. Д. Рузвельта незамедлительно открыть Второй фронт.

Из воспоминаний переводчицы: "Однажды – кажется, в Чикаго – Михоэлс настолько взволновал аудиторию и вызвал такой энтузиазм, что после его выступления толпа бросилась к импровизированной деревянной платформе, на которой он выступал, и в этой давке Михоэлс провалился сквозь треснувшие доски и сломал ногу... Пока он находился в больнице, каждый день к нему выстраивались длинные очереди посетителей – кто с солеными огурчиками, кто с селедочкой, кто с национальным еврейским блюдом... Вид Михоэлса с забинтованной ногой особенно драматизировал его выступления... Я не знаю ни одного слова на идиш. Понимала лишь: Сталинград, Бабий Яр, фашизм... Но и всё остальное было мне понятно, я читала это на лицах присутствующих – то слушатели вдруг заплачут, то раздаются стоны, а Михоэлс нагнетает и нагнетает эмоции... Что творилось по окончании его выступления – трудно передать словами... Собирали деньги, драгоценности, одежду, медикаменты, и всё это в огромных количествах направлялось в Советский Союз".

Из письма Михоэлсу американской школьницы: "Я понимала вашу речь на идиш, потому что я дочь евреев из России, родившаяся в Америке... Мы, американские дети, восхищаемся русскими людьми и уважаем за их отважную борьбу. Все мы обрадуемся миру, который наступит, когда Германия и Япония будут стерты с карты". Из доклада Совинформбюро в ЦК партии: "Приезд делегации Еврейского антифашистского комитета сыграл довольно значительную роль в изоляции антисоветских элементов".

Посланцам страны Советов задавали вопросы о положении евреев в СССР, на которые трудно было ответить. В таких случаях Михоэлс прибегал к иносказанию: "Когда горит дом, нужно в первую очередь думать, как погасить пожар, а уж потом думать о том, как вставить окна и двери".

Михоэлс и Фефер встречались с учеными, писателями, художниками, актерами; их принимали А. Эйнштейн, Л. Фейхтвангер, Т. Манн, Ч. Чаплин, М. Шагал; с согласия В. Молотова им даже позволили встретиться с лидером сионистского движения Х. Вейцманом, который расспрашивал о состоянии еврейской культуры и религии в СССР, об отношении советских евреев к сионизму. Затем они побывали в Мексике и Канаде, на обратном пути провели несколько недель в Англии – везде слушали их выступления, собирали деньги для борьбы с фашизмом.

Они вернулись в Москву в декабре 1943 года, и Михоэлс докладывал в Совинформбюро: "Можем сказать, что через нас прошло не менее полумиллиона слушателей... Были минуты трогательные, когда стояли целые очереди людей с тремя-пятью долларами, чтобы лично вручить их нам, с долларами, сэкономленными большим трудом. Прибежала женщина со ста долларами, которые она скопила за целую жизнь, и сказала: вот, возьмите всё, что есть... Женщины срывали с себя драгоценности, срывали часы, отдавали деньги – все, которые были".

5

Сбор средств для Советского Союза проводили во многих странах мира независимо от национальности их жителей; еврейские общины на всех континентах рассматривали свои пожертвования как "национальный подарок" Красной армии, сражавшейся с фашизмом. К лету 1944 года евреи Канады собрали около 100 000 долларов, небольшая еврейская община Кубы – более 50 000 долларов, из Уругвая направили 10 000 пар обуви, еврейский комитет в Южной Африке обязался собрать 1 миллион долларов и отправил в СССР 2000 тонн продовольствия; несколько сот евреев Колумбии пожертвовали 6000 долларов, из Аргентины прислали продукты, одежду и медикаменты на 500 000 долларов, из Австралии – транспорт полушубков для бойцов Красной армии.

Еврейский фонд для Советской России в Англии собирал средства на санитарные автомобили и рентгеновские установки, Еврейская лига помощи Советскому Союзу в Мексике передала 1 миллион песо на военные нужды, Еврейский совет Фонда военной помощи России собрал в США свыше 10 миллионов долларов, – лишь из Чикаго отправили 1 миллион комплектов одежды и 100 000 часов для бойцов Красной армии. За годы войны евреи всего мира собрали 45 миллионов долларов – большую по тем временам сумму.

В 1942 году еврейская благотворительная организация Джойнт договорилась с польским эмигрантским правительством в Лондоне и отправила десятки тысяч посылок с продовольствием, одеждой, обувью и медикаментами польским беженцам, оказавшимся на территории СССР. В Москве были заинтересованы в контактах с американскими организациями, а потому разрешили получение этих посылок, взимая за них высокие пошлины. Во время пребывания в США С. Михоэлс и И. Фефер вели переговоры с руководителями Джойнта, после чего эта организация выделила 500 000 долларов и направила в СССР около 100 000 продовольственных и вещевых посылок. Джойнт намеревался распределять посылки среди советских евреев, но Москва на это не согласилась; договорились в конце концов, что помощь выделяют для граждан любой национальности, однако направят ее в районы Советского Союза со значительным еврейским населением.

Джойнт не мог контролировать распределение посылок; его представителей в СССР не пустили, и в конце 1944 года руководители ЕАК жаловались И. Молотову, что "еврейское население, за весьма редким исключением... ничего не получает" из присылаемой помощи. Молотов приказал проверить распределение посылок и сделал приписку на жалобе ЕАК: "Еврейский антифашистский комитет создан не для этих дел, и Комитет, видимо, не вполне правильно понимает свои задачи". По окончании войны Джойнт отправил в СССР пенициллин и медицинское оборудование на полтора миллиона долларов. Вскоре после этого Москва объявила Джойнт шпионской "организацией, созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах".

После первого еврейского митинга в Москве была создана в Эрец Исраэль внепартийная Лига за победу Советской России. Ее сокращенное название Лига "V" ("V" – victory – знак победы); одним из ее основателей был писатель А. Цвейг, эмигрировавший из Германии. В состав Лиги входило 2500 человек; она организовывала собрания и митинги, собирала пожертвования и летом 1942 года передала советскому послу в Лондоне чек на 10 000 фунтов стерлингов для строительства бомбардировщиков и танков. Партийное руководство в Москве разослало секретное разъяснение по этому поводу, в котором было сказано среди прочего: "Сионисты... включили в устав Лиги оговорку о том, что в своей работе Лига будет стремиться заручиться "сочувствием Советского Союза делу сионизма". Несмотря на эту глупую оговорку, Лига делает хоть и маленькое, но полезное дело".

Затем Лига "V" собрала еще 20 000 фунтов стерлингов, приобрела два санитарных автомобиля для перевозки раненых и передвижной хирургический кабинет. На пути их следования устраивали торжественные встречи в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, а затем автомобили проделали путь в две тысячи километров в Тегеран – через Заиорданье, Сирию и Ирак, где их передали советским представителям. Отправили также транспорт шерстяных вещей, две тонны брома, еще три санитарных автомобиля; по просьбе из СССР приобрели на собранные средства 500 000 перевязочных пакетов, хирургические инструменты, медикаменты, медицинское оборудование и дезинфекционные камеры для Красной армии. Еврейский антифашистский комитет прислал приветствие съезду Лиги "V": "Мы идем по стопам советских Макавеев и боремся в рядах антигитлеровской коалиции... Барьер пал. Вновь мы объединены. Одно сердце. Одна душа. Одна воля и одна надежда. Враг будет уничтожен". (Из книги "Еврейский народ против фашизма" (Москва, 1945 год): "Палестина собрала около 750 000 долларов и отправила в Советский Союз несколько прекрасно оборудованных амбулансов, а также транспорты ценных медикаментов для Красной армии".)

В начале 1944 года в Москве открылась выставка продуктов еврейских земледельческих поселений в Эрец Исраэль, однако дружеские отношения продолжались недолгое время. Лига "V" стояла на сионистских позициях; советские дипломаты докладывали об "антисоветской сущности" этой организации, а потому ее отношения с Москвой постепенно ухудшались, – в 1944 году деятели Еврейского антифашистского комитета сообщили Лиге, что они ставят под вопрос продолжение совместных контактов.

В конце того года Всемирный еврейский конгресс пригласил представителей ЕАК участвовать в чрезвычайной конференции, чтобы обсудить вопрос о послевоенной помощи евреям Европы. Власти в Москве не дали на это согласия и сообщили президиуму ЕАК: "Выяснилось, что конференция будет чисто сионистская. Мы поэтому дипломатически ответили, что не можем послать делегацию... ибо все видные представители нашего комитета заняты в освобожденных районах".

6

2 апреля 1944 года состоялся в Москве третий и последний в годы войны еврейский митинг, который транслировали по радио. Сцена Колонного зала Дома Союзов была украшена портретом Сталина, в президиуме находились руководители Еврейского антифашистского комитета, фронтовики, партизаны; среди выступавших был и раввин московской хоральной синагоги Ш. Шлифер. Он начал выступление со слов: "Сыны Израиля!" и упомянул в своей речи "всех врагов еврейского народа, начиная с самых древних времен": фараона, Амалека, Амана, вплоть до Гитлера, который всех "превзошел", – "да будет проклято его имя и сотрется память о нем!"

Из выступления раввина Шлифера: "Я обращаюсь к вам как отец, чей единственный сын в первые же дни войны добровольно сменил книгу на меч... и пал жертвой на поле битвы этой священной войны. Я обращаюсь к вам как раввин московской общины. Братья мои в беде! Я призываю вас к единству, к мести во имя Бога Израиля, как сказано: Господь наш – Бог мести. Мы, религиозные евреи Советского Союза, молимся в наших молитвенных домах и просим: Бог мести, яви лицо Свое и отомсти!.."

Это было время наступления Красной армии, когда на освобожденных территориях стали известны подлинные размеры уничтожения еврейского народа. А потому призывы к мести прозвучали во многих выступлениях на том митинге: "Детубийцам не жить...", "Горе тому, кто

забудет! Горе тому, кто простит!..", "Да будет наша ненависть едкой, как соль, и длинной, как жизнь...", "Убей немца, пока он не убил тебя...", "И захлебнутся враги в собственной крови, а народ израильский останется жить..." В газете "Правда" напечатали отрывки из выступления И. Эренбурга: "Красная армия идет на Запад. Это идет суд... Немцы думали, что евреи – это мишень. Они увидели, что мишень стреляет".

Ни одно собрание не обходились без славословий товарищу Сталину – не избежали этого и на еврейском митинге: "Величайший человек современности... Организатор наших побед на фронте и в тылу... Гениальный полководец, ведущий страну от победы к победе..." (В 1943 году Сталин стал маршалом, в 1945 году – генералиссимусом, получил звание Героя Советского Союза.)

Еще в годы войны руководителей Еврейского антифашистского комитета обвиняли в том, что они занимаются "политически вредной" деятельностью, преувеличивают свою роль в жизни страны, "присвоили себе право выступать от имени всего советского еврейства..." – это были первые признаки будущих гонений. В июне 1945 года, сразу после победы, ЕАК попытался созвать в Москве очередной еврейский митинг, но разрешения на это не получил. Через год после этого специальная партийная комиссия предложила распустить Еврейский антифашистский комитет, так как его руководство "оказалось в плену буржуазной сионистской идеологии". Подготовили проект постановления о закрытии комитета, всё было готово для его ликвидации, однако власти, по всей видимости, полагали, что комитет может еще принести некую пользу, и он просуществовал недолгое время.

20 ноября 1948 года ЦК партии принял решение – "немедля распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот Комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки... Пока никого не арестовывать". На следующий день провели обыск в здании ЕАК и в редакции газеты "Эйникайт"; еще через несколько дней закрыли еврейское книжное издательство "Дер Эмес" ("Правда"). Из воспоминаний: "Они ломали в типографии наборные кассы, они всё уничтожали. Рукописи, которые мы не успели даже рассмотреть, а некоторые только что приняли к печатанию, – они всё жгли, всё рвали, всё уничтожали. Не люди, а варвары, я повторяю: варвары, которые напали на мирное село и всё разграбили". Указание "пока никого не арестовывать" продержалось недолго, и вскоре многие деятели ЕАК оказались за решеткой. Следственные органы заблаговременно разработали "Дело Еврейского антифашистского комитета"; в обвинительном заключении было сказано, что "главари" ЕАК превратили его "в шпионский и националистический центр, враждебный идее дружбы народов и коренным интересам трудящихся евреев СССР".

В августе 1952 года были расстреляны писатели и поэты Д. Бергельсон, Д. Гофштейн, Л. Квитко, П. Маркиш, И. Фефер; тогда же казнили актера В. Зускина, бывшего заместителя начальника Совинформбюро С. Лозовского, главного врача московской больницы имени С. Боткина Б. Шимелиовича, сотрудника Совинформбюро И. Юзефовича, журналистов И. Ватенберга и Л. Тальми, переводчиц Ч. Ватенберг-Островскую и Э. Теумину. Члены ЕАК С. Брегман, Дер Нистер, И. Добрушин, И. Нусинов, Ш. Персов, Э. Спивак погибли в заключении.

***

Из воспоминаний литовского еврея: "В 1942 году я был заключенным в Печорлаге в Сибири. Тысячи умирали там от холода, болезней, голода, и обращение с нами было самое жестокое. Однажды утром меня пригласили в контору. Два офицера высокого чина вежливо предложили сесть, отдохнуть, угостили чаем с печеньем... Затем так же вежливо они поинтересовались моим мнением о положении в стране и результатах войны. Я проглотил горячий чай и сказал: "Это святая война, и мы должны разгромить фашистов". – "А каково ваше мнение о евреях?" – "О евреях? Станный вопрос. Нацисты убивают мой народ по всей Европе. Нацизм должен быть уничтожен". – "Если это ваше мнение, – сказал один из офицеров, – вы, очевидно, не откажетесь подписать этот документ". Он положил лист бумаги на стол, и я прочитал текст. Это было обращение к мировому еврейству оказать Советскому Союзу материальную помощь в борьбе против нацизма. Естественно, я его подписал... После этого офицер похлопал меня по

плечу и сказал, что, вне всякого сомнения, мои страдания скоро закончатся, меня освободят из заключения, – разве мы теперь не союзники?.." (Этот литовский еврей отсидел свой срок до 1947 года, а затем его отправили в ссылку.)

***

Во время переговоров С. Михоэлса и И. Фефера с еврейскими общественными деятелями США возникло предложение – по окончании войны переселить евреев в Крым при финансовой поддержке Джайнта. Эта тема обсуждалась затем в Москве; В. Молотов, Л. Каганович и К. Ворошилов якобы собирались поддержать план создания Еврейской республики в Крыму, а потому в начале 1944 года руководители Еврейского антифашистского комитета направили письмо И. Сталину. В нем было сказано: "С целью полного уравнивания положения еврейских масс среди братских народов мы считаем своевременной и целесообразной... постановку вопроса о создании Еврейской Советской Социалистической республики" в Крыму. Писатель Д. Бергельсон говорил: "Надо решительно действовать, потом будет поздно... Такой момент больше не повторится... Не сомневаюсь, что мы превратим Крым в жемчужину". Против этого плана выступал И. Эренбург, который считал, что евреи должны вернуться из эвакуации в свои дома, а также П. Маркиш, предлагавший расселить евреев в Поволжье, откуда в начале войны выслали местное немецкое население; он называл это актом "величайшей исторической справедливости". Красная армия освободила Крым в апреле 1944 года, а через месяц оттуда выселили всё татарское население, болгар, греков, немцев; освобожденные территории стали заселять жителями Украины, Белоруссии и РСФСР, а письмо ЕАК сдали в архив. "Крымский проект" всплыл в 1952 году на судебном процессе деятелей Еврейского антифашистского комитета; среди прочего их обвинили в заговоре – отделить Крым от Советского Союза и сделать его плацдармом для вражеского нападения. Тринадцать подсудимых были расстреляны.

***

Х. Хазанов, пятеро его сыновей и дочерей воевали в партизанском отряде; попав в Москву, он прежде всего попросил достать ему талес и молитвенник, чтобы по всем правилам помолиться Всевышнему. Из речи Хазанова на еврейском митинге (1944 год): "Я – партизан. Зовут меня Хаим-Ари Хазанов. Я из Климовичей, в Белоруссии. Всю жизнь свою работал на кирпичном заводе. Мне уже около семидесяти лет. И о себе могу сказать словами Священного Писания: "Я человек, видевший горе"... Гитлеровские разбойники убили мою жену, убили самую младшую дочь, умертвили моего сына... Два года пробыл я в лесах... Часто бывали мы голодны, но всегда насыщались мезью к гитлеровским бандитам. У нас не бывало воды, чтобы утолить жажду, но мы всегда имели достаточно пуль, чтобы всадить их в мерзкое немецкое сердце. Мы взрывали в тылу врага мосты, жгли воинские эшелоны, травили ядом лошадей у немцев, косили немецких солдат... Я дрался с оружием в своих старых руках. Я выполнял завет отцов: "Кто пришел тебя убить – убей его раньше"... Евреи всех стран! Братья и сестры! Дети мои! Помогите бить кровавого врага еврейского народа и всего человечества... Пусть ваше сердце не успокоится, пока все гитлеровские банды не станут грудой мертвых тел. Слушай меня, Ице-Вели, шури мой в Балтиморе! Слушай меня, Ноэх, брат мой в Филадельфии! Слушай меня, Моисей, младший брат мой в Яффе! Вы узнаете мой голос? Это я, Хаим-Ари, обращаюсь к вам... Не жалеете ничего для борьбы с проклятыми фашистами!.. Вы слышите мой зов, братья мои, сыны еврейского народа! Слушайте и действуйте!"

ОЧЕРК ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

1

Предвоенная атмосфера в стране с ее карательной цензурой и неслухом прославлением "вождя народов" удушала творцов и их творения, создаваемые по канонам социалистического реализма. Каждого, даже самого послушного писателя, художника, режиссера могли обвинить в "политической двусмысленности", в "искажении советской действительности" и отстранить от издательства, театра, выставочного зала. За каждым актером, поэтом, композитором незримо надзирали с портретов-плакатов-транспарантов – голова к голове – корифеи "единственно верного учения", возведенные в ранг неприкосновенных. За каждым надзирали и бдительные чиновники, которые не допускали отклонений от утвержденных установок партии и правительства.

Было тревожно, страшно, неустойчиво. Были потеряны всяческие ориентиры в мире доносительства, шпиономании, взаимного недоверия. И неожиданно для всех началась война, стремительное наступление немецких армий, ошеломляющие поражения на фронтах, паническая эвакуация Москвы, – рушилась налаженная жизнь, нерушимая вера в неприступность границ, привитая с детства, вера в мудрого вождя, который думал о всех и за всех. Следовало теперь самим сопоставлять, оценивать, разбираться в том, что происходило на их глазах, – творческая элита страны, вскормленная советской властью на преданное, казалось, служение, растерялась, заговорила шепотом, с оглядкой, в присутствии особо доверенных лиц. Их разговоры запоминали и сообщали секретные сотрудники, их высказывания ложились на столы высшему начальству в сообщениях НКВД: "Подумайте, двадцать пять лет советская власть, а даже до войны люди ходили в лохмотьях, голодали... Для чего было делать революцию..." (Ф. Гладков) – "Нас отучили мыслить. Если посмотреть, что написано за эти два года, то это сплошные восклицательные знаки..." (К. Федин) – "Так дальше не может быть, так больше нельзя жить, так мы не выживем..." (Н. Погодин) – "У нас такой же страшный режим, как в Германии... Всё и вся задавлено... Мы должны победить немецкий фашизм, а потом победить самих себя..." (И. Уткин) – "Народ, вернувшийся с войны, ничего не будет бояться..." (А. Толстой).

Вс. Иванов, писатель (1942 год, из дневника): "Сейчас, оглушенные резким ударом молота войны по голове, мы пытаемся мыслить, – и едва мы хотим высказать эти мысли, нас называют "пессимистами", подразумевая под этим контрреволюционеров и паникеров. Мы отучились спорить, убеждать. Мы или молчим, или рычим друг на друга, или сажаем друг друга в тюрьму..."

Та война выявила не только бездарность жестокого режима, правившего страной, но и истинного – не надуманного – врага, которого следовало победить любой ценой. Из воспоминаний современника: "Даже те из нас, кто знал, что наше правительство безнравственно, что СС и НКВД отличаются разве только языком общения, и кто презирал лицемерие коммунистической политики, чувствовали, что мы должны бороться".

2

В 1941 году погибли на фронте писатель Е. Зозуля и литературовед А. Роскин; поэт В. Аврущенко попал раненый в плен и был расстрелян. В 1942 году погиб писатель Б. Ивантер из фронтовой газеты "Врага – на штык!"; под Харьковом был убит поэт Д. Алтаузен, корреспондент газеты "Боевая красноармейская", который написал незадолго до гибели:

Был ранен, а затем погиб поэт И. Уткин. Погибли на фронте поэты и прозаики на языке идиш Ш. Гельмонд, Ш. Годинер, М. Винер, Х. Левин, Ш. Росин и другие. Воевали и были тяжело ранены поэты М. Грубиян, И. Сельвинский, Б. Слуцкий. Писатель Э. Казакевич прошел за годы войны путь от рядового бойца ополчения до помощника начальника разведки армии. Был ранен

будущий писатель артиллерист Г. Бакланов; воевали на разных фронтах М. Тейф и Э. Шехтман, прошел всю войну от рядового до капитана поэт З. Телесин, был трижды ранен поэт И. Керлер. Воевал в десантных войсках и был четырежды ранен будущий кинорежиссер Г. Чухрай, получил ранение на фронте и будущий скульптор – командир пулеметного взвода В. Сидур. Поэт С. Гудзенко учился в Московском институте философии, литературы и истории, в первый месяц войны ушел добровольцем в армию, был зачислен в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения – исполнилось ему тогда девятнадцать лет. Их готовили для диверсионной работы в тылу врага, обучали подрывному делу, устройству мин и взрывателей: "Караульное помещенье, Замерзающий часовой. Где окопы? Идет ученье. Обучают меня под Москвой..." Семена Гудзенко назначили командиром отделения и первым номером ручного пулемета – вторым номером был будущий поэт Юрий Левитанский. 16 октября 1941 года, в беспокойный для Москвы день, бойцов особого назначения направили в столицу; батальон, в котором служил Гудзенко, занимался строительством рубежа обороны от площади Пушкина до Белорусского вокзала, патрулировал по московским улицам. К тем дням относится запись в его дневнике: "Темная Тверская... На Садовом баррикады. Мы поем песню о Москве..." 7 ноября они прошли на параде по Красной площади с винтовками и рюкзаками за спиной, а через несколько часов после этого выехали на фронт. Из стихотворения Семена Гудзенко "Мое поколение":

Гудзенко воевал под Москвой в составе лыжного отряда, в свободное время вел дневник. Ноябрь 41-го: "Мы в Калининской области. Шестаково – ночуем. Бомбят. Убит командир... В Мотовилове – мальчик, сирота, пришел оттуда. Красивый, 12 лет, лубочный. Взяли в машину. О, сколько сирот! Мстить за таких, мстить!..." Декабрь 41-го: "Пурга. Жжет лицо, валит с лыж... Лежат трупы Краснобаева и Смирнова. Не узнать. Пули свистят, мины рвутся. Бьет наш "максим". Стреляю по большаку..." Февраль 42-го: "Ранен в живот. На минуту теряю сознание. Упал. Больше всего боялся раны в живот, Пусть бы в руку, ногу, плечо... Рана – аж видно нутро. Везут на санях. Потом доехали до Козельска. Там валялся в соломе и вшах... Полечусь и снова в бой..." После госпиталя Гудзенко признали негодным к строевой службе; он стал корреспондентом фронтовой газеты "Победа за нами", прошел вместе со своей бригадой до Чехословакии. Из стихотворения "Перед атакой":

3

С первых дней войны художники и поэты создавали плакаты "Окна ТАСС": "На Москву! Хох! От Москвы – ох!", "Красной армии метла нечисть выметет дотла", "Для немцев страшные вещи: "мешки" и "клещи", "Выступали – веселились, подсчитали – прослезилась". Поэт С. Маршак публиковал сатирические стихи в газетах и в "Окнах ТАСС", которые пользовались популярностью:

А вот из стихотворения Маршака "Юный Фриц, или экзамен на аттестат "зверости":

Писатель В. Гроссман – специальный корреспондент газеты "Красная звезда" – присылал очерки из Сталинграда в самые трудные месяцы обороны города; в 1942 году опубликовали его повесть "Народ бессмертен" о первом годе войны. Из воспоминаний: "Прошли месяцы войны, и Гроссман, человек по натуре сугубо мирный, к тому же по болезни снятый с воинского учета, вполне освоился в боевой обстановке. Он внешне мало изменился, разве что гимнастерка не так топорщилась да под дождем и снегом "уселась" шинель... Много писал Гроссман для "Красной звезды", но не ошибусь, если скажу, что самые сильные, самые впечатлительные были его

очерки о Сталинградской битве. Они принесли ему такую популярность, которая мало с чем сравнима".

Писатель Ю. Либединский, комиссар дивизии ополчения, участвовал в боях, работал затем в армейской газете "Красный воин". Поэт М. Светлов – корреспондент "Красной звезды" – публиковал стихи и очерки, выступал перед бойцами. Во время одного выступления началась бомбежка; Светлов дочитал стихотворение до конца, а потом сказал: "Я только теперь заметил, что в этом стихотворении длинноты".

В центральных, фронтовых и армейских газетах работали писатели и поэты – В. Лидин, С. Гехт, Л. Славин, А. Чаковский, Е. Габрилович, М. Алигер. Писатель Б. Ямпольский провел полгода в партизанских отрядах Белоруссии и присылал оттуда очерки в газеты. В. Инбер жила в осажденном Ленинграде, писала стихи, вела блокадный дневник. Е. Долматовский – корреспондент армейской газеты – был ранен, попал в плен, бежал, снова работал в газетах, участвовал в боях под Воронежем и Сталинградом (снова был ранен), на Курской дуге и в Берлине.

С. Кирсанов – корреспондент армейских газет – руководил бригадой по выпуску "Окон ТАСС", сочинил солдатский лубок "Заветное слово Фомы Смыслова..." А. Кушниров публиковал в армейских газетах серию стилизованных сказок, одна из которых – "Как бабка Василиса угостила немца жареным лаптем". Л. Первомайский, военный корреспондент Всесоюзного радио, написал в 1943 году: "Он тебе и после смерти – враг, Мертвый немец на твоей земле..." Из воспоминаний участника боев под Сталинградом: "Из строя выбыло сразу два пулеметчика... Один из сотрудников армейской газеты быстро лег за пулемет, а его товарищ принялся сноровисто набивать пулеметные ленты патронами... Потом я узнал, что первым номером лег за пулемет заместитель редактора армейской газеты "В атаку!" молодой поэт Марк Гроссман, стихи которого часто печатались в нашей газете..." Из стихотворения М. Гроссмана:

Композитор М. Блантер участвовал во фронтовых концертах, написал популярные песни военных времен – "До свиданья, города и хаты", "Под звездами балканскими", "В лесу прифронтовом", "Песня военных корреспондентов", "Жди меня, и я вернусь. Только очень жди..."; мелодия знаменитой песни Блантера "Катюша" стала во время войны гимном итальянских партизан. Композитор Е. Жарковский служил на Северном флоте, сочинил во время войны много песен, в том числе – "Прощайте, скалистые горы" и "Ласточка-касаточка". С. Кац стал автором песен "Шумел сурово брянский лес", "Сирень цветет", "У самого синего моря"; М. Фрадкин написал "Песню о Днепре", "Дорога на Берлин", "Брянская улица", "Вернулся я на родину", К. Листов – "Ходили мы походами" и "Севастопольский вальс". Популярными стали песни М. Табачникова – "Давай закурим" (слова И. Френкеля) и "Ты одессит, Мишка" (слова В. Дыховичного); на стихи М. Лисянского была создана песня "Моя Москва" – "Я по свету немало хаживал..."

В годы войны кинорежиссер М. Ромм снял фильм "Человек N 217", Ф. Эрмлер – "Она защищает Родину", А. Столпер – "Жди меня", М. Донской – фильмы "Радуга" и "Непокоренные" с эпизодом массовой казни евреев. Вся страна пела песни из кинофильмов предвоенных и военных времен, которые исполнял артист М. Бернес: "Любимый город может спать спокойно...", "Спят курганы темные, солнцем опаленные...", "Шаланды, полные кефали...", "Темная ночь. Только пули свистят по степи..." (две последние песни из кинофильма "Два бойца" – режиссер Л. Луков, по повести Л. Славина).

Джаз-оркестр Л. Утесова выступал на разных фронтах и в осажденном Ленинграде; в репертуаре Утесова были популярные по тем временам песни: "Раскинулось море широко", "Заветный камень", "О чем ты тоскуешь, товарищ моряк", "Дорога на Берлин". Фотокорреспонденты и кинооператоры работали на всех фронтах, и не каждый из них дождался победы. Кинорежиссер Р. Кармен возглавлял фронтовые киногруппы, выпустил фильмы "Разгром немецких войск под Москвой", "Ленинград в борьбе", "Берлин". Кинооператоры И. Вейнерович и Л. Изаксон снимали на фронтах и в партизанских отрядах; С. Школьников участвовал в съемках боевых действий и Парада победы; М. Шнейдеров прошел всю войну, принимал участие в создании фильма "Разгром немецких войск под Москвой", снимал взятие рейхстага. Документальные фильмы Е. Учителя "Ленинград в борьбе" и "Лагерь смерти Клоога" демонстрировались на Нюрнбергском процессе как обвинительные документы.

В альбомах, посвященных той войне, можно увидеть многие работы евреев-фотокорреспондентов – это М. Альперт (фотохроника ТАСС), М. Беренштейн (газета "Красная звезда"), С. Гурарий ("Известия"), Д. Трахтенберг ("Ленинградская правда"), С. Фридланд ("Огонек"), Е. Халдей (фотохроника ТАСС) и другие. В редакции "Красной звезды" поместили на мемориальной доске имена семнадцати корреспондентов газеты, погибших на фронтах войны; среди них – М. Беренштейн, Л. Вилкомир, Л. Иш, Б. Лапин, М. Розенфельд, А. Слуцкий, З. Хащевин, А. Шуэр. Александр Шуэр с боями выходил из окружения под Киевом, награжден посмертно орденом Ленина; фотокорреспондент Леонид Вилкомир получил разрешение провести съемки во время боевого полета и погиб вместе с летчиком (в его походном чемодане обнаружили пару белья и шестнадцать томов Еврейской энциклопедии дореволюционного издания, которые Вилкомир возил с собой по фронтам той войны).

В труппах фронтовых театров и концертных бригад работали многие актеры, среди них – конференсье М. Гаркави, артисты А. Райкин, Л. Милов, Е. Березин (в образе повара Галкина). Писатель В. Поляков руководил фронтовым театром миниатюр "Веселый десант", композитор И. Дунаевский возглавлял оркестр, который давал концерты в действующей армии. Скрипач Д. Ойстрах играл в госпиталях, в блокадном Ленинграде, перед моряками Северного флота. Певец З. Шульман выступал на фронте и перед ранеными в госпиталях. М. Александрович пел романсы и арии из опер – во фраке и лакированных ботинках, чтобы "создать атмосферу концертного зала на передовой линии": "Я пел много. Два-три концерта в день, с переходом из одной воинской части в другую..." Из его воспоминаний: "То тут, то там белеют перебинтованные головы, руки, ноги, кое-кто лежит на носилках в ожидании отправки в госпитали. И сотни глаз, устремленных на тебя с благодарностью, растроганно, просветленно!.. Я знал, что такое успех, что такое любовь публики, но никогда ничего подобного не переживал..."

В августе 1942 года, в блокадном Ленинграде, симфонический оркестр исполнил Седьмую симфонию Д. Шостаковича, посвященную жителям осажденного города. Из прежнего состава оркестра оставалось в живых пятнадцать человек, остальных музыкантов пригласили по радио – они пришли из города и военных частей. У истощенных людей не было сил играть на репетициях, однако они исполнили эту симфонию в переполненном зале; ее транслировали на всю страну, дирижировал руководитель оркестра К. Элиасберг.

4

За годы войны Совинформбюро разослало в заграничные газеты и информационные агентства 135 000 статей; наиболее популярным журналистом в стране и за рубежом был в то время Илья Эренбург, один из активных деятелей Еврейского антифашистского комитета. Его ценили за границу за полемический талант и знание Запада, где он прожил довоенные годы; его дружба с западными писателями, поэтами, художниками способствовала его популярности, – одно лишь американское агентство "Юнайтед пресс" рассылало статьи Эренбурга в 1600 зарубежных газет. 22 июня 1941 года "я написал первую военную статью, – вспоминал Эренбург. – Позвонили из ПУРа (Политического управления Красной армии)... спросили: "У вас есть воинское звание?" – я ответил, что звания нет, но есть призвание: поеду, куда пошлют, буду делать, что прикажут... Никогда в жизни я так много не работал, писал по три-четыре статьи в день... вечером шел в "Красную звезду", писал статью в номер, читал немецкие документы, радиоперехваты, редактировал переводы, сочинял подписи под фотографиями... Чуть ли не ежедневно я выступал по радио – и для советских слушателей, и для французов, чехов, поляков, норвежцев, югославов".

Популярность Эренбурга была огромна. Его имя приобрело всемирную известность. Его статьи перепечатывали фронтовые и армейские газеты, их передавали по радио; многочисленные листовки с его текстами раздавали солдатам на передовых позициях. Осенью 1941 года, когда немцы рвались к Москве, Эренбург напечатал свою знаменитую статью "Выстоять!": "Они наступают потому, что им хочется грабить и разорять. Мы обороняемся потому, что хотим жить... Мы должны выстоять". Летом следующего года, во время отступления Красной армии, он призывал к беспощадности: "Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждешь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь

немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов".

Эренбург написал в годы войны более 1000 статей, очерков, фельетонов для центральной печати и фронтовых газет, более 300 статей для зарубежной прессы, – среди них были и материалы о подвигах евреев на фронте, о евреях-партизанах, о зверствах нацистов над еврейским населением. Он озаглавливал статьи именами оставленных городов: "Киев", "Одесса", "Курск", "Севастополь", чтобы затем, во время наступления, называть статьи именами освобожденных: "Орел", "Курск", "Харьков", "Киев". Он выезжал на различные участки фронта, встречался с бойцами и командирами; по просьбе танкистов Эренбурга зачислили приказом в танковый экипаж – почетным гвардии красноармейцем; его зачисляли в экипажи бомбардировщиков, в орудийные и минометные расчеты, снайперы посвящали ему "личные счета" убитых врагов.

Эренбург получал множество писем, и редактор "Красной звезды" свидетельствовал: "В нашу редакцию на имя Эренбурга каждый день приходили с фронта пачки писем, и к ним часто прилагались трофейные документы. Их было так много, что нашим экспедиторам пришлось завести специальный мешок". Из письма с фронта в газету "Красная звезда" – отклик на статью Эренбурга, в которой он цитировал дневник немецкого карателя: "Прочитав дневник, мы невольно молчали... Каждому из нас как бы слышались стоны замученных и расстрелянных родных нам людей. Мы плакали сухими слезами. Жгучая ненависть сушила нам слезы". В 1941 году вышли сборники статей Эренбурга "Убей!", "Они ответят", "Василиск". В 1942 году – сборники "Ожесточение", "Вперед", трехтомная книга "Война" со статьями военных лет, в 1944 году – "В фашистском зверинце", "Путь к Германии". Дж. Б. Пристли, английский писатель: "С тех пор как я увидел военные статьи Ильи Эренбурга, я читаю их с всё возрастающим восхищением".

Эренбург говорил на митинге: "Фашистов не переубеждают. Фашистов убивают". Он провозглашал в своих статьях: "Горе кормит ненависть. Ненависть крепит надежду..." – "Мы ненавидим немцев не только за то, что они низко и подло убивают наших детей, мы их ненавидим и за то, что мы должны их убивать, что из всех слов, которыми богат человек, у нас осталось "Убей!" Мы ненавидим немцев за то, что они обворовали жизнь". В то жестокое и беспощадное время Эренбург призывал: "Немцев нужно остановить. А немецкую дворню пора высечь. Довольно макаронники с петушиными перьями топтали русскую землю. Все знают, что итальянцы – мастера бегать, пора им об этом напомнить. Пора добить вшивых румын: довольно они грабили нашу землю... Пришли к нам пьяные венгры... Этих пьяных нахалов необходимо убрать... Но главное, ни на минуту нельзя забывать о немцах. Их необходимо остановить. Их необходимо перебить".

Высмеивая фашистских лидеров, Эренбург давал им меткие характеристики: Гитлер – "тирольский шпик", Гиммлер – "первый мясник Германии"; прозвище "колченогий Геббельс" стало нарицательным именем министра пропаганды Германии. Эренбург вспоминал впоследствии: "На войне человеку хочется порой улыбнуться, и я не только обличал солдат Гитлера, я над ними и посмеивался. Кажется, одним из первых я пустил в ход прозвище "фриц". Вот названия некоторых коротких статей (я писал каждый день): "Фриц-философ", "Фриц-нарцисс", "Фриц-блудодей", "Фриц в Шмоленгсе" (Смоленске), "Фриц-мистик", "Фриц-литератор" и так далее – десятки, сотни..."

Из текста плаката военных времен:

"Гитлеровцы часто писали обо мне, говорили, что я толстый, косою, с кривым носом, что я очень кровожаден... – вспоминал Эренбург. – Что я призываю насилловать немцев и убивать немецких детей. В приказе от 1 января 1945 года меня удостоил внимания сам Гитлер: "Сталинский придворный лакей Илья Эренбург заявляет, что немецкий народ должен быть уничтожен". Пропаганда сделала свое дело: немцы меня считали исчадием ада".

Его ненавидели в Берлине, и немцы разбрасывали на передовых линиях листовки для бойцов Красной армии: "Жидовская собака Эренбург кипит". Но его популярность возрастала от года к году; не было, наверно, бойца на фронте, который не читал Эренбурга. "Помню, как на передовой мы разворачивали газеты с его статьями, будто новый ящик с боеприпасами раскрывали"; утверждали даже, что страницы газет со статьями Эренбурга бойцы не

использовали для сворачивания "самокруток", несмотря на нехватку бумаги. Из писем с фронта и тыла: "Илья Эренбург! Боец и богатырь... Вы не вправе молчать. Вы обязаны, да, обязаны писать. В Ваших корреспонденциях мы ищем всё, что нам хочется знать..." – "Вся шкура трясется на немцах, когда они вспоминают Ваше имя. Ведь недаром почти во всех листовках, которые я нахожу на переднем крае, есть Ваше имя..." – "Дорогой писатель с чуткой душой!.. Ваши статьи вызывают одновременно и скорбь и гордость за наш народ... Я назвал Вас Иеремией нашей эпохи..."

А. Верг, английский публицист: "В те трагические времена он, безусловно, проявил гениальную способность перелагать жгучую ненависть России к немцам на язык едкой, вдохновенной прозы; этот рафинированный интеллигент интуитивно уловил чувства, какие испытывали простые советские люди".

В мае 1944 года Эренбурга наградили орденом Ленина. Красная армия подходила к границам Германии, и он утверждал: "Не мстительность нас ведет, – тоска по справедливости... Мы хотим пройти с мечом по Германии, чтобы навеки отбить у немцев любовь к мечу... С нами тени замученных". Красная армия подступала к Берлину, и Эренбург провозглашал: "Мы – не расисты. С уважением и любовью мы подходим к другим народам... Если мы презираем немцев, то не потому, что они – чужеземцы. Мы презираем немцев за их дела, за их мысли и чувства, за те язвы, которые в глазах всего человечества обезобразили Германию".

Война заканчивалась. Москва стремилась укрепить свои позиции в оккупированной Германии, а потому статьи Эренбурга уже не соответствовали новой политике. В апреле 1945 года в "Правде" появилась статья "Товарищ Эренбург упрощает": его обвинили в разжигании ненависти, в недостаточном подчеркивании различия между немецким народом и фашистами. По указанию Сталина Эренбурга перестали печатать, и он вспоминал: "Пожалуй, наиболее сильное впечатление статья в "Правде" произвела на наших фронтовиков. Никогда в жизни я не получал столько приветственных писем. На улицах незнакомые люди жали мне руку..." В последние недели войны к нему обращались многие: "Вы пишете правильно, что Германия есть одна огромная шайка..." – "Великий писатель нашей свободной страны! Вы пишете не для "учителей морали", а для нас, для народа. Мы ждем ваших статей..." – "Дорогой Ильюша... Очень удивлены, почему не слышно вашего голоса. Кто тебя обидел?.. Не унывай, дорогой друг, шуруй так, как ты начал".

5

Поэт Иосиф Уткин начал войну в брянских лесах в августе 1941 года. В походной типографии печатали фронтовую газету "На разгром врага", а в ней его стихи – не для эстетов, не для ценителей поэзии – для солдат и командиров в окопах и землянках, с которыми следовало говорить на понятном им языке, поддерживать и вселять надежды в первые, самые тяжкие месяцы поражений:

Через месяц Уткина ранило, осколком мины оторвало четыре пальца правой руки. Он не обращал внимания на искалеченную руку и требовал, чтобы после излечения его снова отправили на фронт: "Я хочу. Я могу". А пока что в полевом госпитале диктовал новые стихи:

Летом 1942 года Уткин снова попал на Брянский фронт – специальным корреспондентом Совинформбюро. Он писал о солдате на фронте, который "решает судьбу России заодно с судьбою ее поэзии", о храбрости и героизме: "С лютым зверем воевать – Только славу добывать!", о погибшем товарище и его семье: "Он мертв уже. Ему не больно. А их еще... письмом убьют!", "о страшной, беспощадной мести" и неминуемом возмездии: "Настигни и убей!"

Тема причастности к России, к ее судьбе присутствовала, а порой и преобладала в работах еврейских поэтов и писателей в годы войны. И если для одних это была дежурная тема, другие

высказывали продуманное, выстраданное, сокровенное. Из стихотворения И. Уткина "Заздравная песня":

В годы войны на стихи Уткина были созданы песни "Провожала сына мать...", "Я видел девочку убитую...", "Над родиной грозные тучи...", "Если я не вернусь, дорогая..." Поэт И. Сельвинский писал Уткину с фронта в 1943 году: "Вчера на передовой в одном из блиндажей я услышал гармонь и песню на ваши слова: "Ты пишешь письмо мне, моя дорогая, В пылающий адрес войны..." Песня эта очень нравится бойцам, и музыку они подобрали сами... Я быстро уловил мелодию и пел вместе с ними... Пишу вам об этом, так как знаю по себе, как приятно поэту знать, что стихи твои не просто оттиснуты на бумаге, а пошли в жизнь!" 13 ноября 1944 года, возвращаясь с фронта, Уткин погиб в авиационной катастрофе неподалеку от Москвы. Это он сочинил такие строки:

Молодой поэт Павел Коган написал в неоконченной поэме:

Его мало знали в то время – это в будущем станет популярной песня на стихи Когана "Бригантина поднимает паруса...", в будущем начнут цитировать его строки: "Я с детства не любил овал, Я с детства угол рисовал..." Началась война. Павел Коган ушел добровольцем на фронт из литературного института. Писал письма с передовой: "Так вы и существуете рядом – любовь моя и ненависть моя..." – "Очень много видел, много пережил. Научился лютой ненависти..." – "Только здесь, на фронте, я понял, какая ослепительная, какая обаятельная вещь – жизнь... Я верю, что будет всё. И Родина свободная, и Солнце, и споры до хрипоты, и наши книги..."

Из записей жительницы Новороссийска: "Общий любимец – разведчик Павел Коган, большой души человек. Он немецкий знал. Все время за языком ползал..." – "24 сентября 1942 года. Вчера погиб Павел..." Было ему 24 года.

Из статей И. Эренбурга первого года войны (в которых, как он выразился, "удалось сказать долю правды"): "Многие у нас привыкли к тому, что за них кто-то думает. Теперь не такое время... Не говори, что кто-то за тебя думает. Не рассчитывай, что тебя спасет другой..." – "Плохо ли, хорошо ли, но мы жили у себя дома. Немцы несут гибель всем..." – "Мы многого не понимали. У нас были седые люди с душой младенца. Теперь у нас и дети всё понимают. Мы выросли на сто лет..." – "Война – большое испытание и для народов и для людей. Много на войне передумано, пересмотрено, переоценено..."

***

В конце второго года войны секретарь ЦК партии по пропаганде А. Щербаков отстранил от должности Д. Ортенберга, ответственного редактора газеты "Красная звезда". Из воспоминаний Ортенберга: "Я спросил у Щербакова о мотивировке моего освобождения от работы в газете – ведь в редакции спросят. Он ответил: "Вот так и скажите... Без мотивировки". Я мог только догадываться, что истинной причиной увольнения была моя национальность. Месяца за два до моего ухода из "Красной звезды" Щербаков сказал мне буквально следующее: "У вас в редакции много евреев... Надо сократить"...

Эти слова секретаря ЦК ошеломили меня. Я онемел, а потом ответил, что уже сократил спецкоров Лапина, Хацревина, Розенфельда, Шуэра, Вилкомира, Слуцкого, Ишая, Бернштейна. Погибли на фронте. Все они евреи. Могут сократить еще одного. Сказал и, даже не попрощавшись, ушел".

***

После начала войны с Советским Союзом министр пропаганды Й. Геббельс запретил в Германии исполнение классической и современной русской музыки. Затем, в дополнение к этому приказу, запретили на фронте и в тылу "петь русские песни: "Катюша", "Полюшко", "Три танкиста" и другие" ("Катюша" – композитор М. Блантер, "Полюшко-поле" – композитор Л. Книппер, "Три танкиста" – композиторы Даниил и Дмитрий Покрасс).

***

Этот голос узнавала вся страна еще с довоенных времен. Диктор Всесоюзного радио Ю. Левитан передавал по радио сообщения о пуске ДнепроГЭСа, о высадке на льдину группы И. Папанина в районе Северного полюса, о перелете в Америку экипажа самолета В. Чкалова. Левитана называли "голосом Москвы"; он вел репортажи с Красной площади во время парадов и демонстраций, – он передал и правительственное сообщение о нападении Германии на Советский Союз. В военные годы Левитан зачитывал по радио сводки боевых действий "От Советского информбюро", сообщая о сдаче городов, а затем об их освобождении; он же объявил о безоговорочной капитуляции Германии. В послевоенные годы Левитан сообщал по радио о запуске первого искусственного спутника земли, о полете Ю. Гагарина, – жизнь целого поколения прошла под звуки этого голоса, который часто пугал и не очень часто радовал население страны Советов.

Диктор Московского радио В. Герцик совершил сто ночных вылетов на самолете У-2 над расположением немецких войск, читал через усилительную установку призывы на немецком языке к солдатам и офицерам противника.

ОЧЕРК ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Работа в тылу в годы войны. Евреи – руководители производства оборонной промышленности

1

К лету 1941 года в Советском Союзе не было разработанных планов эвакуации предприятий и населения, чтобы воспользоваться ими в чрезвычайных обстоятельствах. И. Сталин не верил, что немцы нападут на СССР в 1941 году, да и военная доктрина Красной армии предполагала быстрый разгром противника на его территории.

В июне 1941 года специальная комиссия Моссовета разработала план "частичной эвакуации населения Москвы в военное время", чтобы при необходимости вывезти в тыл 1 миллион жителей столицы. За две недели до начала войны Сталин начертал собственноручно на этом документе: "Предложение о "частичной" эвакуации населения Москвы в "военное время" считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить. Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию, ЦК и правительство уведомят нас".

Нападение немцев застало страну врасплох, и на третий день войны был создан Совет по эвакуации при Совнаркоме СССР. Вывозу из прифронтовой полосы подлежали в первую очередь промышленное оборудование, цветные металлы, горючее, хлеб, а среди населения – квалифицированные рабочие, инженеры и служащие, молодежь призывного возраста,

ответственные партийные и государственные работники. Всё ценное имущество, сырье, продовольствие, хлеб на корню – указывало постановление – "при невозможности вывоза должны быть разрушены, уничтожены и сожжены". К концу июня 1941 года вывезли из Москвы Алмазный фонд СССР, ценности Оружейной палаты Кремля, запас денежных ассигнаций Государственного банка, драгоценные металлы и камни из Государственного хранилища.

Руководители страны не предполагали в будущей войне воевать на своей земле; многие заводы были построены в Европейской части СССР, а потому оказались в оккупированных областях или в районах боевых действий. Был потерян центр металлургии на Украине, где выплавляли почти 70% чугуна и 60% стали Советского Союза; более половины заводов наркомата вооружения прекратили выпуск продукции, и в армии сразу же ощутили нехватку боевой техники, пороха и взрывчатых веществ. Эвакуировали из Москвы и Первый подшипниковый завод, который выпускал до 90% всех подшипников; пока ввели в действие подшипниковые заводы в тылу, были перебои с этой деталью, без которой невозможно изготавливать танки, самолеты, артиллерийские орудия.

Из послания И. Сталина У. Черчиллю (3 сентября 1941 года): "Мы потеряли Криворожский металлургический бассейн и ряд металлургических заводов на Украине, эвакуировали один алюминийный завод на Украине и другой алюминиевый завод в Тихвине, один моторный и два самолетных завода на Украине, два моторных и два самолетных завода в Ленинграде, причем эти заводы могут быть приведены в действие на новых местах не ранее как через семь-восемь месяцев. Всё это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой".

Маршал Г. Жуков, из воспоминаний (начало 1942 года): "Особенно плохо обстояло дело с боеприпасами... Трудно будет поверить, но нам приходилось устанавливать норму расхода боеприпасов – один-два выстрела на орудие в сутки. И это, заметьте, в период наступления!"

После начала войны началась срочная эвакуация фабрик и заводов на восток страны и перестройка всей промышленности на военные нужды. Это была работа невероятной сложности: демонтаж оборудования и погрузку в вагоны вели круглыми сутками, порой под обстрелом или бомбежками – всё остальное минировали и уничтожали. К концу 1941 года эвакуировали более 2600 промышленных предприятий, в том числе 1500 крупных, среди которых были тракторные, танковые, авиационные заводы и металлургические комбинаты. Вывозили в тыл – на расстояние две-три тысячи километров – оборудование, сырье, топливо, больницы, учреждения, учебные и научные институты, театры, музеи, архивы, а также миллионы людей, что потребовало сотни тысяч вагонов. Железнодорожный транспорт испытывал невероятные нагрузки, чтобы обеспечить перевозки к фронту и в тыл, порой по однопутным дорогам, во время суровой зимы и налетов вражеской авиации, – наступление немецких войск летом 1942 года вызвало новую волну эвакуации.

Общее количество эвакуированных всеми видами транспорта составило не менее 17 миллионов человек. Пассажирских вагонов не хватало; людей везли в товарных вагонах, а то и на платформах вместе с вывозимым оборудованием, и часто не было даже брезента, чтобы укрыться от дождя. На железнодорожных станциях и речных пристанях создали эвакуационные пункты, которые принимали людей, обеспечивали их питанием, медицинской помощью и отправляли дальше. Цепочка эвакуационных пунктов протянулась от прифронтовых районов до отдаленных областей страны; за два года войны лишь через транзитный эвакуационный пункт в Новосибирске прошло 1,5 миллиона человек. В Сибирь перевезли 322 крупных предприятия, в Поволжье – 226, в Среднюю Азию и Казахстан – 308, на Урал – более шестисот. К концу 1941 года в Челябинск приехало 200 000 эвакуированных, которых расселили по квартирам местных жителей; ежедневно прибывали в город новые эшелоны, и ежедневно производили новые уплотнения – в Челябинске пришлось в среднем по два квадратных метра жилой площади на одного человека.

В Свердловск прибывало в день по две-три тысячи человек, которых привозили сначала на эвакуационный пункт, а через несколько дней распределяли по местам работы и жительства. За первые полгода войны в Свердловске оказалось более 150 000 эвакуированных; в эвакуационном пункте города получали обеды по 15 000 человек в день. Из воспоминаний: "Хотя Свердловск был глубоким тылом, война давала о себе знать и там – несметными толпами беженцев... и устрашающей

пустотой прилавков. Голод, холодные уральские ветры, бездомные люди, дрожащие в легких неподходящих одеждах... всё это создавало тяжелую, гнетущую атмосферу..."

2

Эвакуированные предприятия размещали не только на территориях существовавших заводов, но и на пустом месте. Вагоны с грузами прибывали на небольшие станции, где не было необходимого оборудования для разгрузки; это делали вручную с помощью примитивных лебедок и на санях тащили волоком до места назначения. Производственных помещений не хватало; изыскивали всяческие возможности для размещения оборудования, и директор одного из заводов сообщил в наркомат об использовании сооружений местного зоопарка: "Сегодня одели слона в специальные валенки и вывели из закрытого помещения, где организовали цех, очень нужный для выпуска продукции".

Для эвакуированных предприятий следовало построить цеха, склады, подсобные помещения, подвести сети электропитания, проложить подъездные пути; строительство новых заводов потребовало срочного создания дополнительных источников электроэнергии, котельных, водонапорных станций. Миллионы эвакуированных надо было обеспечить продовольствием в пути и на местах, разместить у местных жителей, в школах, клубах, бараках, палатках и землянках; для приехавших следовало построить хлебозаводы, столовые, бани, прачечные, больницы, дополнительные классы в школах для их детей, детские дома для сирот – поистине, это был титанический труд в тылу, уникальное явление в мировой истории по своим масштабам, срокам, тяжелейшим условиям, требовавшее невероятных усилий, выдумки, изобретательности, а порой и мужества, чтобы осилить неодолимые, казалось, трудности. Заводы и фабрики перевели на военный режим; работники предприятий не могли уволиться без разрешения начальства; с начала войны отменили отпуска, рабочую смену продлили до одиннадцати часов, но на практике ее продолжительность была больше и без выходных дней. Монтаж оборудования и строительство цехов вели непрерывно, круглые сутки: рыли котлованы, укладывали фундамент, монтировали и налаживали станки; в этих работах принимало участие много женщин и подростков – служащие, домохозяйки, пенсионеры, школьники и студенты. Из воспоминаний современника: "Ежедневно можно было видеть, как в метель и мороз, в дождь и слякоть вдоль трамвайных линий и вдоль насыпи железной дороги идут сотни людей, чтобы успеть на завод... Многие ходили на заводы из городов и поселков пешком по 12-16 километров. Трамваи часто не шли, поезда опаздывали: то заносы, то пропускают воинские эшелоны. Плохим, если не сказать больше, было питание... Суп из ботвы, вода с горохом, суп с воблой..."

К лету 1942 года 1200 крупных предприятий уже разместили на новых местах и они выдавали продукцию. Работы в цехах шли в три смены, порой в неотапливаемых помещениях; на наиболее ответственных участках инженеры, мастера, начальники цехов находились на казарменном положении и не имели права выйти за ворота. На работах использовали также заключенных, военнопленных, мобилизованных по трудовой повинности; привозили и жителей Средней Азии, которые не выдерживали сибирского климата, болели, умирали от холода и недоедания. Потребовались невероятные усилия, чтобы обеспечить фронт необходимым количеством танков, орудий и самолетов; к концу 1942 года оборонная промышленность уже поставляла требуемое количество боевой техники, вооружения и боеприпасов, в 1943 году эвакуированные заводы работали на полную мощность.

За годы войны в СССР произвели 103 000 танков и самоходных орудий (в Германии – 46 000), 834 000 орудий разных калибров и минометов (в Германии – 398 000), 121 000 самолетов всех типов (в Германии – 89 000). Исследователи той войны сделали вывод: "Магнитогорск победил Рур".

3

Оказавшись в невероятно трудных условиях, вынужденные в кратчайшие сроки и на пустом месте налаживать производство, руководители промышленности старались отобрать лучших специалистов на должности начальников управлений, директоров заводов, главных инженеров, главных технологов и металлургов, а те, в свою очередь, отбирали лучших работников на должности начальников цехов и лабораторий, мастеров и бригадиров. Отступали на второй план национальность, партийность, социальное происхождение; главное было – знания, деловые качества, умение разрабатывать новые конструкции, технологии и материалы, способность выходить из невозможного, казалось, положения – в те суровые времена, когда невыполнение плана рассматривалось как саботаж, за который безжалостно наказывали.

В годы войны евреи–директора предприятий и главные инженеры составляли в авиационной промышленности до 25%, в танковой промышленности – около 30%, в производстве артиллерийского и стрелкового вооружения – 20%, в металлургии – до 25%, в производстве боеприпасов – более 12% от общего количества директоров заводов и главных инженеров. (И опять же оговоримся: в этом очерке, как и во всей книге, приводятся лишь еврейские имена – из великого множества специалистов разных национальностей, работавших в тылу для фронта.) Челябинский завод выпустил за годы войны 18 000 танков и самоходных орудий, 48 000 двигателей (почти половину танковых двигателей, изготовленных в войну), более 17 миллионов танковых снарядов – директор завода И. Зальцман. 12 000 танков изготовили в Горьком (Нижегород) – директор завода Е. Рубинчик. 35 000 танков Т-34 вышли из цехов Нижнетагильского завода, где главным инженером был Л. Кордунер. Дизельные танковые двигатели выпускали и на Алтайском моторном заводе – главный инженер Е. Лев. В первые месяцы войны Сталинградский тракторный завод освоил поточное производство танка Т-34 и до конца 1941 года выпустил 1500 танков этого типа – директор завода Б. Дулькин (на заводе укомплектовали танковую бригаду, которая участвовала в боях под Москвой и стала первой гвардейской танковой бригадой в Красной армии).

После эвакуации Харьковского завода следовало за полтора месяца наладить на Урале производство танковых двигателей; установкой оборудования на новом месте руководил главный инженер Я. Невяжский. Из воспоминаний: "Огромный моторный завод нужно было разместить на Челябинском тракторном заводе... Не будь Невяжского, мы провозились бы с этим делом полгода, а то и больше. Тысячи прибывших станков, печей, молотов, ванн следовало разместить по строго продуманной технологии, и не на чистом месте, а на действующем заводе... Это было блестяще выигранное сражение. Невяжскому нужно было бы поставить на заводе памятник". Через тридцать пять дней после начала работ по установке оборудования завод изготовил первый танковый двигатель.

Самолеты Ил-2 выпускал Воронежский авиационный завод – директор М. Шенкман; Як-1 и Як-3 изготавливали в Саратове – директор завода И. Левин, главный инженер Г. Пивоваров; самолеты Ла-5 выходили из сборочных цехов Горьковского авиационного завода – главный инженер Д. Резников. Ижевский завод поставил армии около 1 миллиона пистолетов, 0,5 миллиона пулеметов, 130 000 противотанковых ружей, более 11 миллионов винтовок (примерно 90% от общего количества, в сутки производили до 12 000 винтовок) – главный инженер завода С. Гинденсон, главный технолог А. Фишер.

На артиллерийском заводе в Горьком впервые в мировой практике перешли на конвейерную сборку орудий, изготовили за годы войны 100 000 орудий среднего калибра, до 100 пушек в сутки – главный инженер М. Олевский. 48 000 орудий крупного калибра поставил на фронт Молотовский (Пермский) завод – директор А. Быховский; 30 000 пушек изготовили на Свердловском (Екатеринбургском) заводе – директор Л. Гонор, 20 000 зенитных орудий на другом заводе Свердловска – директор Б. Фраткин, главный инженер Г. Авцин; 26 000 зенитных установок и 5000 минометов – директор завода Я. Шифрин, затем Б. Хазанов.

Велика была роль начальников цехов на заводах, отвечавших за выпуск продукции и ее качество. Их рабочий день практически никогда не заканчивался; в напряженные дни – а таких было большинство в первые годы войны – они спали в кабинетах по три-четыре часа за ночь. В оборонной промышленности страны работало в военное время несколько тысяч евреев – начальников цехов и заместителей, на некоторых предприятиях они составляли до 25%. На Магнитогорском металлургическом комбинате евреи были начальниками мартеновского, чугунолитейного, тонколистового, шамотного цехов; на Челябинском танковом заводе –

начальниками механических цехов, цеха шасси и топливной аппаратуры, начальниками танкосборочного, чугунолитейного, цветнолитейного, кузнечного, термического, сталелитейного, штамповочного цехов.

Перечень имен начальников цехов нескончаем, как нескончаем перечень имен мастеров и рабочих многих национальностей – мужчин, женщин, подростков, которые работали в тылу без выходных дней и отпусков, по полторы смены в день, в неотопливаемых помещениях, истощенные, полуголодные, заслужив после победы медаль "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", – их тоже нельзя забывать. Среди них были и евреи; списки награжденных в первые годы войны указывают их специальности: каменщик, стекольщик, газосварщик, бетонщик, бригадир монтажников, сталевар, шофер, землекоп, бригадир грузчиков, сборщица, шлифовальщица, токарь, кузнец, клепальщик. (Орден Ленина во время войны получили рабочий-формовщик литейного цеха Б. Спектор, кузнец судостроительного завода И. Строгович, один из создателей новых орденов художник-гравер Ш. Тульчинский.) Директор артиллерийского завода Л. Гонор рассказывал на еврейском митинге в Москве: "Немцы подошли к самому Сталинграду. Фронт был рядом, у стен завода... Все знали: когда это орудие будет закончено, оно немедленно вступит в бой с врагом, который стоит у ворот... В одну из ночей я подошел к старому еврею-токаря, эвакуированному южанину с окладистой седой бородой, также не выходявшему уже несколько суток с завода, и спросил его: "Тяжело, отец? Наверно устал?" Он угрюмо взглянул на меня из-под седых нависших бровей, тихо сказал: "Ничего" – и продолжал работать... Старик ежедневно выполнял по две – две с половиной нормы. Потом мне рассказали его историю. Он одессит. И там расстреляна вся его семья – старуха-жена, дочь и трое внучат..."

4

Более половины евреев – руководителей предприятий в годы войны – родились в черте оседлости Российской империи. Происходили они в основном из бедных многодетных семей, учились в хедерах, с малых лет начинали работать – грузчиком, слесарем, столяром, кузнецом; в советское уже время учились в школах фабрично-заводского обучения, заканчивали рабфаки, техникумы, институты (как правило, без отрыва от работы) и быстро продвигались по службе: техник – мастер – начальник цеха – главный инженер или директор завода; некоторые из них так и остались беспартийными. Они были молоды в годы войны – 35–40 лет, энергичны, инициативны, напористы; их отличали великолепные организаторские способности, знание дела, накопленный опыт, а порой и самоуверенность, грубость, амбиции, жесткие, принудительные методы командования, свойственные советским руководителям того времени на всех уровнях власти.

Ванников Борис Львович, из семьи нефтяника в Баку – рабочий на нефтепромыслах, инженер, директор Тульского оружейного завода, с 1939 года нарком вооружения. Его арестовали перед началом войны с Германией, били на допросах; после первых поражений на фронтах Ванникову передали распоряжение Сталина – разработать неотложные меры для увеличения производства вооружения, что он и сделал, составив в одиночной камере план эвакуации на восток предприятий оборонной промышленности. "Записка, над которой я работал несколько дней, – вспоминал Ванников, – была передана Сталину. Я увидел ее у него в руках, когда меня привели к нему прямо из тюрьмы. Многие места были подчеркнуты красным карандашом, и это показало мне, что записка внимательно прочитана... Сталин сказал: "Ваша записка – прекрасный документ для работы наркома вооружения. Вы во многом были правы. Мы ошиблись... А подлецы вас оклеветали".

Ванникова освободили из тюрьмы, назначили заместителем наркома вооружения СССР – в этой должности он руководил эвакуацией оборонных заводов и их размещением на новых местах. С февраля 1942 года и всё военное время он был наркомом по производству боеприпасов, количество которых в 1943 году возросло в четыре раза по сравнению с довоенным уровнем. Из воспоминаний о Ванникове: "Из людей его ранга и положения, кого я знал, он был, пожалуй, одной из самых значительных фигур: он оставил большой след и в делах, с которыми был связан, и в сердцах людей, с которыми ему довелось работать..." – "Ни

на какую пенсию Ванников не ушел. Даже будучи очень больным человеком, чувствуя, что конец его недалек, он работал с полной отдачей и самозабвением..." – "На его частых болезнях сказывались, по-видимому, последствия репрессий накануне войны. Его тогда здорово лупили..."

В 1950 году Борис Львович Ванников стал начальником Главного управления по ядерному оружию, а затем первым заместителем министра среднего машиностроения, ответственного за разработку и производство атомного оружия. В день смерти Ванникову было 65 лет – генерал-полковник инженерно-артиллерийской службы, трижды Герой Социалистического Труда (первым в стране стал дважды и первым – трижды Героем Труда); лауреат Сталинской и Государственной премий, шесть орденов Ленина, ордена Суворова и Кутузова. Урна с прахом Ванникова захоронена в Кремлевской стене на Красной площади; в ополчении под Москвой погибли два его брата.

Шенкман Матвей Борисович, из украинского местечка – конструктор, мастер, начальник цеха, с 1936 года директор Таганрогского авиационного завода, который систематически не выполнял план. Шенкман не призывал работников напрячь все усилия, не грозил наказаниями, а пообещал техническим специалистам ежемесячно выплачивать по три премиальных зарплаты, если завод выполнит план хотя бы на шестьдесят процентов. К этому обещанию отнеслись с недоверием, но в конце месяца они получили обещанную премию, всё изменилось, и завод стал регулярно выполнять план.

В 1938 году Шенкмана назначили директором Воронежского авиационного завода. Из воспоминаний: "Был невысокого роста, спокойный... с пронзительным, действовавшим гипнотически взглядом синих умных глаз. Оратор был неважный, говорил по-русски с заметными ошибками. Но чувствовал людей безошибочно, к себе вызывал симпатию мгновенно".

В 1940 году завод в Воронеже начал осваивать самолет-штурмовик Ил-2 конструкции С. Ильюшина. Специалисты отнеслись к этому самолету с сомнениями, однако Шенкман на свою ответственность – и без одобрения свыше – отработывал технологию его производства, проводил испытания опытных образцов, рискуя карьерой и жизнью в то суровое время. Ил-2 запустили в серию в первые недели войны с Германией; он прекрасно себя показал в боевой обстановке, а потому авиационные заводы без задержки, по отлаженной уже технологии, начали выпускать прославившийся в ту войну самолет-штурмовик (Шенкмана наградили за это орденом Ленина; за годы войны авиационные заводы страны выпустили 40 000 штурмовиков Ил-2).

Когда немцы приблизились к Воронежу, завод эвакуировали под Куйбышев (Самару), где на пустом месте лишь начинали закладку фундаментов будущих цехов. Станки устанавливали под открытым небом, монтировали оборудование, прокладывали электрические кабели, возле рабочих мест разжигали костры, чтобы спастись от зимних морозов, первые самолеты собирали из привезенных с собой деталей и узлов, и в начале декабря 1941 года с местного аэродрома взлетел первый штурмовик.

23 декабря Шенкман получил телеграмму от Сталина: "Самолеты Ил-2 нужны Красной армии как воздух, как хлеб. Вы делаете по одному в день. Требую, чтобы Илов выпускалось больше". Телеграмма заканчивалась угрожающе: "Предупреждаю в последний раз", и в ту же ночь в Москву отправили обещание руководителей завода – выпускать в день по семь самолетов. Цеха были еще недостроены, семьи работников ютились по соседним деревням, но через шесть дней с завода отправили 30 штурмовиков, которые приняли участие в наступлении под Москвой. В мае 1942 года Шенкман погиб в авиационной катастрофе. Был некролог в газете "Правда", было постановление Совнаркома за подписью Сталина, исключительное по тем временам: "Установить бюст т. Шенкмана Матвея Борисовича на территории завода"; отцу Шенкмана, матери, жене и дочери-инвалиду назначили пожизненную пенсию.

Быховский Абрам Исаевич, из семьи ремесленника белорусского местечка – рабочий на лесопильном заводе, слесарь, механик, студент вечернего факультета, начальник цеха, главный

инженер, директор Молотовского артиллерийского завода. Из воспоминаний: "Быховский был человеком требовательным, умел заставить работать, учил решать вопросы самостоятельно... Избегал близких отношений с подчиненными. Сам в гости не ходил, и я не помню случая, чтобы он пригласил кого-либо к себе домой. Возможно, тут сказывалась обстановка того непростого времени".

За годы войны Молотовский завод увеличил в десять раз выпуск продукции, изготовил 48 000 пушек крупного калибра, освоил производство противотанковых пушек и орудий для самоходных артиллерийских установок, поставлял на другие предприятия сталь, прокат, броневую лист для танков (А. Быховский – генерал-майор инженерно-артиллерийской службы, Герой Социалистического Труда, три ордена Ленина, ордена Суворова, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны).

Гонор Лев Робертович (Рувимович), из украинского местечка – инженер, начальник цеха, главный инженер, директор Сталинградского завода (было ему тогда 33 года). Перед войной завод освоил в кратчайшие сроки выпуск пушек и гаубиц, которые использовали в финской войне при прорыве линии Маннергейма. В начале войны с Германией заводу поручили освоить новое изделие; "подготовка к выпуску, – вспоминал очевидец, – и работа над пушкой были расписаны по дням, часам, а кое-где и по минутам"; затем начали производство минометов, которые применяли во время уличных боев в Сталинграде. Немецкая авиация бомбила город, и современник свидетельствовал: "Сентябрь 1942 года. За последние сутки гитлеровцы сбросили на завод свыше ста фугасных и тысячи зажигательных бомб, есть убитые и раненые. Отбоя воздушной тревоги мы уже не даем, но как только затихает гул моторов вражеских самолетов, все возвращаются на свои места".

Затем завод эвакуировали из Сталинграда, и Гонор стал директором Свердловского артиллерийского завода по выпуску пушек и самоходных артиллерийских установок – за годы войны изготовили и отправили на фронт 30 000 орудий (Л. Гонор – генерал-майор инженерно-артиллерийской службы, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, три ордена Ленина, ордена Кутузова и Красной Звезды; в 1953 году его арестовали, подвергли пыткам, изуродовали пальцы рук; в день смерти было ему 63 года).

Левин Израиль Соломонович, из семьи ремесленника в Белоруссии – в 30-летнем возрасте стал директором Иркутского авиационного завода, еще через два года его назначили директором Саратовского завода по выпуску самолетов конструкции А. Яковлева. Левина уважали на заводе не только за великолепные организаторские способности, но и за человеческие качества, проявленные во время войны. Однажды он провел по цехам работников подсобного хозяйства, показал им усталых, истощенных пятнадцатилетних мальчишек, работавших у станков по двенадцать часов в день, и попросил увеличить количество продовольствия, поставляемого на завод. В другой раз он пригласил к себе жен ведущих работников завода, рассказал о невероятной нагрузке, в которой находились их мужья изо дня в день, и предложил создать дома такую обстановку, чтобы они могли набраться сил в недолгие часы отдыха.

Летом 1943 года немецкая авиация разбомбила территорию Саратовского завода, были разрушены многие цеха и склады, повреждены станки и оборудование. Сразу же началось восстановление: заводские участки освобождали от завалов, накрывали брезентовыми навесами и устанавливали оборудование; главный конвейер завода начал работать под открытым небом через восемьдесят дней после бомбардировки, выпуск самолетов возобновили почти на три недели раньше установленного срока. Их производство перевели на поточный метод сборки, за годы войны завод в Саратове выпустил 15 000 истребителей Як-1 и Як-3, что составило около 12% боевых самолетов, изготовленных в СССР за годы войны (И. Левин – генерал-майор инженерно-авиационной службы, ордена Ленина и Трудового Красного Знамени).

Жезлов Михаил Сергеевич, из семьи рабочего – директор Московского завода по производству авиационных моторов. Руководил эвакуацией в Куйбышев по заранее составленному плану: изготовили запас деталей, погрузили станки в вагоны, там же разместили станочников с их семьями – это позволило в кратчайший срок начать на новом месте выпуск моторов для бомбардировщиков и штурмовиков. Из воспоминаний очевидца: "Люди сгружают с платформ станки, тащат их волоком или на листах железа в недостроенные цеха... Снег покрывает человека, станок, но работа продолжается... В цехах вырыли ямы, в них наложили дрова, полили мазутом и зажгли; рабочие по очереди подходят к костру, греются. Из цехов никуда не

уходят. Здесь же и живут. Столовых еще нет. Где-то есть раздаточная, где выдают что-то похожее на суп..."

Завод работал в тяжелейших условиях; рабочие после смены не уходили в общежитие, где было холодно, а спали в траншеях литейного цеха возле теплых труб. За годы войны завод, которым руководил Жезлов, выпустил столько же авиационных моторов, сколько все остальные моторные заводы, вместе взятые. Тяжелые условия работы, предельные нагрузки и штурмовщина, огромная ответственность, боязнь скорого и сурового наказания за невыполнение правительственных заданий – всё это подрывало здоровье, и не случайно многие руководители предприятий военных времен умерли в нестарые годы; Жезлову в день смерти было 62 года (М. Жезлов – генерал-майор инженерно-авиационной службы, Герой Социалистического Труда, два ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени). Фраткин Борис Абрамович, из семьи ремесленника в Бердичеве – в 33 года стал директором подмосковного артиллерийского завода, который выпускал зенитные орудия, защищавшие столицу от налетов немецкой авиации. В октябре 1941 года завод эвакуировали на Урал; монтаж оборудования начинали на пустом месте, в станках замерзали масло и эмульсия, в цехах жгли костры и отапливали помещения, выпуская пар из работавших паровозов, – уже через месяц завод отправил на фронт первые пушки, а еще через месяц – первые зенитные орудия.

Из воспоминаний: "Примерно через год я побывал на этом заводе. Проходя по цехам, в которых изготавливались зенитные, противотанковые и танковые пушки, невольно отметил, что их производство поставлено так, будто завод находится тут многие годы. А ведь для отопления по-прежнему использовались паровозы, а люди размещались в бараках-землянках, даже жили в заводских клубах" (Б. Фраткин – генерал-майор инженерно-артиллерийской службы, ордена Ленина и Отечественной войны, два ордена Трудового Красного Знамени, два ордена Красной Звезды; в день смерти было ему 59 лет).

Бидинский Давид Григорьевич, из семьи киевского врача – директор порохового завода в Донбассе. Немецкие войска подошли вплотную к территории завода и обстреливали его; люди работали до семнадцати часов в сутки, спали в цехах – заряды для артиллерийских снарядов прямо из цехов отправляли на фронт. В октябре 1941 года завод переехал на Урал и сразу же начал изготавливать боеприпасы на новом месте. Из характеристики Бидинского: "В его работе возникали такие трудности, для преодоления которых требовались сверхчеловеческая энергия, незаурядный ум, знание в совершенстве техники, организаторские способности и опыт" (Д. Бидинский – генерал-майор инженерно-артиллерийской службы, два ордена Ленина, ордена Красного Знамени, Кутузова, Трудового Красного знамени; в день смерти было ему 65 лет). Рубинчик Ефим (Хаим) Эммануилович, из семьи ремесленника в Белоруссии – директор Коломенского завода по производству легких танков (их на заводе называли "рубинчиками"); с весны 1942 года директор завода "Красное Сормово" в городе Горьком, где изготавливали танки и другие виды вооружения (Е. Рубинчик – генерал-майор инженерно-танковой службы, два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Кутузова и Отечественной войны). В первый год войны нефтяники Баку добыли 23,5 миллионов тонн нефти – рекордное количество за всю историю нефтяной промышленности Азербайджана; секретарем Бакинского горкома партии по нефтяной промышленности был Яков Михайлович Агарунов, горский еврей. С осени 1942 года Агарунов – секретарь Куйбышевского обкома партии по нефтяной промышленности. Во "второе Баку" перевезли нефтяное оборудование и пять тысяч нефтяников Азербайджана, увеличили добычу нефти, открыли новые нефтяные и газовые месторождения, построили газопровод – "за образцовое выполнение задания" Агарунова наградили орденом Ленина.

"Король танков" Исаак Моисеевич Зальцман родился в семье ремесленника в украинском местечке Томашполь, где евреи составляли девяносто процентов населения. С четырнадцати лет работал на сахарном заводе, в советское уже время стал токарем, окончил среднюю школу, поступил в Одесский политехнический институт. Первое место работы – Ленинград, должность

– мастер на Кировском (бывшем Путиловском) машиностроительном заводе; затем стал начальником цеха на том же заводе, главным инженером, директором – Зальцману было тогда 33 года. При нем завод подготовил оборудование для производства тяжелого танка КВ ("Клим Ворошилов"), и несмотря на постоянные налеты немецкой авиации, они выпускали по десять танков в сутки. В сентябре 1941 года Зальцман стал Героем Социалистического Труда "за заслуги в организации производства танков в трудных условиях" – первый Герой Труда среди евреев Советского Союза.

В октябре основную часть оборудования и работников Кировского завода перевезли в Челябинск. Через неделю после прибытия уже собрали первые танки КВ из привезенных с собой деталей и узлов, а к концу года наладили массовое их производство; серийное производство дизельных танковых двигателей освоили за тридцать пять дней. Несколько эвакуированных заводов объединили в один гигантский "Танкоград" – Челябинский Кировский завод, директором которого назначили Зальцмана; одновременно, с октября 1941 года, он занимал пост заместителя наркома танковой промышленности (наркомат размещался в Челябинске).

Во время боев под Москвой завод подготовил к отправке в армию эшелон танков, для которых не доставало лишь стартеров. Дважды посылали за ними самолеты на московский завод, и дважды они не долетали до места. Ждать было некогда, и Зальцман принял невероятно рискованное решение – отправился в Москву во главе танкового эшелона, а навстречу им двигался вагон со стартерами. В Куйбышеве стартеры перегрузили в их эшелон, во время движения к Москве их установили на моторы – 7 ноября 1941 года танки прямо с вокзала прошли на параде по Красной площади и сразу же отправились на фронт.

В дополнение ко многим обязанностям, Зальцмана временно назначили директором Нижнетагильского завода, на котором не могли освоить выпуск танка Т-34. Он вызвал специалистов из других городов, сутками не выходил из цехов, – через три месяца завод ежедневно отправлял на фронт по двадцать пять танков (Зальцмана наградили за это орденом Ленина).

Летом 1942 года Сталин потребовал от Зальцмана освоить на "Танкограде" серийное производство танка Т-34. На это было отпущено полтора месяца – невозможно короткий срок в мировой практике, однако через тридцать три дня завод выпустил первый танк. В июле 1942 года Зальцмана назначили наркомом танковой промышленности Советского Союза, и он занимал этот пост в течение года. Это был энергичный, инициативный руководитель, прекрасный организатор, не признававший мелочей в работе, и в то же время требовательный, жесткий начальник, который руководил наркоматом в духе того времени.

С 1943 года Зальцман снова стал директором "Танкограда" в Челябинске и возглавлял его шесть лет подряд. Он превратил гигантский завод – 75 000 человек – в научно-производственное объединение, в котором разрабатывали новейшие виды вооружения. Завод изготавливал танки КВ и Т-34, выпускал танковые двигатели и самоходные артиллерийские установки; на заводе разработали, а затем освоили за пятьдесят дней выпуск тяжелого танка ИС – "танка прорыва". Зальцман поощрял лучших работников продуктами, одеждой, жильем; завод изготавливал для окрестных колхозов посуду, бидоны, подковы для лошадей в обмен на продукты; за продовольствием ездили даже в Среднюю Азию, – на заводе было организовано двухразовое питание, что значило очень много в голодные годы. Швейный цех и сапожная мастерская снабжали обувь и одеждой; рабочим термических цехов выдавали ежедневно по пол-литра молока – неслыханное явление в годы войны. В весеннюю и осеннюю распутицу было трудно добираться на работу, люди приходили на завод усталыми – Зальцман распорядился изготовить плиты из бракованного чугуна и замостить пешеходные дорожки, выделил деньги для пуска первого в Челябинске троллейбусного маршрута до заводской проходной.

Из воспоминаний: "Горячим был Зальцман. Но дело знал, завод любил, о квалифицированных рабочих и инженерах всегда заботился... Не скупился..." – "Зальцман умел выслушивать чужое мнение. Самозабвенно любил новую технику... Мог ограничить свой сон четырьмя часами в сутки..." – "Он не боялся ни трудностей, ни ответственности: если на участке не шло дело, сам себя назначал мастером и выводил участок из прорыва..." – "Не раз я, как и другие, слышал от него: "Требуй от меня, что надо, но задачу выполни"... О фантастической работоспособности Зальцмана знали все, кто трудился с ним, о его беспощадной требовательности – тоже..."

М. Шагинян, писательница: "Зальцман сразу и совершенно меня очаровал... Легендарное существо. Маленького роста, изящный, с собранным черноглазым лицом, умным лбом в морщинах, в военном френче... говорил негромко, без всякого напора, наоборот, как-то уступчиво. У этого человека всё держится на нервах, он страшно женственен; мне кажется, что выпавшую на его долю тяжелую историческую задачу он решает огромным напряжением нервной системы, а вовсе не органически... Зальцман – бархатный орешек с металлом внутри". В 1949 году Зальцмана вызвали в Москву, в Комитет партийного контроля, и предложили "помочь раскрыть преступную антипартийную группу" по так называемому "ленинградскому делу". Но Зальцман отказался давать показания: "Об этих людях я ничего плохого не знаю. Можете меня расстрелять, но больше мне нечего сказать". Ему угрожали, его запугивали, против него начали собирать обвинения, но Зальцману повезло: он не исчез в одном из расстрельных подвалов, однако с работы его уволили, исключили из партии "за недостойное поведение" и отправили на небольшой завод в городе Муроме. "Я работал мастером в три смены, – вспоминал бывший нарком. – С работой справлялся..." Директор завода постарался избавиться от возможного конкурента; Зальцмана перевели в город Орел, начальником смены на заводе запасных частей, но и там начальство не благоволило к опальной знаменитости – особенно когда он выходил на праздничную демонстрацию со звездой Героя на груди и многими орденами.

После смерти Сталина Зальцмана реабилитировали, и еще двадцать лет он руководил механическим заводом в Ленинграде (И. Зальцман – генерал-майор инженерно-танковой службы, Герой Социалистического Труда, три ордена Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, ордена Суворова, Кутузова, Красной Звезды; умер в 1989 году).

Незадолго до смерти Исаак Моисеевич Зальцман написал в письме: "Челябинск очень люблю – это были звездные годы. Надеюсь, еще успею повидать Челябинск..." Его дочь вспоминала: "Он не мог себе позволить приехать в Челябинск по частному приглашению. Он ждал приглашения от завода, но так и не дождался". Легендарного директора "Танкограда" даже не пригласили на юбилей Челябинского завода...

***

В годы войны С. Гинзбург занимал пост наркома по строительству, руководил эвакуацией фабрик и заводов и их строительством на новых местах. И. Зальцман был наркомом танковой промышленности, Л. Каганович – наркомом путей сообщений и заместителем председателя Совнаркома, Б. Ванников – наркомом по производству боеприпасов. В наркоматах, выпускавших оружие для армии, было более тридцати евреев – заместителей наркомов; среди них: С. Сандлер – заместитель наркома авиационной промышленности, Л. Белахов – морского флота, Г. Каплун – судостроения, И. Гальперин – тяжелого машиностроения, Д. Райзер и С. Резников – заместители наркома черной металлургии.

Новотагильский металлургический завод поставил за годы войны 30% выплавленной броневой стали – директор С. Резников, главный инженер Е. Локшин. На Златоустовском металлургическом заводе освоили десятки видов стали для производства самолетов – директор М. Крамер. Кузнецкий металлургический комбинат выплавил за военные годы такое количество металла, из которого изготовили 50 000 танков и 100 миллионов снарядов, – главный инженер комбината металлург Л. Вайсберг.

Н. Абелев был директором патронного завода, В. Лурье – авиационного, М. Мороз – завода танкового электрооборудования. Я. Сокол руководил Челябинским металлургическим заводом, М. Эдельштейн и Я. Юсим – подшипниковыми заводами, Н. Абелев, С. Беленький, Е. Бердичевский, Б. Горелик, Х. Двинов, В. Елецкий, А. Лившиц, С. Невструев, Б. Окунь, М. Тропп, С. Франкфурт – заводами боеприпасов; В. Поликовский был начальником Центрального НИИ авиационного моторостроения... – перечень имен можно продолжать и продолжать. Во время войны построили самый крупный в стране Челябинский трубопрокатный завод – начальник строительства М. Шильдкрот. Управление "Магнитострой" разработало метод скоростного строительства доменных печей на Урале – начальник управления тридцатилетний В. Дымшиц, главный инженер М. Гуревич. Летом 1942 года за полтора месяца провели по дну

Ладожского озера, под бомбежками немецкой авиации, тридцатикилометровый бензопровод для снабжения осажденного Ленинграда – главный инженер проекта Д. Шинберг, руководитель сварочных работ А. Фалькевич.

***

По всей стране собирали средства на постройку танков и самолетов; советские ученые решили пожертвовать деньги на танковую колонну "За передовую науку" – среди них были академики А. Иоффе, А. Фрумкин, Е. Варга, Л. Штерн. Жители Еврейской автономной области вносили деньги на звено бомбардировщиков "Хабаровский комсомол"; по всей области собирали для фронта теплое белье, полушубки, валенки, ватные брюки и куртки. Джаз-оркестр под управлением Л. Утесова передал денежные сборы со многих концертов на постройку двух самолетов под названием "Веселые ребята". Герой Советского Союза майор Моисей Марьяновский воевал на танке "Беспощадный" – часть средств на его строительство пожертвовал поэт С. Маршак. Еврейская община города Куйбышева внесла 10 000 рублей на танковую колонну имени Бар-Кохбы, руководителя еврейского восстания против римлян в Эрец Исраэль (II век н. э.).

И. Сталин вынес благодарность "трудящимся евреям Советского Союза, собравшим дополнительно 3 294 823 рубля на постройку авиаэскадрильи "Сталинская дружба народов" и танковой колонны "Советский Биробиджан".

***

Одно из обвинений, предъявленных И. Зальцману, было таково: в 1944 году, после прорыва блокады Ленинграда, его завод заказал в Златоусте меч, чтобы вручить руководителям обороны города, но товарищу Сталину они ничего не подарили. Из воспоминаний Зальцмана: "К моему счастью, я вспомнил, что коллектив цеха точной механики изготовил замечательный чернильный прибор и просил меня вручить его товарищу Сталину... Прибор очень ему понравился. После войны в московском музее была организована выставка подарков товарищу Сталину, и там был установлен наш чернильный прибор. Я попросил Комитет партийного контроля дать мне один день. С утра был в музее и убедился, что прибор стоит в шкафу. Это меня выручило. Последовало следующее требование: написать всё плохое, что я знаю о ленинградских руководителях... Среди допрашиваемых ленинградцев я один из немногих, который остался жив".

***

Из воспоминаний евреев:

"Эвакуировались в Киргизию, поселили нас в колхозе "Победа" в старенькой землянке. Пахали, боронили, сеяли, косили, закладывали силос, ухаживали за колхозным скотом, а жили впроголодь, потому что на трудодни выдавали совсем немного продуктов..."

"Я была такой маленькой, что не могла даже завести трактор. Вот заведут его мне, тогда сажусь за рычаги – и поехали... Работать нам приходилось с шести утра до одиннадцати часов вечера. Старые трактора не выдерживали такой нагрузки... Зимой занимались ремонтом тракторов. Было так холодно, что руки примерзали к железу..."

"К середине 1942 года завод стал ежедневно выпускать по восемь-девять тысяч мин, намного превышая установленные нормы... Работали мы по двенадцать часов в сутки, без выходных и отпусков; самовольно ушедший с завода считался дезертиром по законам военного времени. После смены, обессиленные, едва державшиеся на ногах, пешком расходились по домам в

разные концы Биробиджана, – автобусы в то время не ходили... Кто это испытал, тот нас поймет..."

"В 1941 году я окончила семилетку. Война. Нас бомбят. У кого дети, те бегут в метро. А мы, подростки, копаем траншеи, окопы, убежища. Пошла работать на завод. Был он стекольным, а превратился в военный. Через два месяца стала электросварщицей и вместе с заводом эвакуировалась в Челябинск. Тут и кончилось мое детство. Пришлось работать по двенадцать часов в сутки. Тридцать минут давали нам на обед, а в столовой очередь – не протолкнуться. Я была маленькая и всегда оставалась последней. Часто и пообедать не успевала – за опоздание грозила тюрьма. Уральские девочки жевали вар – черную липкую смолу... пытаюсь обмануть желудок. Делились и с нами этой жвачкой, и мы с благодарностью брали. Все хотели на фронт, потому что там кормили. В 1943 году, семнадцати лет от роду, я закончила курсы медсестер и добровольно ушла на фронт. Хлеб... На передовой он был, но за плечами всегда стояла смерть..."

ОЧЕРК ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Работа в тылу в годы войны. Евреи–конструкторы и ученые

1

Самолет-истребитель конструкторского бюро С. Лавочкина ЛаГГ-3 (С. Лавочкин, М. Гудков, В. Горбунов) был запущен в серийное производство перед началом войны с Германией – максимальная скорость полета 550 километров в час, потолок 9600 метров. В несущих конструкциях самолета ЛаГГ-3 использовали взамен дефицитного дюралюминия особый вид древесины – дельта-древесину, которая не горела и не уступала по прочности металлу. Трудно было согласиться на подобное новшество, и – как вспоминал очевидец – "Сталину представили несколько несущих деталей самолета. Он положил на древесину горящую курительную трубку, затем стал скрести плоскостью перочинным ножом, но никаких следов не осталось. Дерево оказалось прочным, как камень". Самолет ЛаГГ-3 принимал участие в боях в первые годы войны и проявил повышенную живучесть – не горел и даже со многими пробоинами держался в воздухе (за блестящую полированную поверхность получил в армии прозвище "рояль"). В годы войны потребовалось улучшить качество боевых самолетов, особенно истребителей, для завоевания господства в воздухе. Лавочкин говорил: "Я не вижу моего врага – немца-конструктора, который сидит над своими чертежами где-то в глубине Германии, в глубоком убежище. Но, не видя его, я воюю с ним... Что бы там ни придумал немец, я обязал придумать лучше... чтобы в день, когда два новых самолета – наш и вражеский – столкнутся в военном небе, наш оказался победителем".

Конструкторское бюро Лавочкина изменило прежнюю модель, и в 1942 году поступил на вооружение истребитель Ла-5 с двигателем воздушного охлаждения – его скорость составляла 650 километров в час, высота полета более 11 000 метров. Из воспоминаний участников испытания нового истребителя: "Работали мы много и напряженно. Вставали рано, ложились поздно. Но когда мы ночью уходили в гостиницу, Лавочкин еще оставался на работе... Спал он тогда не более двух-трех часов в сутки и всегда с утра был побрит, подтянут..." – "У этого человека была необыкновенная выносливость и работоспособность. Он сам почти не спал и мало давал спать своим работникам. Другого выхода не было. В условиях мирного времени такая работа заняла бы не менее полугода вместо истраченных на нее двух недель".

Самолеты конструкции Лавочкина стали основными истребителями Военно-воздушных сил СССР во время войны; авиационная промышленность выпустила почти 16 000 самолетов Ла, в

том числе 10 000 Ла-5. Этот истребитель появился впервые под Сталинградом и сбивал вражеские самолеты, которые пытались прорваться на помощь осажденной армии Ф. Паулюса. За несколько месяцев напряженной работы конструкторское бюро Лавочкина разработало новый тип истребителя Ла-5ФН с более мощным двигателем, который принимал участие в боях на Курской дуге. С 1944 года вошел в серийное производство Ла-7 – более скороподъемный и маневренный, чем немецкие истребители. Во время его фронтовых испытаний летчики сбили 55 самолетов противника и потеряли лишь четыре Ла-7; специалисты считали этот самолет одним из лучших истребителей той войны и самой надежной машиной военно-воздушных сил страны.

.В сражении на Курской дуге летчик Александр Горовец на самолете Ла-5 уничтожил в одном бою 9 немецких бомбардировщиков. Трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб сбил на истребителях Лавочкина 62 немецких самолета, в том числе реактивный истребитель Ме-262, – уничтожить такое количество самолетов не удалось никому в советских ВВС. И. Кожедуб: "Есть человек, которому я обязан не только своей славой воздушного бойца, но и самой жизнью. Это конструктор Семен Лавочкин, создавший великий истребитель Ла-7. На этом самолете я не боялся вступать в бой с любым количеством немецких машин. Он, казалось, сам понимал, что нужно делать, куда лететь, в кого стрелять. А уж спасал он меня в самых безнадежных ситуациях".

В послевоенные годы конструкторское бюро Лавочкина создало первый в стране самолет со стреловидными крыльями, а также реактивный истребитель, который первым из советских самолетов достиг скорости звука. Нарком авиационной промышленности А. Шахурин, из воспоминаний: "Человек редкой выдержки, Семен Алексеевич никогда ни на кого не повышал голоса, ни с кем не был резок. При самых острых ситуациях он не выходил из себя... Высокая культура, воспитанность отличали его во всем... Всем своим видом этот человек заставлял себя уважать".

Напряженная работа в годы войны не осталась без последствий: в 1960 году Лавочкин умер на аэродроме во время испытаний нового типа самолета – было ему 60 лет. (Лавочкин Семен Алексеевич (Айзикович), сын меламеда из Смоленска – генерал-майор инженерно-авиационной службы, дважды Герой Социалистического Труда, четырежды лауреат Сталинской премии, награжден тремя орденами Ленина и тремя орденами Красной Звезды; – одну из московских улиц назвали его именем.)

В 1940 году в воздушном параде под Москвой впервые участвовал истребитель МиГ-3 (МиГ – первые буквы фамилий Микоян и Гуревич). К началу войны изготовили 900 самолетов МиГ-3 для противовоздушной обороны; этот истребитель быстро набирал высоту, его потолок до 12 000 метров и скорость на больших высотах решали исход боя, – половина уничтоженных немецких самолетов, пытавшихся прорваться к Москве, пришла на долю МиГ-3.

В годы войны был создан первый советский реактивный истребитель МиГ-9, который поднялся в воздух в 1946 году; затем приняли на вооружение МиГ-15, основной истребитель ВВС страны, родоначальник многих поколений самолетов этого типа. Самолет МиГ-19 был первым в мире серийным истребителем, который с полным вооружением преодолел звуковой барьер и достиг скорости 1450 километров в час. (Гуревич Михаил Иосифович, сын винокура из украинской деревни – генерал-майор инженерно-авиационной службы, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и пяти Сталинских премий, награжден четырьмя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды.) В 1960-х годах в Музее военно-воздушных сил страны, у выставленного истребителя МиГ-3 была помещена лишь фотография А. Микояна; на стенде с именами прославленных авиаконструкторов военного времени имя М. Гуревича отсутствовало.

Во время войны шла постоянная работа по проектированию более совершенных видов самолетов и авиационных двигателей, чтобы они могли соперничать с новыми самолетами немецкой армии. В этом непрерывном "соревновании умов" принимали участие и евреи Советского Союза, ученые, конструкторы, технологи – в проектировании и внедрении в производство бомбардировщиков Ту-2, Ил-4 и Ил-10, штурмовика Ил-2, истребителей Як-1 и Як-3. Участвовали они и в разработке более совершенных пропеллеров для штурмовиков и истребителей, в создании прозрачного бронестекла для защиты кабины летчиков, прицельных устройств для стрельбы и бомбометания, авиационных приборов для полета "вслепую" и на

больших высотах, в разработке новых видов сплавов, которые применяли в самолетных конструкциях.

Конструктор С. Косберг создал аппаратуру непосредственного впрыска топлива в существовавшие авиационные двигатели, отчего увеличивалась полнота сгорания и повышалась скорость истребителей Ла-5 и Ла-7, штурмовиков Ил-2, Ил-10 и других боевых самолетов (в послевоенные годы Косберг возглавлял конструкторское бюро по созданию жидкостных реактивных двигателей для самолетов и космических ракет; утверждают, что во время первого полета в космос Ю. Гагарин воскликнул: "Косберг сработал!", что означало – сработала третья ступень ракеты конструкции Семена Арьевича Косберга).

2

За несколько лет до начала войны с Германией на вооружение Красной армии поступил танк Т-26, разработанный конструкторским бюро С. Гинзбурга. Оснащенный пушкой и пулеметом, танк воевал в Испании против немецких и итальянских танков, принимал участие в боях против японцев на Дальнем Востоке, а также в начальный период войны с Германией. За годы его производства на Т-26 испытывали технические новшества: крепили под углом броневые листы, устанавливали радию, ставили на него огнемёт и систему управления танком по радио. Очевидец вспоминал: "На поле развернулась рота телетанков Т-26. Командир-инженер, оставаясь на командном пункте... нажимал то одну, то другую кнопку, и машины двигались с места, останавливались или шли вперед, поворачивались во все стороны, открывали пулеметный огонь, выбрасывали из стволов бушующее пламя".

Перед войной началось серийное производство тяжелого танка КВ конструкции Ж. Котина, а также прославившегося на весь мир танка Т-34 русского конструктора М. Кошкина, – огромная заслуга в производстве танков этого типа принадлежит И. Зальцману. Т-34 двигался на широком гусеничном ходу, отличаясь высокой подвижностью и проходимостью, его вооружение превосходило вооружение германских танков того же типа; немецких танкистов поражало, что их снаряды отскакивали от его наклонной брони, и один из них отметил после поражения под Москвой: "Русские танки очень проворны; они вскарабкаются по склону или преодолют болото быстрее, чем вы повернете башню" (символическая подробность: главный конструктор танков Германии Ф. Порш погиб на фронте во время инспекторской поездки, попав под обстрел танка Т-34).

Во время войны потребовалось увеличить огневую мощь танков и их броневую защиту, а потому ежегодно создавали опытные образцы для получения наилучших результатов. В списках лауреатов Сталинской премии "за усовершенствование конструкции" танков и за "коренное усовершенствование технологии" их производства было немало еврейских фамилий. Металлофизик Ф. Гальперин разрабатывал новые виды броневой стали, М. Кац предложил эффективный метод сварки броневых листов, И. Кватер участвовал в изобретении и выпуске цельнолитых танковых башен взамен штампованных, что сократило в два раза объем механической обработки.

На Челябинском танковом заводе был выпущен улучшенный вариант танка Т-34, а также усовершенствованный тяжелый танк КВ-10, который мог противостоять новым типам немецких танков. В 1943 году поступил на фронт тяжелый танк ИС ("Иосиф Сталин"), "танк прорыва" с мощным вооружением, прозванный "Зверобоем", так как он успешно сражался против немецких "Тигров" и "Пантер", – германское командование даже выпустило секретный приказ, предписывая своим танкистам избегать столкновений с танком ИС. Новый цех для сборки "Зверобоя" построили на "Танкограде" за несколько суток; инициаторами создания этого танка были И. Зальцман – директор Челябинского танкового завода и Ж. Котин – главный конструктор по проектированию тяжелых танков и самоходных артиллерийских установок. Жозеф Яковлевич Котин – генерал-полковник, Герой Социалистического Труда, лауреат четырех Сталинских премий. Записывал себя в разных анкетах русским или поляком, но – по свидетельству друга юности – родители "Юзека" были евреями, его отец владел магазином в Харькове во время НЭПа, говорил с характерным еврейским акцентом.

Главный инженер (а затем директор) Горьковского автомобильного завода А. Лившиц руководил работами по созданию автомобиля ГАЗ-ММ грузоподъемностью полторы тонны – это была знаменитая "полуторка", которая на фронтовых дорогах проявила надежность и

простоту обслуживания. Б. Шапочник, главный конструктор Московского автомобильного завода, занимался проектированием грузовика ЗиС-6 – в первые годы войны на него устанавливали реактивные минометы "Катюша". О Шапочнике писали: "Одаренный человек, как бы родившийся со счетной линейкой в руках. Все его решения отличались тщательностью обоснований, новизной и смелостью".

С 1943 года главным конструктором Московского автозавода стал Б. Фиттерман, еще до войны сконструировавший первый советский вездеход и первый троллейбус для московских улиц (Фиттерман был первым водителем и инструктором вождения троллейбуса по столичным маршрутам). После поражения под Москвой немцы бросили на дорогах огромное количество автомобилей разных марок; конструкторское бюро Фиттермана провело унификацию различных частей, после чего отправили в армию 14 000 отремонтированных трофейных автомобилей. Во время войны на Московском автозаводе отладили выпуск усовершенствованного батальонного миномета, а также сконструировали и запустили в производство легковой автомобиль ЗиС-110, на котором ездили партийные и государственные деятели высшего ранга.

В 1950 году Бориса Михайловича Фиттермана арестовали по "еврейскому делу" вместе с другими работниками Московского автозавода, приговорили к восьми годам заключения и отправили на Воркуту добывать уголь. Попав в шахту, конструктор предложил улучшить механизацию добычи угля; по мнению Фиттермана, это спасло его от гибели.

3

Конструкторское бюро А. Нудельмана спроектировало авиационную 37-миллиметровую пушку НС-37 (Нудельман–Суранов) – мощное, скорострельное, надежное оружие. Последние доработки и испытания провели в невероятно короткий срок – за два месяца, запуск в серийное производство – за три месяца. Очевидец свидетельствовал: "Конструкторы ели в тире под оглушительный грохот пушки, спали по четыре часа поочередно на одной кровати, в четырех-пяти метрах от стенда, где отстреливали пушку. Всё вокруг дрожало от непрерывной канонады, а в нескольких шагах от изрыгающей снаряды пушки безмятежно спали на раскладушках Нудельман и механик Сенечкин".

Нудельман участвовал в создании пушки на всех этапах – при разработке, испытаниях, внедрении в серийное производство и при проверках ее в боевых условиях. С конца 1942 года пушку НС-37 начали устанавливать на штурмовик Ил-2 – ни одна пушка в авиации противника не могла с ней сравниться; достаточно было попадания одного ее снаряда, чтобы сбить вражеский самолет. За годы войны изготовили 10 000 этих пушек; когда на немецких самолетах появилась усиленная броневая защита, конструкторское бюро Нудельмана разработало более мощную пушку Н-45 для самолетов Як-9 и Ил-10 (Нудельман Александр Эммануилович – дважды Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Сталинской премии, лауреат Ленинской и Государственной премий).

У пушки НС-37 была предшественница – 23-миллиметровая авиационная пушка конструкторского бюро Я. Таубина, принятая на вооружение еще до войны. Начальник конструкторского бюро Таубин Яков Григорьевич изобрел в 1938 году первый в мире пехотный автоматический гранатомет; за создание авиационной пушки был награжден орденом Ленина. В мае 1941 года Таубина арестовали по обвинению во вредительстве, а в октябре расстреляли – вместе со Я. Смушкевичем, Г. Штерном и другими "врагами народа".

Л. Горлицкий руководил на Уралмашзаводе разработками новых типов самоходных артиллерийских установок на базе танка Т-34; одна из них – СУ-100 со 100-миллиметровой пушкой – превосходила лучшие самоходные орудия Германии: дальность стрельбы СУ-100 превышала 25 километров, ее снаряды пробивали броню любого немецкого танка. В проектировании новых зенитных установок участвовали главные конструкторы Л. Локтев и Л. Люльев. Среди создателей многоствольного ракетного миномета "Катюша" был директор научно-исследовательского института Б. Слонимер (в 1991 году ему посмертно присвоили звание Героя Социалистического Труда).

Еврей-конструкторы, технологи, металлурги и прочие специалисты участвовали в проектировании и серийном изготовлении новых видов артиллерийских орудий, минометов, танковых, противотанковых и зенитных пушек, корабельных и береговых артиллерийских

установок, минно-торпедного вооружения; они создавали противотанковые снаряды, взрыватели к минам и авиабомбам, новые составы для производства пороха; осенью 1941 года – в составе группы специалистов – проектировали и возводили под Москвой взрывные заграждения, чтобы затруднить доступ к столице.

Конструкторское бюро под руководством Н. Гальперина создало самую большую бомбу времен той войны – ФАБ-5000 НГ, что расшифровывается таким образом: фугасная авиационная бомба, вес свыше 5000 килограммов, Нисон Гальперин. В каждой такой бомбе помещалось более трех тонн взрывчатого вещества; их сбрасывали на мощные береговые укрепления под Кенигсбергом.

4

После начала войны были образованы комиссии по определению и разработке основных научных проблем для нужд обороны. Одним из инициаторов их создания стал А. Иоффе, вице-президент Академии наук СССР, который возглавлял комиссию по противовоздушной обороне, военно-инженерную комиссию, комиссию по минам, авиабомбам и гранатам, а также по научно-техническим вопросам для флота. Б. Галеркин руководил комиссией по артиллерийским снарядам, Л. Мандельштам – по радиотехнике, С. Вольфович – научными исследованиями в области химии, В. Вейц возглавлял группу по транспорту и энергетике для использования ресурсов Урала (затем эта группа участвовала в восстановлении энергетических систем освобожденных районов страны).

В Физико-техническом институте академика А. Иоффе разработали прибор для защиты кораблей от неконтактных магнитных мин, создали более совершенные подрывные противотанковые устройства и генераторы для передвижных радиостанций, применявшихся в партизанских отрядах; сотрудники института рассчитали условия переправы грузов по льду Ладожского озера – "дороге жизни" в блокадный Ленинград.

В институте С. Вольфовича создали обогреватели танковых двигателей в зимнее время, составы для предотвращения гниения древесины в конструкциях самолетов и кораблей, препараты для холодной стерилизации резиновых перчаток и первичной обработки ран, а также гипсовые бинты, которые упрощали работу врачей в полевых условиях. В особом конструкторском бюро создавали взрыватели для артиллерийских снарядов, мин и авиабомб – руководил этими работами Герой Социалистического Труда Д. Вишневский (генерал-майор инженерно-артиллерийской службы, два ордена Ленина, ордена Красного Знамени, Суворова, Красной Звезды). Для изготовления одного из взрывателей применяли корпуса от стреляных гильз и ударники из листовой стали; эти взрыватели – 1 миллион в месяц – изготавливали в московской артели, которая до войны выпускала сироп для газированной воды.

Под руководством А. Минца разрабатывали радиолокационную аппаратуру. Ю. Харитон стал создателем новых видов взрывчатых веществ. Я. Зельдович рассчитал принципы устойчивого горения топлива в реактивных снарядах, применявшихся на "Катюшах". В лаборатории Б. Вула сконструировали устройство против обледенения самолетов, И. Кикоин разработал магнитную мину, подрывавшую гусеницы танков и железнодорожные пути. А. Клебанский изобрел способ получения синтетического каучука из ацетилена – "совпрен", который по своим качествам оказался лучше натурального.

П. Тагер прославился до войны изобретением "тагедфона" – системы записи и воспроизводства звука, которую использовали в съемках первого советского звукового фильма "Путевка в жизнь" (в титрах последующих кинофильмов отмечали: "Запись звука по системе инженера П. Тагера"). В военное время Тагер участвовал в разработке бронебойного снаряда и предложил способ выбора материала для повышения его эффективности.

Незадолго до войны с Германией ленинградский ученый А. Фефер стал одним из изобретателей нового способа сварки, который позволял при помощи небольшого приспособления очень быстро отремонтировать гусеницу танка в боевых условиях (это изобретение прозвали "мартен в кастрюле"). Фефера вызвали к Сталину, которому он рассказал об изобретении, а также о существовавших пока что недостатках, требовавших доработки. Назавтра у Сталина собрались специалисты, которые одобрили новый способ сварки и рекомендовали его использовать; Сталин согласился с ними, однако предложил устранить сначала замеченные им недоработки и начал их перечислять – в присутствии изобретателя, от которого узнал о них за день до этого.

Из воспоминаний Фефера: "У маршалов и директоров заводов отвисли челюсти... Танкисты-профессионалы, опытнейшие технологи не сумели, выходит, разглядеть того, что увидел гениальный вождь... Я чуть с ума не сошел: сначала думал, что меня убьют, чтобы я никому об этом не сказал, – ведь мы беседовали наедине. Но время шло, меня всё не убивали, и тогда я стал думать – он, наверное, понимает, что я и так никогда никому ничего не скажу".

***

Евреи-ученые руководили в годы войны научно-исследовательскими институтами механики, электрохимии, железнодорожного транспорта, НИИ трубной промышленности, судостроения, вооружения, радиолокации, электроприборов, а также другими исследовательскими центрами. Среди награжденных Сталинской премией в военные годы было примерно 300 евреев. За работы в тылу для фронта ордена и медали получили 180 000 евреев – ученых, руководителей производства, инженеров и рабочих; более 200 из них были награждены орденом Ленина. Звание Героя Социалистического Труда получили в годы войны 12 евреев.

***

Биохимик Б. Збарский участвовал в бальзамировании тела В. Ленина после его смерти и возглавлял лабораторию для последующего его сохранения. Из книги американского писателя Т. Драйзера (1928 год, после посещения Москвы): "Многие рассказывали мне, что набальзамированное тело Ленина... окутано суевериями. До тех пор, пока он лежит здесь, до тех пор, пока он не изменится, коммунизм в безопасности и новая Россия будет процветать. Но (добавляли они шепотом) если он истлеет или будет кем-то потревожен, тогда наступят печальные перемены – конец его великой мечты".

Из постановления Совнаркома "О сохранении тела В. И. Ленина" (2 июля 1941 года): "1. Вывезти тело В. И. Ленина вглубь страны в город Тюмень. 2. Для наблюдения за телом и его сохранения одновременно направить к месту назначения тела профессора Збарского Б. И., 3-х его ассистентов и 5 человек обслуживающего персонала. 3. Возложить полную ответственность на профессора Збарского Б. И. за сохранность тела В. И. Ленина в пути и на новом месте хранения".

В эвакуации тело стало разлагаться, и Сталин приказал сохранить его. Вождю приписывали такие слова: "Наши люди очень суеверны. Если тело Ленина совершенно разрушится, они посчитают это плохим знаком; их испуг может даже повлиять на исход войны".

ОЧЕРК ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Карательные меры в годы войны. Борьба с сионизмом. Отношение к религии.
Антисемитизм в тылу

1

При нападении на Советский Союз немцы повторили прежнюю победоносную стратегию "блицкрига", которую применяли и раньше при захвате стран Западной Европы. Однако советское командование оказалось неподготовленным к такому, казалось, ожидаемому развитию событий, и начальник Генерального штаба Г. Жуков признавал впоследствии: "Ни нарком, ни я, ни мои предшественники... не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными

компактными группами на всех стратегических направлениях для нанесения сокрушительных рассекающих ударов".

За несколько дней до начала войны командующий Западным военным округом генерал армии Д. Павлов предложил "занять полевые укрепления вдоль государственной границы", – ему не позволили этого сделать. За три часа до вторжения Павлов сообщил наркому обороны об усиленном движении немецких войск и снятии проволочных заграждений, но ему посоветовали "быть спокойным и не паниковать": "Если будут отдельные провокации – позвоните". В первые дни боевых действий Павлов потерял управление армиями, которые были частично рассеяны, а частично уничтожены; связь с войсками потеряли многие военачальники, вплоть до Верховного главнокомандующего, но, как это бывало и прежде, срочно нашли "главных виновников" поражений на фронтах, чтобы руководителей страны не обвинили в просчетах при подготовке СССР к войне. Из протокола допроса Павлова: "Приступайте к показаниям о вашей предательской деятельности". – "Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по независящим от меня обстоятельствам... Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию".

В июле 1941 года И. Сталин подписал постановление Государственного комитета обороны – предать суду боевых генералов за "трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление позиций". Это постановление зачитали во всех воинских частях; суд был коротким, и в тот же день расстреляли генерала армии Д. Павлова, заслужившего в Испании звание Героя Советского Союза; вместе с ним казнили начальника штаба и начальника связи Западного фронта, а также командующего одной из армий (аресты генералов на этом не закончились, одни из них попали в лагеря, других уничтожили).

В будущем специальная комиссия пришла к выводу, что "судебное дело безусловно... было инсценировано Сталиным И. В. и бандой Берии, чтобы отвести от себя ответственность за недостаточную подготовку к отражению нападения врага". А еще через много лет в московской газете поместили портрет Павлова и напечатали крупно: "Простите нас, генерал!"

В годы войны шла в стране "решительная борьба с агентурой врага и всякого рода пораженческими элементами". Отправляли в лагеря за "антисоветские разговоры" и "распространение ложных слухов", за восхваление немецкой, а заодно и американской техники, которую Советский Союз получал из-за океана. Повсюду развешивали плакаты: "Слухи – врага оружие, Гитлера скрытая речь. Всех шептунов – обнаруживай! Слухи – спешите пресечь!" Начальник отдела НКВД Еврейской автономной области докладывал: "Одна задержанная женщина имела поручение немецкой разведки распространять слух о "хорошей жизни" в оккупированных гитлеровцами районах. Второй задержанный имел задание разведывать военные объекты".

На фоне репрессий и атмосферы подозрительности нельзя было рассчитывать и на терпимое отношение к сионистскому движению в Советском Союзе. Несмотря на официальные контакты Еврейского антифашистского комитета с международными еврейскими организациями, несмотря на помощь евреев разных стран, сионистов рассматривали как "агентуру врага" и поступали соответствующим образом. Те, кому удалось покинуть СССР, сообщали в те годы: "Преследования очень суровы, хуже, чем когда бы то ни было..." – "Немыслимо даже представить себе возможность существования сионистской организации..." – "Провокации процветают, и каждый дрожит за свою шкуру..." Из докладной записки НКВД (1942 год): "В Ивдельском лагере выявлена антисоветская сионистская организация... В лагере создано несколько ячеек по три-четыре человека в каждой. Они собирали сведения о положении заключенных и передавали их сионистскому центру в Палестине".

В годы войны привлекали к суду "за сионистскую деятельность и шпионаж в пользу Германии... За сионистскую деятельность и преподавание языка иврит... За сионистскую пропаганду в армии среди бойцов-евреев... За организацию нелегальной молодежной группы... За отказ принять советское гражданство и желание уехать в Палестину..." Находились порой смельчаки, которые пытались нелегально перейти границу, чтобы попасть в Эрец Исраэль. Их ловили и в протоколах обвинения указывали: "Арестован при попытке перейти границу из Туркмении в Иран... Арестован при попытке перейти в Афганистан... В Турцию... В Китай... За перевод группы через границу... За попытку пересечения границы в вагоне с зерном..." Меры наказания за подобные действия были суровыми: "Осужден вместе с братом и сестрой на 10 лет

заклучения и 5 лет ссылки... Приговорен к расстрелу за измену родине... Приговорен к расстрелу... Осужден на 10 лет заключения... На 8 лет... На 7 лет заключения и 6 лет ссылки... Осужден на 10 лет заключения, умер в лагере..."

Ю. Марголин (из воспоминаний польского еврея-заключенного в годы войны): "В советских лагерях, тюрьмах и ссылках вымерло целое поколение сионистов... Одним из моих потрясающих переживаний в советском "подземном царстве" была встреча с людьми, которых похоронили заживо... за сионизм их молодости. Теперь передо мной стояли старые, сломленные люди без надежды и веры. Они просили меня передать поклон родному народу и родной стране, как святым призракам, которые уж никогда не станут для них действительностью... Где-то плачут по ним матери, жены, дети. Так плакали и по мне мои близкие, не зная, где я, не имея сил помочь мне".

2

Германская пропаганда на оккупированных территориях всячески подчеркивала беспощадную борьбу советской власти с религией и противопоставляла ей свое благожелательное отношение к верующим людям. Немецкая администрация разрешала открытие храмов, монастырей, мечетей, церквей старообрядцев и распространяла листовки с новейшими молитвами: "Адольф Гитлер, ты наш вождь, имя твое наводит трепет на врагов. Да придет Третья империя твоя и да осуществится воля твоя на земле..." Нашлись священнослужители, которые поддерживали немецкий режим; митрополит Виленский и Литовский Сергей провозгласил, что на "освобожденной территории он свободен от каких-либо обязанностей по отношению к советской власти", призвал верующих к борьбе с большевиками и к поддержке оккупационной власти, установившей религиозную свободу.

В годы войны была приостановлена антирелигиозная пропаганда в Советском Союзе и отношение к религии стало более терпимым. Следовало показать всему миру, что в СССР существует религиозная свобода, а потому распустили Союз воинствующих безбожников и больше о нем не упоминали, как будто этот Союз никогда не существовал. Освобождали из лагерей уцелевших священников и раздавали им приходы в сохранившихся церквях, не препятствовали открытию новых молитвенных домов и не мешали святить куличи на Пасху; разрешили собирать пожертвования на нужды церквей, расширили религиозную издательскую деятельность, позволили открыть семинарии для подготовки священнослужителей и устанавливать связи с зарубежными религиозными организациями.

Глава русской православной церкви митрополит Сергей призывал верующих встать на защиту Родины; в сентябре 1943 года был созван Архиерейский собор, который избрал Сергия патриархом Московским и всея Руси (после его смерти, с 1945 года, патриархом стал митрополит Алексий). Советский дипломат разъяснил на Западе, что правительство в Москве "проводит реалистическую политику, а его отношение к религии может служить примером того, как власти считаются с факторами, которые прежде игнорировались".

Более терпимое отношение к религии коснулось и еврейского населения. Во время осенних праздников 1941 года синагоги Москвы и Ленинграда были переполнены людьми разных возрастов; в 1942 году, впервые за много лет, устроили при московской синагоге общественный седер на праздник Песах.

В городах Урала, Сибири, Средней Азии появились евреи, эвакуированные из западных областей СССР; многие из них соблюдали еврейские законы, а потому просили и получали порой разрешения на открытие синагог и молитвенных домов. В Челябинске религиозные евреи приобрели комнату и совершали в ней моления. В Чкалове им разрешили выпечку мацы к празднику Песах. В Якутске ссыльные евреи обнаружили свитки Торы, чудом сохранившиеся с тех времен, когда в городе существовала синагога, и перенесли их в молитвенный дом. В Ташкенте действовала синагога – центр еврейской общины города, во Фрунзе евреи собрали деньги и купили небольшой дом для молитв, в синагоге Куйбышева оказалось много редких книг и рукописей, которые привезли евреи из Прибалтики. После расстрела московского раввина Ш. Медалье никто не заменял его в хоральной синагоге в течение пяти лет; в конце 1943 года раввином Москвы назначили Ш. Шлиффера, который работал до этого бухгалтером в советских учреждениях.

В первую блокадную зиму 1941-1942 года, когда жители осажденного Ленинграда голодали и страдали от холодов, сохранялся в городе один, по-видимому, миньян – не менее десяти евреев собирались на квартире для молитвы. В подвал Хоральной синагоги Ленинграда всю зиму приходили изможденные люди, чтобы помолиться; в маленькой комнате топили печку, дорожка в подвал была протоптана по снегу мимо штабелей тел, ожидавших погребения, куда добавляли и тех, кто еще недавно молился в этом подвале. Трупы отвозили на еврейское Преображенское кладбище, за рытье могил расплачивались хлебными карточками, а потому эти могилы долгое время называли "хлебными".

К лету 1942 года возобновились миньяны в нескольких ленинградских квартирах; в религиозных семьях отмечали субботу, за неимением вина и субботней халы благословение произносили на кусочек хлебного пайка, а был он, повторим, по рабочим карточкам до 250 граммов в день, по карточкам для служащих, детей и иждивенцев до 125 граммов. С 1936 года в хоральной синагоге Ленинграда не было раввина; в 1943 году раввином города стал А. Лубанов, которому разрешили вернуться из ссылки и поселиться с женой и двумя дочерьми в маленькой комнате в здании синагоги.

Раввин И. Зильбер, из воспоминаний военного времени: "Мой отец говорил, что перед смертью не врут. Знаю случай, когда женщина из нееврейской семьи вызвала раввина (это было в Самарканде во время войны) и попросила похоронить ее по-еврейски, если операция закончится смертью, потому что она еврейка. И ее похоронили как положено".

3

Из воспоминаний заключенного – польского еврея: "Мы нашли в лагере открытую и массовую вражду к евреям. Двадцать пять лет советского режима ничего не изменили в этом отношении. Неизменно в каждой бригаде, в каждом бараке, в каждой колонне оказывались люди, которые ненавидели меня только за то, что я еврей... На воле те же люди были осторожнее, в лагере они не стеснялись... Под влиянием первых успехов Гитлера на советском фронте в лагере создалась такая атмосфера, что никто из евреев не сомневался, какова была бы их участь, если бы лагерь попал в руки немцев или финнов. Нас перерезали бы в первый же день. Лагерники угрожали нам открыто... Каждый мог говорить о евреях без стеснения – зная, что на его стороне и начальники, и стрелки, и каждый вольный".

Условия военного времени подстегнули бытовой антисемитизм в Советском Союзе, который существовал и раньше, хотя и в приглушенном состоянии. Тому способствовали разруха и лишения тех лет, когда обострилась борьба за существование, а порой и за выживание; тому способствовало и появление эвакуированных в восточных регионах страны, которые потеснили местных жителей на работе, уплотнили в их домах, способствовали созданию невыносимых условия быта. Взлетели цены на рынках, что объясняли засильем пришлых, которые привезли с собой деньги, привезли и вещи, годные на обмен продовольствия. Ответственные работники эвакуированных учреждений и заводов получали повышенные зарплаты и продукты из закрытых распределителей, вызывая зависть окружающих; это была привилегированная прослойка населения – в ней оказалось и некоторое количество евреев. За годы войны были эвакуированы в тыл около 17 миллионов человек, но еврейское население выделили среди прочих и обвинили во многих бедах, постигших страну.

В эвакуации появились и евреи из западных районов страны, которые успели побыть советскими гражданами лишь недолгое время. Их отличали иные манеры, одежда, неприспособленность к непривычной работе, к незнакомому быту Сибири или Средней Азии; они были нищими, истощенными, порой безо всякой профессии и, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были торговать на рынках. В те годы торговали многие, а точнее, каждый, кто мог хоть что-то продать или выменять на продукты, но евреев и здесь выделили среди прочих. С ними сталкивались постоянно, их присутствие раздражало, подталкивая на скорые выводы, а выводы были таковы: "жиды Ташкент обороняют", "мы должны воевать за них", "мы на фронте, а евреи в Ташкенте". И хотя в городах Урала и Сибири эвакуированных евреев было не меньше, Ташкент в представлении антисемитов стал символом еврейского засилья, хитрости, изворотливости, уклонения от фронта.

Эта тема неоднократно возникала на заседаниях Еврейского антифашистского комитета: одни требовали бороться с позорным явлением, а другие критиковали "безответственные

высказывания" тех, кто "преувеличивал" опасность антисемитизма в СССР. Секретарь ЕАК Ш. Эпштейн разъяснял официальную точку зрения на эту проблему: "В Советском Союзе, где раз и навсегда покончено с эксплуатацией человека человеком, нет и не может быть почвы для антисемитизма. Это должен понять и помнить каждый. Если война вызывает те или иные ненормальные явления... их нельзя обобщать и преувеличивать, раздувать их значение и влияние... Они сеют упадничество, дают пищу пораженчеству, вскармливают настроения отчаянности".

Секретный осведомитель докладывал начальству, что в газете "Эйникайт" допустили "грубые, политически вредные промахи: были опубликованы выступления, не подлежащие оглашению, как, например, выступление тов. Эренбурга о необходимости борьбы против антисемитизма". Германская пропаганда разжигала антисемитские настроения, провозглашая Гитлера освободителем мира от евреев – "врагов человечества". Немцы разбрасывали огромное количество листовок на линии фронта, убеждая бойцов Красной армии, что германская армия воюет не с русскими-украинцами-белорусами, а только с евреями – "виновниками" той войны: "Товарищи! Видели ли вы своими глазами "немецкие зверства" по отношению к русскому народу, о которых денно и ночью твердит советская пропаганда, все эти эренбурги?.. Да! Немцы безжалостно истребляют жидов. Туда им и дорога..." – "Вы идете в атаку под огонь германского оружия, а жиды в тылу выдумывают новые цели войны. Вы умираете, а они получают звание Героев Советского Союза..." – "Ликвидируйте ваших жидов и коммунистов..." – "Переходите на нашу сторону! Вам нечего бояться. Мы уничтожаем только жидов, которые гонят вас на смерть..."

Раненые и инвалиды, возвращаясь с фронта, добавляли порцию антисемитизма к тем настроениям, которые существовали в тылу. Одно накладывалось на другое, создавая тревожную атмосферу; из Фрунзе, столицы Киргизии, сообщали в газету "Красная звезда": "Демобилизованные из армии раненые являются главными распространителями антисемитизма. Они открыто говорят, что евреи уклоняются от войны, сидят по тылам на тепленьких местечках; они ведут настоящую погромную агитацию. Я был свидетелем, как евреев выгоняли из очередей, избивали – даже женщин – те же безногие калеки. Раненые в отпусках часто возглавляют такие хулиганские выходы".

Подобное происходило и в других республиках Средней Азии; прокурор Казахской ССР сообщал в Москву о разных видах проявления антисемитизма: "Избиение на улицах, открытое одобрение политики Гитлера по отношению к евреям, повреждение имущества, отказ в предоставлении работы, распространение листовок с призывом не продавать евреям продуктов питания, распространение слухов об убийстве евреями детей".

Из воспоминаний военных времен: "В поезде в Одессу мой сосед, полковник, оказался антисемитом, который не закрывая рта хвастался тем, что получил какое-то количество орденов, что только чисто русские могут так хорошо воевать, а вот евреи отсиживаются в тылу. Я с ним не вступала в разговор, но раз не выдержала и поплакала в вонючей уборной". Из письма И. Эренбургу жителя Ташкента: "Недавно в трамвае мне пришлось наблюдать, как здоровенный верзила долго глядел на юношу без руки и изрек: "Нужно еще проверить, как этот жид потерял руку".

4

Из воспоминаний: "Я часто спрашивался ходить за языком. И не потому, что не осознавал опасности и риска смерти... Просто не хотел, чтобы были разговоры вокруг национальности – вот, мол, отсиживается еврей. Особисты не препятствовали, знали – раз еврей, значит, сдаваться в плен не будет".

Б. Слуцкий, поэт, из "Записок о войне":

"Один из дикторов дивизионной агитационной громкоговорящей установки Юрка Каганович, юноша, студент Киевского литфака (наверно, писал неплохие стихи), отпросился на работу в разведроту. Это был вспыльчивый и замкнутый человек. На работе, на территории противника он бросался с кулаками на неподчинявшихся разведчиков, слабыми кулачками бил их по лицу и по глазам.

В 1944 году, когда армия три недели находилась в блаженном неведении о противнике и разведчикам трижды в день обещали штрафные роты и разлитое море водки, он прокрался в

окопы противника, окликнул на хорошем немецком языке заносимого метелью часового и, заткнув ему глотку, долго, вместе с тремя разведчиками из группы захвата, лупил, приводя в состояние, удобное для переноски через минные поля. За три месяца взял семь языков. Работа целой разведроты, при этом удачливой! Был горд и надменен. В полгода получил четыре ордена – редкий случай и для командиров дивизий. Возмущался избиением пленных на допросах. Резко изменился, стал беспощадным к фрицам, расстреливал саморучно всех лишних пленных после того, как посмотрел остатки одного из "лагерей смерти".

Во время Яско-Кишиневской операции, когда тысячные колонны фрицев без охраны искали "плен" и повозочные набирали с верхом пилотки ручных часов, Каганович с шестью другими разведчиками, удобно устроившись на холмике, начал поливать из автоматов беззащитных усталых фрицев. Сначала те метнулись в сторону, потом повернули и затоптали ногами разведчиков. Позже труп Кагановича был найден. Огромный орден Богдана Хмельницкого был выковеркан из его груди кинжалом или ножом вместе с гимнастеркой, бельем, живой плотью. Незадолго до смерти он говорил мне: товарищи удивляются, верят и не верят, что я еврей. Майор Коляда говорил мне: какой ты еврей, ты еврейский цыган. И Каганович добавил злобно: всё это правильно, заслуженно.

Капитан Орман, борец, артиллерист, в прошлом ростовский инженер, иудаизм которого был подкрашен портовым способом воспитания, демонстративно торчал на всех наблюдательных пунктах, подавлял и обижал своих товарищей храбростью, часто излишней. Мне он говорил: "Я знаю, как они смотрят на евреев, так пусть посмотрят на такого, который храбрее их всех..."

Б. Слуцкий был тяжело ранен в 1941 году в боях под Москвой (из его стихотворения "Про евреев"):

КНИГА ВРЕМЕН И СОБЫТИЙ, ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ ОЧЕРК ТРИДЦАТЬ

ВОСЬМОЙ Карательные меры в годы войны. Борьба с сионизмом. Отношение к религии.

Антисемитизм в тылу

1

При нападении на Советский Союз немцы повторили прежнюю победоносную стратегию "блицкрига", которую применяли и раньше при захвате стран Западной Европы. Однако советское командование оказалось неподготовленным к такому, казалось, ожидаемому развитию событий, и начальник Генерального штаба Г. Жуков признавал впоследствии: "Ни нарком, ни я, ни мои предшественники... не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группами на всех стратегических направлениях для нанесения сокрушительных рассекающих ударов".

За несколько дней до начала войны командующий Западным военным округом генерал армии Д. Павлов предложил "занять полевые укрепления вдоль государственной границы", – ему не позволили этого сделать. За три часа до вторжения Павлов сообщил наркому обороны об усиленном движении немецких войск и снятии проволочных заграждений, но ему посоветовали "быть спокойным и не паниковать": "Если будут отдельные провокации – позвоните". В первые дни боевых действий Павлов потерял управление армиями, которые были частично рассеяны, а частично уничтожены; связь с войсками потеряли многие военачальники, вплоть до Верховного главнокомандующего, но, как это бывало и прежде, срочно нашли "главных виновников" поражений на фронтах, чтобы руководителей страны не обвинили в просчетах при подготовке СССР к войне. Из протокола допроса Павлова: "Приступайте к показаниям о вашей предательской деятельности". – "Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по независящим от меня обстоятельствам... Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклинуться на нашу территорию".

В июле 1941 года И. Сталин подписал постановление Государственного комитета обороны – предать суду боевых генералов за "трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление позиций". Это постановление зачитали во всех воинских частях; суд

был коротким, и в тот же день расстреляли генерала армии Д. Павлова, заслужившего в Испании звание Героя Советского Союза; вместе с ним казнили начальника штаба и начальника связи Западного фронта, а также командующего одной из армий (аресты генералов на этом не закончились, одни из них попали в лагерь, других уничтожили).

В будущем специальная комиссия пришла к выводу, что "судебное дело безусловно... было инсценировано Сталиным И. В. и бандой Берии, чтобы отвести от себя ответственность за недостаточную подготовку к отражению нападения врага". А еще через много лет в московской газете поместили портрет Павлова и напечатали крупно: "Простите нас, генерал!"

В годы войны шла в стране "решительная борьба с агентурой врага и всякого рода пораженческими элементами". Отправляли в лагерь за "антисоветские разговоры" и "распространение ложных слухов", за восхваление немецкой, а заодно и американской техники, которую Советский Союз получал из-за океана. Повсюду развешивали плакаты: "Слухи – врага оружие, Гитлера скрытая речь. Всех шептунов – обнаруживай! Слухи – спешите пресечь!" Начальник отдела НКВД Еврейской автономной области докладывал: "Одна задержанная женщина имела поручение немецкой разведки распространять слух о "хорошей жизни" в оккупированных гитлеровцами районах. Второй задержанный имел задание разведывать военные объекты".

На фоне репрессий и атмосферы подозрительности нельзя было рассчитывать и на терпимое отношение к сионистскому движению в Советском Союзе. Несмотря на официальные контакты Еврейского антифашистского комитета с международными еврейскими организациями, несмотря на помощь евреев разных стран, сионистов рассматривали как "агентуру врага" и поступали соответствующим образом. Те, кому удалось покинуть СССР, сообщали в те годы: "Преследования очень суровы, хуже, чем когда бы то ни было..." – "Немыслимо даже представить себе возможность существования сионистской организации..." – "Провокации процветают, и каждый дрожит за свою шкуру..." Из докладной записки НКВД (1942 год): "В Ивдельском лагере выявлена антисоветская сионистская организация... В лагере создано несколько ячеек по три-четыре человека в каждой. Они собирали сведения о положении заключенных и передавали их сионистскому центру в Палестине".

В годы войны привлекали к суду "за сионистскую деятельность и шпионаж в пользу Германии... За сионистскую деятельность и преподавание языка иврит... За сионистскую пропаганду в армии среди бойцов-евреев... За организацию нелегальной молодежной группы... За отказ принять советское гражданство и желание уехать в Палестину..." Находились порой смельчаки, которые пытались нелегально перейти границу, чтобы попасть в Эрец Исраэль. Их ловили и в протоколах обвинения указывали: "Арестован при попытке перейти границу из Туркмении в Иран... Арестован при попытке перейти в Афганистан... В Турцию... В Китай... За перевод группы через границу... За попытку пересечения границы в вагоне с зерном..." Меры наказания за подобные действия были суровыми: "Осужден вместе с братом и сестрой на 10 лет заключения и 5 лет ссылки... Приговорен к расстрелу за измену родине... Приговорен к расстрелу... Осужден на 10 лет заключения... На 8 лет... На 7 лет заключения и 6 лет ссылки... Осужден на 10 лет заключения, умер в лагере..."

Ю. Марголин (из воспоминаний польского еврея-заключенного в годы войны): "В советских лагерях, тюрьмах и ссылках вымерло целое поколение сионистов... Одним из моих потрясающих переживаний в советском "подземном царстве" была встреча с людьми, которых похоронили заживо... за сионизм их молодости. Теперь передо мной стояли старые, сломленные люди без надежды и веры. Они просили меня передать поклон родному народу и родной стране, как святым призракам, которые уж никогда не станут для них действительностью... Где-то плачут по ним матери, жены, дети. Так плакали и по мне мои близкие, не зная, где я, не имея сил помочь мне".

2

Германская пропаганда на оккупированных территориях всячески подчеркивала беспощадную борьбу советской власти с религией и противопоставляла ей свое благожелательное отношение к верующим людям. Немецкая администрация разрешала открытие храмов, монастырей, мечетей, церковей старообрядцев и распространяла листовки с новейшими молитвами: "Адольф Гитлер, ты наш вождь, имя твое наводит трепет на врагов. Да придет Третья империя твоя и да

осуществится воля твоя на земле..." Нашлись священнослужители, которые поддержали немецкий режим; митрополит Виленский и Литовский Сергей провозгласил, что на "освобожденной территории он свободен от каких-либо обязанностей по отношению к советской власти", призвал верующих к борьбе с большевиками и к поддержке оккупационной власти, установившей религиозную свободу.

В годы войны была приостановлена антирелигиозная пропаганда в Советском Союзе и отношение к религии стало более терпимым. Следовало показать всему миру, что в СССР существует религиозная свобода, а потому распустили Союз воинствующих безбожников и больше о нем не упоминали, как будто этот Союз никогда не существовал. Освобождали из лагерей уцелевших священников и раздавали им приходы в сохранившихся церквях, не препятствовали открытию новых молитвенных домов и не мешали святить куличи на Пасху; разрешили собирать пожертвования на нужды церквей, расширили религиозную издательскую деятельность, позволили открыть семинарии для подготовки священнослужителей и устанавливать связи с зарубежными религиозными организациями.

Глава русской православной церкви митрополит Сергей призывал верующих встать на защиту Родины; в сентябре 1943 года был созван Архиерейский собор, который избрал Сергия патриархом Московским и всея Руси (после его смерти, с 1945 года, патриархом стал митрополит Алексий). Советский дипломат разъярил на Западе, что правительство в Москве "проводит реалистическую политику, а его отношение к религии может служить примером того, как власти считаются с факторами, которые прежде игнорировались".

Более терпимое отношение к религии коснулось и еврейского населения. Во время осенних праздников 1941 года синагоги Москвы и Ленинграда были переполнены людьми разных возрастов; в 1942 году, впервые за много лет, устроили при московской синагоге общественный седер на праздник Песах.

В городах Урала, Сибири, Средней Азии появились евреи, эвакуированные из западных областей СССР; многие из них соблюдали еврейские законы, а потому просили и получали порой разрешения на открытие синагог и молитвенных домов. В Челябинске религиозные евреи приобрели комнату и совершали в ней моления. В Чкалове им разрешили выпечку мацы к празднику Песах. В Якутске ссыльные евреи обнаружили свитки Торы, чудом сохранившиеся с тех времен, когда в городе существовала синагога, и перенесли их в молитвенный дом. В Ташкенте действовала синагога – центр еврейской общины города, во Фрунзе евреи собрали деньги и купили небольшой дом для молитв, в синагоге Куйбышева оказалось много редких книг и рукописей, которые привезли евреи из Прибалтики. После расстрела московского раввина Ш. Медалье никто не заменял его в хоральной синагоге в течение пяти лет; в конце 1943 года раввином Москвы назначили Ш. Шлифера, который работал до этого бухгалтером в советских учреждениях.

В первую блокадную зиму 1941-1942 года, когда жители осажденного Ленинграда голодали и страдали от холодов, сохранялся в городе один, по-видимому, миньян – не менее десяти евреев собирались на квартире для молитвы. В подвал Хоральной синагоги Ленинграда всю зиму приходили изможденные люди, чтобы помолиться; в маленькой комнате топили печку, дорожка в подвал была протоптана по снегу мимо штабелей тел, ожидавших погребения, куда добавляли и тех, кто еще недавно молился в этом подвале. Трупы отвозили на еврейское Преображенское кладбище, за рытье могил расплачивались хлебными карточками, а потому эти могилы долгое время называли "хлебными".

К лету 1942 года возобновились миньяны в нескольких ленинградских квартирах; в религиозных семьях отмечали субботу, за неимением вина и субботней халы благословение произносили на кусочек хлебного пайка, а был он, повторим, по рабочим карточкам до 250 граммов в день, по карточкам для служащих, детей и иждивенцев до 125 граммов. С 1936 года в хоральной синагоге Ленинграда не было раввина; в 1943 году раввином города стал А. Лубанов, которому разрешили вернуться из ссылки и поселиться с женой и двумя дочерьми в маленькой комнате в здании синагоги.

Раввин И. Зильбер, из воспоминаний военного времени: "Мой отец говорил, что перед смертью не врут. Знаю случай, когда женщина из нееврейской семьи вызвала раввина (это было в Самарканде во время войны) и попросила похоронить ее по-еврейски, если операция закончится смертью, потому что она еврейка. И ее похоронили как положено".

Из воспоминаний заключенного – польского еврея: "Мы нашли в лагере открытую и массовую вражду к евреям. Двадцать пять лет советского режима ничего не изменили в этом отношении. Неизменно в каждой бригаде, в каждом бараке, в каждой колонне оказывались люди, которые ненавидели меня только за то, что я еврей... На воле те же люди были осторожнее, в лагере они не стеснялись... Под влиянием первых успехов Гитлера на советском фронте в лагере создалась такая атмосфера, что никто из евреев не сомневался, какова была бы их участь, если бы лагерь попал в руки немцев или финнов. Нас перерезали бы в первый же день. Лагерники угрожали нам открыто... Каждый мог говорить о евреях без стеснения – зная, что на его стороне и начальники, и стрелки, и каждый вольный".

Условия военного времени подстегнули бытовой антисемитизм в Советском Союзе, который существовал и раньше, хотя и в приглушенном состоянии. Тому способствовали разруха и лишения тех лет, когда обострилась борьба за существование, а порой и за выживание; тому способствовало и появление эвакуированных в восточных регионах страны, которые потеснили местных жителей на работе, уплотнили в их домах, способствовали созданию невыносимых условий быта. Взлетели цены на рынках, что объясняли засильем пришлых, которые привезли с собой деньги, привезли и вещи, годные на обмен продовольствия. Ответственные работники эвакуированных учреждений и заводов получали повышенные зарплаты и продукты из закрытых распределителей, вызывая зависть окружающих; это была привилегированная прослойка населения – в ней оказалось и некоторое количество евреев. За годы войны были эвакуированы в тыл около 17 миллионов человек, но еврейское население выделили среди прочих и обвинили во многих бедах, постигших страну.

В эвакуации появились и евреи из западных районов страны, которые успели побыть советскими гражданами лишь недолгое время. Их отличали иные манеры, одежда, неприспособленность к непривычной работе, к незнакомому быту Сибири или Средней Азии; они были нищими, истощенными, порой безо всякой профессии и, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были торговать на рынках. В те годы торговали многие, а точнее, каждый, кто мог хоть что-то продать или выменять на продукты, но евреев и здесь выделили среди прочих. С ними сталкивались постоянно, их присутствие раздражало, подталкивая на скорые выводы, а выводы были таковы: "жиды Ташкент обороняют", "мы должны воевать за них", "мы на фронте, а евреи в Ташкенте". И хотя в городах Урала и Сибири эвакуированных евреев было не меньше, Ташкент в представлении антисемитов стал символом еврейского засилья, хитрости, изворотливости, уклонения от фронта.

Эта тема неоднократно возникала на заседаниях Еврейского антифашистского комитета: одни требовали бороться с позорным явлением, а другие критиковали "безответственные высказывания" тех, кто "преувеличивал" опасность антисемитизма в СССР. Секретарь ЕАК Ш. Эпштейн разъяснял официальную точку зрения на эту проблему: "В Советском Союзе, где раз и навсегда покончено с эксплуатацией человека человеком, нет и не может быть почвы для антисемитизма. Это должен понять и помнить каждый. Если война вызывает те или иные ненормальные явления... их нельзя обобщать и преувеличивать, раздувать их значение и влияние... Они сеют упадничество, дают пищу пораженчеству, вскармливают настроения отчаянности".

Секретный осведомитель докладывал начальству, что в газете "Эйникайт" допустили "грубые, политически вредные промахи: были опубликованы выступления, не подлежащие оглашению, как, например, выступление тов. Эренбурга о необходимости борьбы против антисемитизма". Германская пропаганда разжигала антисемитские настроения, провозглашая Гитлера освободителем мира от евреев – "врагов человечества". Немцы разбрасывали огромное количество листовок на линии фронта, убеждая бойцов Красной армии, что германская армия воюет не с русскими-украинцами-белорусами, а только с евреями – "виновниками" той войны: "Товарищи! Видели ли вы своими глазами "немецкие зверства" по отношению к русскому народу, о которых денно и ночью твердит советская пропаганда, все эти эренбурги?.. Да! Немцы безжалостно истребляют жидов. Туда им и дорога..." – "Вы идете в атаку под огонь германского оружия, а жиды в тылу выдумывают новые цели войны. Вы умираете, а они получают звание Героев Советского Союза..." – "Ликвидируйте ваших жидов и коммунистов..."

– "Переходите на нашу сторону! Вам нечего бояться. Мы уничтожаем только жидов, которые гонят вас на смерть..."

Раненые и инвалиды, возвращаясь с фронта, добавляли порцию антисемитизма к тем настроениям, которые существовали в тылу. Одно накладывалось на другое, создавая тревожную атмосферу; из Фрунзе, столицы Киргизии, сообщали в газету "Красная звезда": "Демобилизованные из армии раненые являются главными распространителями антисемитизма. Они открыто говорят, что евреи уклоняются от войны, сидят по тылам на тепленьких местечках; они ведут настоящую погромную агитацию. Я был свидетелем, как евреев выгоняли из очередей, избивали – даже женщин – те же безногие калеки. Раненые в отпусках часто возглавляют такие хулиганские выходы".

Подобное происходило и в других республиках Средней Азии; прокурор Казахской ССР сообщал в Москву о разных видах проявления антисемитизма: "Избиение на улицах, открытое одобрение политики Гитлера по отношению к евреям, повреждение имущества, отказ в предоставлении работы, распространение листовок с призывом не продавать евреям продуктов питания, распространение слухов об убийстве евреями детей".

Из воспоминаний военных времен: "В поезде в Одессу мой сосед, полковник, оказался антисемитом, который не закрывая рта хвастался тем, что получил какое-то количество орденов, что только чисто русские могут так хорошо воевать, а вот евреи отсиживаются в тылу. Я с ним не вступала в разговор, но раз не выдержала и поплакала в вонючей уборной". Из письма И. Эренбургу жителя Ташкента: "Недавно в трамвае мне пришлось наблюдать, как здоровенный верзила долго глядел на юношу без руки и изрек: "Нужно еще проверить, как этот жид потерял руку".

4

Из воспоминаний: "Я часто напрашивался ходить за языком. И не потому, что не осознавал опасности и риска смерти... Просто не хотел, чтобы были разговоры вокруг национальности – вот, мол, отсиживается еврей. Особисты не препятствовали, знали – раз еврей, значит, сдаваться в плен не будет".

Б. Слуцкий, поэт, из "Записок о войне":

"Один из дикторов дивизионной агитационной громкоговорящей установки Юрка Каганович, юноша, студент Киевского литфака (наверно, писал неплохие стихи), отпросился на работу в разведроту. Это был вспыльчивый и замкнутый человек. На работе, на территории противника он бросался с кулаками на неподчинявшихся разведчиков, слабыми кулачками бил их по лицу и по глазам.

В 1944 году, когда армия три недели находилась в блаженном неведении о противнике и разведчикам трижды в день обещали штрафные роты и разлитое море водки, он прокрался в окопы противника, окликнул на хорошем немецком языке заносимого метелью часового и, заткнув ему глотку, долго, вместе с тремя разведчиками из группы захвата, лупил, приводя в состояние, удобное для переноски через минные поля. За три месяца взял семь языков. Работа целой разведроты, при этом удачливой! Был горд и надменен. В полгода получил четыре ордена – редкий случай и для командиров дивизий. Возмущался избиением пленных на допросах. Резко изменился, стал беспощадным к фрицам, расстреливал саморучно всех лишних пленных после того, как посмотрел остатки одного из "лагерей смерти".

Во время Яско-Кишиневской операции, когда тысячные колонны фрицев без охраны искали "плен" и повозочные набирали с верхом пилотки ручных часов, Каганович с шестью другими разведчиками, удобно устроившись на холмике, начал поливать из автоматов беззащитных усталых фрицев. Сначала те метнулись в сторону, потом повернули и затоптали ногами разведчиков. Позже труп Кагановича был найден. Огромный орден Богдана Хмельницкого был выковеркан из его груди кинжалом или ножом вместе с гимнастеркой, бельем, живой плотью. Незадолго до смерти он говорил мне: товарищи удивляются, верят и не верят, что я еврей. Майор Коляда говорил мне: какой ты еврей, ты еврейский цыган. И Каганович добавил злобно: всё это правильно, заслуженно.

Капитан Орман, борец, артиллерист, в прошлом ростовский инженер, иудаизм которого был подкрашен портовым способом воспитания, демонстративно торчал на всех наблюдательных

пунктах, подавлял и обижал своих товарищей храбростью, часто излишней. Мне он говорил: "Я знаю, как они смотрят на евреев, так пусть посмотрят на такого, который храбрее их всех..."
Б. Слуцкий был тяжело ранен в 1941 году в боях под Москвой (из его стихотворения "Про евреев"):

***

Перед началом войны И. Сталин велел пересмотреть дела некоторых военачальников, находившихся в заключении. Среди освобожденных оказался и будущий маршал К. Рокоссовский, командовавший фронтами до окончания войны, генерал армии А. Горбатов и другие. Не всякий из командиров сумел восстановить прежнее свое умение командовать войсками, и маршал С. Бирюзов вспоминал: "Полученные в тюрьмах и лагерях моральные, а часто и тяжелые физические травмы убили у них волю, инициативу, решительность, столь необходимые военному человеку".

Министерство внутренних дел СССР подсчитало после войны количество осужденных по делам органов НКВД с 1941 по 1945 год. Трибуналы, суды и особые совещания осудили 476 615 обвиняемых, приговорили к расстрелу 42 145 человек (исследователи утверждают, что военные трибуналы вынесли за годы войны более 150 000 смертных приговоров; "в 1941-1945 годах в лагерях и колониях ГУЛАГа и тюрьмах умерло около 1 миллиона заключенных").

***

В 1943 году на странице газеты "Коммунист" города Красноводска была пропущена буква "р" в слове "Сталинград", а в газете Каспийской военной флотилии в слове "главнокомандующий" не оказалось буквы "л". Цензура определила, что эти "контрреволюционные опечатки – дело рук врага", и сообщила о случившемся в соответствующие органы.

Из воспоминаний жителя Биробиджана, в прошлом – члена коммунистической партии Палестины (Колыма, лагерная больница): "Хочется есть. Сидим на кроватях, как тени. Молчим. Бледные, слабые, мечтаем о куске хлеба. Изредка приходит мой друг Ефим Гринбойм, бывший директор завода с Урала, приносит какие-нибудь новости. Главная из них – победа Красной армии под Сталинградом. Наступление продолжается. Освобожден Ростов-на-Дону. Но я настолько голоден, что не ощущаю радости... Нога ноет не переставая. Рана не заживает, не могу ходить. Лежу или сижу, как пень. Всё атрофировано: мысли, чувства... Чувствую себя живым мертвецом..."

***

При подходе немецких войск органы НКВД спешно эвакуировали тюрьмы и лагеря принудительного труда, а там, где это было невозможно, арестантов уничтожали; массовые расстрелы заключенных во Львове, Тернополе, Ивано-Франковске, Виннице, под Харьковом, произведенные при отступлении Красной армии, были приписаны "зверствам нацистов". По дорогам Карело-Финской ССР гнали колонну – восемьсот человек в сопровождении охраны; среди прочих шел и заключенный Ю. Марголин, еврей из Эрец Исраэль, которому впервые довелось увидеть те места. Из его воспоминаний: "Деревни казались вымершими. Ребятишки, женщины и старики копошились у избенок, и редко-редко можно было увидеть мужчину. Босой оборванный колхозник выглядел так, как будто он сбежал из наших рядов. Пустынные карельские колхозы являли образ запустения и разорения, как после пожара или погрома... Не надо было спрашивать, как им живется. Достаточно было пройти через десяток деревень, чтобы получить картину такой черной и горькой нищеты, какая была возможна разве только во времена московского средневековья..."

***

В годы войны Уссурийский казачий кавалерийский полк охранял границу на Дальнем Востоке; в полку служил молодой еврей, который в часы отдыха рассказывал казакам библейские истории об исходе из Египта и о еврейских праздниках. Из его воспоминаний: "После этих бесед я заметил, что меня не назначают в группы усиления охраны границ, не посылают в секреты, дозоры, не вводят в состав боевых разъездов... Командир эскадрона старший лейтенант Курнасенко объяснил: "Наш эскадрон в большинстве состоит из казаков-субботников, людей одной веры с тобой, – ты уже обратил внимание, что нательных крестов

никто не носит. Таких грамотеев в вопросах Ветхого Завета, как ты, казаки давно не видели, а потому решили тебя поберечь. Ты у нас один еврей, и случись что с тобой, прощения нам не будет"... Летом 1943 года наш полк находился в городе Камень-Рыболов. Там я нашел две еврейские семьи; они подарили мне Ветхий Завет на иврите с переводом на русский язык. Книгу читали многие казаки, и когда я уехал в кавалерийское училище, она осталась у старшины Таслаева".

***

Из свидетельства еврея-командира танковой роты (1943 год, в освобожденном Харькове): "Захмелевший хозяин квартиры... сказал громко и нараспев: "А жида не воюют!.." На какое-то время я растерялся, в комнате зависла зловещая тишина. Я встал, солдаты последовали моему примеру. Медленно расстегнув ширинку, я выложил на стол вещественное доказательство своей национальной принадлежности... У хозяина квартиры лицо стало белое. Он задрожал, почувствовав неодобрение солдат. Мои ребята подняли хозяина на руки и, разбив окно, выбросили его со второго этажа".

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Завершение войны. Ее итоги

ОЧЕРК ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

Великая Отечественная война – 1944–1945 годы. Итоги войны

1

К концу 1943 года уже угадывался нескорый исход войны, а потому не случайно, быть может, учредили орден "Победа" для высшего командного состава Красной армии. Это была третья зима бесконечных сражений, которая вызвала у немецких солдат, затерявшихся в российских просторах, чувство отчаяния и безысходности.

1944 год начался наступлением советских войск на Украине и под Ленинградом. В январе почти полностью освободили Киевскую и Житомирскую области, Белую Церковь и Бердичев, выбили немцев из Новгорода, окончательно прорвали блокаду Ленинграда – от голода и бомбардировок погибло не менее 800 000 жителей осажденного города. В январе 1944 года под Ленинградом летчик Балтийского флота капитан Исаак Иржак направил подбитый штурмовик на скопление автомашин с солдатами противника.

В феврале завершилась на Украине Корсунь-Шевченковская операция по разгрому окруженной группировки противника. Немцы пытались вырваться из "котла" через пробитый на несколько часов коридор, и один из выживших вспоминал: "В этой бешеной гонке машины опрокидывались, выбрасывая на землю раненых. Волна советских танков... катилась по повозкам, уничтожая их на наших глазах, как спичечные коробки, давя людей и лошадей... У

нас была минутная передышка, пока танки застряли и пытались выбраться из груды сотен грузовиков, раздавленных их гусеницами..." На пути убежавших оказалась река с плавающими льдинами. Немцы кидались в воду и тонули; многие сбрасывали одежды, переплывали на тот берег и под огнем советских танков полуголые, мокрые, пунцовые от мороза бежали босиком по снегу к далеким избам.

В марте советские войска освободили Умань, Херсон, Могилев-Подольский, Винницу, Жмеринку, Николаев, форсировали пограничную реку Прут и начали боевые действия на территории Румынии. Гитлер заявил: "У меня имеются особые планы. Время для великих операций на Востоке не прошло"; немецкое командование перебросило на Украину дополнительные войска, но наступление Красной армии продолжалось. В апреле 1944 года освободили Одессу, Керчь, Симферополь, почти весь Крым; в мае советские войска вошли в Севастополь.

В июне того года Красная армия начала стратегическую наступательную операцию под кодовым названием "Багратион", одну из крупнейших во Второй мировой войне. Ее проводили в Белоруссии и Прибалтике на фронте протяженностью 1100 километров; с обеих сторон в сражениях участвовало свыше 4 миллионов человек; за два месяца боев советские войска разгромили группу армий "Центр" и продвинулись на 600 километров, – командование германской армии признавало, что их поражение в операции "Багратион" явилось не меньшей катастрофой, чем результаты боев под Сталинградом. Красная армия освободила Белоруссию, часть Латвии и Литвы, выбила немцев из Витебска, Могилева, Бобруйска, Минска, Вильнюса, Пинска, Белостока, Каунаса, форсировала крупные реки – Западную Двину, Березину, Неман и Вислу, вступила на территорию Польши и начала наступление на Варшаву.

Во время операции "Багратион" небольшая десантная группа захватила плацдарм на берегу Западной Двины и отразила десять атак противника. Двадцатилетний рядовой Яков Форзун подбил гранатами два танка, собрал патроны, оставшиеся у погибших товарищей, пулеметным огнем обеспечивал переправу своей части и заслужил звание Героя Советского Союза.

Заместитель командира батальона майор Моисей Шварцман форсировал Западную Двину с головной ротой, участвовал в захвате и удержании плацдарма, погиб в том бою – посмертно ему присвоили звание Героя.

17 июля 1944 года по улицам столицы – при огромном скоплении москвичей – провели под конвоем 57 600 военнопленных солдат и офицеров; впереди бесконечной колонны шли немецкие генералы, позади всех двигались поливальные машины и струями воды очищали мостовые. 20 июля состоялось неудачное покушение на Гитлера; его участники были схвачены и казнены.

В августе 1944 года советские войска освободили Кишинев, выбили противника из Карело-Финской ССР, вступили на территорию Чехословакии. В том же месяце свергли в Румынии диктатора Й. Антонеску и правительство Национального единства объявило войну Германии. В сентябре Финляндия прекратила военные действия, Болгария объявила войну Германии, советские войска вошли в Таллинн,; в октябре немцев выбили из Риги и столицы Югославии Белграда; части Красной армии пересекли довоенную границу Третьего рейха.

П. Антокольский, поэт:

В июле 1944 года механизированная бригада полковника С. Кремера совершила стремительный стокилометровый прорыв от литовского города Шяуляя к Рижскому заливу. Впереди двигались танки, следом – мотострелковые батальоны, которые громили по пути колонны пехоты, артиллерию, вражеские гарнизоны; бригада Кремера перекрыла приморское шоссе, ведущее на запад, и отрезала пути к отступлению крупным силам противника. "Это событие огромной важности, – вспоминал командующий фронтом маршал И. Баграмян. – Были перерезаны

последние сухопутные коммуникации, связывавшие немецкую группу армий "Север" с фашистскими войсками в Восточной Пруссии".

С самолета сбросили вымпел с приказом: "Набрать в море три бутылки воды, опечатать, командиру бригады расписаться на них, удостоверив, что вода действительно взята в Балтийском море. Бутылки с водой направить в штаб корпуса". Кремер послал в штаб три бутылки с морской водой – их отправили в Москву и демонстрировали на заседании Государственного комитета обороны. Симон Кремер – теперь уже генерал-майор – получил звание Героя за проведение рейда, достижение крупного боевого успеха, за героизм и мужество (звезда Героя, два ордена Ленина, три ордена Красного знамени, два ордена Отечественной войны, орден Красной звезды).

Немецкие войска пытались вырваться из окружения и освободить проход вдоль Балтийского побережья; во время боев заместитель командира танкового полка подполковник Л. Бердичевский был ранен – четвертый раз за войну, но продолжал сражаться. Маршал И. Баграмян, из воспоминаний: "Идя в атаку на своем танке во главе полка, он уничтожил один вражеский танк и 15 зенитных орудий. Дважды танк загорался, и оба раза Бердичевский, рискуя жизнью, организовывал тушение пожара. Все члены экипажа получили сильные ожоги, однако продолжали бой. И в третий раз вспыхнула машина – броню пробило снарядом. Раненный осколками подполковник приказал экипажу покинуть горящий танк, а сам, прикрывая отход танкистов, продолжал вести бой до тех пор, пока машина не взорвалась. Так погиб этот бесстрашный человек". Леониду Бердичевскому – "за беспримерное мужество и героизм" – было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В боях на территории Латвии звание Героя получил посмертно двадцатилетний командир самоходного орудия младший лейтенант Владимир Прыгов; в его наградном листе написали: "Прыгов поджег головной танк. Был ранен, но продолжал вести огонь, подбил два бронетранспортера и три автомашины с пехотой. Был еще ранен, на этот раз смертельно. Своими бесстрашными действиями способствовал отражению вражеской контратаки". В октябре 1944 года, в боях под Кенигсбергом, сержант Товье Райз закрыл своим телом амбразуру укрепленной огневой точки (был тяжело ранен, но остался жив).

В Венгрии, в октябре 1944 года, орудие младшего лейтенанта Н. Молочникова вело огонь по пехоте противника, подбило три танка и два самоходных орудия. Когда немецкие автоматчики прорвались к артиллерийской батарее, раненый в грудь, Николай Молочников вел огонь из станкового пулемета, уничтожил более ста вражеских автоматчиков и заслужил в том бою звание Героя. В декабре того года, при форсировании Дуная южнее Будапешта, первым переправился батальон, в составе которого воевал капитан Б. Вайнштейн. Бойцы отбили несколько вражеских контратак; командир батальона был ранен, и Вайнштейн принял командование; когда положение стало критическим, он повел роту в атаку и погиб, но плацдарм сумели удержать до подхода всего полка, – посмертно Борису Вайнштейну присвоили звание Героя.

В декабре 1944 года четверо разведчиков перешли линию фронта под Клайпедой в Литве; во главе группы шел командир взвода разведки лейтенант Е. Белинский. Они установили расположение вражеских огневых точек, захватили "языка", однако на обратном пути немцы обнаружили их неподалеку от переднего края. Командир группы прикрывал отход, уничтожил несколько солдат противника, но из ближайшего укрепления начал стрелять немецкий пулемет. Белинский подполз к доту, бросил гранату, и пулемет умолк. "Уходите!" – крикнул он разведчикам, но пулеметчик снова открыл огонь. Раненый командир закрыл телом амбразуру дота; разведчики с "языком" добрались невредимыми до своей траншеи; Ефиму Белинскому посмертно присвоили звание Героя Советского Союза – ему не исполнилось еще двадцати лет (за полгода пребывания на фронте награжден орденами Отечественной войны и Красной звезды; улицу в Клайпедо называли его именем).

В ноябре 1944 года была восстановлена государственная граница Советского Союза на всем ее протяжении от Черного до Баренцева моря. В декабре Временное правительство Венгрии объявило войну Германии, а через два месяца подобным образом поступила нейтральная до того Турция.

Й. Геббельс призывал в первые дни 1945 года: "Продолжайте сражаться вместе с нами против ненавистного большевизма, кровавого Сталина и его еврейской клики...", – но помочь немцам уже ничто не могло. Война шла к завершению. В январе 1945 года советские войска вошли в Варшаву и Краков, в феврале в Будапешт, в апреле в Вену и Кенигсберг, – на очереди был Берлин. И. Эренбург, из воспоминаний: "Войны начинаются почти всегда внезапно, а кончаются медленно: уже ясен исход, но люди еще гибнут и гибнут... Гитлеровская Германия умирала, как и жила, – бесчеловечно... Не нашлось ни одного полка, ни одного города, который хотя бы в последнюю минуту восстал против нацистских главарей".

Пулеметный взвод лейтенанта И. Бумагина из Биробиджана участвовал в уличных боях при взятии города Бреслау. Бои продолжались несколько недель – за каждую улицу, за каждый почти дом. Во время атаки на укрепленную позицию немецкий пулеметчик прижал к земле наступавших бойцов; были убитые и раненые, и тогда Иосиф Бумагин закрыл телом амбразуру пулемета – посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза. Это же звание получил посмертно заместитель командира батальона майор Яков Чапичев, еврей-крымчак, погибший в боях на улицах Бреслау.

При штурме крепости в Познани отличился стрелковый батальон капитана Ш. Абрамова, горского еврея из Дагестана. Его бойцы первыми проникли в крепость, захватили часть ее укреплений и открыли путь полку. Шетиель Абрамов был ранен, но продолжал руководить боем, заслужив звание Героя, воевал затем в Берлине, дошел до имперской канцелярии Гитлера (семь ранений за годы войны, звезда Героя, орден Ленина, орден Красного знамени, три ордена Отечественной войны, орден Красной звезды).

После захвата плацдарма на Одере вражеские танки прорвались к штабу батальона – девятнадцатилетний ефрейтор Михаил Очерет бросился под гусеницы головного танка с противотанковой гранатой и остановил колонну; посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза. В начале 1945 года умер от ран командующий бронетанковыми и механизированными войсками армии генерал-майор Борис Шнейдер.

Из воспоминаний генерал-лейтенанта С. Кривошеина: "Через пару часов после занятия города Бернау в окрестностях Берлина, командующий артиллерией 2-й танковой армии генерал-майор Григорий Давидович Пласков подбежал ко мне у крайних домов этого города и, не поздоровавшись, закричал: "Смотри, Кривошеин, как артиллеристы 2-й танковой армии первые из всего фронта открывают огонь по Берлину!" Раздалась по радио команда – "по цели номер один, дивизионами, беглый". Через несколько секунд послышался мощный гул, и первые снаряды из тысяч артиллерийских стволов 2-й танковой армии разорвались в Берлине. "Семен, ты только погляди! Артиллерист Григорий Пласков бьет Гитлера прямо по башке за Бабий Яр и Киев, за минское и варшавское гетто, Майданек, за слезы и страдания миллионов людей!" Германское командование спешно собирало подкрепления – подростков, раненых из госпиталей, заключенных из тюрем, охранников концлагерей, сосредоточив на берлинском направлении 1 миллион человек, более 10 000 орудий и минометов, 1500 танков, 3300 боевых самолетов. Гитлер заявил: "Русские потерпят свое самое кровавое поражение перед воротами Берлина"; Геббельс провозгласил по радио: "Фюрер в Берлине, никогда не покинет Берлин и будет защищать его до последнего". А. Кларк, историк: "Берлинцы готовились к последнему страшному испытанию. Они знали, что в последней битве им предстоит сражаться во главе со своим любимым фюрером, который остался с ними (нет сомнения, что даже на этой последней стадии войны девять из каждых десяти немцев любили и почитали Гитлера)".

Генерал Д. Драгунский свидетельствовал: "Отрезанные с трех сторон, находясь под угрозой полного окружения, фашисты продолжали сопротивляться с бешеным фанатизмом... Гибли тысячи гитлеровцев, загнанных в траншеи, подвалы и на чердаки, чтобы преградить советской армии путь к Берлину. Бессмысленно было сопротивляться натиску двух фронтов, силе сотен полков, лавине шести тысяч танков, огню сорока тысяч орудий, налету армады самолетов..." К 25 апреля войска маршалов Г. Жукова и И. Конева завершили окружение Берлина. Капитан Н. Полусук возглавил атаку стрелкового батальона, который захватил господствовавшую высоту на подходе к Берлину и обеспечил наступление полка. В том бою Натан Полусук погиб, посмертно ему присвоили звание Героя.

Немецкие войска пытались вырваться из окруженного Берлина. Во время контратаки наводчик орудия младший сержант Шабса Машкауцан остался один во взводе – сам заряжал орудие, сам наводил и стрелял, затем перебежал к последнему уцелевшему орудью, продолжил бой и заслужил звание Героя. "Участвовал в отражении 12 вражеских контратак, – сказано в наградном листе. – Подбил 3 танка. Уничтожил до 50 гитлеровских солдат. Когда два бронетранспортера противника прорвались к его позиции, он подбил их противотанковыми гранатами в двух метрах от орудия".

Танковая бригада полковника А. Темника первой вышла к Висле на своем участке фронта, прошла за семнадцать суток почти 700 километров от Вислы до Одера и подошла к Берлину. 20 апреля командующий армией М. Катуков получил телеграмму от маршала Г. Жукова: "На вас возлагается историческая задача первыми ворваться в Берлин. Выделите лучшую часть. Сообщите для доклада Сталину". Катуков выделил 1-ю гвардейскую танковую бригаду А. Темника; она ворвалась в пригороды, затем в Берлин и в тяжелых уличных боях пробилась к рейхстагу. Темник повел бригаду в атаку, но в трехстах метрах от рейхстага командирский танк подорвался на mine, Темник был тяжело ранен в живот и на другой день скончался. Абраму Темнику присвоили посмертно звание Героя Советского Союза; его похоронили в Берлине, имя его можно прочитать на памятнике советским воинам у Бранденбургских ворот (звезда Героя, орден Ленина, три ордена Красного знамени, орден Богдана Хмельницкого, два ордена Красной звезды).

В наградном листе командира стрелкового полка подполковника Н. Пейсаховского отметили: "Лично храбр, мужественен, умело организовал наступление к Берлину и в самом городе; решительно и смело вел уличные бои". Перед зданием рейхстага батальоны залегли под огнем противника; Наум Пейсаховский поднялся, повел бойцов в атаку и заслужил звание Героя (возле рейхстага был тяжело ранен – седьмой раз за время войны). В последние дни войны капитан Ефим Мечетнер направил подбитый штурмовик на скопления войск противника. Такой же подвиг совершил штурман младший лейтенант Борис Соломоник в составе экипажа бомбардировщика.

30 апреля Гитлер покончил жизнь самоубийством. В тот же день над зданием рейхстага водрузили красное знамя. 1 мая немецкий генерал Кребс явился к командующему армией генералу В. Чуйкову, чтобы вести переговоры о капитуляции, и начал разговор таким образом: "Сегодня первое мая, великий праздник для обеих наших наций..." – "У нас сегодня великий праздник, – ответил Чуйков. – А как там у вас – трудно сказать".

2 мая гарнизон Берлина капитулировал. 8 мая 1945 года, поздним вечером, представители германского верховного командования подписали "Акт о военной капитуляции", в котором было сказано: "Мы, нижеподписавшиеся... соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе". Четыре миллиона солдат и офицеров германской армии сложили оружие.

4

9 мая 1945 года по московскому радио объявили о капитуляции фашистской Германии, а вечером столица салютовала победителям тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий. 24 июня на Красной площади в Москве состоялся Парад победы – принимал парад маршал Г. Жуков, командовал парадом маршал К. Рокоссовский. Дважды Герой Советского Союза Д. Драгунский шел в колонне сводного полка 1-го Украинского фронта: полком командовал маршал, батальонами – генералы, одной из рот – полковник Драгунский; знаменосцем полка был трижды Герой Советского Союза летчик А. Покрышкин. (Тысячтрубным оркестром на Параде победы дирижировал генерал-майор Семен Чернецкий, полковой капельмейстер царской армии, автор многих маршей и песен, бессменный руководитель военного оркестра, который участвовал в военных парадах на Красной площади.) 10 июля отправился из Берлина первый поезд с демобилизованными бойцами Красной армии, под музыку трофейных аккордеонов – подошло время подводить итоги Великой Отечественной войны, которая длилась 1418 дней и ночей. Она отличалась от прочих войн небывало большим количеством военнослужащих, участвовавших в сражениях по обе стороны фронта,

многократно возросшей убойной силой военной техники и боеприпасов, ожесточенностью боевых действий, а оттого и несравнимым ни с чем количеством убитых и раненых. Основная тяжесть войны против Германии выпала на долю Советского Союза, а с ней и огромные людские потери. Исследователи полагают, что на это оказали влияние и репрессии предвоенных лет, уничтожившие многих боевых командиров, чьи места заняли неопытные офицеры; повлияло и поведение Сталина в предвоенные месяцы, позволившего Гитлеру напасть на страну, неподготовленную к отпору; сыграли свою роль и просчеты советского командования в первый период войны, отсутствие заранее подготовленных оборонительных рубежей, где можно было бы укрепиться при наступлении противника, лобовые атаки батальонов и полков на укрепленные позиции врага, под прицельный огонь пулеметов и артиллерии, что приводило к огромным потерям, прочие военные, политические и экономические причины, которые способствовали увеличению количества убитых и раненых. Долгие годы было засекречено истинное количество людских потерь Советского Союза в той войне. И. Сталин назвал 7 миллионов погибших, Н. Хрущев – 20 миллионов, и лишь в 1990 году М. Горбачев официально обнародовал устрашающую цифру – "почти 27 миллионов человек". Точное количество сообщила специальная государственная комиссия, которая подсчитала, что потери СССР в той войне составили 26,6 миллионов военнослужащих и гражданского населения (некоторые исследователи занижают эту цифру на два-три миллиона человек, некоторые ее увеличивают; для сравнения: демографические потери России в Первой мировой войне – 4,5 миллиона солдат, офицеров и мирных жителей, в Гражданской войне – 8 миллионов).

Каждые сутки в Красной армии в среднем выбывала из строя 21 000 человек, из них – 8000 убитых, пропавших без вести и взятых в плен, 13 000 раненых (летом 1941 года эти потери составляли 24 000, летом 1943 года – 27 000 ежедневно). С 1941 по 1945 год Красная армия потеряла почти 8,7 миллионов военнообязанных – убитых, умерших от ран и болезней, пропавших без вести и не вернувшихся из плена, погибших от несчастных случаев. Это были представители всех национальностей, населявших Советский Союз: русские насчитывали среди них 66,4%, украинцы – 15,89%, белорусы – 2,92%, татары – 2,17%, евреи – 1,64%, казахи – 1,45%, узбеки – 1,36%, армяне – 0,97%, грузины – 0,92%, азербайджанцы – 0,67%. Большинство жертв пришлось на долю молодого поколения: бойцы и командиры в возрасте до 25 лет составили 40% от общих потерь (почти 3,5 миллиона человек), в возрасте от 26 до 35 лет – 34% (около 3 миллионов).

Российские военные историки полагают, что вооруженные силы Германии потеряли с 1939 по 1945 год 4,5 миллиона человек убитых, умерших от ран и болезней, пропавших без вести (без учета войск их союзников). Немецкие потери на советско-германском фронте составили по тем же причинам 3,6 миллиона человек, союзники Германии потеряли на Востоке 670 000. Общее число безвозвратных демографических потерь Германии и ее союзников во Второй мировой войне – 11,9 миллионов военнослужащих и гражданского населения.

5

Весной 1945 году СССР расторг советско-японский пакт о ненападении и 9 августа того года начал военные действия против Японии. За двадцать пять дней боев Красная армия разгромила Квантунскую армию, заняла Маньчжурию, Северо-Восточный Китай, северную часть Кореи, а также Южный Сахалин и Курильские острова. 2 сентября 1945 года Япония капитулировала. Вторая мировая война закончилась.

Советский Союз восстановил границу с Польшей, которая была размечена в 1939 году после присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии (уступив Польше Белостокскую область). Граница с Румынией вновь прошла по линии 1940 года, сохранив Бессарабию и Северную Буковину в составе СССР. Была восстановлена и довоенная государственная граница с Финляндией (дополнительно СССР получил в аренду финскую территорию для создания военно-морской базы). По договоренности с Чехословакией к Советскому Союзу отошла Закарпатская Украина; съезд Народных комитетов в Мукачево принял решение о ее включении

в состав Украинской ССР. Южный Сахалин и Курильские острова стали советскими, а также город Кенигсберг и часть территории Восточной Пруссии.

Военные действия на территории СССР продолжались более трех лет. Войска противоборствующих сторон прошли с ожесточенными боями до Москвы и Сталинграда, затем в обратном направлении до западных границ, что привело к огромным жертвам среди гражданского населения Советского Союза. Потери за годы войны составили почти 18 миллионов мирных жителей, значительно превысив потери Красной армии на всех фронтах, – это были погибшие от бомбежек и артиллерийских обстрелов, умершие на каторжных работах в Германии, замученные в лагерях уничтожения, расстрелянные во время бесчисленных карательных акций на оккупированных территориях. К этому перечню следует добавить партизан, убитых в боях, сотни тысяч жителей блокадного Ленинграда, умерших от голода, граждан в тылу, не выдержавших тяжелых испытаний военного времени, а также погибших в лагерях ГУЛАГа.

С 1941 по 1945 год было мобилизовано в армию 30 миллионов трудоспособных граждан Советского Союза, что отразилось на экономике страны. И если в довоенное время не могли обеспечить население достаточным количеством продуктов и промышленных товаров, то в военные годы условия жизни стали тяжелейшими. Жители крупных городов получали продукты по карточкам и могли кое-как существовать, однако на сельское население карточная система не распространялась. Мужчины ушли в армию, работали в деревнях женщины, старики и подростки; скудные колхозные урожаи забирало государство по обязательным поставкам, и единственным порой пропитанием была картошка, выращенная на приусадебных участках. Нарком внутренних дел Л. Берия докладывал И. Сталину весной 1943 года о положении в Читинской области: "В ряде колхозов колхозники не выходят на работу из-за отсутствия хлеба... Имеют место факты заболевания и безбелкового опухания детей... На почве продовольственных затруднений отмечается рост отрицательных настроений среди неустойчивой части колхозников".

Из письма на фронт: "Добрый день дорогой мой муж Ваня... Мы с голоду умираем, у нас хлеба нет и картофеля нет, я уже лежу на мертвой постели, вся распухла и дочка тоже лежит тоже распухла... Ну, Ваня, поглядел бы ты на меня, испугался меня Ваня, какая я стала... Ох, Ваня, у нас уже голод такой, все голодают, едят пропастину, а я лучше помру, не буду есть... Ну пока Ваня Ваничка прощай больше мы с тобой не увидимся... Я отжила на белом свете, дальше не могу жить..."

Голодали эвакуированные, голодали спецпереселенцы; сотрудники НКВД сообщали в Москву, что во многих местах население употребляло в пищу мякину, клевер, солому, мох, трупы павших коров, лошадей и коз; люди опухали от недоедания и умирали от истощения. Во время войны было трудно прокормить детей, особенно многодетным матерям, однако власти запретили делать аборт и за нарушение указа привлекали к уголовной ответственности. Исследователи утверждают, что из-за повышенной детской смертности умерло в СССР 1,3 миллиона детей – из числа родившихся в годы войны. Из воспоминаний еврейского мальчика: "Пока папа был на фронте, мама работала и была донором. За сданную кровь она получала хлеб и два кусочка сахара для подкрепления организма, но она не ела, а несла нам. Мы с братом стояли у окна и ждали, когда придет мама. Она приходила, клала на стол этот ломтик хлеба, разрезанный пополам, и сахар, а сама ложилась на кровать без сил. Мама была очень худенькая и слабая".

Из писем на фронт евреев Биробиджана (письма задержаны цензурой): ""Вот уже прошло три месяца, как мы получили из твоей части письмо, что ты пропал без вести... Если бы ты был дома, то увидел бы, как мы живем. Уже недалеко от смерти наш сын. Он болен и весь высох, а я еле хожу на ногах... Денег не давали уже пять месяцев, и я все продала, остался только один диван. Не знаю, что с нами будет..." – "Ты знаешь, как мы жили прошлую зиму. В эту зиму мы живем еще хуже... Нам никто ничем не помогает. Продуктов нет. В общем, если мы останемся живы после войны, то это счастье. Папа, если бы ты видел маму, ты бы ее не узнал. Как говорят, красивей ложатся в землю. Боря не учится, потому что он голый и босый. Он у нас растет настоящим вором. Жизнь всё заставит: он ходит в столовые и собирает с тарелок..."

***

За форсирование Одера звание Героя Советского Союза заслужили командир танка младший лейтенант Михаил Шнейдерман, командир артиллерийского полка майор Михаил Либман (вскоре погиб в бою), командир батареи лейтенант Рафаил Павловский, командир стрелковой роты старший лейтенант Г. Гончарь, пулеметчик старший сержант Рудольф Соколинский. Командир артиллерийского полка подполковник Борис Котлярский получил звание Героя за форсирование рек Буг, Висла и Одер. Заместители командиров полков майоры Эмануил Готлиб и Лазарь Каплан заслужили это звание в боях за Латвию, сапер сержант Арон Шиндер и танкист младший лейтенант Григорий Виноградов – в боях за Польшу.

Звание Героя заслужил посмертно на польской земле командир артиллерийской батареи капитан Иосиф Чайковский; погиб в Румынии и стал Героем командир батальона капитан Михаил Непомнящий. Командир роты младший лейтенант Семен Хейфец, командир минометной батареи старший лейтенант Семен Сельский и командир пулеметного взвода младший лейтенант Михаил Валянский заслужили звание Героя Советского Союза за форсирование Дуная, а командир батальона капитан Ефим Цитовский – за удержание плацдарма на Висле.

Командир батареи капитан Абрам Сапожников стал Героем за уличные бои при взятии Кенигсберга; командир стрелковой дивизии полковник Семен Левин – за прорыв укреплений противника в Восточной Пруссии и взятие городов (звезда Героя, два ордена Ленина, пять орденов Красного знамени, ордена Суворова и Кутузова). Звание Героя заслужил и стрелок бронейного ружья старший сержант Исая Иллазаров, горский еврей из Нальчика (погиб в бою).

***

Летчик-истребитель Владимир Левитан совершил боевой полет в первый день войны. Воевал под Одессой, в Донбассе, на Кавказе и под Курском, в Польше и Германии; его аттестовали как "организатора воздушных атак и их участника". За годы войны совершил более трехсот боевых вылетов, сбил 23 самолета противника, в одном лишь бою уничтожил 4 бомбардировщика Юнкерс-87 и стал Героем Советского Союза. Летчик-истребитель Яков Верников начинал войну младшим лейтенантом, закончил командиром авиационного полка, сбил 16 вражеских самолетов, среди них 9 истребителей "Мессершмитт" (после войны генерал-майор авиации, заслуженный летчик-испытатель СССР; звезда Героя, два ордена Ленина, четыре ордена Красного знамени, ордена Трудового Красного знамени и Отечественной войны, три ордена Красной звезды).

Командир эскадрильи самолетов-истребителей майор Абрек Баршт совершил 365 вылетов для разведки и корректировки артиллерийских целей, два раза был ранен, сбил 18 самолетов и заслужил звание Героя. Героями Советского Союза стали стрелок-радист бомбардировщика Пе-2 Натан Стратиевский (сбил 10 самолетов), летчик-разведчик Ефим Мелак, летчики-штурмовики майор Хаскель Гопник, лейтенант Семен Гурвич, старший лейтенант Вольф Корсунский, лейтенант Борис Левин.

Летчик Северного флота капитан И. Катунин пустил на дно пять кораблей противника; в его характеристике отметили: "Летает смело, уверенно. Летать любит, обладает острой реакцией". В апреле 1944 года Катунин направил подбитый штурмовик на вражеский корабль и потопил его, – Илья Катунин и стрелок-радист Андрей Маркин стали посмертно Героями Советского Союза (на фронтах погибли два брата Катунина – Исаак и Шлойме).

***

Командир отряда торпедных катеров Балтийского флота капитан-лейтенант Абрам Свердлов потопил 7 кораблей противника и стал Героем. Командир артиллерийского полка Давид Маргулис – Герой с финской войны – участвовал в обороне Киева, в освобождении Кавказа, Украины и Прибалтики, воевал в Восточной Пруссии (его брат Пейсах Маргулис погиб под

Ленинградом, брат Зиновий погиб в партизанском отряде, его отец и сестра с двумя детьми убиты в Бабьем Яру).

ОЧЕРК СОРОКОВОЙ

Евреи – Герои Советского Союза, генералы, кавалеры ордена Славы

1

В начале 1943 года И. Эренбург говорил на пленуме Еврейского антифашистского комитета: "Меня навестил престарелый еврей, отец известного летчика, о героизме которого писали все армейские газеты. Этот летчик был его единственным сыном. Он его очень любил. И вот этот еврей мне сказал: "Я разговаривал с одним гражданским начальником. Он у меня спросил: "Почему на фронте нет евреев, почему они не воюют?.." Я ему даже не ответил. Мне было трудно говорить. Это было через четыре дня после того, как я получил от командира части письмо о гибели моего сына".

Эренбург предложил издать "Красную книгу", сборник рассказов "о том, как евреи воюют на фронтах, – не для хвастовства, а в интересах нашего общего дела", так как "все, наверное, слышали о евреях, которых "не видно на передовой". Секретный информатор немедленно сообщил начальству, что дискуссия на пленуме ЕАК "отличалась недопустимым зазнайством и кичливостью в отношении роли советских евреев в Отечественной войне"; ответственный сотрудник Совинформбюро назвал "бахвальством" упоминание о подвигах евреев на фронте, и "Красная книга" не была издана.

Обвинения в "зазнайстве" повторялись и в дальнейшем, на последнем этапе войны, на что С. Михоэлс отвечал: "Нас обвиняют в том, что мы занимаемся своеобразным еврейским засильем ("могут подумать, что всю победу в войне одержали евреи")... и получается, что присваиваем себе Берлин, присваиваем себе всю историческую роль... Слава Богу, что мы вошли в Берлин и никто не думает, что только два брата-еврея брали Берлин... Мы прекрасно знаем удельный вес того, что сделал великий русский народ, и ту посильную роль, которую сыграл еврейский народ".

В списках Книг памяти еврейских бойцов и командиров, не вернувшихся с войны, повторяется без конца: "Погиб... Пропал без вести... Умер от ран... Захоронение не установлено... Точная дата гибели неизвестна..." И снова – "погиб", снова – "пропал без вести", "умер от ран"; десятки тысяч остались инвалидами после той войны.

В годы Великой Отечественной войны было мобилизовано в Красную армию около 450 000 евреев; российские военные историки утверждают, что евреи СССР потеряли в боях 142 500 военнослужащих – убитыми, умершими от ран, пропавшими без вести. Эти цифры – количество воевавших и количество погибших – несомненно занижены, потому что не все призывники-евреи были записаны в документах в соответствии со своей национальностью; бойцам-евреям из диверсионных групп меняли имена, фамилии и национальность перед отправкой в тылы врага; евреи-партизаны вступали в Красную армию с поддельными документами времен оккупации, помогавшими им сохранить жизнь. На освобожденных территориях Советского Союза проводили массовую мобилизацию военнообязанных; еврейское население было там полностью уничтожено, шли в армию лишь чудом выжившие, – это значительно уменьшило количество евреев в рядах Красной армии во время той войны. В 1946 году в газете "Эйникайт" опубликовали имена 101 еврея – Героя Советского Союза, получивших это звание во время Отечественной войны. В "Блокноте агитатора" за 1967 год названо иное количество – 107 Героев еврейской национальности. В 1985 году, в

энциклопедическом издании книги "Великая Отечественная война", отметили: звание Героя заслужили в той войне более 11 тысяч бойцов и командиров Красной армии. Русские составили среди них 8 160 человек, украинцы – 2 069, белорусы – 309, татары – 161, евреи – 108, казахи – 96, армяне – 90, грузины – 90, узбеки – 69, мордвины – 61, чувашаи – 44, азербайджанцы – 43 и т. д.

Понадобилась долгая работа в архивах министерства обороны, чтобы уточнить количество евреев, награжденных за подвиги в Отечественной войне высшей боевой наградой.

Выяснилось, что у 120 Героев в учетных карточках в графе национальность записано "еврей"; сверх этого, не менее 20 Героев родились в смешанных семьях, и в их документах помечено "русский", "украинец", "белорус" или представитель иной национальности.

Майора Ц. Куникова, командира десантного отряда, захватившего плацдарм под Новороссийском, долгое время не признавали евреем. В экспозиции Центрального военно-морского музея был выставлен его военный билет, где не указана национальность, не было об этом упоминания и в его личном деле; наконец, родственники сообщили имена родителей Куникова – Лев Моисеевич и Татьяна Абрамовна, похороненная на еврейском кладбище Ленинграда. И через сорок лет после войны в официальных справочниках о Героях возле имени Цезаря Куникова появилось соответствующее уточнение – еврей.

2

Танкист Давид Драгунский начинал боевые действия командиром танковой роты, в боях с японцами у озерв Хасан заслужил орден Красного знамени. С первого месяца войны воевал под Киевом, Смоленском, Москвой, в танковом сражении на Курской дуге; во время наступления бригада Драгунского уходила вперед, отрываясь от основных сил на десятки километров, захватывала мосты, переправы, громила тылы противника. Под Бердичевым командир танковой армии генерал П. Рыбалко радировал Драгунскому: "Гордимся вами. Поздравляем с победой. Громите врага в тылу. Мы идем за вами".

Драгунский был ранен несколько раз, находился в состоянии клинической смерти; его хотели уволить в запас, но Рыбалко прислал телеграмму: "Милости прошу вместе заканчивать войну" – и Драгунский вернулся на фронт. Стал Героем Советского Союза за форсирование реки Вислы и захват стратегического плацдарма в Польше; вторую звезду Героя получил "за умелое руководство действиями бригады в период штурма Берлина и проявленное при этом личное мужество и отвагу, а также за стремительный бросок бригады на Прагу".

Д. Драгунский после войны – командующий армией, заместитель командующего Закавказского военного округа, командир высших офицерских курсов "Выстрел", генерал-полковник танковых войск; две звезды Героя, два ордена Ленина, четыре ордена Красного знамени, ордена Суворова и Отечественной войны, два ордена Красной звезды. На Украине были убиты его родители, братья, сестры, родственники – 74 человека из большой семьи Драгунских.

Командир подводной лодки С. Богорад потопил вражеский транспорт в первые месяцы войны. В начале 1943 года подводная лодка Щ-310 под его командованием прошла через минные поля в районе датского острова Борнхольм в Балтийском море, торпедировала два транспорта и паром "Дойчланд", на котором погибло до 900 вражеских солдат и офицеров. За годы войны подводная лодка капитана 3-го ранга Самуила Богорада потопила более десяти транспортных судов противника под обстрелом сторожевых кораблей и авиации, за что ему присвоили звание Героя Советского Союза. В наградном листе написали: "Смело выходит на коммуникации врага... Активно ищет противника" (звезда Героя, орден Ленина, два ордена Красного знамени, ордена Ушакова и Отечественной войны; именем Богорада назвали улицу в городе Витебске).

Подводная лодка Л-3 Балтийского флота под командованием В. Коновалова потопила эскадренный миноносец, сторожевой корабль и восемь транспортных судов противника. Подводным лодкам запрещалось пускать торпеды на малой глубине, так как после выхода из торпедного аппарата они "провисали" и могли взорваться от удара о грунт. Атаку на немецкий эскадренный миноносец Коновалов повел с прибрежного мелководья, откуда их не ожидали; под днищем было не более двух метров, а потому командир приказал "задрать нос" лодки во время выстрела. Торпеды поразили цель. Противолодочные корабли несколько часов подряд бросали глубинные бомбы – погасло освещение, с бортов срывались приборы, но Коновалов

сумел увести лодку на глубину. О нем говорили, что по искусству кораблевождения Коновалов не имел себе равных.

Среди кораблей противника, уничтоженных лодкой Л-3, был и торпедированный в 1945 году транспорт "Гойя", на борту которого находилось 7000 солдат и офицеров, эвакуированных из окруженной группировки немецких войск на севере Польши, – в годы войны это было максимальное количество противника, уничтоженное подводной лодкой за одну атаку. Море штормило. Чтобы догнать "Гойю", лодка шла на повышенной скорости в надводном положении, рискуя быть обнаруженной и уничтоженной; после торпедирования корабля сопровождения сбросили на лодку десятки глубинных бомб, но Владимир (Вольф) Коновалов ушел от погони и заслужил звание Героя; после войны – контр-адмирал, заместитель начальника штаба Северного флота; звезда Героя, три ордена Ленина, два ордена Красного знамени, ордена Ушакова, Отечественной войны и Красной звезды. (Из воспоминаний о Коновалове: "Он – хрупкий, миниатюрный. Учился на штурмана авиации, по состоянию здоровья откомандирован на флот. "Но разве на подводной лодке легче?" Коновалов пожимает плечами: "Мне пока легче".)

За годы войны мобилизовали в Красную армию 500 000 женщин; они служили врачами, медсестрами, связистками, зенитчицами, снайперами, воевали наравне с мужчинами, получали ордена и медали, погибали в боях и в плену, – среди них были и еврейки. Женский авиационный полк начал боевые полеты летом 1942 года под Сталинградом. Он был оснащен легкими бомбардировщиками По-2, – на самом деле это был учебный двухместный самолет У-2, к которому прикрепили бомбодержатели и бортовой пулемет возле кабины штурмана. Каркас этих самолетов собирали из деревянных планок, обтянутых специальным материалом; "небесные тихоходы" развивали скорость до ста километров в час и летали на малой высоте, по ночам, неожиданно появляясь над передним краем противника и сбрасывая осколочные бомбы, доставляли боеприпасы на захваченные плацдармы и к партизанам. Летчиц-женщин называли на фронте "ночными ведьмами"; одной из них была штурман П. Гельман, которую в аэроклубе, перед войной, не допустили к полету из-за малого роста.

Поздней осенью 1943 года на берегу Керченского пролива оказалась в окружении группа десантников. Их командир вспоминал: "Громкоговорители из вражеских окопов кричали: "Вы обречены на голодную смерть! Вы в блокаде! Приходите завтракать... Никто вам не поможет!" Нам помогли "ночные ведьмы"..." В нелетную погоду, при плохой видимости и под пулеметным огнем, летчицы подлетали со стороны моря, отыскивали в тумане школьный двор, на котором окопались десантники, – требовалось мастерство штурмана, чтобы сбросить на крохотный "пяточок" мешки с продовольствием и медикаментами, коробки с патронами. Почти месяц держались десантники, пока их не выручили, почти месяц летали "ночные ведьмы" – одной из них была штурман Полина Гельман.

Она совершила за годы войны 860 боевых вылетов, порой по пять-десять за ночь, пересекая линию фронта под огнем зенитной артиллерии, провела в ночных полетах 1190 часов, сбросила 113 тонн бомб на окопы противника, мосты и переправы, на эшелоны с горючим, склады боеприпасов и артиллерийские батареи – в Донбассе и Крыму, в Белоруссии и Польше.

Старший лейтенант Полина Гельман закончила боевые полеты под Берлином и стала единственной еврейкой – Героем Советского Союза (звезда Героя, орден Ленина, два ордена Красного знамени, два ордена Отечественной войны, два ордена Красной звезды").

Старший лейтенант Г. Гофман совершил десятки боевых вылетов на одном и том же штурмовике Ил-2 и передал самолет главному конструктору С. Ильюшину – на фюзеляже самолета насчитали сотни пробоин и его поместили в музей. Герой Советского Союза Генрих Гофман в боях в Восточной Пруссии сообщил по радиации: "Всем, всем, всем! Первый еврей перелетел границы Третьего рейха! Начинаю бомбить!.."

3

Генеральские и адмиральские звания ввели в Советском Союзе в 1940 году; с того момента и до окончания Отечественной войны эти звания получили более двухсот евреев. В их послужных списках отмечено – заместитель наркома Морского флота, начальник центрального штаба Войск противовоздушной обороны, начальник оперативного отдела военно-воздушных сил

Красной армии, командующие армиями, заместители командующих армиями, начальники штабов и начальники инженерных войск армий и фронтов, командующие бронетанковыми войсками армий и фронтов, командиры корпусов, стрелковых, артиллерийских, авиационных и кавалерийских дивизий, командир бригады морской пехоты в Севастополе, командир воздушно-десантной бригады, заместитель командующего Волжской военной флотилии, командир бригады крейсеров и командир бригады подводных лодок Балтийского флота, начальники санитарных управлений фронтов, санитарных и ветеринарных отделов армий. Яков Крейзер, внук кантониста, родился в Воронеже в 1905 году – в тот день в городе был еврейский погром. Генерал-майор Я. Крейзер участвовал в боях под Москвой, затем прошел всю войну; маршал И. Баграмян именовал его "мастером стремительных атак", который "действовал на редкость решительно и дерзко". Из воспоминаний маршала А. Василевского: "Армия, которой командовал Крейзер, разгромила группу Манштейна под Сталинградом, успешно провела операции по освобождению Донбасса, Крыма, Белоруссии, Прибалтики". После войны генерал армии Крейзер командовал военными округами, был начальником Высших офицерских курсов "Выстрел"; золотая звезда Героя, пять орденов Ленина, четыре ордена Красного знамени, два ордена Суворова, ордена Кутузова и Богдана Хмельницкого (именем Я. Кейзера назвали улицы в Севастополе и Симферополе).

Артиллерист И. Бескин заслужил орден Красного знамени в Гражданскую войну, участвовал в боях с японцами на Дальнем Востоке, воевал в Финляндии. К началу войны с Германией полковник Бескин командовал артиллерией механизированного корпуса, воевал под Москвой, проводил артиллерийскую подготовку перед наступлением под Сталинградом, отличился на Курской дуге, в боях в Польше и Германии – генерал-лейтенанта Израиля Бескина называли мастером планирования и осуществления артиллерийской подготовки во время наступления (звезда Героя, три ордена Ленина, три ордена Красного знамени, два ордена Суворова, орден Кутузова).

Генерал-лейтенант С. Кривошеин тоже начинал военную карьеру в Гражданскую войну – командиром эскадрона в 1-й Конной армии, затем стал танкистом, участвовал в боях в Испании, воевал с японцами у озера Хасан, с финнами на Карельском перешейке. Семен Кривошеин вступил в бой с немцами в Прибалтике, воевал под Курском и в Польше, участвовал в Берлинской операции – танкисты его корпуса одними из первых ворвались в столицу Третьего рейха и после уличных боев подошли к рейхстагу (звезда Героя, три ордена Ленина, три ордена Красного знамени, ордена Кутузова, Суворова, Красной звезды; корабль речного флота носил имя "Семен Кривошеин").

Генерал-майор Леонтий Котляр начинал войну в должности начальника инженерных войск Красной армии, руководил строительством оборонной полосы вокруг Москвы, командовал инженерными войсками разных фронтов, обеспечивал форсирование Десны, Днепра, Днестра, Дуная, закончил войну генерал-полковником инженерных войск (звезда Героя, четыре ордена Ленина, четыре ордена Красного знамени, ордена Суворова, Кутузова, Хмельницкого; после войны был начальником Военно-инженерной академии).

Матвей Вайнруб участвовал в боях за Сталинград и при освобождении Украины, воевал в Польше и Германии, возглавлял танковое соединение при взятии Берлина, был четыре раза ранен во время боев и заслужил звание Героя (после войны генерал-лейтенант, заместитель командующего войсками Киевского военного округа; звезда Героя, два ордена Ленина, четыре ордена Красного знамени, ордена Суворова, Кутузова, Хмельницкого, Отечественной войны, два ордена Красной звезды). В том же указе о присвоении звания Героя был упомянут его брат, командир танковой бригады подполковник Евсей Вайнруб, который прошел всю войну – от обороны Москвы до взятия Берлина.

4

После рассказа о генералах следует непременно упомянуть и рядовых бойцов той войны, – одни из них заслужили ордена и почет, другим достались медали "За боевые заслуги". Не случайно утверждал маршал Ф. Толбухин: "Приказ командира очень многое решает на войне. Но любой командир, будь он хоть семи пядей во лбу, низко-низко обязан поклониться солдату. Это он – Рядовой – исполняет приказ в бою. Значит от того, как он его воспринял и как исполняет, все и зависит". В конце 1943 года был учрежден солдатский орден Славы трех

степеней, которым награждали бойцов рядового и сержантского состава за "славные подвиги храбрости, мужества и бесстрашия" – полный кавалер ордена Славы приравнялся к Герою Советского Союза.

В 1944 году, во время боев на Карельском перешейке, связист Л. Блат более двухсот раз чинил линии проводов под бомбежкой противника, обеспечивая связь наблюдательного пункта с артиллерийскими батареями. Был ранен и контужен, заслужил орден Славы 3-й степени. Под Варшавой, во время контратаки немецких танков, командир отделения Л. Блат провел обходную линию связи, отбивал атаку автоматчиков на наблюдательный пункт, подбил танк и заслужил орден Славы 2-й степени. В апреле 1945 года в боях под Данцигом старшина Леонид Блат устранил несколько десятков разрывов проводной связи, переправился через реку с катушками кабеля, обеспечивая управление артиллерийским огнем, по представлению маршала К. Рокоссовского был награжден золотым орденом Славы 1-й степени.

Сапер Г. Богорад начал войну в Сталинграде, устанавливал заграждения во время обороны, делал проходы в минных полях противника перед наступлением, участвовал в форсировании больших и малых рек. На Украине, в феврале 1944 года, Богорад снимал мины на пути разведчиков, был ранен, прикрывал огнем автомата отход бойцов с захваченным пленным, сумел доползти до своей траншеи и получил орден Славы 3-й степени. В наградном листе написали: "Выполняя боевую задачу, еще раз показал, как до конца нужно выполнять свой воинский долг". Орден Славы 2-й степени Богорад снова заслужил на Украине – перед наступлением делал проходы в минных полях и в проволочных заграждениях под огнем противника. В октябре 1944 года, в Венгрии, Богорад с группой бойцов переправился на резиновых лодках через реку Тиссу, участвовал в захвате плацдарма, установил 87 противотанковых мин в ста метрах от немецких траншей, сорвав танковую атаку противника, – маршал Р. Малиновский вручил старшине Григорию Богораду золотой орден Славы 1-й степени.

Полный кавалер ордена Славы сапер Лев Глобус из уральского города Орска был ранен в первые месяцы войны, участвовал в уличных боях в Сталинграде, в наступлениях на Украине и в Крыму, в освобождении Севастополя, воевал затем в Прибалтике, погиб в Венгрии под Будапештом – орден Славы 1-й степени присвоили ему посмертно.

За годы Отечественной войны полными кавалерами ордена Славы стали 14 евреев. Это – в дополнение к названным – пулеметчик Семен Бурман, артиллерийский разведчик Нахман Гизис, связист Борис Заманский, разведчик Борис Маргулян, пехотинец Ефим Минкин, пехотинец Владимир Пеллер (после войны – председатель колхоза "Заветы Ильича" в Еврейской автономной области, Герой социалистического труда, депутат Верховного Совета СССР), разведчик Эдуард Рот, наводчик орудия Илья Сепиашвили, командир орудия Давид Сидлер, разведчик Шмуэль Шапиро, пулеметчик Семен Шилингер.

***

Из справки наркомата обороны СССР (на апрель 1946 года): русские составили 67,3% от общего количества награжденных боевыми орденами и медалями, украинцы – 17,9%, белорусы – 2,9%, татары – 1,8%, евреи – 1,8% (123 822 бойца и командира), казахи – 1%, узбеки – 0,9%, армяне – 0,8%, грузины – 0,6%, азербайджанцы – 0,4%.

***

За годы Отечественной войны попали в госпитали более 22 миллионов раненых, контуженых, обожженных, обмороженных и больных бойцов и командиров Красной армии; некоторые из них прошли через госпитали по три, четыре, а то и по семь раз. После лечения вернулись в действующую армию почти 77% раненых – в этом заслуга работников фронтовых и тыловых госпиталей, в том числе и евреев, врачей и медицинских сестер. В годы войны звание генерал-майора и генерал-лейтенанта медицинской службы получили 27 врачей-евреев. Л. Ратгауз был помощником начальника Центрального санитарного управления наркомата обороны. М. Вовси занимал должность главного терапевта Красной армии, разрабатывал эффективные методы лечения раненых в условиях военного времени. Д. Энтин был главным стоматологом, а В.

Левит заместителем главного хирурга Красной армии; П. Бялик, З. Волынский, М. Гурвич, А. Песис, Б. Сигал – начальниками санитарных управлений разных фронтов. В характеристике врача Г. Гуревича, главного хирурга Сталинградского фронта, сказано: "Смелый, решительный, проводит подготовку молодых хирургов в блиндажах Сталинграда, в трехстах метрах от врага".

***

Город Корсунь на Украине: "Воевали пятеро сыновей Моисея Подольского, трое из них погибли, а двое дошли до Победы. Наум Солоп потерял на войне всех сыновей – Аврума, Берла, Буцю, Идла и Михаила. У Шулема Кавшина погибли три сына – Арл, Аврум и Эйна и два зятя – Хаим Белокопыт и Рувим Блават. У Берла Дранова – три сына: Давид, Эли и Моисей. Его брат Моисей Дранов не дождался с фронта двоих сыновей – Лейба и Гершла..." Город Горький: "В семье Шимона и Рахили Грейсов было пять мальчиков, и на войну один за другим ушли пять сыновей. Еще не женатые. И ни один не вернулся. Погибли и трое Перевозкиных – Абрам-Лейб, Мордух и Пейсах, двоюродные братья и ровесники Грейсов..."

Ростов-на-Дону: "Ушли добровольцами на фронт, попали в окружение под Вязьмой и погибли ростовские литераторы Михаил Штительман и Григорий Кац... Погибли студенты Ростовского университета Юлий Гацельский, Лев Хенвен, Анатолий Вусевкер, Юрий Гринберг, Натан Иоффе, аспирант Матвей Шварцман и другие..." Город Тукумс, Латвия: "В боях пали четверо братьев Фербер, сыновей Хаима Фербера – Берл, Даниэль, Хоне и Эмануэль. Погибли три брата, сыновья Израйля Абрамсона – Абрам, Хирш и Шике. Погибли братья Исаак и Ноах Перлманы..."

В Виннице издали Книгу памяти с поименным перечнем погибших евреев города: "Абельманов Иосиф Григорьевич, рядовой... Абович Нафтула Ицкович, капитан... Абрамович Идель Янкелевич, рядовой... Адесман Шлема Моисеевич, лейтенант... Аксельрод Израиль Гедалевич, воентехник 2-го ранга... Амитин Моисей Борисович, военный фельдшер... Аршинов Сулим Срулевич, старшина..." Список завершает Яхец Михаил Лазаревич, матрос.

ОЧЕРК СОРОК ПЕРВЫЙ

Еврейские воинские соединения. Участие в войне стран антигитлеровской коалиции.
Еврей-разведчики

1

В довоенные годы были сформированы в Советском Союзе национальные формирования – Грузинская, Туркестанская, Армянская и Азербайджанская дивизии; во время войны с Германией появились Латышское, Литовское и Эстонское воинские соединения. Еврей-командиры Красной армии предлагали создать еврейские дивизии; утверждали даже, что их боевые качества будут непременно высокими, так как "еврейские солдаты стоят перед лицом одной лишь возможности: убить врага или погибнуть". Еврейские воинские части не были созданы, однако евреи прибалтийских республик составляли большой процент в национальных соединениях Латвии и Литвы.

201-я Латышская стрелковая дивизия была сформирована в сентябре 1941 года – в тот момент в ее составе было не менее 17% евреев, примерно 1800 человек. В некоторых подразделениях этой дивизии евреи составляли большинство; многие из них не владели русским языком, а потому командиры проводили обучение на языке на идиш. Латышская дивизия вступила в бой

под Москвой в декабре 1941 года и понесла огромные потери; среди погибших было около 1000 евреев – бойцов и командиров этой дивизии; более двадцати евреев получили ордена Красного знамени и Красной звезды, медали "За отвагу" и "За боевые заслуги".

Студент Латвийского университета Ю. Ватер участвовал в обороне Риги, воевал затем в составе Латышской дивизии, был ранен; в начале 1944 года, во время Корсунь-Шевченковской операции, капитан Юрий Ватер передавал по звуковещательной станции требование о капитуляции окруженным немецким частям. Солдаты дивизии "Викинг" сумели окружить деревню, откуда он вел передачу; Ватер остался с бойцами, водил их в контратаки, был дважды ранен, но продолжал стрелять из окна дома, уничтожив многих солдат и командира батальона. Его схватили, повесили, а затем сожгли дом; Юрий Ватер был представлен посмертно к званию Героя Советского Союза, награжден орденом Ленина (в деревне, где он погиб, установили памятник с надписью "герою-латышу Юрису Ватеру", изменив имя его и национальность). Из воспоминаний еврейки – медсестры Латышской дивизии: "Латыши, даже те, которые за год советской власти сделались ярыми коммунистами, выявляли... свой характер вместе с застарелым антисемитизмом. Этот антисемитизм выражался не в открытых нападках и намеках, а в холодном, несколько брезгливом отчуждении".

В 16-й Литовской стрелковой дивизии числилось после ее формирования 10 250 человек: литовцы – 36%, русские – 30%, евреи – 29% (среди командиров было 13% евреев, среди сержантов – 21%, среди рядовых – 34%). Дивизия начала боевые действия в феврале 1943 года в Орловской области, затем в Белоруссии, Литве и Латвии; за годы войны погибло 9000 бойцов и командиров Литовской дивизии, в том числе около 2000 евреев; двенадцать человек заслужили звание Героя Советского Союза, среди них четыре еврея. Наводчик орудия рядовой Борис Цинделис отбивал атаки вражеских танков южнее Клайпеды осенью 1944 года, погиб в бою, посмертно ему присвоили звание Героя. Это же звание заслужили бойцы Литовской дивизии – артиллеристы ефрейтор Григорий Ушполис и сержант Калман Шур.

Командир стрелкового батальона Литовской дивизии Вульф Виленский с первого до последнего дня войны был на фронте; в 1944 году его батальон отразил под Клайпедой восемь атак танковой дивизии "Герман Геринг", и Виленский стал Героем Советского Союза (звезда Героя, орден Ленина, два ордена Красного знамени, ордена Александра Невского, Отечественной войны, Красной звезды; его прадед Вульф прослужил в царской армии двадцать пять лет, за заслуги в русско-турецкой войне стал полным Георгиевским кавалером четырех степеней).

Из воспоминаний полковника В. Виленского (пересказано с сокращениями):

"Когда был получен приказ перейти в наступление, мы стали усиленно готовиться... "Как настроение?" – пробасил в телефонную трубку командир полка. Настроение мое было не очень хорошим, но я бодро ответил, что все в порядке, только надоело ждать. "Что предлагаешь?" – спросил Лысенко. Я предлагал перейти в наступление через... сорок минут. Без артиллерийской подготовки, внезапно. Через тридцать минут, как нами было установлено, немцы сядут обедать. Бдительность притупляется, и пока опомнятся, мы ворвемся в траншеи врага. Я слышал, как стучит мое сердце, и как, мне казалось, сердце командира полка. Он был разведчиком в финской войне, отличался храбростью и, командуя полком, часто забывал про свою должность и прибегал ко мне в батальон. Мы оба почувствовали азарт настоящего боя. Нужно было решать, и немедленно.

"Я должен запросить разрешение командира дивизии, – заколебался Лысенко. – Мы не одни в дивизии. Можно сорвать общий план наступления... Сколько ты можешь подождать?" Я подумал и сказал: "Могу подождать десять минут". Не ожидая ответа, я распорядился готовиться к бою. Был продуман детальный план, и я был уверен, что успех обеспечен. Не стал бы я по-глупому рисковать своими ребятами, если бы не было шансов на успех. Через десять минут Лысенко бодро прокричал в трубку: "Володя (к тому времени я для него уже был Володя), вперед!"

Когда мы рванулись вперед и были около кустарника, немцы открыли огонь по нашей первой траншее. Но мы-то из нее уже ушли! Когда они спохватились и перенесли огонь на кустарник, нас уже и там не было. Мы проскочили кустарник и с ходу ворвались в траншею врага. Они испугались, с полными ртами тарасили на нас глаза. Не задерживаясь, мы устремились вперед, и через полчаса я уже был в землянке немецкого командира батальона, который (видно было по столу) хорошо пообедал и... лег спать.

Я доложил Лысенко, что мы заняли три траншеи врага. "А где ты сам, черт тебя побери?!" – орал в трубку командир полка. "Я в землянке немецкого командира батальона, отправил вам ящик коньяка!" – кричал я в ответ. Я знал Лысенко и ожидал его появления с минуты на минуту. И точно. Вскоре он прибыл. Объятия, поцелуи, влажные счастливые глаза и два слова: "Спасибо, Вовка!"

Следует добавить, что в наш прорыв устремились другие части дивизии. Успех был полный. Многих наградили, в том числе Лысенко и меня. По его настоянию, я был назначен первым его заместителем – начальником штаба полка. Мы стали жить в одной землянке..."

Латышские и Литовские воинские соединения участвовали в боях за Латвию и Литву, но еврейское население было там почти полностью уничтожено, и в ряды этих национальных формирований вступали лишь партизаны-евреи, выжившие в лесах. На освобожденных территориях Прибалтики проводили массовый набор в армию местных жителей, включая их в национальные формирования; туда попадали после мобилизации латыши и литовцы, которые и до войны не испытывали симпатий к евреям; они провели три года в оккупации под влиянием нацистской пропаганды, что привело к росту антисемитизма в этих дивизиях.

Герой Советского Союза Г. Ушполис вспоминал: "Новое пополнение... резко отличалось от нас. Они не признавали гитлеровцев своими врагами. Участились случаи дезертирства, особенно в стрелковых полках..." – "Трудно было сохранять былую гармонию и корректность. Не раз евреи совершали спонтанный самосуд над убийцами своих родных".

Добавим к этому, что до войны в Эстонии было небольшое еврейское население; в Эстонском стрелковом корпусе воевало около 200 евреев.

2

В конце июля 1941 года Москва возобновила дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством В. Сикорского, которое находилось в Лондоне. В августе того года объявили амнистию польским гражданам в советских лагерях и ссылках, и на территории Советского Союза началось формирование Польской армии под командованием генерала В. Андерса, которого также освободили из заключения. Сотрудник польского посольства в СССР свидетельствовал: "Советские власти соглашались считать польских евреев поляками, но никак не соглашались освобождать русских, белорусов и украинцев, несмотря на их польское подданство. Правда, многим из них как-то удалось выскользнуть из лап НКВД и присоединиться к армии генерала Андерса".

Польским евреям тоже было непросто вырваться из лагеря; заключенный Ю. Марголин вспоминал: "Эта "амнистия" по капле высосала из нас кровь, довела до иступления и нервной катастрофы. Только когда мы остались последними и девяносто процентов западников ушло из лагеря, мы поняли... что нас не освободят, что советская власть применяет амнистию не ко всем, кого она касается... Мы обратились к прокурору: "Почему нас не отпускают?" Прокурор засмеялся и ответил: "Вы евреи, Сикорский вас не хочет"... А мне сообщили в письме: "В ответ на запрос з-к Марголина Ю. Б. разъясняется ему, что он не подлежит амнистии для польских граждан, как лицо непольской национальности"... Я посидел за эти месяцы ожиданий. Я был молод, когда меня арестовали в Пинске. Вдруг я услышал с удивлением, что меня окликают на работе "отец", а потом стали звать меня – "дед".

В армии Андерса было 4500 евреев; в 1942 году армию перевели в Иран, занятый советскими и британскими войсками. Солдаты и офицеры несли охранную службу, и один из них, польский еврей, вспоминал: "В моем подразделении служило трое еврейских парней. С Адамом Фогелем мы особенно подружились, вместе старались выстоять в условиях свирепствовавшего в польской армии антисемитизма. Мы скоро привыкли заботиться друг о друге во враждебном окружении; в палатке мы приучились спать спина к спине, положив между собой заряженную винтовку. Своих сослуживцев мы боялись больше предстоящих боев... Меня и Адама постоянно унижали. Офицеры поручали нам самые неприятные задания: именно нас, как правило, посылали чистить сортиры... Мы нередко справлялись с учениями лучше остальных, но это только разжигало гнев наших командиров".

Затем армию Андерса отправили из Ирана на Ближний Восток и передали под английское командование; в ее рядах был будущий глава правительства Израиля М. Бегин. В апреле 1943

года Советский Союз разорвал дипломатические отношения с польским правительством в эмиграции; поводом послужило "необоснованное и провокационное" обращение польского правительства к Международному Красному Кресту – принять участие в исследовании могил в Катыни, где в 1940 году карательные советские органы расстреляли тысячи польских офицеров. Из "личного и секретного послания" И. Сталина У. Черчиллю: "Враждебная Советскому Союзу клеветническая компания, начатая немецкими фашистами по поводу ими же убитых польских офицеров в районе Смоленска... была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского... Гитлеровские власти, совершив чудовищное преступление над польскими офицерами, разыгрывают следственную комедию..." Подобное послание было отправлено и президенту США Ф. Д. Рузвельту, – с этого момента в Москве стали готовить просоветское правительство, которое появилось в Польше после изгнания оттуда немецкой армии.

С мая 1943 года на территории СССР началось формирование 1-й Польской пехотной дивизии имени Т. Костюшко; польский еврей капитан Ю. Хибнер стал заместителем командира стрелкового полка. Дивизия впервые вступила в бой с противником в Белоруссии, в октябре 1943 года. Когда один из батальонов залег под пулеметным огнем, Хибнер – с возгласом "Вперед, жители Варшавы!" – поднял бойцов в атаку, и они выбили противника из укрепленных позиций. Юлиуш Хибнер был ранен в обе ноги, но продолжал руководить боем и заслужил звание Героя Советского Союза (после войны – генерал польской армии). В первые дни боев погибло более тысячи бойцов польской дивизии; среди убитых евреев был и военный раввин И. Завада.

К лету 1944 года польские соединения насчитывали 54 000 человек, в том числе около 4000 евреев; учитывая антисемитские настроения среди солдат и офицеров, некоторые евреи меняли свои имена на польские: Рахмиэль Гарбер стал Романом Грабовским, Генрик Розенталь – Генриком Розанским, Шмуэль Шульцитцер – Станиславом Шультинским. В 1945 году две армии Войска Польского участвовали в боях за Берлин (начальником политотдела 1-й Польской армии был еврей из Польши Р. Замбровский).

3

22 июня 1941 года премьер-министр Великобритании У. Черчилль выступил по радио и заявил от имени правительства о поддержке СССР в войне против Германии. Через два дня после этого с подобным заявлением выступили президент США Ф. Д. Рузвельт и руководитель движения "Свободная Франция" генерал Ш. де Голль. В июле представители СССР и Великобритании подписали в Москве соглашение о совместных военных действиях против Германии. В том же месяце Сталин попросил Черчилля открыть второй фронт во Франции или на севере Норвегии, чтобы оттянуть с Востока немецкие дивизии, но глава правительства Великобритании ответил, что у них недостаточно сил для подобной операции: "Вы должны иметь в виду, что более года мы вели борьбу совершенно одни и что... наши силы напряжены до крайности".

В начале сентября 1941 года положение на советско-германских фронтах стало критическим, и Сталин вновь попросил Черчилля открыть второй фронт "где-либо на Балканах или во Франции... и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых или средних). Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам..." Через десять дней после этого, в следующем послании, Сталин попросил Черчилля прислать на помощь британские войска, 25-30 дивизий для участия в боях на территории СССР – беспрецедентный шаг в истории большевистского государства.

Великобритания предоставила Советскому Союзу кредит в 10 миллионов фунтов стерлингов для оплаты товаров, и в конце августа 1941 года в Мурманск прибыл первый английский конвой – транспортные суда и корабли охранения, которые доставили танки, самолеты, автомашины и медикаменты. В октябре того года США предоставили СССР первый беспроцентный заем на сумму 1 миллиард долларов, и началась программа "ленд-лиз" – поставка из Америки вооружения, боеприпасов, продовольствия.

1942 год. Северная Африка. Немецкие танки продвигались из Ливии в сторону Каира, и если бы они захватили Египет, следующей на очереди стала бы Палестина. Еврейское население Эрец Исраэль переживало беспокойное время, но всё закончилось благополучно. Британские войска

создали линию обороны возле железнодорожной станции Эль-Аламейн – в пустыне, в ста километрах западнее Александрии. 23 октября 1942 года английская артиллерия возле Эль-Аламейна открыла огонь из тысячи стволов по немецко-итальянским позициям; в этой битве британские войска генерала Б. Монтгомери разгромили африканский корпус генерала Э. Роммеля, и опасность вторжения в Палестину миновала.

6 июня 1944 года войска союзников начали высадку в Нормандии на северо-западе Франции – так был открыт долгожданный "второй фронт". И. Сталин (из послания У. Черчиллю): "История войн не знает другого подобного предприятия с точки зрения его масштабов, широкого замысла и мастерства выполнения... История отметит это дело как достижение высшего порядка".

Когда началась Вторая мировая война, евреи Эрец Исраэль предложили создать боевые еврейские подразделения, чтобы они воевали в составе британских войска. Однако англичане опасались, что это подтолкнет арабов на сближение с Гитлером, и потому согласились включать евреев лишь во вспомогательные части. Во время Второй мировой войны в составе британской армии служили более 30 000 евреев подмандатной Палестины: это были солдаты охранной и патрульной службы, рабочие на строительстве оборонительных сооружений во Франции, водители грузовиков в Ливийской пустыне, "командос" в горах Эфиопии, моряки британского флота, саперы, топографы, радисты, медсестры, укладчицы парашютов; были даже женщины – водители грузовиков, которые своим умением поражали мужчин.

Лишь в сентябре 1944 года, после долгих проволочек, правительство Великобритании согласилось на создание отдельного еврейского подразделения, – так появилась еврейская бригада в составе британских военных сил. Ее бойцы носили на рукаве нашивку с эмблемой бригады – щит Давида на фоне национального флага, на нашивке была надпись ХАИЛ – первые буквы названия на иврите "Хатива Иегудит Лохемет", что в переводе означает "Боевая еврейская бригада". В бригаде было 5000 бойцов – их перевезли на кораблях в Италию, обучили, выдали оружие и отправили на фронт.

В марте 1945 года еврейские солдаты в составе отдельной бригады приняли участие в первом бою, и на военном кладбище в городе Равенна были похоронены первые бойцы. Потом бригаду перевели на другой участок фронта, и англичане официально объявили (это повторили затем все радиостанции мира), что отдельное еврейское боевое соединение вступило в войну против фашизма. Тогда же впервые был поднят официально еврейский национальный флаг.

Немцы капитулировали в Италии; более миллиона солдат сдались союзным войскам, и У.Черчилль отметил в приказе среди прочего: "Еврейская бригада... мужественно сражалась на фронте".

4

Лев Маневич (Этьен) был в предвоенные годы резидентом советской разведки в Германии, Австрии и Италии. Под видом австрийского коммерсанта Конрада Кертнера устанавливал связи с представителями военной промышленности, передавал в Москву сведения о разработке стрелкового оружия, об опытных образцах боевых самолетов, кораблей и подводных лодок, о новейших технологиях производства высокопрочной стали. Это была опасная работа во вражеском окружении, без друзей и родных, – его арестовали в Италии в конце 1936 года, приговорили к двенадцати годам заключения и переводили из тюрьмы в тюрьму, не зная настоящего имени и национальности.

Вместе с Маневичем в камере находились итальянцы-антифашисты, которые до ареста работали на военных заводах, – собранную у них информацию Маневич передавал в Москву, изыскивая для этого разные пути. Среди прочего он сообщил из тюрьмы о новейших прицелах для бомбометания на немецких и итальянских самолетах, о новом типе немецкого крейсера, который строили в Италии, о срочном заказе на боевые самолеты, предназначенные для полетов при сильных морозах, которые итальянцы должны были изготовить для Японии. Это был редчайший случай, когда разведчик передавал важные сведения из тюремной камеры, и начальник Главного разведывательного управления записал в его характеристике:

"Исключительно волевой, храбрый, мужественный. Доставил очень ценную военную информацию. Попав в тюрьму, ведет себя героически, показывая преданность родине. После возвращения достоин высокой правительственной награды".

В 1943 году Маневич оказался в немецком концлагере Маутхаузен, где под именем полковника Старостина участвовал в антифашистском подполье. В начале мая 1945 года начальник лагеря потребовал, чтобы заключенные спустились в шахты, которые были заминированы; Маневич закричал: "Не спускаться! Они взорвут шахты!" Он повторил эти слова на пяти языках; никто из заключенных не выполнил команды, и 6 мая американские войска освободили лагерь. Через несколько дней Маневич умер от туберкулеза – после восьми с половиной лет заключения. Говорят, его последние слова были такими: "Передайте в Москву. Я не Старостин. Я – Этьен..." Друг Маневича по лагерю вспоминал: "Начались печальные хлопоты... Кругом шло неугомонное ликование, а у нас был траур. Тело Старостина лежало в зале... Выставили почетный караул. Шли и шли бывшие узники из соседних поселков, разбросанных в долине... Я сильно волновался и сказал у могилы: "Мы еще не знаем, кто из нас кто. Но всем нам ясно, что Яков Никитич Старостин был выдающимся человеком. Он спас многим из нас жизнь..." Американский солдат сыграл на рожке что-то печальное. Солдаты подняли автоматы, прогремело три залпа. Я оглянулся вокруг – многие плакали". Через двадцать лет после этого полковнику Льву Маневичу присвоили посмертно звание Героя Советского Союза – "за доблесть и мужество, проявленные при выполнении специальных заданий советского правительства перед Второй мировой войной и в борьбе с фашизмом".

Польский еврей Леопольд Треппер, член палестинской компартии, в 1929 году был выслан англичанами из подмандатной Палестины за коммунистическую деятельность. Жил в Париже, учился затем в Москве в Коммунистическом университете, выполнял задания советской разведки в Бельгии, Франции, Голландии, стал со временем одним из главных резидентов в Западной Европе. В 1938 году Треппер обосновался в Бельгии под именем коммерсанта Адама Миклера и приступил к созданию разветвленной шпионской сети, которая известна под названием "Красная капелла". В ее состав входили десятки подпольщиков из разных стран, в том числе служащие министерства хозяйства Германии и министерства иностранных дел, офицер разведки из штаба военно-воздушных сил, конструктор фирмы "Мессершмитт", штабной шифровальщик, офицер парашютно-десантных войск, секретарша немецкого посла в Париже, а также евреи из Эрец Исраэль и стран Европы.

В мае 1941 года Треппер передал в Москву сведения о переброске немецких войск к советской границе и дате вторжения. Во время войны "Красная капелла" поставляла важную информацию о военной промышленности Германии и снабжении ее сырьем, о вооружении противника и численности его военно-воздушных сил, о планах ближайших немецких операций на разных участках советско-германского фронта. Начало ноября 1941 года: "Гитлер приказал в ближайшее время возобновить крупное наступление на Москву, используя все силы центральной группы армий"; апрель 1942 года (перед немецким наступлением на Кавказ и Сталинград): "Последующие удары будут направлены на юг". В Москву ушло около полутора тысяч донесений; переправили и сверхсекретные документы о тактико-технической характеристике танка Т-6 ("Тигр"), что помогло советским конструкторам разработать новую модель танка КВ, который прекрасно проявил себя во время боев. Немецкое командование утверждало, что работа Треппера и "Красной капеллы" стоила Германии не менее 200 000 солдатских жизней.

Наконец, немецкая контрразведка запеленговала их передатчик и в конце 1942 года Треппера, "дирижера" "Красной капеллы", арестовали в Париже. С его помощью немцы хотели затеять "большую игру" с Москвой, но Треппер сумел предупредить Главное разведывательное управление Красной армии. Ему удалось бежать; он скрывался во Франции до прихода союзников, а затем Треппера вывезли на самолете в Москву и приговорили к пятнадцати годам "строгой изоляции". Его жена растила в нужде сыновей и ничего не знала о судьбе мужа; на ее запрос пришло официальное сообщение: "Ваш муж Лев Захарович Треппер пропал без вести при обстоятельствах, не дающих права на возбуждение ходатайства о пенсии".

Треппер пробыл в заключении десять лет, и в 1954 году его освободили "за отсутствием состава преступления". Он уехал с семьей в Польшу, не получив за свою деятельность ни званий, ни наград, возглавлял в Варшаве еврейское издательство, во время антисемитской кампании 1968 года подал в отставку в знак протеста и после многолетней борьбы получил разрешение выехать на Запад. Леопольд Треппер умер в Иерусалиме в 1982 году. Его жену спросили однажды: "Кем бы стал ваш муж, если бы не вступил в компартию и не служил в советской разведке?" Она ответила, не колеблясь: "Главой правительства Израиля".

Анатолий Гуревич (Кент) – советский резидент на территории Западной Европы. Был арестован, три года провел в гестапо, затем много лет в советских лагерях по обвинению в предательстве; почти полвека Гуревича считали изменником родины, и лишь в 1991 году с бывшего разведчика сняли все обвинения.

Венгерский еврей Шандор Радо возглавлял в Европе советскую агентурную группу, в состав которой входили крупные чины германской разведки. Агенты Радо поставляли во время войны важную информацию; среди прочего, они сообщили о дате наступления германской армии на юге Украины в 1942 году, о подготовке немецкой операции "Цитадель" в 1943 году, о системе оборонительных сооружений "Восточный вал", на которых немецкое командование намеревалось закрепиться и остановить наступление Красной армии.

Одним из наиболее ценных агентов в группе Радо был офицер швейцарской разведки Р. Ресслер, – его упомянул в своей книге шеф ЦРУ США А. Даллес: "С помощью источников, которые до сих пор не раскрыты, Ресслеру удавалось получать в Швейцарии сведения, которыми располагало высшее немецкое командование в Берлине... сразу после того, как принимались ежедневные решения по вопросам Восточного фронта". Шандора Радо вывезли в конце войны из Парижа в Москву и приговорили к пятнадцати годам заключения; он отсидел десять лет в советских лагерях и уехал в Венгрию.

5

Янкель (Ян) Черняк был одним из самых выдающихся советских разведчиков. Этот человек родился в Черновцах, которые принадлежали тогда Австро-Венгрии, учился в Праге, знал в совершенстве семь европейских языков, обладал поразительной памятью – запоминал с первого прочтения до десяти страниц текста на одном из этих языков, а также расположение десятков предметов в помещении. Утверждали, что он был способен читать мысли и разгадывать намерения других людей, обладал гипнотическим даром и однажды прошел незнанным мимо своей жены, с которой прожил много лет. Невзрачный внешне и неприметный, это был очень сильный человек, мастер рукопашного боя; он мог подделать паспорт, изготовить печать; когда Черняк менял документы и превращался в иного человека иной профессии и национальности, новая "легенда" разведчика становилась его сущностью, и он даже во сне говорил на нужном языке.

Главное разведывательное управление СССР завербовало Черняка в Берлине в 1930 году. Через несколько лет после этого он возглавил глубоко законспирированную организацию, в которую входило до тридцати человек – работники гестапо, армии и ставки Гитлера, а также популярнейшая немецкая кинозвезда, которая добывала ценную информацию среди военных и политических деятелей. Группа Черняка работала одиннадцать лет, но ни один из его агентов не был раскрыт; германская контрразведка только догадывалась об их существовании по перехваченным радиogramмам, которые не могли расшифровать, а захваченные фотопленки засвечивались, когда их пытались проявить.

В июне 1941 года Черняк передал в Москву точную дату нападения Германии на Советский Союз, но Сталин принял это за "очередную британскую провокацию". Затем Черняк предупредил, что 22-23 июля начнутся массированные налеты авиации на Москву, что и произошло на самом деле. В годы войны группа Черняка отправляла в СССР сообщения о планах ставки Гитлера, о составе и передвижениях различных родов войск, о системе противовоздушной обороны Германии. Черняк создал эффективную систему курьерской связи, с помощью которой быстро переправляли чертежи, техническую документацию, даже отдельные узлы и агрегаты. В Москве узнали о новых типах немецких танков, орудий, радиолокационных установок, минно-торпедного и авиационного вооружения, о новейших материалах, применяемых в самолетостроении, о разработке реактивных снарядов ФАУ-1 и ФАУ-2, химического и бактериологического оружия, – эти сведения помогали советским ученым и конструкторам разрабатывать в короткие сроки аналогичную военную технику. В мае 1945 года, сразу после победы над Германией, Черняка переправили в США. Он начал сотрудничать с советскими агентами и через короткое время послал в Москву сообщение о ходе работ по созданию американской атомной бомбы. Один из советских агентов перешел к

американцам; по цепочке могли добраться до Черняка, а потому в 1946 году советский военный корабль, посетивший США с визитом вежливости, тайно вывез его в Советский Союз. Черняка не посадили. Он работал референтом Главного разведывательного управления, выполнял особые поручения в разных странах, стал прообразом знаменитого телевизионного героя Штирлица. У него не было никаких наград, не было и воинских званий; в 1965 году Черняка вместе с Маневичем представили к званию Героя Советского Союза, но он его не получил. Жил с женой в однокомнатной квартире в Москве, получал скромную пенсию; в 1995 году ему присвоили звание Героя Российской Федерации.

Янкель Черняк лежал в больнице. Группа генералов, явившись в палату, вручила его жене Золотую звезду Героя и грамоту президента; через несколько дней после этого Черняк умер – было ему в день смерти 86 лет.

***

В армиях стран антигитлеровской коалиции воевали представители многих национальностей; в журнале "Огонек" (Москва, 1977 год) отметили: "В войсках союзников в 1939–1945 годах насчитывалось 1 410 000 евреев". В 1939 году, во время вторжения в Польшу немецких войск, было мобилизовано в польскую армию 150 000 евреев, в боях погибло около 30 000; десятки тысяч евреев попали в плен к немцам, большинство из них было уничтожено. Красная армия взяла в плен в 1939 году примерно 20 000 евреев-военнослужащих польской армии; многих из них отпустили по домам, а офицеров-евреев, примерно 700 человек, расстреляли вместе с офицерами-поляками в Катynie под Смоленском, в Харькове и Калининe.

В воинских частях Англии служило не менее 62 000 евреев; 40 евреев-летчиков погибли в воздушных боях, защищая Лондон; многие евреи получили высшие награды Великобритании. Во время Второй мировой войны в США призвали в армию 550 000 евреев, более 60 000 из них были награждены воинскими знаками отличия. "Медаль конгресса", высшую награду США, получили пехотинец лейтенант Р. Лусман, летчик капитан Б. Франкел и командир танковой дивизии генерал М. Роуз. Пилот американского бомбардировщика девятнадцатилетний А. Тадерос участвовал в уничтожении японского авианосца и крейсера, был сбит, попал в плен, бежал; затем воевал на немецком фронте, снова попал в плен, снова бежал – был награжден многими знаками отличия. Президент Ф. Д. Рузвельт, из обращения к американскому Союзу евреев-ветеранов войны: "Отвага и героизм нынешнего поколения евреев украшают славное боевое прошлое евреев Америки".

Во французской армии было 35 000 евреев, в армии Канады – 17 000, Греции – 13 000, Южной Африки – 10 000, Австралии и Новой Зеландии – 4000 евреев. 1-й отдельный Чехословацкий пехотный батальон, сформированный в Советском Союзе, начал боевые действия на Украине весной 1943 года (командир батальона полковник Л. Свобода). Затем была создана Чехословацкая пехотная бригада, впервые вступившая в бой при освобождении Киева; в ней были и евреи, бойцы и командиры, бежавшие до войны из Чехословакии в Советский Союз.

***

За годы войны США, Великобритания и Канада поставили в СССР 9,4 тысяч орудий и минометов, почти 12 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, 5 тысяч бронетранспортеров, более 18 тысяч истребителей, бомбардировщиков и транспортных самолетов, 520 кораблей разных типов (в том числе линкор, миноносцы и подводные лодки), 400 тысяч автомашин, которые использовали на фронте и в тылу (среди них джипы "Виллисы" с повышенной проходимостью, грузовики на полугусеничном ходу для транспортировки пехоты, "Доджи", "Форды" и "Студебеккеры", на которые устанавливали реактивные минометы "Катюша"). Доля помощи союзников в общем количестве техники, поступившей в Красную армию за годы войны, составила: орудий и минометов – 1,8%, танков и самоходных орудий – 12%, самолетов – примерно 15%, автомобилей – 33%.

В годы войны США и Великобритания поставляли в Советский Союз стальной прокат, цветные металлы, высокооктановый авиационный бензин, снаряды, порох, каучук, завод для производства автомобильных покрышек, металлорежущие станки и литейное оборудование, паровозы и железнодорожные платформы, тысячи тонн кабеля и проводов, радиоприемники и

телефонные аппараты, одеяла, палатки, одежду, миллионы пар сапог для армии, медикаменты, индивидуальные походные аптечки, мыло и продовольствие – пшеницу, консервированное мясо, сало, растительное масло, яичный порошок и другие продукты. Общий размер помощи Великобритании Советскому Союзу составил более 400 миллионов фунтов стерлингов, помощь США – около 11 миллиардов долларов (не считая стоимости океанских перевозок и прочих вспомогательных расходов).

С 1941 по 1943 год послом Советского Союза в США был М. Литвинов (Валлах), бывший нарком иностранных дел. С довоенных времен у него установились хорошие отношения с американской администрацией; находясь в Вашингтоне, Литвинов содействовал заключению соглашения о поставках американских товаров по "ленд-лизу".

ОЧЕРК СОРОК ВТОРОЙ

Судьбы военного времени

1

Это был обычный еврейский мальчик, что родился в Германии в семье мелкого торговца обувью. Звали его Шломо Перл. Он учился в немецкой школе, был прилежным учеником, и это продолжалось до тех пор, пока на улицах не закричали: "Жида, убирайтесь вон!" Семья переехала в Лодзь, Шломо учился теперь в польской школе, но в 1939 году пришли немцы, начались издевательства над евреями, и родители отправили сыновей на восток, к русским. "Мы старые, – сказали родители. – А вы молодые, вы должны выжить". В декабре того года Шломо с братом Ицхаком добрались до реки Буг, голодные, усталые, измученные. По реке плавали льдины, и местные крестьяне переправляли беглецов на другой берег за хорошие деньги. Лодка была заполнена, но Шломо удалось найти местечко для себя и для брата. Посредине реки налетел сильный ветер, лодка опрокинулась, несколько человек утонули, – русский солдат с того берега вытащил братьев из воды. Было тогда Шломо четырнадцать лет. Он учился в Гродно, в еврейском интернате, изучал идиш и русский язык; однажды пришла открытка от родителей, и связь на этом прервалась навсегда. Летом 1941 года появились немцы. Толпы голодных и растерянных беженцев уходили по дорогам, заваленным трупами, но танки со свастикой двигались быстрее. Их окружили, построили, начали проверять; где-то неподалеку слышались одиночные выстрелы, – вокруг говорили, что не уцелеет ни один еврей. К Шломо подошел немецкий солдат, тщательно его обыскал: "Еврей?" – спросил он. "Нет, – неожиданно для самого себя ответил Шломо. – Я фольксдойче", – другими словами, немец, родившийся вне Германии. Этот ответ спас ему жизнь.

В армейской канцелярии Шломо объяснил, что потерял родителей еще в детстве и учился в интернате в Гродно. "Где документы?" – "Потерял во время бегства". – "Как зовут?" – "Йозеф Прайль". Его отправили в противотанковую роту и выдали мундир; солдаты полюбили этого заморыша в огромных сапогах, прозвали его Йоф – он был застенчив, скромн, прилежен. "Это казалось мне каким-то кошмаром, – вспоминал Шломо. – Я был уверен, что рано или поздно все это закончится".

Однажды Шломо усадили в коляску мотоцикла и привезли в громадный лагерь для военнопленных. Тысячи людей изнемогали от голода и жажды; раненые валялись на земле, и никто не оказывал им помощи. Офицеров содержали отдельно; Шломо подвели к одному из них, смуглому, коренастому, заросшему щетиной, велели переводить вопросы и ответы. "Назовите ваше имя". – "Я сын Сталина, – ответил тот. – Меня зовут Яков Джугашвили". Когда

Шломо перевел эту фразу, все вокруг обомлели; воинская книжка подтвердила его показания, сына Сталина увезли куда-то, и больше Шломо его не видел.

К тому времени он превратился в образцового солдата. Получал паек и порцию алкоголя, переводил на немецкий язык показания пленных, вместе со своей частью двигался на восток – Витебск, Смоленск, пригороды Москвы, затем их перебросили под Ленинград. "Как-то утром началась русская атака, – вспоминал он. – Это был град пуль, люди гибли, как мухи. Меня спас офицер медицинской службы: он потащил меня за собой и сунул под танк. Это, кстати, был единственный человек, который знал о моей тайне и не выдал, – вскоре он погиб". Однажды, во время русской атаки, Шломо спрятался в избе, надеясь отсидеться до прихода красноармейцев; немецкий солдат заметил Йофа, не понял, к счастью, его намерений и заорал: "Ты что, спятил? Нашел время оправляться!" – и побег не удался.

Неожиданно в штабе выяснили, что Йоф по возрасту не имеет права служить в армии, и его отправили в Германию, в образцовое училище гитлеровской молодежи. В удостоверении отметили: "Йозеф Прайль – верный сын немецкого народа, показавший себя доблестным солдатом на Восточном фронте". В училище ему выдали мундир, кинжал, значок со свстикой; его торжественно вывели перед строем, и начальник училища провозгласил: "Знакомьтесь! Вот юный герой, которого отправили с фронта домой, чтобы он мог реализовать свое призвание – стать одним из вождей нации!" А Шломо думал в ту минуту: "Если это фанатики обнаружат, что я еврей, они разорвут меня на куски..." На его счастье, душевая разделялась на отдельные кабинки, и никто не догадывался о его происхождении.

Труднее было на уроках, когда преподаватели разъясняли: "Евреи – это сброд, стремящийся овладеть миром. Поведение и весь облик еврея свидетельствуют о его сатанинском происхождении: крючковатый нос, низкий рост, убогое телосложение и отвратительная жестикуляция". Йозеф Прайль, по общему мнению, выглядел как истинный ариец.

Зимой 1943 года Шломо поехал на каникулы в Лодзь, где остались его родители. В гетто его не пустили, но разрешили проехать в трамвае через огороженное пространство. Он увидел людей, потерявших человеческий облик, опухших от голода детей; ему казалось, что за окном вагона мелькают знакомые лица; он пытался опознать дом, в котором жил, но не сумел... Затем наступили иные времена. Союзники бомбили Германию. Города лежали в развалинах. Шломо призвали в ополчение, вручили гранаты, которыми следовало подбивать американские танки, но он этого не сделал.

Война закончилась, Шломо уехал в Израиль, завел семью; однажды в Германии встретил на улице одного из воспитателей бывшего гитлеровского училища. "Йоф!" – закричал тот радостно. "Я не Йоф, – ответил он. – Я Шломо Перл, еврей".

Через много лет после войны на экраны разных стран вышел фильм "Европа, Европа", и актеру в роли Шломо Перля было не страшно маршировать в рядах гитлеровской молодежи. А Шломо было страшно, постоянно страшно в той, незкранной жизни: "Если это фанатики обнаружат, что я еврей, они разорвут меня на куски..." В США фильм получил приз "Золотой глобус", а в Германии его приняли холодно. Это было давно, и это теперь не про них.

2

Из воспоминаний Л. Фейгина, жителя крымского города Джанкоя (опубликовано в "Черной книге", составленной под редакцией В. Гроссмана и И. Эренбурга):

"Любимцем всего города был Наум Животовский – "Веселый маляр". Животовский был удивительным мастером – неутомимым, жадным к работе. Он писал яркие вывески, мимо которых нельзя было пройти, чтобы не остановиться, рисовал заманчивые афиши для кинотеатра, фантастические декорации для клубных спектаклей и так красиво расписывал легкие колхозные брички и тачанки-тавричанки, как будто готовил их для грандиозной свадьбы.

Я не видел Животовского мрачным. Может, бывали у него в жизни плохие дни, но он говорил: "Горе мое останется при мне, а радостью пусть пользуются люди". Он любил людей, а люди любили его. По вечерам Животовский выходил гулять на главную Крымскую улицу со всей своей семьей. Рядом с ним шла жена, веселая, смуглая красавица, одетая в нарядное, яркое платье. Вокруг шумной гурьбой шли дети: четыре озорных, загорелых мальчика и три девочки – красивые, кокетливые, во всем похожие на мать и такие же нарядные. Животовский гордился

своей семьей и многочисленной родней. Он говорил: "О, Животовских много! Мы скоро весь Крым заселим..."

Три года я ничего не слышал о Животовском. И вот, наконец, письмо:

"Дорогой земляк!. Может, вы уже забыли меня, но скорее всего не забыли. Ведь я, помните, всегда жил около людей, и люди меня запомнили, потому что я был чересчур шумным человеком. Но теперь мало осталось от прежнего Животовского. Я даже удивляюсь себе, что живу еще, дышу, ем, шучу с товарищами.

В апреле этого года я дрался на Перекопе, форсировал Сиваш, и вот дошел до Джанкоя. Город разрушен Все горит. Спешу к своему дому. Он цел, невредим, и на ставнях цветы, которые я нарисовал, на калитке намалеванная мною злая собака. Открываю калитку, вхожу в сад. Чужой мальчик стоит, смотрит на меня, улыбается, а я ничего не вижу: ослеп от волнения и спросить не могу. Вырвали немцы корень Животовского! И пусто, и холодно у меня на душе, как будто заморозило лютым морозом, и даже слезы замерзли. Тогда я узнал, дорогой мой земляк, как истребили немцы мою жену, моих детей, большую мать, старого отца, сестер моих с маленькими детками – всего сорок два человека, о которых я знаю. Судьба остальных мне неизвестна.

И тогда я решил, что не стоит жить, и тут же хотел покончить выстрелом из трофейного пистолета. Но подумал, что солдату не годится так умирать. И когда снова пошел в бой и увидел немцев, умирать мне уже не хотелось. Я бил немцев и кричал, когда шел в атаку: "Суд идет!" Так я прошел до самого конца Крыма, до Херсонесского мыса, и здесь, около Севастополя, убил на берегу немца, спихнул его ногой в море и сказал: "Приговор приведен в исполнение. Пусть трепещут другие! Суд идет! Я еще буду в вашем Берлине!"

Ваш земляк Наум Животовский, в прошлом "Веселый маляр".

3

Командир взвода младший лейтенант Хаим Коренцвит попал в окружение под Смоленском вместе со своей частью, сформировал из бойцов партизанский отряд и начал боевые действия в тылу немецких войск, стремившихся к Москве. Весной 1942 года отряд Коренцвита присоединился к крупному партизанскому соединению, в котором он стал командиром диверсионной группы, а затем начальником разведки.

Во время одной из операций он был тяжело ранен, лечился в Москве, после чего его отправили в соединение украинских партизан, – теперь Хаиму Коренцвиту поменяли имя и называли его Евгений Волянский. Снова руководил разведкой отряда, организовывал и проводил диверсии; весной 1943 года пустил под откос бронепоезд, который направлялся к линии фронта. Владея немецким языком, Волянский передевался в форму офицера германской армии, проникал в расположение вражеских частей и добывал сведения, которые помогали проводить успешные операции. Командир партизанского соединения впоследствии вспоминал, что благодаря опыту и исключительному чутью Волянского им удавалось несколько раз выходить без потерь из окружения.

Летом 1944 года с киевского аэродрома поднялся самолет, на борту которого находилась группа десантников – с ними летел и Евгений Волянский. Самолет приземлился в Словакии, в горах Нижние Татры; в конце августа того года началось словацкое восстание; в нем принял участие и отряд Волянского, сформированный из местных партизан. В сентябре была создана партизанская бригада "За свободу славян", в которую входили словаки, сербы, словены, русские, украинцы и евреи; бригада насчитывала 15 отрядов, 1600 человек – командиру бригады Волянскому (а точнее, Коренцвиту) исполнилось к тому времени 23 года. Бригада участвовала в уничтожении немецких гарнизонов, захватила аэродром с боевыми самолетами; передевшись в форму майора германской армии, Волянский проник в расположение немецкой части, похитил командира дивизии и на генеральской машине привез в расположение своей бригады.

В сентябре 1944 года в штаб партизанской бригады прибыла делегация для переговоров о выходе Венгрии из войны. Волянский радировал об этом командованию: "Правительственная делегация Венгрии находится у нас... Высылайте самолет... Ждать не можем", и через день венгры улетели в Киев с партизанского аэродрома. С середины октября четыре немецкие дивизии начали наступление на освобожденные районы Словакии, и партизанские отряды ушли в горы. Наступили холода, у партизан не было теплой одежды; во время одного из боев

Волянский отморозил ступни ног, однако продолжал руководить бригадой и вывел ее из окружения по горным заснеженным тропам.

Еще во время боев на Украине Волянского представили к званию Героя Советского Союза, затем об этом ходатайствовали руководители словацкого восстания, но он так и не стал Героем (три ордена Красного знамени, два ордена Отечественной войны, четыре боевых ордена Чехословацкой республики; Хаим Коренцвит – почетный гражданин пяти городов Словакии, его портрет поместили в музей города Банска-Быстрица, где экскурсоводы рассказывали о участии Волянского в словацком восстании).

Л. Беренштейн, из воспоминаний: "Заместитель начальника Украинского штаба партизанского движения полковник Илья Григорьевич Старинов писал, что за свои боевые дела Евгений Волянский заслуживает звания дважды Героя Советского Союза... К слову сказать, выше награды, чем орден Красного знамени, ни один еврей – командир партизанского отряда на Украине не был награжден".

Лейтенант Леонид Беренштейн воевал с первого дня войны, был ранен в ногу и оказался в тылу противника. Его схватили полицейские, повели на расстрел, но он сумел убежать и собрал группу бойцов, оказавшихся в окружении, – они пустили под откос три вражеских эшелона, а затем присоединились на Украине к партизанскому отряду. Беренштейн был командиром диверсионной группы, начальником разведки, затем стал начальником штаба отряда имени Пожарского. В конце 1943 года их отряд совместно с другими партизанами и десантниками участвовал в захвате крупного плацдарма на Днепре южнее Черкасс – семь километров в ширину и пять в глубину; несмотря на контратаки немецкой пехоты и танков, несмотря на налеты авиации, они удержали плацдарм до форсирования реки советскими частями.

Леонид Беренштейн (в партизанах – Володя Васильев) стал командиром отряда имени Пожарского, и в мае 1944 года бойцов этого отряда переправили на самолете на территорию Южной Польши. Там к ним присоединились военнопленные, бежавшие из лагерей, и за полтора месяца партизаны подорвали восемнадцать эшелонов, разрушили пять мостов с помощью радиоуправляемых мин, срывая снабжение вражеских войск на фронте; их командиру, Леониду Беренштейну, было тогда 23 года. Из его воспоминаний: "Группы минеров буквально атаковали железные дороги, мосты, линии электропередачи, военные объекты... Составы задерживались на станциях и разъездах, не хватало ремонтных бригад, и немецкое командование бросало на восстановительные работы регулярные войска... Часто минеры закладывали взрывчатку под рельсы одновременно в нескольких местах. Такие операции давали большой эффект. Нарушался график движения, лихорадило всю железнодорожную службу. Пока фашисты прочесывали подступающий к дороге лес, в пути задерживались десятки эшелонов".

В 1944 году немцы построили на территории Краковского воеводства в Польше сверхсекретный полигон для испытания ракет ФАУ-1 и ФАУ-2 (ФАУ – от слова Vergeltungswaffe, что означает "орудие возмездия"). Полигон тщательно охраняли; для строительных работ привозили советских военнопленных, которых вскоре расстреливали, а взамен поставляли новую партию.

В июне того года партизаны обнаружили в лесу двух пленных, уцелевших во время расстрела; они рассказали о работах на охраняемом полигоне, и эти сведения Беренштейн отправил в Москву. В том же месяце У. Черчилль сообщил И. Сталину: "Гитлер начал применять свое секретное оружие против Лондона. Мы пережили шумную ночь... Жертвы за семь дней, в течение которых эта бомба применяется, составляют от десяти до одиннадцати тысяч".

В июле Черчилль направил Сталину новое секретное послание: "Имеются достоверные сведения о том, что в течение значительного времени немцы проводили испытания летающих ракет с экспериментальной станции в Дембице в Польше". Сталин ответил Черчиллю: "Необходимые указания относительно экспериментальной станции в Дембице мною даны", и Беренштейн получил команду установить точное место расположения полигона.

Это было невероятно сложное задание, и Беренштейн вспоминал впоследствии: "Был разработан оригинальный план действий – разведка веером. Из числа надежных польских граждан сформировали несколько разведгрупп, которые направлялись по всем железным, шоссейным и проселочным дорогам. Их задача состояла в том, чтобы проехать или пройти как можно дальше, пока не остановят немецкие патрули... А главное – запомнить название последней остановки, до которой они сумеют добраться... Когда я нанес на карту пункты, где путь разведчиков обрывался, и соединил их линией, получился квадрат... – почти в центре его

Дембица". Точное расположение секретного полигона было определено, и вскоре советские бомбардировщики уничтожили его.

Затем отряд Беренштейна совершил с боями стокилометровый марш, форсировал несколько рек и появился в восточной Словакии, где принимал участие в боевых действиях во время словацкого восстания. За годы войны отряд Беренштейна подорвал 42 железнодорожных эшелона противника, лично он пустил под откос восемь из них (награжден орденами и медалями, почетный гражданин четырех польских городов). И. Старинов, заместитель начальника Украинского штаба партизанского движения: "Такие командиры партизанских соединений, как Леонид Беренштейн, своими делами были достойны присвоения звания дважды Героя Советского Союза..." – "Но странно, я не знаю ни одного партизана-еврея, который бы по ходатайству получил звание Героя..."

На Украине звание Героя получили 95 партизан, в Белоруссии – 87, в Литве – 7, в Эстонии – 2; ни один партизан-еврей не стал за годы войны Героем Советского Союза.

4

Из семейной памяти:

"У мамы был младший брат, который значился по метрикам Шломо, но все называли его Сёма. Его послужной список таков: девятнадцать лет пошел на фронт, затем Сталинская бригада добровольцев-сибиряков, потом был заброшен к Ковпаку, ранен, выдан украинцами, бежал от немцев, опять ранен. У меня до сего дня сохранилась фотография – Калинин вручает ему орден Красного знамени. Когда десантников отправляли в тыл к врагу, то меняли красноармейские книжки. И стал мой дядя Семеном Александровичем Смородинским, русским по национальности. Говорил он без акцента (москвич), немножко чернявый, с шальными глазами; человек абсолютно бесшабашный, – земля ему пухом, – который и жил как свечка, зажженная с двух сторон, и сгорел на сорок втором году жизни.

Заслужил ордена и медали, вернулся домой и привел из партизанского отряда шестнадцатилетнюю девочку Марусю. Маруся сразу оценила обстановку и тут же поняла, что в этот дом не войдешь, не приняв еврейства. И стала ходить она к Шломо Шлиферу, к московскому раввину. Было это в сорок пятом году. Шлифер, должно быть, опасался провокаций, но она заставила, душу из него вытряхнула. Полагается отговаривать при этом, вот он и отговаривал, но она уперлась: "Хочу быть еврейкой, и всё!" Из глухой деревни, где базировался партизанский отряд, – так и стала Маруся еврейкой.

Была миква, хупа, родились мальчики, Саша и Гриша, которым сделали обрезание, хотя по паспорту они, конечно, числились русскими. И тут началось... В сорок восьмом году вызывают Сёму в милицию и говорят: "Что же вы документы-то подделали? Во-первых, не Семен Александрович, а Шлема Абрамович, а во-вторых, не русский, а еврей". Он им отвечает: "Это не я. Это армия", а они: "Тогда Родине нужно было, а теперь мы вас снова запишем, как надо". Очень болезненно он все это перенес...

Был он человек отчаянный, выкидывал разные фокусы. Мы с ним в те годы боялись по улицам ходить. Однажды садимся в автобус, дедушка-пенсионер и я, ребенок, а кто-то из толпы говорит: "Вон иерусалимские дворяне с передней площадки пошли". А Сёма в Сокольниках вырос, у него хватка сокольничья: чуть что – сразу в зубы. Он посадил нас в автобус, вытянул того из толпы – и головой об столб: "Иерусалимские дворяне, говоришь? А теперь знай сталинских жидов", – и уехал на автобусе... Живут теперь в Москве внуки Сёмы, русские хлопчики Смородинские..."

5

Комбриг Г. Иссерсон был до войны начальником кафедры оперативного искусства Академии Генерального штаба, одним из разработчиков теории "глубокой операции" – одновременного удара авиации, танков, подвижных моторизованных соединений и воздушных десантов в глубину обороны противника. Эта теория была принята на вооружение в Германии, но в Советском Союзе ее называли теорией "глубокого предательства", ее создателей репрессировали в годы "большого террора", их книги изъяли из обращения. Из воспоминаний Иссерсона: "Многих моих соавторов арестовали и расстреляли. Но я тогда уцелел, не знаю почему".

Учитывая тактику германского командования при захвате европейских стран и "фактор внезапности", которому немцы придавали огромное значение, Иссерсон утверждал в книге "Новые формы борьбы" (1940 год): "Фашистская Германия начнет войну внезапными ударами крупных сил авиации и глубоким вторжением танковых клиньев на узких участках с целью последующего окружения наших крупных группировок. Никакого периода мобилизации и планомерного наступления немецких войск, как это было в прошлом, не будет... Войска на границе необходимо держать в постоянной боевой готовности".

Иссерсон оказался прав. При нападении на Советский Союз немцы применили тот же метод, что и раньше, – внезапный, ошеломляющий прорыв танковых соединений и моторизованной пехоты при поддержке авиации и артиллерии. Через месяц после начала войны Иссерсон заявил на собрании в Академии Генерального штаба: если бы учли хотя часть его рекомендаций, то немцев остановили бы у Минска и не отдали Смоленск. На следующий день его арестовали, приговорили к десяти годам лагерей и к пяти годам ссылки; работал на медных рудниках Казахстана, затем в тайге Красноярского края, там же отбывал ссылку – рабочим в геологоразведочной партии, в 1955 году вернулся в Москву, ушел в отставку в чине полковника.

Из поздравлений Г. Иссерсону в день семидесятилетия: "Если бы Вас послушались в 1940–1941 годах! Как бывший Ваш воспитанник, смело говорю: ужаса войны не было бы. Я старался выполнить Ваши заветы – и сумел вывести свою 4-ю армию из окружения..." (генерал-полковник Л. Сандалов) – "Ваш вклад в развитие военной науки и военного искусства неоценим..." (министр обороны маршал А. Гречко) – "С большим удовлетворением читаю Ваши статьи о характере возможной будущей войны. Узнаю Ваши самостоятельные мысли, которые всегда восхищали нас в Академии Генштаба..." (маршал И. Баграмян) – "Вы сыграли огромную роль в подготовке нас к войне, один из первых увидели опасность, нависшую над страной. Вы – крупнейший военный теоретик России. Мне стыдно за тех, кто так жестоко и несправедливо поступил с Вами..." (маршал А. Василевский).

6

Раввин Ицхак Зильбер написал воспоминания о своей жизни, отрывки из которых перескажем в сокращенном виде (Казань, военные годы):

"Шла война. Страшная война. Я все чаще задумывался, что же станет с Торой. Найдутся ли среди нас лет через восемь-десять люди, разбирающиеся в Талмуде? Владеющие ивритом, арамейским языком? В России таких становится все меньше: кто расстрелян, кто в лагерях пропадает. Польское еврейство истреблено под корень. Миньян на молитву собрать еще можно, но людей, знающих весь Талмуд, стыдно сказать, даже в огромной Москве было только двое... Трудно было с хлебом в те годы, в сорок втором – сорок третьем. Тяжело вспоминать. Люди умирали от голода каждый день. Занимали очередь за хлебом с вечера и писали номера на руках; помню, однажды у меня был тысяча пятьсот какой-то. Я стоял, сколько мог, потом уходил на работу, а на мое место вставала мама. Она в семье больше всех стояла в очередях, держала в руке книжечку Теилим (Псалмов) и ждала хлеба... Как-то мама вернулась без хлеба. Когда подошла ее очередь, одна из эвакуированных, еврейка, закричала, что мама не стояла в очереди. Люди говорили, что она стояла, но та женщина все-таки вытолкала маму силой. И мы остались в этот день без хлеба. А кроме хлеба у нас вообще ничего не было, изредка – картошка. Она денег стоила. Минус недели две. Пришла какая-то женщина просить милостыню, и мама вынесла ей кусок хлеба. Женщина взяла хлеб, заплакала и ушла. Мама сказала мне: "Это та самая, что вытолкала меня из очереди". Они узнали друг друга... В начале войны наша община арендовала помещение у одного казанского жителя, и мы там молились. Каждый вечер мы с отцом приходили туда, с девяти до одиннадцати учили в уголке Тору. А на скамьях лежали больные люди, беженцы из разных городов, которым негде было ночевать. И все голодные. Мы бы дали им хлеба, но у самих не было. В тот вечер в синагоге находилось одиннадцать беженцев, все лежачие больные. Где-то после десяти входит высокий худой человек, берет сидур (молитвенник) и читает вечернюю молитву. Помолвившись, незнакомец оглядывается вокруг и выходит. Минут через двадцать возвращается с буханкой хлеба в руках. Килограмма два хлеба, не меньше. Целое состояние по тем временам! Подходит к одному лежащему, протягивает ему буханку и пятьдесят рублей (столько стоил

тогда килограмм картошки). Уходит, опять возвращается через двадцать минут – и второму дает то же самое. И так – всем. Кто это был? Может, пророк Элиягу? Он приходил и в другие вечера. Мы не знали, что и думать, а спрашивать было не принято. Любознательными были только доносчики... Потом узнали. Работая мельником, рабби Ицхак собирал мучную пыль, которая браковалась и в дело не шла. Пыли было много, и он выпекал из нее хлеб, строго по еврейским правилам. Этот хлеб рабби Ицхак раздавал людям. Многие богатели на мельничном деле, но рабби Ицхак остался бедняком – всё раздавал...

Зима сорок второго. В нашей комнате было так холодно, что вода в стакане замерзала. А воду, надо сказать, мы брали в уличной колонке, и отец часами простаивал в очереди. Мы с отцом занимались так: руки в рукавицах, пальто на голову... В комнатушку, где мы сидели, к отцу приходили люди с разными галахическими вопросами, а к матери приходили женщины. Особенно усердно мои родители занимались восстановлением мира между мужьями и женами. У некоторых пар дело шло туго, и все-таки родители их мирили... Многие польские евреи, попав в Россию, переставали соблюдать заповеди. Как можно здесь соблюдать что-то?.. Но когда они попадали в наш дом, видели евреев, которые соблюдают все заповеди, это их возвращало к соблюдению закона. Многие потом говорили мне: "Да знаешь ли ты, какой большой талмид-хахам (мудрец) твой отец?" Не меньшей поддержкой была для них мама, которая читала Теилим, стоя за хлебом в многочасовой очереди на морозе, а когда я приходил сменить ее, отсылала домой: "Если есть время, иди занимайся Торой"...

Свадьба моя состоялась в сорок пятом году, четырнадцатого элула. Реб Мордехай спросил, не боюсь ли я ставить хупу на улице: люди могут увидеть, а я только из-под ареста!.. Хупа под открытым небом символизирует пожелание: пусть потомство будет многочисленным, как звезды в небе. Я говорю: "Только на улице". Так и сделали.

До сих пор помню речь реб Мордехая Дубина на этой свадьбе. Он привел слова из Талмуда: "Шел путник по пустыне, и путь его был труден. Но вот набрел он на плодовое дерево. Стоит оно у чистого родника, и плоды его освежают. Поел путник плодов, напился воды и обращается к дереву: "Дерево-дерево, какое дать тебе благословение? Чтобы ты росло у воды – ты и так растешь у воды. Чтобы плоды были хороши – они и так хороши. Я тебе дам благословение, чтобы всё, что от тебя произрастет, обитало в таких же условиях". Этого рав мне и пожелал: хороших детей, верных вере отцов. Что скажете? По-моему, сбылось".

***

В Европе шла война. Средиземное море стало зоной военных действий. Мало кто решался по нему плавать, опасаясь мин и вражеских торпед, и лишь еврейские беженцы отваживались плыть к берегам Эрец Исраэль, чтобы спастись от уничтожения. Зимой 1940 года два корабля из Румынии привезли 1500 беженцев, еще два корабля – 3400, еще два – 1700 человек. В декабре 1941 года корабль "Струма" отплыл из румынского порта Констанца, – вернее, это был не корабль, а старое обветшалое судно для перевозки грузов по реке Дунай. На борту "Струмы" находилось 769 беженцев, среди них много женщин и около ста детей. Они оказались в Стамбуле, в нейтральной Турции, но турецкие власти не позволили пассажирам сойти на берег: они опасались, что англичане не дадут этим людям разрешения на въезд в Эрец Исраэль, и не желали оставлять их на своей земле. Семьдесят дней шли переговоры, но пассажиров не выпускали на пристань; они ждали в трюмах и на палубе корабля в невероятной тесноте, в невыносимых условиях, а еврейская община Стамбула снабжала их продовольствием. Кончилось тем, что англичане не позволили беженцам поселиться в Эрец Исраэль, и турецкие власти распорядились отбуксировать "Струму" в Черное море – практически без продовольствия, без воды, с неисправным двигателем. На другой день, 24 февраля 1942 года раздался взрыв, и корабль за несколько минут погрузился в воду неподалеку от турецких берегов. Погибли 768 человек, спасся лишь девятнадцатилетний юноша, который вспоминал впоследствии: "Я видел женщин, которые кричали и плакали в воде. Видел мужчин, которые кричали и плакали. Но детей я не видел... Вода была холодной. Ночью можно было разглядеть огни берега. Меньше криков. Меньше людей..." (Во время стоянки в Стамбуле пятьдесят детей

получил право на въезд в подмандатную Палестину, однако с корабля их не сняли, и они утонули вместе со всеми.)

Долгое время предполагали, что корабль натолкнулся на мину, но в 1978 году в издательстве Министерства обороны СССР вышла книга "Черноморцы в Великой Отечественной войне". В ней сказано: "Подводная лодка "ИЩ-213" (командир капитан-лейтенант Д. Денежко, военком политрук А. Родимцев) с рассветом 24-го февраля обнаружила вражеский транспорт "Струма" водоизмещением около семи тысяч тонн, шедший без охранения. Транспорт был атакован из подводного положения с дистанции шесть кабельтовых. Торпеда достигла цели, и вскоре транспорт затонул. Особенно отличились старшины В. Жернов, Г. Носов, торпедист краснофлотец И. Филатов".

ОТ АВТОРА – послесловием к прочитанному

У каждого народа своя память. У каждого народа своя историческая хронология. У каждого народа свои памятные даты, отличные от дат других народов. Мы можем веселиться по радостному для нас поводу, а другие будут горевать в тот же день, отмеченный черной рамкой в их календаре. И наоборот: они станут веселиться в свой день, а мы будем плакать. У каждого народа – свои даты, свои слезы и своя радость... Вот, например, спросите меня, спросите тех, кто жил тогда в Советском Союзе: когда началась для нас та война? И мы ответим без промедления: 22 июня 1941 года. Дата, выжженная навечно в памяти очевидцев. И что нам с того, что нерадивый школьник получит двойку по истории, не запомнив этот день? Мы-то знаем точно, нам и напрягаться не надо, будем помнить до конца, до глубокого склероза: 22 июня 1941 года. Когда мир перевернулся, и всё стало иным...

Спросите меня теперь, спросите очевидцев: когда закончилась для нас та война? Кто это позабудет?.. Победа, первая, быть может, победа в жизни того поколения над истинным, а не выдуманным врагом, словно победили не только фашизм, но всю несправедливость на свете, и будет теперь по-иному, будет теперь чисто, честно, справедливо, – ради чего иначе такие немислимые жертвы? В первый день мира С. Михоэлс провозглашал на газетной странице: "Знайте – сегодня победили те, чьи сердца полны счастья и радости. Победили мы! Люди! Победил человек!.." Люди ходили по улицам в День победы, пили, пели, обнимались, плакали от радости и плакали от горя, потому что многие не дожили до этого дня, о многих было еще неизвестно – где они, что с ними. И прошел День победы, и месяц, и год, но долго еще жены и матери получали похоронные сообщения, в которых было сказано: "ваш сын (или ваш муж) пал смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими захватчиками...", пропал без вести "ваш сын (или ваш муж)..."

Я помню еще мальчишкой, как в Москве, перед Большим театром, собирались в День победы бывшие бойцы и командиры, выжившие в той войне и победившие. Я вырослел, а они старели и уходили по одному, и с каждым годом, с каждым Днем победы их становилось всё меньше и меньше – тех, кто приходил в этот день к Большому театру. И прошло еще время, много времени, все похоронки давно были разосланы, все надежды потеряны, но кто-то еще помнил, кто-то вспоминал в сумасшедшей, невозможной почти надежде до конца дней своих: эхо войны, след той войны – шрамом в душе и шрамом на памяти...

Библиография

А. Абрамович.

"В решающей битве. Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма". Изд. "Деан", С.-Петербург, 1999 г.

Л. Авербух
"Рассекреченные судьбы". Одесса, 1999 г.

А. Авторханов.
"Технология власти". Изд. "Посев", Франкфурт-на-Майне, 1976 г.

Я. Агарунов.
"Большая судьба маленького народа". Изд. "Чоро", Москва, 1995 г.

Д. Азриэли.
"На шаг впереди. Мемуары: 1939–1950". Изд. "Яд ва-Шем", Иерусалим, 2002 г.

М. Александрович.
"Я помню..." Изд. "Прогресс", Москва, 1992 г.

И. Альтман.
"Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945 гг." Изд. фонда "Ковчег", "Коллекция – совершенно секретно", Москва, 2002 г.

П. Антокольский.
"Третья книга войны". Изд. "Советский писатель", Москва, 1946 г.

И. Арад.
"Холокост. Катастрофа европейского еврейства (1933–1945). Сборник статей". Изд. Яд ва-Шем, Иерусалим, 1990 г.

П. Асташенков.
"Дерзкие старты. Об авиаконструкторе дважды Герое Социалистического труда С. А. Лавочкине". Издательство политической литературы, Москва, 1976 г.

С. Атамукас.
"Евреи в Литве". Изд. акционерного общества "Литуанус", Вильнюс, 1990 г.

Ф. Баазова.
"Прокаженные". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1980 г.

М. Бакальчук-Фелин.
"Воспоминания еврея-партизана". Изд. "Возвращение", Москва, 2003 г.

М. Бар-Зохар.
"Бен-Гурион. Биография". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1985 г.

М. Бегин.
"В белые ночи". Изд. "Гешарим", Иерусалим–Москва, 1991 г.

Л. Беренштейн.
"Люди из легенды". Израиль, 2003 г.

А. Блюм.
"Еврейский вопрос под советской цензурой". Изд. Петербургского еврейского университета, С.-Петербург, 1996 г.

С. Боровой.
"Воспоминания". Изд. Еврейский университет – "Gesharim", Москва–Иерусалим, 1993 г.

А. Быстряков.
"Евреи Екатеринослава – Днепропетровска, XX век". Изд. "Арт-пресс", Днепропетровск, 2002 г.

Л. Бычков.
"Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны". Изд. "Мысль", Москва, 1965 г.

Б. Вайсберг.
"Очерки об известных евреях Екатеринбурга", книга четвертая. Изд. газеты "Штерн", Екатеринбург, 1997 г.

Д. Вайсерман.
"Биробиджан: мечты и трагедия". Изд. "Риотип", Хабаровск, 1999 г.

А. Ваксберг.
"Сталин против евреев". Изд. "Liberty Publishing house", Нью-Йорк, 1995 г.

Х. Вейцман.
"В поисках пути". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1983 г.

"Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945"
. Военное издательство Министерства обороны СССР, Москва, 1967 г.

"Великая Отечественная война. 1941–1945"
. Издательство политической литературы, Москва, 1970 г.

"Великий подвиг. Фотоальбом"
. Издательство политической литературы, Москва, 1966 г.

"Вестник Еврейского университета в Москве"
, выпуски 1-21. Москва–Иерусалим, 1992–2000 гг.

Н. Вовси-Михоэлс.
"Мой отец Соломон Михоэлс". Изд. "Возвращение", Москва, 1997 г.

Д. Волкогонов.
"Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина". Изд. Агентства печати
"Новости", Москва, 1989 г.

Д. Волкогонов.
"Троцкий". Изд. "Новости", Москва, 1999 г.

Д. Волкогонов.
"Этюды о времени". Изд. "Новости", Москва, 1998 г.

А. Вольфсон.
"Евреи Уралмаша в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг." Изд. газеты
"Штерн", Екатеринбург, 1998 г.

М. Восленский.
"Номенклатура". Изд. "Overseas Publications", Лондон, 1985 г.

М. Гейзер.
"Соломон Михоэлс". Изд. "Прометей" МГПИ, Москва, 1990 г.

Е. Гнедин.
"Из истории отношений между СССР и фашистской Германией". Изд. "Хроника", Нью-Йорк, 1977 г.

"Говорят погибшие герои"
. Государственное издательство политической литературы, Москва, 1963 г.

М. Гонтмахер.
"Евреи на донской земле". Изд. "Ростиздат", Ростов-на Дону, 1999 г.

Т. Горяева.
"Политическая цензура в СССР. 1917–1991". Изд. "Росспэн", Москва, 2002 г. Н. Громова,

"Все в чужое глядят окно"
. Изд. "Коллекция – совершенно секретно", Москва, 2002 г.

С. Гудзенко.
"Избранные стихи". Изд. "Правда", Москва, 1953 г.

И. Гутман, Х. Шацкер.
"Катастрофа и ее значение". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1990 г.

Б. Двинов.
"Власовское движение в свете документов". Нью-Йорк, 1950 г.

"Десять років єврейського національного відродження в пострадянських країнах"
. Изд. Института иудаики и Национальной библиотеки Украины, Киев, 2001 г.

М. Джилас.

"Разговоры со Сталиным". Изд. "Посев", Франкфурт-на-Майне, 1970 г.

"Документы по истории и культуре евреев в архивах Москвы. Путеводитель"
. Москва, 1997 г.

С. Дубнов.

"Всемирная история еврейского народа от древнейших времен до настоящего времени, в десяти томах", том 10. Изд. "Dzive un kultura", Рига, 1938 г.

Ю. Дяков, Т. Бушуева.

"Фашистский меч ковался в СССР". Изд. "Советская Россия", Москва, 1992 г.

"Евреи Беларуси. История и культура"
, выпуски 3-6. Минск, 1998–2001 гг.

"Евреи – Герои Советского Союза"
, автор-составитель Г. Шапиро. Тель-Авив, 1982 г.

"Евреи Крыма. Очерки истории"
. Изд. "Мосты", Симферополь–Иерусалим, 1997 г.

"Евреи в советской России. 1917–1967"
. Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1975 г.

"Евреи Петербурга. Три века истории"
, компьютерный альбом на двух компакт-дисках. Изд. "World ORT Union", С.-Петербург, 2000 г.

"Евреи Украины. Краткий очерк истории"
, часть 2. Киев, 1995 г.

"Еврейские народные песни"

. Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1947 г.

"Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история"
. Изд. "Международные отношения", Москва, 1996 г.

"Еврейский мир"
, сборник. Изд. Союза русских евреев, Нью-Йорк, 1944 г.

"Еврейский народ в борьбе против фашизма"
. Государственное издательство "Дер Эмес", Москва, 1945 г.

"Еврейский самиздат"
, тома 9 и 14. Изд. Еврейского университета, Иерусалим, 1975 и 1978 гг.

"Еврейство Палестины – народам СССР. Сборник Лиги V"
. Палестина, 1943 г.

Г. Ерусалимчик.
"Разные судьбы – общая судьба. Из истории евреев Челябинска". Изд. Т. Лурье, Челябинск, 1999 г.

Г. Жуков.
"Воспоминания и размышления". Изд. Агентства печати "Новости", Москва, 1971 г.

"Запорожские еврейские чтения"
, выпуски 1-4. Изд. Запорожского государственного университета, Запорожье, 1998–2000 гг.

А. Зускина-Перельман.
"Путешествие Вениамина. Размышления о жизни, творчестве и судьбе еврейского актера Вениамина Зускина". Изд "Гешарим-Мосты культуры", Иерусалим–Москва, 2002 г.

Э. Иоффе.
"По достоверным источникам. Евреи в истории городов Беларуси". Изд. "Четыре четверти", Минск, 2001 г.

Э. Иоффе.

"Страницы истории евреев Беларуси". Минск, 1996 г.

"История евреев СССР в документах Государственного архива Российской Федерации.
Каталог выставки в Еврейской национальной библиотеке"
. Иерусалим, 1993 г.

А. Итай, М. Нейштат.

"Через три подполья". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1976 г.

Я. Карасин.

"Евреи города Тукумс, Латвия" (на правах рукописи). Израиль, 2001 г.

В. Киселев.

"Партизанская разведка". Изд. Белорусского университета, Минск, 1980 г.

А. Кларк.

"План "Барбаросса" Крушение Третьего рейха. 1941–1945". Изд. "Центрополиграф",
Москва, 2002 г.

"Книга о русском еврействе. 1917–1967"

. Изд. Союза русских евреев, Нью-Йорк, 1968 г.

А. Ковнер.

"Книга свидетельств". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1989 г.

К. Колесникова.

"Еврейские страницы в истории Корсунщины". Корсунь-Шевченковский, 1999 г.

Р. Конквест.

"Большой террор". Изд. "Edizioni Auogo" Флоренция, 1974 г.

"Корни. Вестник Народного университета еврейской культуры в Центральной России и
Поволжье"

, выпуски 3-6. Изд. "Еврейский мир", Саратов – Нижний Новгород, 1995–1996 гг.

Р. Корчак.

"Пламя под пеплом". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1977 г.

М. Коршунов, В. Терехова

, "Тайны и легенды Дома на набережной". Изд. "Слово", Москва, 2002 г.

Г. Костырченко.

"В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие". Изд. "Международные отношения", Москва, 1994 г.

Г. Костырченко.

"Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм". Изд. "Международные отношения", Москва, 2001 г.

"Красная звезда"

, изд. "Красная звезда", Москва, 1983 г.

Краткая еврейская энциклопедия

, тома 1-10, дополнительные тома 1-3. Изд. Общества по исследованию еврейских общин, Иерусалим, 1976–2003 гг.

"Кто был кто в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Краткий справочник"

. Изд. "Республика", Москва, 1995 г.

А. Лабезников.

"Радостные песни". Изд. "Крона", Тель-Авив, 1987 г.

В. Левитина.

"Еврейский вопрос и советский театр". Иерусалим, 2001 г.

В. Леонгард.

"Революция отвергает своих детей". Изд. "Overseas Publications", Лондон, 1984 г.

В. Леонгард.
"Шок от пакта между Гитлером и Сталиным". Изд. "Overseas Publications", Лондон, 1989 г.

"Литва. Краткая энциклопедия"
. Главная редакция энциклопедий, Вильнюс, 1989 г.

"Литовский Иерусалим в иллюстрациях и документах"
, в двух томах. Нью-Йорк, 1974 г.

"Людские потери СССР в Великой Отечественной войне"
. Изд. Российской Академии наук, С.-Петербург, 1995 г.

Е. Ляйтнер.
"Спасение Торы из огня Катастрофы". Изд. "Швут ами", Иерусалим, 1991 г.

Н. Мандельштам.
"Воспоминания". Изд. имени Чехова, Нью-Йорк, 1970 г.

Н. Мандельштам.
"Вторая книга". Изд. "Ymca-Press", Париж, 1978 г.

Ю. Марголин.
"Несобранное". Израиль, 1975 г.

Ю. Марголин.
"Путешествие в страну Зэ-ка". Изд. "Маоз", Тель-Авив, 1997 г.

П. Маркиш.
"Стихотворения и поэмы". Государственное издательство художественной литературы,
Москва, 1945 г.

С. Маршак.
"Стихи – сказки – переводы". Государственное издательство художественной литературы,
Москва, 1955 г.

"Материалы девятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы"
. Москва, 2002 г.

Л. Мининберг.
"Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941–1945 гг.)" Изд. "Иц-Гарант", Москва, 1995 г.

"Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Воспоминания о Михоэлсе"
. Изд. "Искусство", Москва, 1965 г.

А. Мише.
"Черновой вариант". Иерусалим, 1994 г.

"Мой путь в Израиль"
. Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1977 г.

"На огненной земле. Герои Советского Союза – евреи в сражениях за Севастополь"
. Севастополь, 1999 г.

"Неизвестная Россия, век"
, тт. 2-3. Изд. "Историческое наследие", Москва, 1992–1993 гг.

"Неизвестная "Черная книга"
. Изд. Яд ва-Шем и Государственный архив РФ, Иерусалим–Москва, 1993 г.

Д. Ортенберг.
"Июнь-декабрь сорок первого". Изд. "Советский писатель", Москва, 1984 г.

Д. Ортенберг.
"Год 1942". Издательство политической литературы, Москва, 1988 г.

"Отчизна. Избранные стихи о родине русских поэтов от Ломоносова до Маяковского"
. Изд. "Молодая гвардия", Москва, 1944 г.

"Очерк истории еврейского народа
. Под редакцией проф. Ш. Эттингера", том 2. Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1976 г.

"Павел Коган"
. Изд. "Молодая гвардия", Москва, 1966 г.

А. Панченко.
"О русской истории и культуре". Изд. "Азбука", С.-Петербург, 2000 г.

"Партизанская дружба"
. Изд. "Дер Эмес", Москва, 1948 г.

Л. Первомайский.
"День рождения". Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1943 г.

Т. Перельштейн (Рубман).
"Помни о них, Сион..." Иерусалим, 2003 г.

"Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг." , в двух томах. Государственное издательство политической литературы, Москва, 1958 г.

Н. Петровский.
"Богдан Хмельницкий". Военное издательство народного комиссариата обороны, Москва, 1944 г.

И. Пилат.
"Из истории еврейства Молдовы". Кишинев, 1990 г.

"Подольский еврейский альманах"
, выпуски 1-2. Винница, 2001–2002 гг.

"Против нацистского врага"

, том IV (в трех книгах). Изд. Союза воинов и партизан – инвалидов войны с нацистами, Иерусалим, 1999 г.

В. Рапопорт, Ю. Алексеев.
"Измена родине". Изд. "Overseas Publications", Лондон, 1989 г.

Е. Ржевская.
"Геббельс. Портрет на фоне дневника". Изд. "Слово", Москва, 1994 г.

Российская еврейская энциклопедия
, тт. 1-3. Изд. Российской академии естественных наук, Российско-израильского энциклопедического центра "Эпос", Москва, 1994–2000 гг.

"Россия и СССР в войнах века. Потери вооруженных сил"
. Изд. "Олма-пресс", Москва, 2001 г.

Ф. Свердлов
, "В строю отважных. Очерки о евреях – Героях Советского Союза". Изд. "Книга и бизнес", Москва, 1992 г.

Ф. Свердлов.
"Евреи – генералы вооруженных сил СССР. Краткие биографии". Москва, 1993 г.

Ф. Свердлов.
"Подвиги солдат-евреев в боях. Год 1941". Москва, 1994 г.

Ф. Свердлов.
"Солдатская доблесть. Очерки о воинах-евреях – полных кавалерах ордена Славы". Изд. "Книга и бизнес", Москва, 1992 г.

Ф. Свердлов.
"Энциклопедия еврейского героизма". Москва, 2002 г.

М. Светлов.
"Стихотворения и поэмы". Изд. Советский писатель", Москва–Ленинград, 1966 г.

С. Свяневич.

"В тени Катыни". Изд. "Overseas Publications", Лондон, 1989 г.

И. Сегаль.

"Лесной скиталец". Изд. "Мория", Израиль, 2001 г.

И. Сегаль.

"Утерянные ключи. Книга воспоминаний". Библиотечка газеты "Гарбут", Самара, 1999 г.

И. Сельвинский.

"Избранные произведения". Изд. "Советский писатель", Ленинград, 1972 г.

Б. Слуцкий.

"Теперь Освенцим часто снится мне..." Изд. журнала "Нева", С.-Петербург, 1999 г.

И. Слуцкий.

"Хагана – еврейская боевая организация в Эрец Исраэль", книга 2. Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1979 г.

С. Смирнов.

"Брестская крепость". Изд. "Художественная литература", Москва, 1970 г.

Г. Смоляр.

"Мстители гетто". Изд. "Дер Эмес", Москва, 1947 г.

"Советские евреи пишут Илье Эренбургу, 1943–1966"

. Изд. Еврейского университета в Иерусалиме и Яд ва-Шем, Иерусалим, 1993 г.

"Советский тыл в Великой Отечественной войне"

, книга вторая. Изд. "Мысль", Москва, 1974 г.

"Советско-израильские отношения. Сборник документов. Том 1. Книга 1. 1941 – май 1949"

. Изд. "Международные отношения", Москва, 2000 г.

Б. В. Соколов.
"Оккупация. Правда и мифы". Изд. "Аст-пресс книга", Москва, 2002 г.

Б. В. Соколов.
"В плену". Изд. "Цитадель", С.-Петербург, 2000 г.

"Солдаты невидимого фронта"
. Изд. МОФ "Победа – 1945 год", Москва, 1994 г.

"СС в действии. Документы о преступлениях СС"
. Изд. "Светотон", Москва, 2000 г.

"СССР – Германия, 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г."
Изд. "Mokslas", Вильнюс, 1989 г.

"СССР – Германия, 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г."
Изд. "Mokslas", Вильнюс, 1989 г.

Д. Стефан.
"Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945". Изд. "Слово", Москва, 1992 г.

"Страна обретается страданиями. Альбом узников Сиона из Советского Союза"
(на иврите). Изд. Организации узников Сиона из СССР, Тель-Авив, 1995 г.

В. Тамаркин.
"Это было не во сне". Журналистское издательское агентство "ЖАГ-ВМ". Москва–Иерусалим, 2002 г.

Л. Треппер.
"Большая игра". Liberty Publishing House, Нью-Йорк, 1989 г.

Л. Троцкий.
"Сталин". Изд. "Терра"–Политиздат, Москва, 1990 г.

И. Уткин.
"Стихотворения и поэмы". Изд. "Советский писатель", Москва, 1966 г.

И. Уткин.
"Я видел сам". Изд. "Советский писатель", Москва, 1942 г.

Э. Файн.
"По дорогам, не нами выбранным". Изд. "Overseas Publications", Лондон, 1990 г.

И. Финкельштейн.
"Книга мужества и скорби. Евреи Винницы в годы Великой Отечественной войны", выпуск 1-ый. Винница, 1999 г.

И. Фисанович.
"История "Малютки". Воениздат, Москва, 1956 г.

Н. Хрущев.
"Воспоминания. Избранные отрывки". Изд. "Chalidze Publications", Нью-Йорк, 1979 г.

Ш. Цейтлин.
"Документальная история евреев Риги". Израиль, 1989 г.

"Черная Книга"
, под редакцией В. Гроссмана и И. Эренбурга. Изд. Яд ва-Шем, Израильский институт исследования современного общества, "Тарбут", Иерусалим, 1980 г.

Ф. Чуев.
"Молотов". Изд. "Олма-пресс", Москва, 2000 г.

"Шолом, Владикавказ!"
Изд. "Проект-Пресс", Владикавказ, 2000 г.

С. Шварц.
"Антисемитизм в Советском Союзе". Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1952 г.

А. Шнеер.
"Плен", в двух томах. Иерусалим, 2003 г.

А. Штерншис.
"Советский еврейский песенный фольклор". Общество "Еврейское наследие", Москва, 1996 г.

"Штетл" як феномен єврейської історії
, матеріали конференції 1998 г. Київ, 1999 г.

И. Эренбург.
"Люди, годы, жизнь", тт. 2-3. Изд. "Советский писатель", Москва, 1990 г.

Ирина Эренбург.
"Разлука. Воспоминания. Дневник". Израиль, 1998 г.

А. Яковлев.
"Омут памяти". Изд. "Вагриус", Москва, 2000 г.

А. Яков.
"Евреи в Кыргызстане". Бишкек, 2000 г.

С. Яров.
"Новейшая история России. 1917–1991". Изд. "Неотэкс", С.-Петербург, 1998 г.

Л. Яруцкий.
"Евреи Приазовья". Мариуполь, 1996 г.

D. Levin.
"Baltic Jews under the Soviets. 1940–1946". Изд. Еврейского университета в Иерусалиме, 1994 г.

Газеты, еженедельники и журналы:

"Альманах", Шанхай, 1933–1934 гг. "Вести", Израиль, 2003 г. "Вестник" N 1, Москва, 1995 г. "Возрождение" N 12, Иерусалим, 1990 г. "Егупец" N 10, Киев, 2002 г. "Иерусалимский журнал" N 9, Иерусалим, 2001 г. "Мишпоха", Витебск, 1998, 2002 гг. "Новости недели", Тель-Авив, 1997 г. "Новый журнал", Нью-Йорк, 1949 г. "Отечественные архивы", Москва, 1992, 1995, 2002 гг. "Правда", Москва, 1936, 1941 гг. "Русская мысль", Париж, 1999–2003 гг. "Советские архивы", Москва, 1990–1991 гг. "Трибуна", Москва, 1933, 1935 гг. "Jews in Eastern Europe", изд. Еврейского университета в Иерусалиме, 1995, 2001 гг.